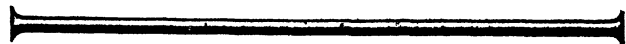

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ВИКТОР ГЮГО

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В 15 ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1954

ВИКТОР ГЮГО

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

МАРИЯ ТЮДОР

АНДЖЕЛО,
ТИРАН ПАДУАНСКИЙ

РЮИ БЛАЗ

ТОРКВЕМАДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1954

Издание осуществляется под редакцией

В. Н. Николаева, А. И. Пузикова,

М. С. Трескунова

Перевод с французского

МАРИЯ ТЮДОР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восторг зрителей в театре можно вызвать двумя способами: посредством великого и посредством правдивого. Великое захватывает массы, правдивое — отдельные личности.

Драматург, независимо от совокупности его взглядов на искусство, должен прежде всего стремиться к великому, подобно Корнелю, или к правдивому, подобно Мольеру; или — и тогда это будет высочайшей вершиной, которой может достигнуть гений, — сочетать великое и правдивое, найдя великое в правдивом и правдивое в великом, по примеру Шекспира.

Шекспиру было дано — и в этом превосходство его гения — неустанно примирять, сочетать, соединять в своих творениях два эти качества, правдивое и великое, которые почти противоположны или столь различны, что отсутствие одного из них порождает противоположность другого. Опасность для правдивого таится в мелком, опасность для великого — в фальшивом. Во всех произведениях Шекспира заключено великое, которое является правдивым, и правдивое, являющееся великим. В центре всех его творений есть точка пересечения великого и правдивого; и там, где великое и правдивое сталкиваются, искусство достигает совершенства. Шекспир, подобно Микель-Анджело, повидимому был рожден для разрешения этой необычайной задачи, простая формулировка которой кажется абсурдом: всегда оставаться в пределах природы, но иногда выходить из них. Шекспир преувеличивает размеры, но сохраняет соотношения. Дивное всемогущество поэта! Создания его выше нас, но живут они, как мы. Гамлет, например, так же правдив, как любой из нас, но он более велик. Гамлет грандиозен, но вместе с тем реа-

лен. Гамлет это не вы, не я, — это мы все. Гамлет не какой-то определенный человек, он человек вообще.

Неустанно выявлять великое через правдивое и правдивое через великое — такова, по мнению автора этой драмы, цель поэта, творящего для театра, и она находится в полном соответствии с мыслями, которые ему приходилось высказывать по этому вопросу в других произведениях. *Великое и правдивое* — в этих двух словах заключается все. Правда содержит в себе мораль, величие — красоту.

Автор не хотел бы, чтоб его заподозрили в самомнении. Он отнюдь не считает, что ему когда-нибудь удавалось или удастся достигнуть желанной цели. Но пусть ему позволят публично заявить, что до сей поры он как драматург всегда стремился к ней одной. Новая драма, недавно вышедшая на сцену, является новой попыткой к достижению этой высокой цели. Какую же мысль хотел выразить автор в «Марии Тюдор»? Он хотел показать королеву, которая одновременно была бы женщиной: великая, как королева, и подлинная женщина.

Автор уже говорил в другом месте, что драма в его понимании, драма в том виде, в каком он хотел бы, чтобы ее создал гений, драма в духе XIX века, — это не высокопарная трагикомедия Корнеля, растянутая, испанская и величественная; это не отвлеченная трагедия Расина, любовная, идеальная и скромно-элегическая; это не глубокая комедия Мольера, прозорливая и захватывающая, но беспощадно ироническая; это не философическая трагедия Вольтера; это и не комедия Бомарше с ее революционным действием; она не выходит за пределы всего перечисленного и вместе с тем целиком включает его; вернее, она представляет собой нечто совершенно новое. В отличие от созданий этих великих драматургов, она не берет только одну сторону явлений, систематически и постоянно освещая ее, а рассматривает их одновременно со всех сторон.

Если бы в настоящее время нашелся человек, который мог бы создать драму в нашем понимании, — этой драмой было бы человеческое сердце, человеческий мозг, человеческие страсти, человеческая воля; это было бы прошлое, воскрешенное на пользу настоящему; это была бы история, которую творили наши предки, сопоставленная

с историей, которую творим мы; это было бы смешением на сцене всего, что смешивается в жизни; это был бы мятеж с одной стороны и любовный разговор — с другой, и любовный разговор звучал бы уроком народу, а мятеж — криком сердца; это был бы смех; это были бы слезы; это было бы добро, зло, высокое, низкое, рок, провидение, гений, случай, общество, мир, природа, жизнь; и над всем этим мы ощущали бы парение чего-то великого!

В такой драме, которая служила бы для толпы постоянным уроком, все было бы дозволено, ибо по самой своей сущности она исключала бы всякое злоупотребление. Она заслужила бы известность своей честностью, возвышенностью, поучительностью и добросовестностью, и никто не мог бы обвинить ее в стремлении к эффектам и трескучести там, где единственной ее целью были бы мораль и поучение. Она могла бы, не вызывая подозрений, привести Франциска Первого к Магелоне; она могла бы, не смущая самых строгих, вложить в сердце Дидье жалость к Марьон; она избежала бы обвинений в напыщенности и преувеличении, каким подвергся автор «Марии Тюдор», если бы широко развернула на сцене, во всей его ужасающей действительности, тот грозный треугольник, который так часто возникал в истории, — королева, фаворит, палач.

Человеку, который сможет создать такую драму, нужны два качества: совесть и гений. Автор этих строк сознает, что ему присуще только первое из них. Однако он будет продолжать начатое им в надежде, что явятся другие, которые достигнут большего. В наше время публика, все глубже приобщаясь к просвещению, относится сочувственно ко всем серьезным начинаниям в искусстве. Возвышенный подход критики помогает поэту и ободряет его. С судьями другого рода не стоит считаться. Пусть же явится поэт! Что касается автора этой драмы, уверенного, что будущее принадлежит прогрессу, убежденного в том, что, несмотря на недостаток таланта, его настойчивость рано или поздно ему зачтется, то он ясным, доверчивым и спокойным взглядом взирает на толпу, которая каждый вечер уделяет этому столь несовершенному произведению так много любопытства, настороженного сочувствия и внимания. В присутствии этой толпы он чувствует лежащую на нем ответственность и спокойно принимает ее на

себя. Работая, он ни на одно мгновение не упускает из виду народ, который театр просвещает, историю, которую театр разъясняет, человеческое сердце, которым театр руководит. Завтра он расстанется с оконченным произведением, чтобы приступить к новому; он покинет толпу, чтобы возвратиться в свое уединение — в то полное уединение, куда не проникают извне никакие дурные влияния, куда юность, его подруга, заглядывает порой, чтобы пожать ему руку, где он пребывает наедине со своей мыслью, где он независим и предоставлен собственной воле. Более, чем когда-либо, ему будет дорого его уединение, потому что только в уединении можно работать для масс. Более, чем когда-либо, его ум, его творение, его мысль будут свободны от влияния группировок; потому что ему известно нечто большее, чем группировки, — это партии, нечто большее, чем партии, — народ и, наконец, нечто большее, чем народ, — человечество.

17 ноября 1833

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мария, королева.

Джен.

Гильберт.

Фабиано Фабиани.

Симон Ренар.

Джошуа Фарнеби.

Еврей.

Лорд Клинтон.

Лорд Чендос.

Лорд Монтегью.

Мэтр Энеас Делвертон.

Лорд Гардинер.

Тюремщик.

Вельможи, пажи, стража, палач.

Лондон — 1553.

ЧЕЛОВЕК ИЗ НАРОДА

Берег Темзы Пустынная набережная Полуразрушенный парапет скрывает от зрителя реку Направо — убогий дом На углу его — небольшая статуя богоматери, у подножия которой горит лампада за железной решеткой В глубине, по ту сторону Темзы, виден Лондон Можно различить два высоких здания — Тоуэр и Вестминстер. Начинает смеркаться.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несколько человек, разбившись на группы, стоят на набережной. Среди них Симон Ренар, Джон Бриджес, барон Чендос; Роберт Клинтон, барон Клинтон, Энтони Броун, виконт Монтегью

Лорд Чендос. Вы правы, милорд. Этот проклятый итальянец совсем околдовал королеву. Она не может обойтись без него. Только им она живет, только его и слушает. В нем одном вся ее радость. Стоит ей день не видеть его, и в глазах ее появляется томное выражение, как в те времена, когда она любила кардинала Пола, помните?

Симон Ренар. Это правда. Она безумно влюблена — и потому безумно ревнует.

Лорд Чендос. Итальянец приворожил ее!

Лорд Монтегью. Недаром говорят, что его соотечественники владеют секретом любовного напитка.

Лорд Клинтон. Итальянцы искусны по части любовных напитков, испанцы — по части смертельных ядов.

Лорд Чендос. Если так, то Фабиани — помещь итальянца с испанцем. королева влюблена и больна. Он опоил ее обоими зельями.

Лорд Монтегью. Но кто же он, в самом деле, — испанец или итальянец?

Лорд Чендос. Родился он, повидимому, в Италии, в Капитанате, а воспитывался в Испании. Утверждает, будто связан узами родства с одним знатным испанским родом. Лорду Клинтону все это известно досконально.

Лорд Клинтон. Авантюрист! Он не испанец, и не итальянец, и, слава богу, не англичанин. Эти люди без родины, добившись могущества в какой-нибудь стране, не знают жалости к ней.

Лорд Монтегью. Вы говорите, Чендос, королева больна? Однако это не мешает ей развлекаться со своим возлюбленным.

Лорд Клинтон. Развлекаться! Развлекаться! Королева смеется, народ плачет, а временщик набивает себе брюхо. Этот человек пожирает серебро и поглощает золото! Королева подарила ему поместья лорда Толбота, великого лорда Толбота! Королева пожаловала ему титул графа Кленбрассила и барона Динасмонди — ему, этому Фабиано Фабиани, который выдает себя за потомка испанского рода Пеньяльвер, но, конечно, лжет! Он пэр Англии, как вы, Монтегью, как вы, Чендос, как Стенли, как Норфольк или я, как сам король! Он кавалер ордена Подвязки, подобно инфанту португальскому, королю датскому и Томасу Перси, седьмому графу Нортемберлендскому! А какова тирания этого деспота, правящего нами со своей постели! Никогда еще Англия не испытывала такого гнета. Между тем мне немало довелось видеть на своем долгом веку. В Тайберне воздвигнуто семьдесят новых виселиц! Костры пылают непрерывно, не успевая превратиться в золу! Каждое утро оттачивается топор палача и к вечеру снова становится тупым. Дня не проходит, чтобы не казнили какого-нибудь вельможу. Позавчера — Блентайр, вчера — Норткерри, сегодня — Соут-Реппо, завтра — Тирконнел. Через неделю ваш черед, Чендос, а в следующем месяце — мой. Милорды, милорды, стыд и позор, что все эти славные английские головы падают ради удовольствия ничтожного проходимца —

даже не нашего соотечественника! Ужасна, нестерпима мысль, что временщик, какой-то неаполитанец, может вытащить сколько ему угодно смертных приговоров из-под подушки королевы! Они развлекаются, говорите вы? Клянусь небом, это гнусно! Они развлекаются, эти влюбленные, в то время как топор палача плодит вдов и сирот у их дверей! Увы, слишком часто их итальянской гитаре вторит звон цепей! Ваше величество, вы выписываете певчих из Авиньонской капеллы, в вашем дворце что ни день — спектакли, представления, концерты. Чорт возьми, ваше величество, поменьше бы развлечений у вас и траура у нас, шутов там и палачей здесь, подмостков в Вестминстере и эшафотов в Тайберне!

Лорд Монтегью. Берегитесь, милорд Клинтон! Мы верноподданные. Ни слова о королеве — виноват один Фабиани.

Симон Ренар (*кладя руку на плечо лорду Клинтону*). Терпение!

Лорд Клинтон. Легко сказать, господин Симон Ренар. Вы амонтский балли во Франш-Конте, подданный императора и его посол в Лондоне. Вы представляете здесь испанского принца, будущего супруга королевы. Особа ваша священна для временщика. Другое дело мы. Для вас Фабиани пастушок, для нас он — мясник.

На сцене окончательно стемнело.

Симон Ренар. Этот человек мешает мне не меньше, чем вам. Вы боитесь только за свою жизнь, я же опасаюсь за свой кредит, что гораздо важнее. Я не разговариваю — я действую. Во мне, милорд, меньше гнева, чем в вас, но зато больше ненависти. Я уничтожу временщика.

Лорд Монтегью. Но каким образом? Я думаю об этом целыми днями.

Симон Ренар. Фавориты королев появляются и исчезают не днем, а ночью.

Лорд Чендос. Эта ночь достаточно темна и страшна.

Симон Ренар. Она вполне подходит для задуманного мною дела.

Лорд Чендос. Что вы собираетесь предпринять?

Симон Ренар. Увидите, милорд Чендос. Когда царствует женщина, царствует каприз, и политика становится уже не делом расчета, а игрой случая. Тут ничего не предусмотреть. Между сегодняшним днем и завтрашним — никакой связи. Дела решаются не шахматными ходами, а разыгрываются в карты.

Лорд Клинтон. Все это очень хорошо, но вернемся к действительности. Господин балли, когда вы освободите нас от временщика? Дольше медлить нельзя. Завтра обезглавят Тирконнела.

Симон Ренар. Если этой ночью я найду нужного человека, то завтра вечером Тирконнел будет ужинать с вами.

Лорд Клинтон. Как вас понять? А Фабиани?

Симон Ренар. У вас хорошее зрение, милорд?

Лорд Клинтон. Да, хотя я уже стар и сейчас темно.

Симон Ренар. Виден вам Лондон по ту сторону реки?

Лорд Клинтон. Да.

Симон Ренар. Всмотритесь получше. Вот два полюса в судьбе каждого фаворита — Вестминстер и Тоуэр.

Лорд Клинтон. И что же?

Симон Ренар. Если бог мне поможет, то человек, который в эту минуту находится там (*показывает на Вестминстер*), завтра в тот же час будет здесь. (*Показывает на Тоуэр.*)

Лорд Клинтон. Да поможет вам бог!

Лорд Монтегью. Народу он ненавистен не меньше, чем нам. Каким праздником будет для Лондона его падение!

Лорд Чендос. Мы отдаем свою судьбу в ваши руки. Располагайте нами. Что мы должны делать?

Симон Ренар (*указывая на дом, стоящий на берегу*). Все вы видите этот дом. Он принадлежит чеканщику Гильберту. Наблюдайте за его жилищем. Разойдитесь с вашими людьми в разные стороны, но не слишком далеко. А главное, не предпринимайте ничего без меня.

Лорд Чендос. Отлично.

Все расходятся в разные стороны.

Симон Ренар (один). Нелегко отыскать такого человека, какой мне нужен. (Уходит.)

Входят Джен и Гильберт рука об руку, в сопровождении Джошуа Фарнеби, закутанного в плащ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Джен, Гильберт, Джошуа Фарнеби.

Джошуа. Здесь я должен покинуть вас, дорогие друзья. Уже поздно, и мне пора возвращаться в Тоуэр, к моим обязанностям тюремщика. Ах, зачем я не свободен, как вы! Ведь тюремщик — тот же заключенный. До свиданья, Джен. До свиданья, Гильберт. Боже мой, друзья мои, как я рад вашему счастью! Кстати, Гильберт, когда же свадьба?

Гильберт. Через неделю, не правда ли, Джен?

Джошуа. Честное слово, послезавтра рождество. День поздравлений и подарков. Но мне нечего пожелать вам. Можно ли желать больше красоты невесте и больше любви жениху? Счастливыцы!

Гильберт. А ты разве не счастлив, мой добрый Джошуа?

Джошуа. Я ни счастлив, ни несчастлив. Я отказался от всего. Видишь ли, Гильберт (*распахивая плащ и показывая связку ключей, висящую у него на поясе*), если на твоём поясе беспрестанно бренчат ключи от тюрьмы, этот звук наводит на всякого рода философские мысли. Когда я был молод, я, как и все, влюблялся на день, гнался за славой месяц и безумствовал круглый год. А молод я был при короле Генрихе Восьмом. Станный человек был этот король! Он менял жен, как женщины меняют платья. С первой он развёлся, вторую велел обезглавить, третьей — вспороть живот, четвертой он оказал милость, отправив ее в изгнание. Зато для равновесия он обезглавил пятую. Я рассказываю вам, красотка Джен, не сказку о Синей Бороде, а историю Генриха Восьмого. В те времена я участвовал в религиозных войнах, сражаясь то за одного, то за другого. Я избрал лучшее из возможных занятий, хотя и весьма щекотливое: надо было решить, стоишь ли ты за папу или против него. Королевские слуги

вешали тех, кто был за папу, и сжигали тех, кто был против. Равнодушных, которые не были ни за, ни против, также жгли или вешали. Вот и вертись, как знаешь! Скажешь «да» — веревка, скажешь «нет» — костер, не скажешь ни «да», ни «нет» — все равно веревка или костер. Я сам не раз чувствовал запах горелого и даже не уверен, что меня разок-другой не вынимали из петли. Славное было времечко — очень похожее на наши дни. Да, так вот за все это я и сражался. Чорт меня подери, если я знаю теперь, за кого и за что! Когда со мной заговаривают о мейстере Лютере или о папе Павле Третьем, я только плечами пожимаю. Видишь ли, Гильберт, дожив до седых волос, не следует вспоминать убеждения, за которые сражался, и женщин, которых любил в двадцать лет. И женщины и убеждения кажутся тогда довольно-таки безобразными, старыми, жалкими, беззубыми и какими-то глупыми. Такова моя история. Теперь я удалился от дел. Я уже не воюю ни за короля, ни за папу — я тюремщик Тоуэра. Ни за кого я больше не бьюсь, а занимаюсь лишь тем, что сажаю людей под замок. Я тюремщик, я уже стар — одной ногой я в тюрьме, другой — в могиле. Мое дело подбирать то, что остается от министров и временщиков, когда они ломают себе шею у королевы. Это довольно занятно. Кроме того, у меня есть ребенок, которого я люблю, и вы оба, которых я тоже люблю. Если вы счастливы, то счастлив и я.

Гильберт. В таком случае ты можешь быть счастлив, Джошуа! Не правда ли, Джен?

Джошуа. Что до меня, то я ничего не могу сделать для твоего счастья, Гильберт, но Джен может сделать все: ты ее любишь! Я даже не могу ничем услужить тебе. К счастью, ты не столь уж знатный господин, чтобы тебе когда-нибудь понадобились ключи Тоуэра. Джен вознаградит тебя за нас обоих. Оба мы обязаны тебе всем. Джен была бедной, покинутой сиротой, и ты взял ее к себе и воспитал. Я в один прекрасный день чуть не утонул в Темзе, и ты меня вытащил из воды.

Гильберт. Зачем ты всегда вспоминаешь об этом, Джошуа?

Джошуа. Чтобы сказать тебе, что оба ~~мы~~ — я и Джен — должны любить тебя: я как брат, она... не как сестра!

Д ж е н. Да, как жена. Я понимаю вас, Джошуа. (*Погружается в задумчивость.*)

Г и л ь б е р т (*тихо, Джошуа*). Погляди на нее, Джошуа! Разве она не прекрасна, не восхитительна? Разве она не достойна самого короля? Если бы ты знал! Нет, ты не можешь понять, как я люблю ее!

Д ж о ш у а. Берегись! Это неблагоразумно: нельзя так любить женщину. Другое дело — ребенка.

Г и л ь б е р т. Что ты хочешь сказать?

Д ж о ш у а. Ничего. Через неделю я буду на вашей свадьбе. Надеюсь, что освобожусь к тому времени от государственных дел и что все будет кончено.

Г и л ь б е р т. О чем ты? Что будет кончено?

Д ж о ш у а. Ах, тебе незачем знать об этом, Гильберт. Ты влюблен. Ты человек из народа. Какое тебе дело до всего, что происходит там, наверху, когда ты так счастлив внизу? Но раз уж ты спрашиваешь меня, я скажу тебе: есть надежда, что через неделю, а может быть, даже через двадцать четыре часа, Фабиано Фабиани уступит свое место у королевы другому.

Г и л ь б е р т. А кто этот Фабиано Фабиани?

Д ж о ш у а. Любовник королевы, знаменитый временщик и оболъститель, который может отрубить голову неуголному ему человеку быстрее, чем сводня прочесть молитву. Это лучший из временщиков, какие доставались палачу Тоуэра за последние десять лет. Надо тебе знать, Гильберт, что за голову каждого вельможи палач получает десять эку серебром, а иногда и вдвое больше, если попадется очень уж важная голова. Все хотят падения Фабиани. Правда, я слышал это только при исполнении служебных обязанностей, от людей, довольно скверно настроенных, которым не позже, чем через месяц, предстоит лишиться головы, короче говоря — от недовольных.

Г и л ь б е р т. Пусть волки грызутся между собой. Что нам до королевы и ее фаворита? Не правда ли, Джен?

Д ж о ш у а. О, против Фабиани составилась славный заговор! Счастлив он будет, если выскочит невредимым! Я не удивлюсь, если сегодня ночью что-нибудь произойдет. Только что я видел вон там господина Симона Ренара, бродившего в раздумье.

Гильберт. А кто такой господин Симон Ренар?

Джошуа. Как, ты и этого не знаешь? Правая рука императора в Лондоне. Королева должна сочетаться браком с испанским принцем, и Симон Ренар представляет его особу при дворе ее величества. Королева ненавидит и вместе с тем боится его, этого Симона Ренара, но ничего не может с ним поделать. Он уже уничтожил двух или трех временщиков. У него особый талант уничтожать временщиков. Время от времени он очищает от них дворец. Это тонкая и хитрая бестия, которой известно все, что происходит! Ничто не делается без целого здания его интриг. Что до лорда Педжета — не спрашивал ли ты меня также, кто такой лорд Педжет? — это один ловкий вельможа, бывший у власти при Генрихе Восьмом. Он член Малого совета и пользуется таким влиянием, что другие министры не смеют дышать при нем, за исключением одного только канцлера, милорда Гардинера, который его презирает. Сильный человек этот Гардинер и очень высокого происхождения. А Педжет просто ничтожество. Сын башмачника. Его скоро сделают бароном Педжетом де Бодезер в Стаффорде.

Гильберт. Как бойко он толкует обо всем этом, наш Джошуа!

Джошуа. Еще бы! Ведь постоянно слышишь разговоры государственных преступников.

В глубине сцены показывается Симон Ренар.

Я должен сказать тебе, Гильберт, что никто не знает историю своего времени лучше, чем тюремщик Тоуэра.

Симон Ренар (*услышавший последние слова, из глубины сцены*). Вы ошибаетесь, почтеннейший, — не тюремщик, а палач.

Джошуа (*тихо, Джен и Гильберту*). Отойдем подальше.

Симон Ренар медленно уходит.

(*Видя, что он скрылся, продолжает.*) Это и есть господин Симон Ренар.

Гильберт. Не нравятся мне все эти люди, шныряющие вокруг моего дома.

Джошуа. Какого дьявола ему здесь нужно? Однако мне пора отправляться. Уж не готовит ли он мне новую

работу? Прощай, Гильберт! Прощайте, красotka Джен! А ведь я вас знал вот такой малышкой!

Гильберт. Прощай, Джошуа. Но скажи на милость, что это ты прячешь под своим плащом?

Джошуа. О, ведь я тоже заговорщик.

Гильберт. Какой еще там заговор?

Джошуа. Ах вы, влюбленные, всё-то вы забываете! Не говорил ли я вам, что послезавтра день поздравлений и подарков? Вельможи готовят сюрприз Фабиани, у них свой заговор, а у меня — свой. Королева, быть может, подарит себе новенького фаворита, а я подарю своему ребенку куклу. (*Вытаскивает из-под плаща куклу.*) Видите, тоже новенькая. Посмотрим, кто из двух раньше разобьет свою игрушку. Храни вас господь, друзья мои!

Гильберт. До свиданья, Джошуа.

Джошуа уходит. Гильберт берет руку Джен и горячо целует ее.

Джошуа (*в глубине сцены*). О мудрое провидение! Каждому оно дарит свою игрушку: ребенку — куклу, мужчине — ребенка, женщине — мужчину, а дьяволу — женщину. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гильберт и Джен.

Гильберт. Придется и мне покинуть вас. Прощайте, Джен, спите спокойно.

Джен. Вы не войдете со мной, Гильберт?

Гильберт. Нет, Джен. Вы знаете, мне этой ночью надо закончить работу в мастерской, чеканку кинжала для какого-то лорда Кленбрассила, которого я никогда в глаза не видал. Он просил, чтобы все было готово к завтрашнему утру.

Джен. Тогда спокойной ночи, Гильберт. До завтра.

Гильберт. Нет, Джен, еще мгновенье. О боже, как тяжело мне расставаться с вами даже на несколько часов! Джен, вы моя жизнь, моя единственная радость! Но надо идти работать, мы так бедны. Я не хочу заходить в дом, потому что не смогу уйти, и вместе с тем я не в силах расстаться с вами. Как я слаб! Джен, посидим несколько минут у двери, на этой скамье. Отсюда мне как-то легче

будет уйти, чем из дому, особенно из вашей комнаты... Дайте мне вашу руку. (*Садится и берет обе ее руки в свои.*)

Джен продолжает стоять.

Джен, ты любишь меня?

Джен. О, я всем обязана вам, Гильберт! Я знаю это, хотя вы долго скрывали от меня истину. Малюткой, почти в колыбели, я была брошена родителями, и вы взяли меня к себе. С тех пор шестнадцать лет ваши руки работали для меня, как руки отца, ваши глаза бодрствовали надо мной, как глаза матери. Чем была бы я без вас, боже мой? Все, что у меня есть, дали мне вы; все, чем я стала, сделали вы.

Гильберт. Джен, ты любишь меня?

Джен. А ваша преданность, Гильберт! День и ночь вы работаете для меня, губите свои глаза, убиваете себя. Вот и сегодня вы снова проведете ночь за работой. И никогда ни одного упрека, ни одной резкости, ни тени суровости! Вы, такой бедняк, снисходительны даже к моим маленьким женским прихотям. Гильберт, я не могу думать о вас без слез! У вас иногда не было хлеба, а у меня всегда были ленты.

Гильберт. Джен, ты любишь меня?

Джен. Гильберт, я готова целовать ваши ноги!

Гильберт. Но любишь ли ты меня, любишь ли? Ах, все твои слова не говорят о любви, а я только этого жду от тебя, Джен. Благодарность, вечно одна благодарность! Я способен был бы растоптать ее. Мне нужна лишь любовь твоя, если же ее нет — лучше умереть. Шестнадцать лет ты была мне дочерью, теперь ты станешь моей женой. Через неделю мы обвенчаемся. Да, ты обещала мне, ты согласилась на это, ты моя невеста. О Джен, ты любила меня, когда давала свое согласие. Помнишь, как ты однажды сказала мне, подняв свои чудные глаза к небу: «Я люблю тебя!» Такой я хотел бы видеть тебя всегда. Но вот уже несколько месяцев мне кажется, что ты изменилась, особенно в последние три недели, с тех пор как моя работа вынуждает меня уходить иногда на ночь. О Джен, я хочу быть любимым тобою, я уже привык к этой мысли. Прежде ты была такая веселая, а теперь ходишь грустная, озабоченная. Не то

чтобы ты была холодна ко мне, милое мое дитя, нет, — ты стараешься, как только можешь, быть ласковой, но я чувствую, что слова любви не слетают с твоих уст так естественно и непринужденно, как прежде. Что с тобой? Ты разлюбила меня? Конечно, я честный человек, конечно, я хороший мастер, но я предпочел бы быть вором и убийцей, лишь бы ты любила меня! Если бы ты знала, как я люблю тебя, Джен!

Д ж е н. Я знаю, Гильберт, и оттого-то я плачу.

Г и л ь б е р т. Ты плачешь от радости, не правда ли, Джен? Скажи мне, что от радости! Ах, я должен верить этому. Быть любимым — только это и есть на свете! У меня всего-навсего бедное сердце рабочего, но Джен должна любить меня. Зачем ты без конца твердишь о том, что я для тебя сделал? Одно слово, Джен, и не ты мне, а я тебе буду обязан вечной благодарностью. Ради тебя я готов на любую муку, на преступление. Ты будешь моей женой, не правда ли, и тылюбишь меня? Джен, за один твой взгляд я отдам всего себя, весь свой труд, за твою улыбку — свою жизнь, за твой поцелуй — свою душу!

Д ж е н. Какое у вас благородное сердце, Гильберт!

Г и л ь б е р т. Послушай, Джен, пусть я безумец, пусть я ревнивец, можешь смеяться надо мной, если хочешь, — пусть так! Но не сердись на меня. Мне кажется, что с некоторых пор здесь шатается много молодых дворян. Знаешь ли ты, Джен, что мне тридцать четыре года? Какое это несчастье для жалкого рабочего вроде меня, неловкого, плохо одетого, уже немолодого и некрасивого, полюбить прекрасную и очаровательную семнадцатилетнюю девушку, которая притягивает знатных молодых красавцев, раззолоченных и разряженных, как пламя притягивает мотыльков! Если бы ты знала, как я страдаю! Но я даже мысленно не могу оскорбить тебя подозрением, тебя, такую честную, такую невинную. Я знаю, ничьи губы не касались до сих пор этого чистого лба, и все же иной раз мне кажется, что тебе доставляет слишком большое удовольствие зрелище процессий и кавалькад королевы, все эти роскошные шелковые и бархатные наряды, под которыми так редко скрываются сердце и душа! Прости меня, но, боже мой, зачем здесь проходит так много молодых дворян? И зачем я не молод, не хорош собой, не знатен и не богат? Гильберт, простой рабочий-чеканщик,

и это все. А они: лорд Чендос, лорд Джерард Фиц-Джерард, граф Арундель, герцог Норфолькский! О, как я их ненавижу! Я живу, чтобы чеканить для них рукоятки шпаг, а между тем с каким удовольствием я всадил бы им в живот все эти лезвия!

Д ж е н. Гильберт!..

Г и л ь б е р т. Прости меня, Джен. Не правда ли, любовь иногда делает нас злыми?

Д ж е н. Напротив — добрыми. Вы так добры, Гильберт!

Г и л ь б е р т. О, как я люблю тебя! С каждым днем все больше и больше. Я хочу умереть за тебя. Любить или не любить меня — это в твоей власти. Я безумец. Забудь все, что я наговорил сейчас. Уже поздно, и мне пора идти. Прощай! Боже, как мне грустно расставаться с тобой, Джен. Ступай домой. Ты взяла ключ?

Д ж е н. Нет, вот уже несколько дней, как я не могу найти его.

Г и л ь б е р т. Тогда возьми мой. До завтра, Джен. Не забывай: сегодня я еще твой отец, через неделю — твой муж. *(Целует ее в лоб и уходит.)*

Д ж е н *(оставшись одна)*. Мой муж! Нет, я не совершу этого преступления. Бедный Гильберт, он любит меня... Но тот, другой!.. Неужели я променяла любовь на тщеславие? Как я несчастна! В чьей власти я нахожусь теперь? Неблагодарная — я так виновата перед ним! Кто-то идет. Надо поскорее уйти. *(Входит в дом.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гильберт и неизвестный в плаще и желтой шапочке.
Неизвестный держит Гильберта за руку.

Г и л ь б е р т. Да, я узнал тебя. Ты нищий еврей, который уже несколько дней бродит вокруг этого дома. Но чего тебе надо от меня? Зачем ты привел меня сюда?

Н е и з в е с т н ы й. То, что я должен сказать вам, я могу сказать только здесь.

Г и л ь б е р т. Что же это? Говори скорей.

Н е и з в е с т н ы й. Выслушайте меня, молодой человек. Шестнадцать лет тому назад, в ту самую ночь, когда лорд Толбот, граф Уотерфорд, был обезглавлен при свете факелов за приверженность папе и за мятеж, его сообщники

были изрублены здесь же, в Лондоне, солдатами Генриха Восьмого. До утра на улицах не прекращалась перестрелка. Этой же ночью один молодой рабочий, больше занятый своим делом, чем войной, работал у себя в мастерской, при входе на Лондонский мост: низкая дверь направо, на стене еще сохранились следы красной краски. Было около двух часов пополудни. На мосту сражались. Пули со свистом перелетали через Темзу. Вдруг в дверь мастерской, через которую пробивался наружу свет лампы, раздался стук. Мастер отворил. Вошел какой-то незнакомец. На руках у него был ребенок, испуганный и плачущий. Незнакомец положил ребенка на стол и сказал: «У этого создания нет больше ни отца, ни матери». Затем он медленно вышел и затворил за собою дверь. У рабочего Гильберта также не было ни отца, ни матери. Он взял ребенка. Сирота усыновил сироту. Взяв девочку на воспитание, он растил ее, не спускал с нее глаз, одевал, кормил, лелеял. Он горячо полюбил ее, всего себя отдав этому маленькому существу, заброшенному в его мастерскую бурей гражданской войны. Он пожертвовал ей всем: своей юностью, своими увлечениями, удовольствиями. Для нее он работал, ей отдал всю свою привязанность, всю свою жизнь, и так продолжалось шестнадцать лет. Рабочий Гильберт — это вы. Ребенок...

Гильберт. Это Джен. Все, что ты сказал, правда. Но к чему ты клонишь?

Неизвестный. Я забыл упомянуть, что к пеленкам девочки была приколота бумажка, на которой было написано: «Сжальтесь над Джен».

Гильберт. Да, слова эти были выведены кровью. Я сохранил бумажку и всегда ношу ее при себе. Но ты меня мучаешь! Зачем ты говоришь мне все это?

Неизвестный. А вот зачем. Вы видите, что мне о вас все известно. Гильберт, охраняйте ваш дом этой ночью.

Гильберт. Как мне понять тебя?

Неизвестный. Ни слова больше. Не уходите на работу. Оставайтесь где-нибудь здесь, поблизости. Будьте на страже. Я вам не друг и не враг, но послушайтесь моего совета. А теперь, чтоб не повредить самому себе, оставьте меня. Идите в ту сторону и тотчас поспешите ко мне, если услышите мой зов о помощи.

Гильберт. Что все это значит? *(Медленно уходит.)*

Неизвестный, один.

Неизвестный. Дело сделано. Мне нужен был молодой и сильный человек, который сумел бы мне помочь в случае надобности. Этот Гильберт вполне подходит. Чу, я слышу плеск весел и звуки гитары на реке. (*Подходит к парпету.*) Да, я не ошибся.

Издаലെка доносятся звуки гитары и г о л о с, поющий песню.

Г о л о с.

Когда ты напеваешь,
Склонясь на грудь мою,
Скажи, мой друг, ты знаешь,
Что в сердце я таю?
Я снова вспоминаю
Счастливые года...
Пой, дорогая,
Пой мне всегда!

Неизвестный. Вот человек, которого я жду.

Г о л о с (*приближаясь все больше с каждым куплетом*).

Когда улыбкой нежной
Цветут твои уста,
Я верю безмятежно,
Что ты душой чиста.
Уходит ревность злая
Из сердца без следа...
Смейся, дорогая,
Смейся всегда!

Когда в спокойной дреме
Лежишь ты предо мной,
Что шепчешь ты в истоме,
Вдыхая в час ночной?
Гляжу я, замирая,
На стан твой, на уста...
Спи, дорогая,
Спи, как всегда!

Когда же темной ночью
«Люблю» ты шепчешь мне,

Я вижу рай воочию,
Раскрытый в вышине.
Горит, не угасая,
Твой взор — моя звезда...
Люби, дорогая,
Люби всегда!

Хоть слов всего четыре,
В них жизнь уложишь ты —
Все сладостное в мире,
Все лучшие мечты, —
Затем, что нет чудесней
И радостней утех,
Чем сон и песня,
Любовь и смех!

Неизвестный. Причалил. Отлично. Отпустил лодочника. Превосходно! (*Возвращается на авансцену.*) Идет!

Входит Фабиано Фабиани в плаще и направляется к дверям дома.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Неизвестный и Фабиано Фабиани.

Неизвестный (*останавливая Фабиани*). Одно слово, прошу вас.

Фабиани. Кто-то, кажется, обратился ко мне. Что это за мошенник? Ты кто такой?

Неизвестный. Я тот, за кого вам угодно будет принять меня.

Фабиани. При этом тусклом фонаре ничего не разберешь. На тебе как будто желтая шапка — еврейская шапка. Ты еврей?

Неизвестный. Да, я еврей. Мне нужно сообщить вам кое-что.

Фабиани. Как тебя зовут?

Неизвестный. Мне известно* ваше имя, но вы моего не знаете. Как видите, у меня есть преимущество перед вами. Позвольте же мне сохранить его.

Фабиани. Ты знаешь мое имя? Это неправда.

Неизвестный. Поверьте, я не лгу. В Неаполе вы назывались синьор Фабиани, в Мадриде — дон Фабьяно, в Лондоне вас зовут Фабиано Фабиани, граф Кленбрас-сил.

Фабиани. Ах, чорт тебя побери!

Неизвестный. Бог вас храни!

Фабиани. Я велю избить тебя палками. Никто не смеет знать мое имя, когда я брожу ночью.

Неизвестный. Особенно, если вы идете в такое место, как сейчас.

Фабиани. Что ты хочешь сказать?

Неизвестный. Если бы королева знала!

Фабиани. Но я никуда не иду!

Неизвестный. Простите, милорд, вы идете к красавице Джен, невесте чеканщика Гильберта.

Фабиани (*в сторону*). Чорт! Это опасный человек!

Неизвестный. Не хотите ли, чтобы я сказал вам еще кое-что? Вы соблазнили эту девушку и за последний месяц приходили к ней ночью два раза. Сегодня будет третий. Красавица ждет вас.

Фабиани. Замолчи! Замолчи! Золото за молчание! Сколько ты хочешь?

Неизвестный. Это будет видно. А пока, милорд, не сказать ли вам, почему вы соблазнили девушку?

Фабиани. Будь ты проклят! Потому что я влюбился в нее.

Неизвестный. Нет. Вы в нее не влюбились.

Фабиани. Не влюбился в Джен?

Неизвестный. Не более, чем в королеву. Никакой любви — один лишь расчет.

Фабиани. Вот чудак! Ты не человек, ты моя совесть, переодетая евреем!

Неизвестный. И я буду говорить с вами, как ваша совесть, милорд. Выслушайте меня. Вы — фаворит королевы. Королева дала вам орден Подвязки, графство и звание вельможи. Но все это пустяки. Орден — лоскут, графство — пустой звук, звание вельможи — право быть обезглавленным. Вам хочется лучшего. Вам, милорд, нужны хорошие земли, хорошие округа, хорошие замки и хорошие доходы в хороших фунтах стерлингов. Король Генрих Восьмой конфисковал имущество лорда Толбота, обезглавленного шестнадцать лет тому назад. Вы угово-

рили королеву Марию подарить вам все эти богатства. Но для того чтобы дар этот имел законную силу, у графа Толбота после смерти не должно было остаться потомства. Если бы существовали наследник или наследница лорда Толбота, то королева Мария, несмотря на всю свою любовь к вам, отняла бы у вас имущество графа, чтобы из чувства долга и признательности, а также из религиозных соображений вернуть его наследникам человека, который, подобно ей, был папистом и погиб, сражаясь за нее и за ее мать Екатерину Арагонскую. Однако вы на этот счет были спокойны. У лорда Толбота была только маленькая дочка, которая исчезла в день казни отца, и вся Англия считала ее умершей. Но недавно ваши шпионы открыли, что в ту ночь, когда лорд Толбот и его партия были истреблены Генрихом Восьмым, какой-то ребенок таинственным образом был доставлен одному рабочему-чеканнику с Лондонского моста и что этот ребенок, маленькая Джен, которую он воспитал, по всей вероятности и есть исчезнувшая дочь Толбота. Правда, письменных доказательств ее происхождения нет, но в любой день они могут найтись. Обстоятельство весьма для вас неприятное! Быть вынужденным в один прекрасный день отдать какой-то девочке Шрусбери, Уэксфорд — такой красивый город! — и великолепное графство Уотерфорд! Это жестоко. Как тут быть? Вы искали способа уничтожить, стереть с лица земли эту девушку. Порядочный человек велел бы ее убить или отравить. Но вы, милорд, сделали лучше — вы ее обесчестили.

Фабиани. Наглец!

Неизвестный. Милорд, моими устами говорит ваша совесть. Другой лишил бы девушку жизни, вы же лишили ее чести и, следовательно, будущего. Королева Мария весьма щепетильна на этот счет, хотя у нее самой есть любовники.

Фабиани. Этот человек смотрит в корень вещей.

Неизвестный. Королева слаба здоровьем, королева может умереть, и тогда вы, фаворит, рассыплетесь в прах на ее могиле. Доказательства прав молодой девушки могут когда-нибудь обнаружиться, и, если королева умрет, Джен, пусть и обесчещенная вами, все же будет признана наследницей Толбота. Вы прекрасно рассчитали все это. С вашей молодостью, с вашей красивой

внешностью вам ничего не стоило влюбить в себя Джен, и она отдалась вам. На худой конец вы на ней женитесь. Не протестуйте, милорд, я считаю ваш замысел блестящим. Не будь я собой, я хотел бы быть вами.

Фабиани. Благодарю.

Неизвестный. Вы ловко обработали дело. Скрыв свое имя, вы оградили себя от мести королевы. Бедная девушка думает, что ее соблазнил сомерсетский дворянин по имени Эмиас Поулет.

Фабиани. Ему все известно! Все! Ну что же, перейдем в таком случае к делу. Чего тебе от меня нужно?

Неизвестный. Милорд, если бы у кого-нибудь были бумаги, подтверждающие рождение, существование и права наследницы Толбота, он превратил бы вас в такого же бедняка, каким был мой праотец Иов, и из всех замков, дон Фабиано, у вас остались бы лишь воздушные замки, что было бы для вас весьма огорчительно.

Фабиани. Да, но бумаг этих нет ни у кого.

Неизвестный. Ошибаетесь.

Фабиани. У кого же они?

Неизвестный. У меня.

Фабиани. Ого! У тебя, несчастный? Неправда. Каждое слово еврея — ложь.

Неизвестный. Говорю вам, бумаги у меня.

Фабиани. Ложь! Покажи их.

Неизвестный. Они у меня в кармане.

Фабиани. Я не верю тебе. Они, конечно, не в порядке. Чего-нибудь недостает.

Неизвестный. Все в полном порядке.

Фабиани. Так отдай их мне!

Неизвестный. Осторожнее!

Фабиани. Еврей, отдай мне эти бумаги!

Неизвестный. Только и всего? Еврей, жалкий нищий, уличный бродяга, отдай мне Шрусбери, город Уэксфорд и графство Уотерфорд. Подайте милостыню, ради бога!

Фабиани. Эти бумаги для меня все, для тебя — ничто.

Неизвестный. Симон Ренар и лорд Чендос хорошо заплатили бы мне за них!

Фабиани. Симон Ренар и лорд Чендос — два пса, и я велю тебя повесить между ними.

Неизвестный. Это все, что вы можете предложить мне? Прощайте.

Ф а б и а н и. Погоди, еврей! Что ты просишь за эти бумаги?

Неизвестный. То, что вы всегда носите при себе.

Ф а б и а н и. Кошелек?

Неизвестный. Вот вздор! Я мог бы предложить вам свой.

Ф а б и а н и. Ну так скажи, чего ты хочешь?

Неизвестный. У вас есть пергамент, с которым вы никогда не расстаетесь. Это бланк, подаренный вам королевой, где она клянется своей католической короной исполнить любую просьбу, которая будет в него вписана. Дайте мне этот бланк, и вы получите документы Джен Толбот.

Ф а б и а н и. Зачем тебе этот бланк?

Неизвестный. А вот зачем. Будем играть в открытую. Я рассказал вам, милорд, о ваших делах, теперь расскажу о своих. Я один из крупнейших еврейских менял с улицы Кантерстен в Брюсселе. Я ссужаю деньги. Это моя профессия. Я ссужаю десять, мне возвращают пятнадцать. Я даю займы всем, могу дать дьяволу, могу дать папе. Два месяца тому назад один из моих должников умер, не заплатив мне. Это был старый слуга семьи Толбот, изгнанник. Бедняк оставил после себя одни лишь жалкие лохмотья. Я велел их описать. Среди этих лохмотьев оказалась шкатулка с бумагами. То были бумаги Джен Толбот, милорд, с подробным описанием ее истории, документально подтвержденной в предвиденье лучших времен. Королева Англии как раз подарила вам имения Джен Толбот. А я в этот момент нуждался в помощи английской королевы для получения ссуды в десять тысяч марок золотом. Решив, что можно будет обделаться дельце с вами, я приехал в Англию переодетым, как вы видите, выследил вас, выследил Джен Толбот, — я все люблю делать сам, — узнал, что мне нужно, и вот я здесь. Вы можете получить бумаги Джен Толбот в обмен на бланк королевы. Я впишу в него, что королева предоставляет мне десять тысяч марок золотом. Кое-что мне следует здесь в казначействе, но я не стану сутяжничать. Десять тысяч марок меня вполне устроят. Я не прошу этой суммы

у вас, потому что ее может дать только коронованная особа. Вот я и высказался перед вами начистоту. Говоря по правде, милорд, два таких ловких человека, как мы с вами, ничего не выигрывают, обманывая друг друга. Если бы откровенность была изгнана с земли, она должна была бы возродиться в беседе двух жуликов.

Фабиани. Но это невозможно! Как я могу отдать тебе этот бланк? Десять тысяч марок золотом! Что скажет королева? Кроме того, завтра я могу впасть в немилость. А этот бланк — моя охранная грамота; этот бланк — моя голова.

Неизвестный. А мне какое дело?

Фабиани. Требуй чего-нибудь другого.

Неизвестный. Мне нужно только это.

Фабиани. Еврей, отдай мне бумаги Джен Толбот.

Неизвестный. Милорд, дайте мне бланк королевы.

Фабиани. Ничего с тобой не поделаешь, проклятый еврей! Придется тебе уступить. *(Вынимает из кармана бумагу.)*

Неизвестный. Покажите мне бланк королевы.

Фабиани. Покажи мне бумаги Толбота.

Неизвестный. После.

Они подходят к фочарю. Фабиани, стоя позади еврея, левой рукой держит бумагу перед его глазами. Неизвестный разглядывает ее.

Неизвестный *(читает)*. «Мы, королева Мария...» Отлично. Теперь вы убедились, что я похож на вас: я все рассчитал, все предусмотрел...

Фабиани *(выхватывая правой рукой кинжал и вонзая его в горло еврея)*. Кроме этого!

Неизвестный. О предатель! На помощь! *(Падает, успев бросить, незаметно для Фабиани, запечатанный конверт в темноту.)*

Фабиани *(наклонившись над телом)*. Клянусь честью, он мертв! Прежде всего бумаги! *(Обыскивает еврея.)* Что такое! В карманах пусто. Ни клочка бумаги! Старый безбожник! Он солгал! Провел меня! Вот так штука! Проклятый еврей! Я напрасно убил его. Все они таковы: ложь, воровство — вот их сущность! Но надо избавиться от трупа. Нельзя же оставить его возле этой

двери. (*Идет в глубину сцены.*) Посмотрю, здесь ли еще лодочник: он мне поможет бросить труп в Темзу. (*Спускается и исчезает за паравентом.*)

Гильберт (*входя с противоположной стороны*). Мне послышался крик. (*Замечает под фонарем распростертое на земле тело.*) Здесь кого-то убили. Нищий!

Неизвестный (*приподымаясь*). Ах, вы опоздали, Гильберт! (*Указывая рукой в ту сторону, куда он бросил пакет.*) Поднимите их. Это бумаги, доказывающие, что Джен, ваша невеста, — дочь и наследница последнего лорда Толбота. Мой убийца — лорд Кленбрасил, фаворит королевы! О, я задыхаюсь! Гильберт, отомсти за меня и за себя... (*Умирает.*)

Гильберт. Умер! — Отомстить за себя? Что он хотел сказать? Джен — дочь лорда Толбота! Лорд Кленбрасил! Фаворит королевы! У меня мутится разум! (*Трясет труп.*) Говори! Еще хоть одно слово! Нет, он не дышит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гильберт, Фабиани.

Фабиани (*возвращаясь*). Кто это?

Гильберт. Здесь только что убили человека.

Фабиани. Не человека, а еврея.

Гильберт. Кто убил этого человека?

Фабиани. Чорт возьми! Либо вы, либо я.

Гильберт. Сударь!

Фабиани. Свидетелей нет. На земле лежит труп. Рядом — двое людей. Кто из них убийца? Как доказать, что убил один, а не другой? Я, а не вы?

Гильберт. Негодяй, убийца — вы!

Фабиани. Пусть так — это в самом деле я. Что же дальше?

Гильберт. Я позову констеблей.

Фабиани. Вы сейчас поможете мне бросить труп в воду.

Гильберт. Я велю задержать вас и отдать в руки правосудия.

Фабиани. Вы поможете мне бросить труп в воду.

Гильберт. Какая наглость!

Ф а б и а н и. Поверьте мне — надо уничтожить все следы этого дела. Вы заинтересованы в этом больше, чем я.

Г и л ь б е р т. Сильно сказано!

Ф а б и а н и. Один из нас повинен в преступлении. Я — знатный вельможа, благородный лорд, а вы — первый встречный, простолюдин, человек из народа. Дворянин за убийство еврея уплачивает четыре су штрафа; простолюдин вздергивают за это на виселицу.

Г и л ь б е р т. Так вы осмелитесь...

Ф а б и а н и. Если вы донесете на меня, я донесу на вас. Мне поверят скорее, чем вам. И все равно шансы у нас неравные. Для меня — четыре су штрафа, для вас — виселица.

Г и л ь б е р т. Ни свидетелей! Ни доказательств! Я теряю голову. Негодяй прав, я у него в руках.

Ф а б и а н и. Итак, помочь вам сбросить тело в воду?

Г и л ь б е р т. Вы — дьявол!

Гильберт и Фабияни, взяв труп за голову и за ноги, относят его к парпету.

Ф а б и а н и. Клянусь честью, мой милый, я и сам не знаю теперь, кто из нас двоих убил этого человека.

Они спускаются за парпет. Затем Фабияни появляется вновь.

Дело сделано. Спокойной ночи, приятель, отправляйтесь своей дорогой. *(Идет по направлению к дому и оборачивается, видя, что Гильберт следует за ним.)* Ну, что еще вам нужно от меня? Плату за труды? По совести говоря, я вам ничего не должен. Но так и быть, получите. *(Дает Гильберту кошелек, который тот сначала отстраняет, а потом, словно передумав, берет.)* Теперь идите. Чего же вы ждете?

Г и л ь б е р т. Ничего.

Ф а б и а н и. Впрочем, можете оставаться, если вам это нравится. Вы будете любоваться звездами, а я красоткой. Храни вас бог. *(Подходит к двери дома и собирается ее открыть.)*

Г и л ь б е р т. Куда это вы идете?

Ф а б и а н и. К себе, чорт возьми.

Г и л ь б е р т. Как так — к себе?

Ф а б и а н и. Очень просто.

Гильберт. Кто из нас двоих бредит? Вы мне только что говорили, что я — убийца еврея, а теперь заявляете, что этот дом — ваш!..

Фабияни. Мой или моей любовницы, не все ли равно?

Гильберт. Повторите, что вы сказали!

Фабияни. Я говорю, приятель, — если уж вам хочется знать, — что этот дом принадлежит одной красотке по имени Джен и что она — моя любовница.

Гильберт. А я говорю, милорд, что это ложь! Я говорю, что ты обманщик и убийца! Я говорю, что ты наглый мошенник! Я говорю, что ты произнес сейчас слова, которые обоим нам будут стоить жизни, тебе — потому, что ты их сказал, мне — потому, что я их слышал!

Фабияни. Скажите пожалуйста! Не человек, а дьявол какой-то!

Гильберт. Я чеканщик Гильберт. Джен моя невеста.

Фабияни. А я кавалер Эмиас Поулет. Джен — моя любовница.

Гильберт. Лжешь, говорю я тебе! Ты лорд Клен-брасил, фаворит королевы. Только дурак может думать, что мне это неизвестно!

Фабияни (*в сторону*). Сегодня ночью все меня узнают. Еще один опасный человек! Нужно от него избавиться.

Гильберт. Сейчас же скажи, что ты подло солгал и что Джен не любовница тебе.

Фабияни. Знаешь ты ее почерк? (*Вынимает из кармана записку.*) Вот, читай. (*В сторону, в то время как Гильберт судорожно разворачивает записку*) Нужно, чтобы он вошел в дом и устроил Джен сцену. Тем временем подоспеют мои люди.

Гильберт (*читает*). «Я буду одна этой ночью. Вы можете прийти». Проклятье! Милорд, ты обесчестил мою невесту, ты негодяй! Я требую удовлетворения!

Фабияни (*обнажая шпагу*). Охотно. Где твоя шпага?

Гильберт. О, какая мука! Зачем я простолюдин! Почему у меня ничего нет при себе — ни кинжала, ни шпаги! Прочь! Я подстерегу тебя ночью где-нибудь на улице! Я вопьюсь тебе когтями в горло и задую тебя, негодяй!

Ф а б и а н и. Ого! Что-то очень уж вы свирепы!

Г и л ь б е р т. О, я отомщу тебе!

Ф а б и а н и. Ты? Мне? Ничтожество! Ты собираешься мстить вельможе? Да ты не в своем уме! Я не боюсь тебя!

Г и л ь б е р т. Не боитесь?

Ф а б и а н и. Нет!

Г и л ь б е р т. Посмотрим!

Ф а б и а н и *(в сторону)*. Этот человек не должен увидеть завтрашнего дня. *(Громко)* Друг, послушай меня, ступай домой. Мне очень жаль, что ты узнал правду. Но я тебе оставляю твою красотку. Впрочем, я и не собирался продолжать эту интрижку. Ступай. *(Бросает к ногам Гильберта ключ.)* Если у тебя нет ключа, возьми мой. Или, если ты предпочитаешь, постучи четыре раза в этот ставень, и она тебе откроет. Спокойной ночи. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Г и л ь б е р т *(один)*. Ушел! Нет его! И я не уничтожил, не растоптал ногами этого человека! Я должен был отпустить его — у меня нет оружия! *(Замечает на земле кинжал, которым лорд Кленбрассил убил еврея, и поднимает его с яростной поспешностью.)* Ах, слишком поздно я нашел тебя! Теперь ты сможешь убить только меня! Но все равно, упал ли ты с неба или извергнут адом, я благословляю тебя! О, Джен обманула меня! Джен отдалась этому негодяю! Джен — наследница лорда Толбота! Джен для меня потеряна! Боже мой, за один час на мою голову обрушилось больше ужасов, чем она в состоянии вынести.

В глубине сцены из темноты появляется Симон Ренар.

О, отомстить ему, отомстить этому лорду Кленбрассилу! Если я пойду во дворец королевы, лакеи вытолкают меня пинками, как собаку. Ах, я сойду с ума, у меня лопнет череп! Я не боюсь смерти, но хочу умереть отомщенным! Всю кровь до последней капли я отдам за мщение! Неужели не найдется никого на свете, кто заключил бы со мною союз? Кто согласился бы отомстить за меня лорду Кленбрассилу и взять в уплату мою жизнь?

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гильберт, Симон Ренар.

Симон Ренар (*делая шаг вперед*). Я.

Гильберт. Ты? Кто ты?

Симон Ренар. Я человек, которого ты ищешь.

Гильберт. Ты знаешь меня?

Симон Ренар. Ты человек, который мне нужен.

Гильберт. Знаешь ли ты, что сейчас я одержим одной только мыслью: отомстить лорду Кленбрассилу и умереть.

Симон Ренар. Ты отомстишь лорду Кленбрассилу и умрешь.

Гильберт. Кто бы ты ни был, благодарю тебя!

Симон Ренар. Да, ты осуществишь желанную месть, но не забудь об условии: мне нужна твоя жизнь.

Гильберт. Возьми ее.

Симон Ренар. Решено.

Гильберт. Да.

Симон Ренар. Следуй за мной.

Гильберт. Куда?

Симон Ренар. Увидишь.

Гильберт. Помни — ты обещал мне месть.

Симон Ренар. Помни — ты обещал мне жизнь.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

КОРОЛЕВА

Комната в покаях королевы. На аналое — раскрытое евангелие. На табурете — королевская корона. Справа и слева — двери. В глубине — широкая дверь. Часть комнаты в глубине отделена большой тканной драпировкой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Королева в роскошном одеянии лежит на кушетке. Фаббиано Фаббани, в великолепном костюме, с орденом Подвязки, сидит около нее на складном стуле.

Фаббани (поет, аккомпанируя себе на гитаре).

Когда в спокойной дреме
Лежишь ты предо мной,
Что шепчешь ты в истоме,
Вздыхая в час ночной?
Гляжу я, замирая,
На стан твой, на уста...
Спи, дорогая,
Спи, как всегда!

Когда же темной ночью
«Люблю» ты шепчешь мне,
Я вижу рай воочью,
Раскрытый в вышине.
Горит, не угасая,
Твой взор — моя звезда...
Люби, дорогая,
Люби всегда!

Хоть слов всего четыре,
В них жизнь уложишь ты,
Все сладостное в мире,
Все лучшие мечты, —
Затем, что нет чудесней
И радостней утех,
Чем сон и песня,
Любовь и смех!

(Кладет гитару на пол.)

О, словами не выразить, как я люблю вас, моя госпожа! Но этот Симон Ренар, этот Симон Ренар, чье могущество превышает даже ваше, — его я ненавижу!

Королева. Но вы же знаете, милорд, что здесь я бессильна. Он посол испанского принца, моего будущего супруга.

Фабиани. Вашего будущего супруга!

Королева. Не стоит больше говорить об этом, милорд. Я люблю вас — чего же вам еще? Однако вам пора уходить.

Фабиани. Мария, еще мгновение!

Королева. Скоро соберется Малый совет. До сих пор здесь была только женщина — сейчас она должна уступить место королеве.

Фабиани. Я хочу, чтобы женщина заставила королеву подождать за дверью.

Королева. Вы хотите! Вы хотите!.. Посмотрите на меня, милорд. Какая у тебя прелестная, юная голова, Фабиано!

Фабиани. Нет, это вы прекрасны, госпожа моя. Одной вашей красоты было бы достаточно, чтобы сделать вас всемогущей. Ваша голова увенчана короной, которая говорит о том, что вы королева. Но гораздо красноречивее это выражает ваше чело.

Королева. Вы льстите мне!

Фабиани. Я люблю тебя.

Королева. Ты меня любишь? Это правда? Ты любишь одну меня? Повтори это снова, вот так, глядя мне прямо в глаза. Увы, мы, бедные женщины, никогда не знаем, что происходит в сердце мужчины. Мы вынуждены верить их глазам, а самые прекрасные глаза, Фабиано,

бывают иногда самыми лживыми. Но в твоих глазах, милорд, столько честности, прямодушия, искренности— нет, такие глаза не могут лгать, не правда ли? Да, мой прекрасный паж, у тебя прямой и открытый взгляд. Ах, обладать небесным взором лишь для того, чтобы обманывать, — это было бы адским делом! Твои глаза принадлежат либо ангелу, либо демону.

Фабиани. Я не демон и не ангел. Я только человек, который любит вас.

Королева. Любит королеву?

Фабиани. Нет, любит Марию.

Королева. Послушай, Фабиано, я тоже люблю тебя. Но ты молод, и, я знаю, немало красивых женщин бросают на тебя нежные взгляды. Наконец, к королеве можно охладеть так же, как ко всякой другой женщине. Не прерывай меня. Если ты когда-нибудь влюбишься в другую, признайся мне. Если ты ничего не скроешь, я, быть может, прощу тебя. Не прерывай меня. Ты не знаешь, как я люблю тебя. Я и сама этого не знаю. Правда, бывают минуты, когда я скорее предпочла бы видеть тебя мертвым, чем счастливым с другой. Но иногда я хочу только одного — видеть тебя счастливым. Боже мой, я не знаю, почему меня стараются изобразить злой женщиной!

Фабиани. Я могу быть счастлив только с тобой, Мария. Я люблю только тебя.

Королева. Это правда? Посмотри мне в глаза. Правда? О, временами меня терзает ревность! Я представляю себе — какой женщине не приходят в голову подобные мысли? — я представляю себе, что ты меня обманываешь. Я хотела бы стать невидимкой, чтобы всегда следовать за тобой и знать, что ты делаешь, что говоришь, где находишься. В волшебных сказках говорится про кольцо, которое делает невидимым. За это кольцо я отдала бы свою корону. Мне постоянно мерещится, что ты ходишь к молодым красивым женщинам, которых так много в этом городе. О, ты не должен обманывать меня, пойми это!

Фабиани. Ваше величество, гоните прочь эти мысли. Мне — обманывать вас, мою королеву, мою добрую госпожу? Да я был бы самым неблагодарным, са-

мым подлым из людей, если бы оказался способным на это! Разве я когда-нибудь давал вам повод думать обо мне так дурно? Я люблю тебя, Мария, я обожаю тебя! Я не мог бы и взглянуть на другую женщину! Я люблю тебя, ты слышишь? Разве ты не читаешь этого в моих глазах? О боже, есть же правдивые ноты в голосе, которые должны убеждать! Ну, посмотри на меня внимательно, похож ли я на обманщика? Когда мужчина обманывает женщину — это сразу видно. Женщины редко ошибаются в таких случаях. И какую минуту выбрала ты, Мария, чтобы высказать мне все это! Кажется, никогда я не любил тебя так, как сегодня. Верь мне, Мария! Я говорю сейчас не с королевой. Клянусь небом, что мне за дело до королевы? Что может она мне сделать? Отрубить голову — и только. Но ты, Мария, ты можешь разбить мое сердце. Я люблю не ваше величество — я люблю тебя. Я целую твою прекрасную, белую, нежную руку, которую я обожаю, а не ваш скипетр, ваше величество!

Королева. Благодарю, мой Фабиано. Прощай. Боже мой, как вы молоды, милорд! Какие у вас чудесные черные волосы, какая дивная голова! Через час я жду вас снова.

Фабиани. Для вас это час, для меня же — вечность! (Уходит.)

Королева быстро встает, идет к потайной двери, открывает ее и выпускает Симона Ренара

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Королева, Симон Ренар.

Королева. Войдите, господин бальи. Вы все время были там? Вы слышали?

Симон Ренар. Да, ваше величество.

Королева. Что же вы скажете? О, это самый низкий, самый лживый из людей! Что вы скажете?

Симон Ренар. Скажу, ваше величество, что этот человек недаром носит фамилию, которая оканчивается на «и».

Королева. И вы уверены, что он по ночам ходит к той женщине? Вы его видели?

Симон Ренар. Я, Чендос, Клинтон, Монтегью — десяток свидетелей...

Королева. Какая подлость!

Симон Ренар. Впрочем, сейчас королева сможет окончательно убедиться во всем. Как я уже докладывал вашему величеству, молодая девушка находится здесь. Я приказал схватить ее этой ночью у нее в доме.

Королева. Но, господин бальи, разве это не достаточное преступление, чтобы отрубить ему голову?

Симон Ренар. За то, что он провел ночь у красивой девушки? Нет, ваше величество. За подобный поступок вы предали суду Трогмортон, и он был оправдан.

Королева. Я наказала судей Трогмортон.

Симон Ренар. Постарайтесь избежать необходимости наказывать судей Фабиани.

Королева. Но как же мне отомстить этому изменнику?

Симон Ренар. Ваше величество желает отомстить ему только одним способом?

Королева. Единственным, достойным меня.

Симон Ренар. Трогмортон был оправдан. Как я уже докладывал вашему величеству, есть лишь одно средство добиться наказания. Этот человек здесь.

Королева. Сделает ли он все, чего я захочу?

Симон Ренар. Да, если вы сделаете все, чего захочет он.

Королева. А пожертвует он своей жизнью?

Симон Ренар. Он поставит вам условия. Но он готов отдать свою жизнь.

Королева. Чего же он хочет? Известно вам это?

Симон Ренар. Того же, что и вы: отомстить.

Королева. Велите ему войти и останьтесь поблизости, чтобы услышать, если я позову.

Симон Ренар направляется к выходу.

Господин бальи!

Симон Ренар *(возвращаясь)*. Ваше величество?

Королева. Скажите милорду Чендосу, чтоб он ждал в соседней комнате с шестью людьми из моей охраны. И эта женщина пусть тоже ждет. Идите!

Симон Ренар выходит.

Королева (одна). О, месть моя будет страшной!

Одна из боковых дверей открывается. Входят Симон Ренар и Гильберт.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Королева, Гильберт, Симон Ренар.

Гильберт. Куда меня привели?

Королева. Перед вами королева.

Гильберт. Королева!

Королева. Да, я королева. У нас нет времени удивляться, сударь. Я знаю — вы рабочий, чеканщик Гильберт. Вы живете там, на берегу Темзы, с девушкой по имени Джен, вашей невестой. Она обманывает вас с любовником, которого зовут Фабиано и который в свою очередь обманывает меня. Вы хотите отомстить — я также. Для этого вы должны всецело отдать в мои руки свою жизнь. Вы будете говорить все, что я прикажу вам. Вы забудете разницу между правдой и ложью, добром и злом, справедливостью и беззаконием. Для вас перестанет существовать все, кроме моей мести и моей воли. Вы должны не мешать мне и во всем подчиняться. Согласны?

Гильберт. Ваше величество...

Королева. Ты отомстишь за себя. Но предупреждаю — тебе придется умереть. Вот и все. Теперь ставь свои условия. Если у тебя есть старуха-мать и нужно засыпать ее стол золотыми слитками, я это сделаю. Продай мне свою жизнь так дорого, как только захочешь.

Гильберт. Я раздумал умирать, ваше величество.

Королева. Что?!

Гильберт. Выслушайте меня, ваше величество. Я размышлял всю ночь и понял, что у меня нет никаких доказательств. Я встретил человека, который хвастался, будто он любовник Джен. Кто мне поручится, что он не солгал? Я видел ключ. Кто мне поручится, что он не был

украден? Я видел письмо. Кто мне поручится, что ее не заставили силой написать его? Сейчас я даже не уверен, что это ее почерк. Было темно, я был взволнован и плохо видел. Как же я могу так, ни за что, отдать свою жизнь, которая принадлежит ей? Я ничему не верю, ни в чем не убежден — я не говорил с Джен.

Королева. Да, ты любишь, это видно сразу: ты, как и я, отвергаешь все доказательства. А что, если ты увидишь ее, твою Джен, если она сама признается в своей вине, — исполнишь ты тогда мою волю?

Гильберт. Да. Но с одним условием.

Королева. Ты мне скажешь его потом. (*Симону Ренару*) Немедленно привести эту женщину!

Симон Ренар выходит. Королева прячет Гильберта за портьерой, отделяющей часть комнаты в глубине.

Спрячься здесь.

Входит Джен, бледная и дрожащая.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Королева, Джен, Гильберт за портьерой.

Королева. Подойди ближе, девушка. Ты знаешь, кто мы?

Джен. Да, ваше величество.

Королева. Он обманул тебя. Он выдал себя за дворянина по имени Эмиас Поулет?

Джен. Да, ваше величество.

Королева. Теперь ты знаешь, что это Фабиано Фабиани, граф Кленбрасил?

Джен. Да, ваше величество.

Королева. Этой ночью, когда тебя схватили, у вас было назначено свидание, и ты ждала его?

Джен (*ломая руки*). Боже мой, ваше величество!

Королева. Отвечай.

Джен (*слабым голосом*). Да.

Королева. Знаешь ли ты, что тебе и ему не на что больше надеяться?

Джен. Кроме смерти. Это моя единственная надежда.

Королева. Расскажи мне все. Где ты встретила этого человека в первый раз?

Д ж е н. В первый раз я увидела его... Но к чему вам это? Несчастливая девушка из народа, бедная и тщеславная, легкомысленная и кокетливая, влюбленная в наряды и украшения, дала ослепить себя блестящему вельможе. Вот и все. Я оболыщена, обещана. Я погибла. Мне нечего прибавить к этому. Боже мой, неужели вы не видите, ваше величество, что каждое слово, которое я произношу, убивает меня?

К о р о л е в а. Очень хорошо.

Д ж е н. О, ваш гнев ужасен, я это знаю, ваше величество. Моя голова заранее склоняется под тяжестью наказания, которое вы готовите мне...

К о р о л е в а. Я? Наказание тебе? Стану я заниматься тобой, дуручка! Кто ты, жалкое создание, чтобы тобой интересовалась королева? Нет, я думаю о Фабиано. А о твоём наказании позаботится другой.

Д ж е н. Хорошо, ваше величество. Кто бы ни был тот, на кого вы возложите это, и какова бы ни была кара, я все снесу, не жалуясь, я даже принесу вам благодарность, если вы снизойдете к одной моей просьбе. Есть человек, взявший меня малюткой, вырастивший и воспитавший меня, человек, который любил меня и любит до сих пор, которого я недостойна, против которого совершила преступление, человек, чей высокий и священный образ я храню в своем сердце, как образ божий. Сейчас, в то время как я говорю с вами, он, должно быть, вернулся в свой дом и застал его опустевшим, покинутым, разоренным. Он ничего не понимает и в отчаянье рвет на себе волосы. Я умоляю ваше величество об одном: пусть он никогда не узнает, что произошло, пусть никогда не догадается, куда я скрылась, что стало со мною, что я сделала и что сделали вы со мной. Ах, господи, я не уверена, понятно ли я говорю, но вы должны почувствовать, что у меня есть друг, благородный и великодушный друг, бедный Гильберт! Да, это так! Он меня уважает, считает чистой, и я не хочу, чтобы он ненавидел и презирал меня. Вы поняли, ваше величество, не правда ли? Поверьте, уважение этого человека мне гораздо дороже жизни. Для него это было бы таким страшным ударом! Такой неожиданностью! Вначале он не поверил бы этому, да, не поверил бы! Боже мой, бедный Гильберт! О, ваше величество, сжальтесь над ним и надо мной! Он-то ведь ничего вам

не сделал. Во имя неба, скройте от него правду! Если он узнает, что я виновна, он убьет себя. Если узнает, что я умерла, он умрет.

Королева. Человек, о котором вы говорите, здесь. Он слышит вас, он судит вас, и он вас накажет.

Появляется Гильберт.

Джен. О небо, Гильберт!

Гильберт (королеве). Моя жизнь принадлежит вам, ваше величество.

Королева. Хорошо. Ставите ли вы мне какие-нибудь условия?

Гильберт. Да, ваше величество.

Королева. Какие? Мы даем вам слово королевы, что заранее принимаем их.

Гильберт. Вот они, ваше величество. Дело тут простое. Это долг признательности одному из вельмож вашего двора, который всегда давал мне много заказов.

Королева. Говорите.

Гильберт. У этого вельможи тайная связь с женщиной, на которой он не может жениться, потому что она принадлежит к опальной семье. Женщина эта, жившая до сих пор в неизвестности, — единственная дочь и наследница лорда Толбота, обезглавленного при короле Генрихе Восьмом.

Королева. Что я слышу? Ты уверен в своих словах? Джон Толбот, добрый католик, честный защитник моей матери, принцессы арагонской, оставил дочь, говоришь ты? Если это правда, клянусь моей короной, его дитя станет моим, и то, что Джон Толбот сделал для матери Марии Английской, Мария Английская сделает для дочери Джона Толбота.

Гильберт. В таком случае, ваше величество, вы будете, несомненно, счастливы вернуть дочери лорда Толбота состояние ее отца?

Королева. Отобрав его у Фабиано? Конечно! Но есть ли доказательства, что эта наследница существует?

Гильберт. Есть.

Королева. Впрочем, если бы у нас и не было доказательств, мы их создадим. Недаром мы носим корону!

Гильберт. Ваше величество вернет дочери лорда Толбота имения, титулы, положение, имя, герб и девиз

ее отца. Ваше величество снимет с нее опалу и поручится за ее жизнь. Ваше величество обвенчает ее с этим вельможей — единственным человеком, за которого она может выйти замуж. На этих условиях я готов отдать свою свободу, свою жизнь, все, что вам будет угодно.

Королева. Хорошо. Я исполню то, о чем вы просите.

Гильберт. Ваше величество исполнит все, о чем я прошу? Королева Англии клянется в этом мне, Гильберту, рабочему-чеканщику, клянется своей короной и этим евангелием?

Королева. Да, я клянусь своей королевской короной, клянусь святым евангелием.

Гильберт. Договор заключен, ваше величество. Велите же приготовить могилу для меня и брачное ложе для супругов Вельможа, о котором я говорю, — Фабиано, граф Кленбрасил. Наследница Толбота — здесь, перед вами

Джен. Что он говорит?

Королева. Он безумец! Что это значит? Послушайте, почтеннейший, вы, кажется, осмеливаетесь издеваться над королевой Англии? Опомнитесь! В королевских покоях следует обдумывать свои слова, иначе язык может погубить голову.

Гильберт. Моя голова принадлежит вам, ваше величество. Но ваша клятва принадлежит мне!

Королева. Но это шутка! Фабиано — и какая-то Джен!.. Невозможно!

Гильберт. Эта Джен — дочь и наследница лорда Толбота

Королева. Вот еще! Бред! Чепуха! Химера! Доказательства? Где доказательства?

Гильберт. Они здесь, в полном порядке. *(Извлекает пакет, спрятанный у него на груди.)* Не угодно ли вам прочитать эти бумаги?

Королева. Есть у меня время читать ваши бумаги! Разве я требую их у вас? Что мне за дело до них! Клянусь жизнью, если они и доказывают что-нибудь, я брошу их в огонь, и у тебя ничего не останется.

Гильберт. Кроме вашей клятвы, ваше величество.

Королева. Моей клятвы! Моей клятвы!

Гильберт. Короной и евангелием, ваше величество.

Иначе говоря, вашей головой и вашей душой, вашей жизнью на этом свете и вашей жизнью на том.

Королева. Но чего же ты хочешь? Клянусь, ты совсем обезумел!

Гильберт. Чего я хочу? Джен утратила свои права. Верните ей ее права. Джен утратила свою честь. Верните ей ее честь. Объявите Джен дочерью лорда Толбота и женой лорда Кленбрассита, а затем возьмите мою жизнь.

Королева. Твою жизнь! На что мне она тогда? Твоя жизнь была мне нужна только для того, чтобы отомстить этому человеку, отомстить Фабиано! Неужели тебе все еще непонятно? Впрочем, и я тебя не понимаю. Ты говорил о мщении. Так вот оно, твое мщение? Право, они совсем безмозглые, эти люди из народа! Разве я могу поверить в какую-то нелепую историю о наследнице Толбота? Ты говоришь — бумаги! Показываешь мне какие-то бумаги! Да я не желаю видеть их! Ты обманут женщиной и разыгрываешь великодушие? На здоровье! Но я-то не намерена быть великодушной! В сердце моем только ярость и ненависть. Я огомщу, и ты мне поможешь. Ах, он безумен, этот человек, безумен! Господи! Зачем случилось так, что я в нем нуждаюсь... что мне пришлось в таком важном деле связаться с этим дуралеем?

Гильберт. Вы дали мне слово католической королевы. Лорд Кленбрассил соблазнил Джен — он должен на ней жениться.

Королева. А если он откажется?

Гильберт. Вы заставите его, ваше величество

Джен. О нет! Сжальтесь надо мной, Гильберт!

Гильберт. Хорошо! Если он откажется, этот негодяй, ваше величество сделаете со мной и с ним все, что вам будет угодно.

Королева (*радостно*). Ах, только этого мне и надо!

Гильберт. В таком случае, если только корона графини Уотерфорд будет торжественно возложена на священную и неприкосновенную голову Джен Толбот, здесь присутствующей, — я сделаю все, что потребует от меня королева.

Королева. Все?

Гильберт. Все.

Королева. Ты скажешь все, что тебе велят? Умрешь, как тебе прикажут?

Гильберт. Да, я умру, как мне прикажут.

Джен. О господи!

Королева. Ты клянешься?

Гильберт. Клянусь.

Королева. В таком случае все в порядке. Этого довольно. Я имею твое слово, ты — мое... Договор заключен. *(После некоторого раздумья, к Джен)* Вы здесь лишняя. Ступайте. Вас позовут.

Джен. О Гильберт, что вы сделали? Гильберт, я жалкое создание, я не смею поднять на вас глаза! Вы больше, чем ангел, Гильберт, — в вашей душе ангельская доброта сочетается с человеческими страстями. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Королева, Гильберт; потом Симон Ренар, лорд Чендос и стража.

Королева *(Гильберту)*. Есть при тебе оружие? Нож, кинжал, словом, что-нибудь?

Гильберт *(вынимая спрятанный у него на груди кинжал лорда Кленбрассила)*. Кинжал? Есть, ваше величество.

Королева. Хорошо. Держи его в руке. *(Быстро хватая его за руку.)* Господин амонтский бальи! Лорд Чендос!

Входят Симон Ренар, лорд Чендос и стража.

Взять его! Этот человек поднял на меня кинжал. Я схватила его за руку в ту минуту, когда он хотел нанести мне удар. Это убийца!

Гильберт. Ваше величество...

Королева *(тихо, Гильберту)*. Так скоро ты забыл наше условие? Вот как ты повинешься? *(Громко)* Вы все свидетели, что кинжал был у него в руке. Господин бальи, кто палач лондонского Тоуэра?

Симон Ренар. Ирландец по имени Мак-Дермоти.

Королева. Пусть приведут его ко мне. Я хочу поговорить с ним.

Симон Ренар. Вы, ваше величество?

Королева. Да, я.

Симон Ренар. Королева будет говорить с палачом?

Королева. Да, королева будет говорить с палачом. Голова будет говорить с рукой. Ступайте же!

Один из стражей уходит.

Милорд Чендос и вы, господа, все вы отвечаете мне за этого человека. Спрячьте его позади себя. Он должен быть свидетелем того, что сейчас произойдет. Господин наместник Амонта, лорд Кленбрасил во дворце?

Симон Ренар. Он в комнате с росписью. Дождется, когда королеве угодно будет позвать его.

Королева. Он ничего не подозревает?

Симон Ренар. Ничего.

Королева (*лорду Чендосу*). Пусть он войдет.

Симон Ренар. Там ожидает также весь двор. Прикажете кого-нибудь впустить, прежде чем войдет лорд Кленбрасил?

Королева. Кто из вельмож ненавидит Фабиани?

Симон Ренар. Все.

Королева. Кто ненавидит его больше всех?

Симон Ренар. Клинтон, Монтегью, Сомерсет, граф Дарби, Джерард Фиц-Джерард, лорд Педжет и лорд-канцлер.

Королева. Введите их всех, за исключением лорд-канцлера. Ступайте.

Чендос выходит.

(*Симону Ренару*) Достойный лорд-канцлер не менее других ненавидит Фабиани, но он человек совестливый. (*Заметив бумаги, которые Гильберт положил на стол*) Однако надо мне взглянуть на эти бумаги.

В то время как она просматривает документы, дверь в глубине комнаты отворяется, и с низкими поклонами входят вельможи, названные королевой.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, лорд Клинтон и другие вельможи.

Королева. Добрый день, господа. Да хранит вас бог, милорды! (*Лорду Монтегью*) Энтони Броун, я никогда не забываю, какой достойный отпор вы дали Жану

де Монморанси и графу Тулузскому, когда я вела переговоры с императором, моим дядей. Лорд Педжет, сегодня вы получите ваши грамоты на имя барона Педжета де Бодезер в Стаффорде. Ах, вот и старый наш друг лорд Клинтон! Мы неизменно благосклонны к вам, милорд. Это вы раздавили Томаса Уайета на Сент-Джемской равнине. Вспомним об этом, господа. В тот день английская корона была спасена благодаря мосту, позволившему моим войскам подойти к мятежникам, и стене, помешавшей мятежникам подойти к нам. Мост — это Лондонский мост. Стена — это лорд Клинтон.

Лорд Клинтон (*тихо, Симону Ренару*). Королева не разговаривала со мной уже добрых шесть месяцев. Как она приветлива сегодня!

Симон Ренар (*тихо, лорду Клинтону*). Терпение, милорд. Скоро она вам покажется еще добрее.

Королева (*лорду Чендосу*). Милорд Кленбрасил может войти. (*Симону Ренару*) Через несколько минут после его прихода... (*Говорит ему что-то на ухо, показывая на дверь, в которую вышла Джен.*)

Симон Ренар. Будет исполнено, ваше величество.

Входит Ф а б и а н и

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Ф а б и а н и.

Королева. А, вот и он! (*Снова принимается тихо разговаривать с Симоном Ренаром.*)

Ф а б и а н и (*приветствуемый всеобщими поклонами, оглядывая присутствующих, в сторону*). Что это значит? Сегодня здесь одни мои враги. Королева шепчется с Симоном Ренаром. Чорт возьми, она смеется! Плохой знак!

Королева (*милостиво, к Фабиани*). Храни вас господь, милорд!

Ф а б и а н и (*быстро берет ее руку и целует*). Ваше величество... (*В сторону*) Она мне улыбнулась. Опасность грозит кому-то другому.

Королева (*попрежнему милостиво*). Мне надо поговорить с вами. (*Идет с ним на авансцену.*)

Ф а б и а н и. Мне также, ваше величество. Я должен упрекнуть вас. Удалить, изгнать меня на такой долгий срок! Ах, могло ли это быть, если бы в часы разлуки вы думали обо мне, как я думаю о вас?

К о р о л е в а. Вы несправедливы. С той минуты, как мы расстались, я была занята только вами.

Ф а б и а н и. Правда? Неужели мне выпало столько счастья? О, повторите это снова!

К о р о л е в а (*попрежнему улыбаясь*). Клянусь вам.

Ф а б и а н и. Значит, вы любите меня так же, как я вас?

К о р о л е в а. Да, милорд. Я действительно думала только о вас и даже приготовила вам приятный сюрприз.

Ф а б и а н и. В самом деле? Какой же?

К о р о л е в а. Встречу, которая доставит вам удовольствие.

Ф а б и а н и. Встречу? С кем?

К о р о л е в а. Отгадайте. Не догадываетесь?

Ф а б и а н и. Нет, ваше величество.

К о р о л е в а. Оглянитесь.

Ф а б и а н и (*оборачивается и на пороге маленькой полуоткрытой двери видит Джен. В сторону*). Джен!

Д ж е н (*в сторону*). Это он!

К о р о л е в а (*не переставая улыбаться*). Милорд, знакома вам эта молодая девушка?

Ф а б и а н и. Нет, ваше величество.

К о р о л е в а. А вам, девушка, знаком милорд?

Д ж е н. Правда дороже жизни. Да, ваше величество.

К о р о л е в а. Так вы, милорд, не знаете этой женщины?

Ф а б и а н и. Ваше величество, меня хотят погубить. Я окружен врагами. Эта женщина, без сомнения, в заговоре с ними. Я никогда не видел ее, ваше величество, не знаю, кто она!

К о р о л е в а (*встает и ударяет его перчаткой по лицу*). А! Трус! Ты обманываешь одну и отрекаешься от другой! Ты не знаешь, кто она? Хочешь, я скажу тебе? Эта девушка — Джен Толбот, дочь Джона Толбота, славного вельможи-католика, который умер на эшафоте за мою мать. Эта девушка — Джен Толбот, моя двоюродная сестра; Джен Толбот, графиня Шрусбери, графиня Уэксфорд, графиня Уотерфорд, пэресса Англии, — вот кто эта

девушка. Лорд Педжет, вы хранитель королевской печати. Прошу вас принять к сведению: королева Англии торжественно признает присутствующую здесь молодую женщину по имени Джен дочерью и единственной наследницей последнего графа Уотерфорда. *(Показывает на бумагах.)* Вот документы и доказательства, которые вы должны скрепить большой печатью. Такова наша воля. *(К Фабиани)* Да, графиня Уотерфорд! Это доказано! И ты вернешь ей ее имения, презренный! Так эта женщина незнакома тебе? Ты не знаешь, кто она? Ну что ж, я тебе сказала это. Перед тобою Джен Толбот! Или тебе этого мало? *(Глядя ему в лицо, тихим голосом, сквозь зубы)* Негодяй, она твоя любовница!

Фабиани. Ваше величество...

Королева. Вот кто она. А теперь я скажу тебе, кто ты. Человек без души, без сердца, без разума! Ты плут и негодяй! Ты... Нет, господа, вам незачем уходить. Мне совершенно безразлично, если вы услышите то, что я сейчас скажу. Я, кажется, не понижаю голоса. Фабиано, ты подлец! Ты предатель в отношении меня, трус в отношении нее. Ты лживый слуга, самый низкий, последний из людей. Правда, это я тебя сделала графом Кленбрасилом, бароном Динасмонди, бароном Дармута в Девоншире... О, как я была безумна! Милорды, я прошу у вас прощения, что поставила рядом с вами этого человека. Ты — кавалер? Дворянин? Вельможа? Сравни же себя с теми, кто носит эти звания. Несчастный! Посмотри на них — вот кто вельможи! Вот Бриджес, барон Чендос. Вот Сеймур, герцог Сомерсетский. Вот Стенли — графы Дарби с тысяча четыреста восемьдесят пятого года! Вот Клинтон — бароны Клинтон с тысяча двести девяносто восьмого года! И ты воображаешь, что похож на них? Ты хочешь убедить нас в своем родстве с испанским родом Пеньяльвер? Это ложь! Ты просто жалкий итальянец, ничтожество, меньше, чем ничтожество! Сын башмачника из деревни Ларино! Да, господа, он сын башмачника! Я знала это, но никому не говорила. Я скрывала все и делала вид, что верю этому человеку, когда он болтал о своем знатном происхождении. Таковы все мы, женщины. О боже, я хотела бы созвать сюда всех женщин — это послужило бы для них хорошим уроком. Ничтожный, презренный человек! Обмануть одну и отречься от другой!

Ах, подлец, какой подлец! Поглядите на него. Я говорю с ним столько времени, а он все еще не на коленях! Сейчас же на колени! Милорды, заставьте его стать на колени!

Фабиани. Ваше величество...

Королева. Подлый трус! Я осыпала его благодеяниями. Неаполитанского лакея сделала знатным кавалером и вольным графом Англии! О, я должна была предвидеть это! Меня предупреждали, что этим кончится. Но так уж я создана — сначала упорствую, а затем убеждаюсь в своей ошибке. Моя вина! Итальянец — значит, мошенник! Неаполитанец — значит, трус! Всякий раз, как мой отец принимал услуги итальянца, он потом раскаивался в этом. Ох, этот Фабиани! Видишь, леди Джен, видишь, несчастное дитя, какому человеку ты отдалась? Но я отомщу за тебя! О, мне следовало это знать заранее! Из кармана итальянца не вытащишь ничего, кроме стилета, из его души — ничего, кроме предательства!

Фабиани. Ваше величество, клянусь вам...

Королева. Теперь он хочет дать ложную клятву! Он дойдет до конца в своей низости, он заставит нас краснеть перед этими людьми, нас, слабых женщин, любивших его! Он только не осмелится поднять голову.

Фабиани. Нет, ваше величество, я подниму голову. Я погиб, мне это ясно. Смерть моя — дело решенное. Вы употребите все средства, кинжал, яд...

Королева (*хватает его за руку и увлекает на авансцену*). Яд! Кинжал! О чем ты говоришь, итальянец? Предательская месть, постыдная месть, месть из-за угла, как принято в твоей стране? Нет, синьор Фабиани, не кинжал и не яд. Разве я должна прятаться, искать ночных закоулков, унижаться до тайной мести? Клянусь, милорд, я не боюсь дневного света, слышишь ты? Полдень, яркое солнце, топор и плаха, толпа на улицах, толпа в окнах, толпа на крышах, сто тысяч зрителей! Я хочу внушить страх — слышишь, милорд? Хочу, чтобы зрелище было величественным, страшным и ослепительным, чтобы все говорили. «Оскорблена женщина, но мстит королева!» Я хочу видеть, как этот временщик, вызывавший у всех зависть, как этот наглый молодой красавец, которого я одела в шелк и бархат, согнется в три погибели, дрожа от страха; хочу видеть его коленопреклоненным на черном

сукне, со связанными руками, с босыми ногами, освистанным толпою, в руках палача. На белую шею, которую я обвила золотой цепью, я хочу накинуть веревку. Я видела, каков был этот Фабиани на троне, я хочу видеть, каков будет он на эшафоте!

Фабиани. Ваше величество...

Королева. Ни слова больше! Ни слова! С тобою покончено, знай это. Ты взойдешь на эшафот, как Суффольк и Нортемберленд. То-то будет праздник для моего доброго города Лондона! Тебе хорошо известно, как ненавидит тебя мой добрый город. Клянусь богом, когда нужно отомстить, хорошо быть Марией, госпожой и королевой Англии, дочерью Генриха Восьмого и владычицей четырех морей! Взойдя на эшафот, Фабиани, ты сможешь, если пожелаешь, обратиться с длинной речью к народу, по примеру Нортемберленда, или с длинной молитвой к богу, по примеру Суффолька, чтобы выиграть время в надежде на помилование. Но, беру небо в свидетели, тебе, негодяю, помилования не дожидаться. Подлый предатель, он смел твердить мне о любви, смел еще сегодня утром говорить мне «ты»! Ах, боже мой, господа, вас, кажется, удивляет, что я говорю все это в вашем присутствии? Но, повторяю, мне все равно. (*Лорду Сомерсету*) Милорд герцог, вы констебль Тоуэра, — потребуйте шпагу у этого человека.

Фабиани. Вот она, но я протестую. Если даже будет доказано, что я соблазнил или обманул женщину...

Королева. Какое мне дело до того, что ты соблазнил женщину? Разве это важно? Милорды свидетели, что мне это безразлично!

Фабиани. Соблазнить женщину не значит совершить государственное преступление, ваше величество. По такому же обвинению вам не удалось приговорить к смерти Трогмортон.

Королева. Он, кажется, еще угрожает нам! Червяк превратился в змею. Кто тебе сказал, что ты обвиняешься в этом?

Фабиани. Так в чем же меня обвиняют? Я не англичанин, не подданный вашего величества. Я подданный неаполитанского короля и вассал его святейшества папы. Я потребую вмешательства его легата, преосвященного кардинала Пола. Я буду защищаться, ваше величество.

Я иностранец. Меня могут привлечь к суду только за преступление, за настоящее преступление. В чем мое преступление?

К о р о л е в а. Ты спрашиваешь, в чем твое преступление?

Ф а б и а н и. Да, ваше величество.

К о р о л е в а. Милорды, вы слышали вопрос, который он задал мне? Сейчас вы услышите ответ. Прошу всех присутствующих запомнить, что стоит мне только топнуть ногой, и эшафот вырастет из-под земли. Чендос! Чендос! Распахните настежь эту дверь! Пусть войдет весь двор! Все, все пусть войдут сюда!

Дверь в глубине отворяется. Входит толпа придворных.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, лорд-канцлер, придворные.

К о р о л е в а. Входите, входите, милорды. Сегодня я рада видеть всех вас у себя. А, судьи? Прекрасно. Прошу вас сюда, поближе. Где сержанты палаты лордов, Гарриот и Герберт? А, вот и вы, господа? Милости просим. Выньте шпаги. Отлично. Станьте по обе стороны этого человека. Он ваш пленник.

Ф а б и а н и. Ваше величество, в чем мое преступление?

К о р о л е в а. Милорд Гардинер, наш ученый друг! Вы канцлер Англии: ставим вас в известность, что вам надлежит срочно созвать двенадцать лордов-комиссаров Звездной палаты, которых мы, к сожалению, не видим здесь. В этом дворце происходят странные вещи. Слушайте, милорды. Принцесса Елизавета уже не первый раз посягает на нашу корону. Вспомните заговор Пьетро Каро, который вызвал волнение в Эксетере и вел тайную переписку с принцессой Елизаветой посредством шифра, вырезанного на гитаре. Вспомните измену Томаса Уайета, поднявшего графство Кент. Вспомните, наконец, мятеж герцога Суффолка, который был схвачен в дупле дерева после поражения его сторонников. Сегодня обнаружено новое преступление. Слушайте все. Утром на моем приеме появился какой-то неизвестный. Сказав несколько слов,

он поднял на меня кинжал. Я во-время остановила руку убийцы. Лорд Чендос и господин амонтский бальи схватили его. Он признался, что на это преступление его толкнул лорд Кленбрассил.

Фабиани. Я? Неправда. Это ужасно! Нет такого человека. Такого человека невозможно отыскать. Кто он? Где он?

Королева. Он здесь.

Гильберт (*выступая из рядов солдат, за которыми он был спрятан*). Это я.

Королева. Основываясь на признании этого человека, мы, королева Мария, обвиняем перед Звездной палатой Фабиано Фабиани, графа Кленбрассила, в государственной измене и покушении на жизнь нашей священной королевской особы.

Фабиани. В покушении — меня? Чудовищно! О, мой разум мутится! Что это, ловушка? Кто бы ты ни был, несчастный, неужели ты осмеливаешься утверждать, что королева говорит правду?

Гильберт. Да.

Фабиани. Я толкнул тебя на цареубийство? Я?

Гильберт. Да.

Фабиани. «Да», одно лишь «да»! Проклятье! О боже, если бы вы только знали, господа, какая это ложь! Этот человек послан адом. Несчастный, ты хочешь погубить меня и не знаешь, что одновременно губишь и себя. Уличая меня в преступлении, ты уличаешь и себя. Убивая меня, ты и сам погибнешь. Из-за одного твоего слова падут две головы — моя и твоя. Известно ли тебе это?

Гильберт. Известно.

Фабиани. Милорды, он подкуплен...

Гильберт. Да, вами. Вот кошелек, полученный мною в уплату за преступление. Он полон золота. На нем вышиты ваш герб и ваш вензель.

Фабиани. Праведное небо! Но я не вижу кинжала, которым этот человек будто бы пытался ударить королеву. Где его кинжал?

Лорд Чендос. Вот он.

Гильберт (*к Фабиани*). Это ваш кинжал. Вы мне его дали. У вас найдут и ножны к нему.

Лорд-канцлер. Граф Кленбрассил, что вы можете возразить? Знаете вы этого человека?

Фабиани. Нет.

Гильберт. Он видел меня только ночью, ваше величество. Позвольте мне сказать ему два слова на ухо, — быть может, он вспомнит. (*Приближается к Фабиани.*) Значит, ты никого не узнаешь сегодня, милорд? Ни оскорбленного тобою мужчину, ни соблазненную тобою женщину? Королева мстит, но человек из народа также мстит. Ты говорил, что не боишься меня! Вот ты и попал в сети двойного мщения! Что ты скажешь на это, милорд? Я — чеканщик Гильберт!

Фабиани. А, теперь я узнаю вас. — Я знаю этого человека, милорды. Поскольку здесь замешан он, мне нечего больше сказать.

Королева. Сознался!

Лорд-канцлер (*Гильберту*). Согласно нормандскому закону и двадцать пятому статуту короля Генриха Восьмого, в случаях посягательства на жизнь королевской особы признание не спасает преступника. Не забывайте, что королева не имеет права миловать за подобные преступления. Вы умрете на эшафоте, так же как тот, кого вы обвиняете. Подумайте! Подтверждаете вы все, что было вами сказано?

Гильберт. Я знаю, что умру, и подтверждаю все.

Джен. Боже, если это сон, то он ужасен!

Лорд-канцлер (*Гильберту*). Согласны вы повторить ваше обвинение, положив руку на евангелие? (*Протягивает евангелие Гильберту, который кладет на него руку.*)

Гильберт. Клянусь, положив руку на евангелие, перед лицом близкой смерти, что этот человек — убийца; что этот кинжал, принадлежащий ему, был орудием преступления; что этот кошелек, принадлежащий ему, должен был оплатить преступление. Да поможет мне бог — это правда!

Лорд-канцлер (*к Фабиани*). Милорд, что вы скажете?

Фабиани. Ничего. Я погиб!

Симон Ренар (*тихо, королеве*). Ваше величество велели позвать палача. Он здесь.

Королева. Хорошо. Пусть войдет.

Толпа вельмож расступается, пропуская палача, одетого в красное и черное, с длинной шпагой в ножнах через плечо.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и палач.

К о р о л е в а. Милорд герцог Сомерсет, этих двоих¹ — в Тоуэр! Милорд Гардинер, наш канцлер, завтра же начните процесс в присутствии двенадцати пэров Звездной палаты, и да поможет господь старой Англии! Мы приказываем, чтобы этих людей судили до нашего стьезда в Оксфорд, где мы откроем парламент, и до нашего отъезда в Виндзор, где мы будем проводить пасху. (*Палачу*) Подойди ближе. Я рада видеть тебя. Ты хороший слуга. Ты стар. Ты был свидетелем трех царствований. По обычаю нашего королевства, каждый повелитель при восшествии на престол делает тебе богатый подарок. Мой отец, Генрих Восьмой, подарил тебе бриллиантовую пряжку со своей мантии. Мой брат, Эдуард Шестой, — кубок чеканного золота. Теперь моя очередь. Я еще ничего не дарила тебе. Я хочу это сделать сейчас. Подойди сюда. (*Указывает на Фабиани.*) Ты хорошо видишь эту голову, прекрасную, юную голову, которая еще сегодня утром была самым лучшим, самым ценным, самым дорогим из моих сокровищ? Ты хорошо видишь ее, не правда ли? Прими же ее в дар от меня!

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

КОТОРЫЙ ИЗ ДВУХ?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Зал в Тоуэре Стрельчатые своды, поддерживаемые толстыми колоннами. Слева и справа низкие двери, ведущие в камеры. Направо — слуховое окно, выходящее на Темзу; налево — слуховое окно, выходящее на улицу. С каждой стороны потайная дверь в стене. В глубине галерея с большим застекленным балконом, выходящим во внешний двор тюрьмы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гильберт, Джошуа.

Гильберт. Ну что?

Джошуа. Увы!

Гильберт. Надежды нет?

Джошуа. Надежды нет.

Гильберт подходит к окну.

О, из окна ты ничего не увидишь!

Гильберт. Тебе удалось выяснить?

Джошуа. Нет никаких сомнений.

Гильберт. Значит, для Фабиани?

Джошуа. Для Фабиани.

Гильберт. Счастливцев! А я проклят небом.

Джошуа. Бедный Гильберт! Настанет и твой черед.

Сегодня он, завтра — ты.

Гильберт. Что ты хочешь сказать? Мы, кажется, не понимаем друг друга. О чем ты говоришь?

Д ж о ш у а. Об эшафоте, который они сейчас там воздвигают.

Г и л ь б е р т. А я говорю о Джен.

Д ж о ш у а. О Джен?

Г и л ь б е р т. Да, о Джен! Только о ней! Какое мне дело до всего остального? Разве ты не знаешь, разве забыл, что уже больше месяца я стою, прильнув лицом к решетке моей камеры, потому что там, внизу, я вижу ее, бледную, в трауре; вижу, как она без конца бродит у подножия этой башни, где заключены двое — Фабиани и я. Ты, значит, забыл о моей тоске, о моих тревогах и сомнениях? Ради кого из нас приходит она сюда? Дни и ночи я, злосчастный, задаю себе этот вопрос! Тебя, Джошуа, я также спрашивал об этом, и не далее как вчера ты обещал мне, что повидаешься и поговоришь с ней. Не скрывай же от меня, — что тебе удалось узнать? Ради меня она приходит сюда или ради Фабиани?

Д ж о ш у а. Я узнал, что сегодня будет обезглавлен Фабиани, а завтра ты, и с этой минуты, Гильберт, я словно лишился разума. Эшафот вышиб у меня из головы Джен. Твоя смерть...

Г и л ь б е р т. Моя смерть! Какой смысл придаешь ты этому слову? Смерть постигла меня в тот день, когда я потерял любовь Джен. Она не любит меня, и я мертвец. О Джошуа, поверь мне, я умер! То небольшое, что еще осталось от меня, не заслуживает даже быть завтра уничтоженным. Джошуа, можешь ли ты представить себе, что такое человек, который любит? Если бы два месяца тому назад мне сказали: «Джен, ваша чистая Джен, ваша любовь, ваше сокровище, ваша гордость, ваша лилия, ваша Джен отдалась другому, — хотите вы ее попрежнему?» Я ответил бы: «Нет, не хочу! Лучше тысячу раз умереть мне и ей!» И я растоптал бы ногами того, кто осмелился бы сказать мне это. Однако ты видишь... я все-таки хочу ее! Прежней Джен больше нет. Нет чистой Джен, которую я боготворил, лба которой едва осмеливался касаться губами. Джен отдалась другому, отдалась негодяю, я знаю это, — и что же? — я все равно люблю ее. Сердце мое разбито, но я люблю ее! Я целовал бы край ее платья, я молил бы ее о прощении, если бы она согласилась быть моей. Джошуа, если бы я увидел ее в уличной

грязи вместе с падшими женщинами, я поднял бы ее и прижал к своей груди. Джошуа, Джошуа! Я с радостью отдал бы — не сто лет жизни, потому что у меня остался только один день, — я отдал бы вечность, которую обрету завтра, чтобы хоть раз еще увидеть ее улыбку, обращенную ко мне, и снова услышать из ее уст эти дивные слова: «Я люблю тебя!» Джошуа, Джошуа, так уж устроено сердце человека, который любит! Вы воображаете, что убьете женщину, которая вам изменяет? Нет, вы ее не убьете. Как прежде, вы будете лежать у ее ног, но только подавленный печалью. Ты считаешь меня слабым? Но что бы я выиграл, убив Джен? Ах, сердце мое разрывается от нестерпимых мыслей! Если бы она все еще любила меня, какое дело было бы мне до ее проступка? Но она любит Фабиани! Она любит Фабиани! Ради Фабиани она приходит сюда! Нет, одно мне ясно: я должен умереть. Пожалей меня, Джошуа!

Джошуа. Фабиани умрет сегодня.

Гильберт. А я завтра.

Джошуа. Все в божьей воле.

Гильберт. Сегодня я буду отомщен его гибелью, завтра — он мой.

Джошуа. Брат мой, сюда идет второй констебль Тоуэра, Энеас Делвертон. Ты должен вернуться в камеру. Сегодня вечером мы снова увидимся.

Гильберт. О, умереть нелюбимым! Умереть неоплаканным! Джен!.. Джен!.. Джен!.. (*Уходит в камеру.*)

Джошуа. Бедный Гильберт! Кто бы мог подумать, что случится нечто подобное? (*Уходит.*)

Входят Симон Ренар и Энеас Делвертон.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Симон Ренар, Энеас Делвертон.

Симон Ренар. Все это очень странно, я с вами согласен, но что поделаешь? Королева безрассудна и сама не знает, чего хочет. Она — женщина, и на нее ни в чем нельзя положиться. Зачем она приходит сюда? Сердце женщины — загадка, и недаром король Франциск Первый

нацарапал на оконном стекле Шамборского замка эти слова:

Красотки лицемерят.
Безумен, кто им верит.

Послушайте, милейший Энеас, мы ведь с вами старые друзья: необходимо покончить с этим сегодня же. Здесь все зависит от вас. Если вам будет поручено (*шепчет ему на ухо*), затащите дело, устройте так, чтобы оно не удалось. Мне нужно иметь сегодня вечером в своем распоряжении всего лишь два часа, и я достигну того, чего хочу: завтра не будет больше фаворита, я всемогущ, а послезавтра вы — баронет и комендант Тоуэра. Понятно?

Энеас. Понятно.

Симон Ренар. Отлично. Я слышу, сюда идут. Нас не должны видеть вместе. Ступайте в ту дверь. Я пойду навстречу королеве.

Они расходятся в разные стороны.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Осторожно входит тюремщик и вводит леди Джен.

Тюремщик. Вот вы и попали, куда хотели, миледи. Эти две двери ведут в их камеры. Теперь пожалуйте мне вознаграждение.

Джен (*снимает с руки алмазный браслет и отдает ему*). Вот, возьмите.

Тюремщик. Благодарю. Только не выдавайте меня. (*Уходит.*)

Джен (*одна*). О боже! Что делать? Я погубила его, и я должна его спасти. Но каким образом? Что может женщина? Эшафот! Эшафот! Ужасно! Нет, не надо слез, нужно действовать. Но я не сумею сделать это! Не сумею! Боже, сжался надо мной! Сюда идут! Чей это голос? Королева! Ах, все погибло! (*Прячется за одной из колонн.*)

Входят королева и Симон Ренар.

Королева, Симон Ренар, Джен, скрытая за колонной.

Королева. Так вас удивляет эта перемена? Так я не похожа на самое себя? Ну что ж, думайте, что вам угодно. Сегодня я не хочу, чтобы он умер, — вот и все.

Симон Ренар. Однако ваше величество только вчера приказали, чтобы казнь состоялась сегодня.

Королева. Но третьего дня я приказала, чтобы казнь состоялась вчера. А в воскресенье я приказала, чтобы казнь состоялась в понедельник. Сегодня же я приказываю, чтобы казнь отложили на завтра.

Симон Ренар. В самом деле, со второго воскресенья рождественского поста, когда Звездная палата вынесла свой приговор и оба осужденных вернулись в Тоуэр, предшествуемые палачом, который нес в руках топор, обращенный к их лицам, прошло уже три недели, а ваше величество продолжает откладывать казнь со дня на день.

Королева. Да, да! Вам это непонятно, сударь? Нужно объяснить вам все до конца? Вы хотите, чтобы несчастная женщина обнажила перед вами свое сердце только потому, что она королева, а вы представляете здесь испанского принца, ее будущего супруга? Боже мой, сударь, откуда вам, мужчинам, знать, что сердце женщины так же стыдливо, как ее тело? А! Вы требуете признания? Прикидываетесь, что ничего не понимаете? Так знайте же, что каждый день я откладываю казнь Фабиани потому, что каждое утро — слышите вы? — каждое утро мне изменяют силы при мысли о том, что колокол Тоуэра сейчас возвестит смерть этого человека, потому что каждое утро я лишаясь чувств, представляя, как точат топор для этого человека, потому что каждое утро я умираю, воображая, как сколачивают гроб для этого человека, потому что я женщина, потому что я слаба, потому что я безумна, потому что я люблю его, наконец! Довольно вам этого? Удовлетворены вы теперь? О, настанет день, когда я сумею отомстить вам за все, что вы заставили меня сказать!

Симон Ренар. Однако пора покончить с Фабиани. Вашему величеству предстоит вступить в брак с моим августейшим повелителем, испанским принцем.

Королева. Если испанский принц недоволен, пусть не скрывает этого, — мы вступим в брак с другим. У нас нет недостатка в претендентах. Сын римского короля, принц Пьемонтский, инфант португальский, кардинал Пол, датский король, лорд Кортней такие же достойные вельможи, как принц испанский.

Симон Ренар. Лорд Кортней! Лорд Кортней!

Королева. Английский барон, сударь, стоит испанского принца. К тому же лорд Кортней — потомок восточных императоров. А там — злитесь, сколько вам угодно!

Симон Ренар. Фабиани навлек на себя ненависть всех в Лондоне, у кого есть сердце.

Королева. За исключением меня.

Симон Ренар. Горожане относятся к нему так же, как вельможи. Если он не будет предан смерти сегодня же, как обещано вашим величеством...

Королева. Что тогда?

Симон Ренар. Чернь устроит бунт.

Королева. У меня есть ландскнехты.

Симон Ренар. Вельможи устроят заговор.

Королева. У меня есть палач.

Симон Ренар. Ваше величество, вы дали клятву над молитвенником вашей матери, что не помилите Фабиани.

Королева. Вот бланк, который он велел передать мне и в котором я клянусь своей королевской короной, что окажу ему любую милость. Корона моего отца стоит молитвенника моей матери. Одна клятва освобождает меня от другой. А кроме того, кто вам сказал, что я собираюсь помиловать его?

Симон Ренар. Он нагло обманул вас, ваше величество.

Королева. Что мне до этого? Все мужчины так поступают. Я не желаю его смерти. Послушайте, милорд... я хотела сказать, господин бальи; боже, вы так расстроили меня, что я забыла, с кем говорю. Так вот, послушайте: я знаю все, что вы можете мне сказать. Вы скажете, что он подлый, презренный человек, что он трус? Мне это известно не хуже вашего. Я сгораю от стыда, но я люблю его. Что делать? Быть может, честного человека я не могла бы так любить. Впрочем, что такое вы все? Чем вы

лучше его? Вы скажете, что он фаворит и что английский народ не любит фаворитов? Но разве я не знаю, что вы стремитесь уничтожить Фабиани только для того, чтобы поставить на его место этого ирландца, этого фата — графа Килдара, который будет рубить двадцать голов в день? Но что вам до этого? Прошу вас, не говорите мне об испанском принце. Вы сами смеетесь над ним. И не толкуйте мне о недовольстве французского посла, господина де Ноайля. Господин де Ноайль — глупец, и я скажу ему это в лицо. И, наконец, я женщина: сегодня я могу хотеть одного, завтра другого. Не ищите во мне последовательности. Жизнь этого человека нужна мне как воздух. Пожалуйста, не стойте передо мной с видом святой невинности. Мне отлично известны все ваши проделки. И, между нами, вы так же, как я, знаете, что Фабиани не совершал преступлений, за которое осужден. Все это было подстроено. Я не хочу, чтобы он умер. Кто здесь повелевает? Довольно, господин бальи, поговорим о другом.

Симон Ренар. Я удаляюсь, ваше величество. Но помните, в моем лице с вами говорила вся ваша знать.

Королева. Какое мне дело до знати!

Симон Ренар *(в сторону)*. Попытаемся воздействовать через народ. *(Уходит, отвесив глубокий поклон.)*

Королева *(одна)*. У него был странный вид, когда он уходил. Этот человек не остановится перед тем, чтобы поднять восстание. Поспешим в ратушу. Эй, кто-нибудь!

Входят Энеас и Джошуа.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, кроме Симона Ренара; Энеас, Джошуа.

Королева. Это вы, Энеас? Вы и этот человек должны немедленно устроить побег графа Кленбрассила.

Энеас. Ваше величество...

Королева. Впрочем, нет, вам я не могу довериться этого. Я забыла, что и вы принадлежите к его врагам. О боже! Меня окружают одни лишь враги человека, которого я люблю. Бьюсь об заклад, что и этот незнакомый мне тюремщик ненавидит его.

Дж о ш у а. Это правда, ваше величество...

К о р о л е в а. Боже мой, Симон Ренар имеет здесь больше власти, чем королева! Что же это? Нет никого, кому я могла бы довериться! Никого, кому могла бы поручить побег Фабиани!

Д ж е н (*выходит из-за колонны*). Есть, ваше величество: это я!

Дж о ш у а (*в сторону*). Джен!

К о р о л е в а. Кто — ты? Это вы, Джен Толбот? Как вы здесь очутились? Ах, все равно! Вы здесь, вы пришли спасти Фабиани. Благодарю вас, Джен. Я должна была бы ненавидеть вас, ревновать вас, у меня есть тысячи причин для этого. Но нет, я вас люблю, потому что вы любите его. Перед эшафотом нет места ревности, есть только любовь. Вы тоже прощаете ему, я это вижу. Мужчины не могут понять нас. Леди Джен, объединим наши усилия. Обе мы несчастны, не правда ли? Необходимо устроить побег Фабиани. У меня нет никого, кроме вас, и я должна принять ваше предложение. По крайней мере я уверена, что вы вложите всю свою душу в дело спасения Фабиано. Поручаю вам его. — Господа, отныне вы будете оба повиноваться всем приказаниям леди Джен. За послушание вы отвечаете мне головой. Обними меня, девушка!

Д ж е н. Темза оmyвает Тоуэр с этой стороны. Я заметила в стене потайной выход. Если причалить туда лодку, можно устроить побег через Темзу. Это самый надежный способ.

Э н е а с. Лодку невозможно доставить раньше, чем через час.

Д ж е н. Это слишком долго.

Э н е а с. Не так уж долго. Кроме того, через час стемнеет. Так будет лучше, если ее величество желает, чтобы побег совершился втайне.

К о р о л е в а. Пожалуй, вы правы. Итак, через час! Я покидаю вас, леди Джен. Я должна отправиться в ратушу. Спасите Фабиани!

Д ж е н. Будьте спокойны, ваше величество!

К о р о л е в а уходит. Джен провожает ее взглядом.

Дж о ш у а (*на авансцене*). Гильберт был прав. Она думает только о Фабиани!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, кроме королевы.

Джен (*Энеасу*). Вы слышали волю королевы? Лодку к подножию башни, ключи от потайного хода, шляпу и плащ.

Энеас. Невозможно доставить все это до наступления темноты. Не раньше, чем через час, миледи.

Джен. Хорошо. Идите. Оставьте меня вдвоем с этим человеком.

Энеас уходит. Джен провожает его взглядом.

Джошуа (*стоя на авансцене, в сторону*). С этим человеком! Очень просто! Кто забыл Гильберта, тот не узнает и Джошуа. (*Направляется к камере Фабиани с тем, чтобы отпереть ее.*)

Джен. Что вы там делаете?

Джошуа. Предупреждаю ваше желание, миледи. Хочу отпереть эту дверь.

Джен. Что это за дверь?

Джошуа. Дверь в камеру милорда Фабиани.

Джен. А эта?

Джошуа. Дверь в камеру другого преступника.

Джен. Кто этот другой?

Джошуа. Человек, также приговоренный к смерти. Вы его не знаете; это рабочий по имени Гильберт.

Джен. Откройте эту дверь!

Джошуа (*отпирая*). Гильберт!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Джен, Гильберт, Джошуа.

Гильберт (*из глубины камеры*). Чего хотят от меня? (*Показывается на пороге, видит Джен и, пошатнувшись, прислоняется к стене.*) Джен! Леди Джен Толбот!

Джен (*на коленях, не поднимая на него глаз*). Гильберт, я пришла, чтобы спасти вас.

Гильберт. Спасти меня?

Джен. О, выслушайте! Сжальтесь надо мною, не вините меня. Я знаю все, что вы можете мне сказать. Это справедливо, но не говорите мне ничего. Я должна спасти

вас. Все уже подготовлено. Ваш побег обеспечен. Позвольте мне спасти вас, как вы позволили бы всякому другому. Я больше ни о чем не прошу. Потом вы можете не знать меня. Я никогда не напомню вам о себе. Умоляю вас не о прощении, а только о праве спасти вас. Согласны вы, Гильберт?

Гильберт. Благодарю, но это бесполезно. На что мне жизнь, леди Джен, если вы больше не любите меня?

Джен (*радостно*). О Гильберт! Как мне понять ваши слова? Неужели вас еще может интересовать то, что происходит в сердце бедной девушки? Гильберт! Вы хотите знать, к кому оно проникнуто любовью? Ах, я думала, что вам это все равно, что вы слишком презираете меня, чтоб интересоваться моими чувствами. Гильберт! Если бы вы знали, что значат для меня ваши слова! Они луч солнца, внезапно проникший в окутавшую меня тьму. О, выслушайте меня! Если бы я посмела снова приблизиться к вам, коснуться вашей одежды, взять своей рукой вашу руку, если бы, как раньше, посмела поднять на вас и на небо свой взгляд, — знаете, что я сказала бы вам, простертая на коленях у ваших ног, с рыданием в груди и неземной радостью в сердце? Я сказала бы: «Гильберт, я люблю тебя!»

Гильберт (*с восторгом обнимая ее*). Ты любишь меня?

Джен. Да, я люблю тебя!

Гильберт. Ты любишь меня! Великий боже, она меня любит! Это правда, она сама сказала мне это, своими устами произнесла это слово!

Джен. Мой Гильберт!

Гильберт. Ты все подготовила для моего побега, говоришь ты? Скорей! Скорей! Будем жить! Джен любит меня — я хочу жить! Как давят эти своды! Они грозят разmozжить мне голову! Выпустите меня, я задыхаюсь! Бежим скорее! Бежим, Джен! Я хочу жить! Я любим!

Джен. Еще нельзя. Нужна лодка. Придется дожидаться ночи. Но успокойся, ты будешь спасен. Не пройдет и часа, как мы вырвемся на волю. Королева — в ратуше и вернется не скоро. А пока я здесь распоряжаюсь. Потом ты все поймешь.

Гильберт. Целый час ожидания, целый час! О, как мне не терпится снова обрести жизнь, обрести счастье!

Джен! Джен! Ты здесь! Я буду жить! Ты меня любишь! О, я возвращаюсь из ада. Держи меня, Джен, я способен совершить глупость. Мне хочется смеяться, хочется петь! Так это правда, что ты меня любишь?

Джен. Да, люблю, люблю! И знаешь, Гильберт, — верь мне, я говорю правду, как на смертном ложе, — я всегда любила только тебя! Даже в моем падении, на самом дне преступления, я не переставала любить тебя! Едва я упала в объятия демона, погубившего меня, как стала оплакивать своего ангела!

Гильберт. Все забыто, все прощено! Не вспоминай больше об этом. О Джен, что мне до прошлого? Кто устоял бы перед твоим голосом? Кто поступил бы иначе на моем месте? Я все прощаю тебе, мое дорогое дитя! Сущность любви — в милосердии и прощении. Джен, ревность и отчаянье иссушили слезы в моих глазах. Но я прощаю тебе, я благодарю тебя. Ты попрежнему одна сияешь мне в этом мире, и с каждым словом, которое ты произносишь, в моей душе стихает боль и возрождается радость! Джен, поднимите голову, встаньте и взгляните мне в глаза. Слушайте, что я скажу вам: Джен, ты мое дитя.

Джен. Всегда великодушен! Всегда! О дорогой Гильберт!

Гильберт. Ах, поскорей бы прочь отсюда, поскорее бы уехать далеко, быть свободным, быть вместе с тобой! О, неужели эта ночь никогда не наступит? Лодки все нет... Джен, мы этой же ночью покинем Лондон. Мы покинем Англию, поедem в Венецию. Там люди моего ремесла зарабатывают много денег. Ты будешь моею... О боже! Я совсем обезумел, забыл, какое имя ты носишь, слишком высокое имя, Джен!

Джен. Что ты хочешь сказать?

Гильберт. Ты дочь лорда Толбота.

Джен. Я знаю другое, более прекрасное имя.

Гильберт. Какое?

Джен. Жена рабочего Гильберта.

Гильберт. Джен!..

Джен. О нет! Не думай, что я прошу тебя об этом! Я знаю, что недостойна быть ею. Нет, я не посмею вознестись так высоко. Я не стану злоупотреблять твоим великодушием. Бедный чеканщик Гильберт не унижит себя

браком с графиней Уотерфорд. Но я все равно последую за тобой, все равно буду любить тебя и никогда не покину. Днем я буду лежать у твоих ног, ночью у твоей двери. Я буду смотреть, как ты работаешь, буду помогать тебе, подавать все, что тебе понадобится. Я буду для тебя немногим меньше, чем сестра, и немногим больше, чем собака. И если ты когда-нибудь женишься, Гильберт, — потому что бог захочет, чтобы ты в конце концов нашел женщину чистую и незапятнанную, женщину, достойную тебя, — так вот, если ты женишься и если жена твоя будет так добра, что позволит это, я буду служанкой твоей жены. Если же она не позволит этого, я уйду, чтобы умереть где-нибудь. Только в этом случае я покину тебя. Если же ты не женишься, я навсегда останусь с тобой. Я буду кротка, буду покорна, ты увидишь, Гильберт. И если кто-нибудь подумает обо мне дурно, видя меня с тобой, пусть думает, что хочет. Мне больше не от чего краснеть, ты ведь знаешь. Я бедная девушка.

Гильберт (*падая к ее ногам*). Ты ~~ангел~~ Ты — моя жена!

Джен. Твоя жена! Ты, как бог, своим прощением очищаешь от греха. Будь же благословен, Гильберт, за то, что ты возложил на мою голову этот венец.

Гильберт встает с колен и заключает ее в объятия. В то время как они стоят, крепко обнявшись, Джошуа подходит и берет Джен за руку.

Джошуа. Это Джошуа, леди Джен.

Гильберт. Добрый Джошуа!

Джошуа. Вы не узнали меня.

Джен. Ах, это потому, что я должна была начать с него.

Джошуа целует ей руки.

Гильберт (*сжимая ее в объятиях*). Какое счастье! Неужели все это правда? Уж не грежу ли я?

Издалека доносится шум, слышны неясные крики, гул. Смеркается.

Джошуа. Что там за шум? (*Подходит к окну, выходящему на улицу.*)

Джен. О боже! Только бы ничего не случилось!

Дж о ш у а. Там, внизу, огромная толпа. Заступы, пики, факелы! Гвардейцы королевы на лошадях, они сражаются. И все это направляется сюда. Какие крики! Чорт возьми, это похоже на бунт!

Д ж е н. Только бы это было не против Гильберта!

О т д а л е н н ы е к р и к и. Фабиани! Смерть Фабиани!

Д ж е н. Слышите?

Дж о ш у а. Да.

Д ж е н. Что они кричат?

Дж о ш у а. Нельзя разобрать.

Д ж е н. О боже! О боже!

Через потайную дверь поспешно входят Э не а с и лодочник.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Э не а с, лодочник.

Э не а с. Милорд Фабиани! Милорд! Нельзя терять ни минуты! Они узнали, что королева хочет спасти вам жизнь. Лондонская чернь восстала. Через четверть часа они разорвут вас на куски. Спасайтесь, милорд! Вот плащ и шляпа. Вот ключи. Вот лодочник. Не забудьте, что всем этим вы обязаны мне. Милорд, спешите! (*Тихо, лодочнику*) А ты не торопись.

Д ж е н (*быстро набрасывает плащ и шляпу на Гильберта, тихо, к Джошуа*). Господи! Только бы этот человек не узнал...

Э не а с (*пристально глядя на Гильберта*). Что такое? Это не лорд Кленбрасил! Миледи, вы ослушались приказания королевы! Вы устраиваете побег другому!

Д ж е н. Все погибло! Я должна была предвидеть это! О боже! Сударь, это правда... Сжальтесь!..

Э не а с (*тихо, к Джен*). Молчите! Действуйте! Я ничего не сказал, я ничего не видел. (*С безразличным видом отходит в глубину сцены.*)

Д ж е н. Что он говорит? Ах, провидение все же за нас! Все хотят спасения Гильберта!

Дж о ш у а. Нет, леди Джен: все хотят гибели Фабиани.

Во время этой сцены шум снаружи усиливается.

Д ж е н. Скорей, Гильберт! Поспешим!

Д ж о ш у а. Пусть он идет один.

Д ж е н. Мне оставить его!..

Д ж о ш у а. Не надолго. В лодке не должно быть женщины, если вы хотите, чтобы он благополучно добрался. Еще слишком светло. На вас белое платье. Когда опасность минует, вы снова будете вместе. Пойдемте со мною сюда. Он выйдет через ту дверь.

Д ж е н. Джошуа прав. Где я найду тебя, мой Гильберт?

Г и л ь б е р т. Под первой аркой Лондонского моста.

Д ж е н. Хорошо. Не медли же. Шум все усиливается. Как бы я хотела, чтобы ты был уже далеко!

Д ж о ш у а. Вот ключи. Вам придется отпереть и снова запереть двенадцать дверей, прежде чем вы достигнете реки. Это займет добрых четверть часа.

Д ж е н. Четверть часа! Двенадцать дверей! Это ужасно!

Г и л ь б е р т (обнимая ее). Прощай, Джен. Еще немного, и мы соединимся на всю жизнь.

Д ж е н. Навеки! (Лодочнику) Сударь, поручаю его вам.

Э н е а с (тихо, лодочнику). Во избежание несчастья, не торопись.

Г и л ь б е р т уходит с лодочником.

Д ж о ш у а. Он спасен! Теперь будем действовать мы. Прежде всего нужно запереть эту дверь. (*Запирает камеру Гильберта.*) Готово! Идемте скорей сюда. (*Выходит с Джен через вторую потайную дверь.*)

Э н е а с (один). Фабиани остался в западне. Ловкая девчонка! Господин Симон Ренар дорого заплатил бы ей за эту проделку. Но что скажет королева? Только бы все это не обрушилось на меня!

Через галерею быстро входят Симон Ренар и королева. Шум снаружи все усиливается. Почти совсем стемнело. Крики толпы, требующей смерти Фабиани. Факелы, бряцанье оружия, выстрелы, конский топот. Несколько вельмож с кинжалами в руках сопровождают королеву. Среди них — герольд Англии Кларенс с королевским знаменем в руках и герольд ордена Подвязки Гартер с знаменем ордена.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Королева, Симон Ренар, Энеас, лорд Клинтон, герольды, придворные, пажы и прочие.

Королева (*тихо, Энеасу*). Фабиани бежал?

Энеас. Нет еще.

Королева (*устремив на него угрожающий взгляд*).
Еще нет?

Энеас (*в сторону*). Чорт!

Народ (*за сценой*). Смерть Фабиани!

Симон Ренар. Ваше величество, необходимо решиться немедленно. Народ требует смерти этого человека. Лондон в огне. Тоуэр осажден. Мятеж принимает угрожающие размеры. Королевские вассалы изрублены в куски на Лондонском мосту. Гвардейцы вашего величества еще держатся, однако толпа теснила вас, ваше величество, из улицы в улицу, от ратуши до самого Тоуэра. Сторонники принцессы Елизаветы подстрекают народ. Это видно по ожесточенности мятежа. Положение тяжелое. Что прикажет ваше величество?

Крики народа. Фабиани! Смерть Фабиани!

Шум возрастает и приближается.

Королева. Смерть Фабиани! Милорды, вы слышите вой толпы? Ей нужно бросить человека. Чернь требует пищи,

Симон Ренар. Что прикажет ваше величество?

Королева. Право, милорды, вы, кажется, дрожите? Клянусь, придется мне, женщине, напомнить вам ваш дворянский долг! На коней, милорды, на коней! Или вы оробели перед этим сбродом? Или шпаги испугались дубин?

Симон Ренар. Берегитесь, ваше величество, как бы дело не зашло слишком далеко. Уступите, пока есть время. Только что вы назвали их сбродом, — как бы через час вам не пришлось сказать: народ!

Крики усиливаются, шум приближается.

Королева. Через час!

Симон Ренар (*идет на галерею и тотчас возвращается*). Нет, ваше величество, через четверть часа. Первая линия укреплений Тоуэра взята. Еще один шаг, и народ ворвется сюда.

Н а р о д. В Тоуэр! В Тоуэр! Фабиани! Смерть Фабиани!
К о р о л е в а. Да, правы те, которые говорят, что народ страшен. Фабиано!

С и м о н Р е н а р. Вы хотите, чтобы через минуту он был растерзан на ваших глазах?

К о р о л е в а. Но это позор, господа! Никто из вас не трогается с места! Во имя неба, защитите меня!

Л о р д К л и н т о н. Вас — да, ваше величество. Фабиани — нет.

К о р о л е в а. О господи! Если так, тем хуже! Теперь я выскажу все. Фабиано не виновен! Фабиано не совершал преступления, за которое он осужден. Это я, и вот этот человек, и еще чеканщик Гильберт — мы всё придумали и подстроили. Мы разыграли комедию. Посмейте, господин балы, опровергнуть мои слова. Итак, господа, надеюсь, теперь вы защитите его? Он невинен, слышите вы это? Клянусь моей головой, клянусь короной, богом, душой матери, он не виновен в преступлении! Это так же верно, как то, что вы находитесь здесь, лорд Клинтон. Вступитесь же за него. Мой храбрый Клинтон, мой старый друг, мой добрый Роберт, раздавите их, как вы раздавили Тома Уайета! Я вам клянусь, что Фабиано не поднимал руки на свою королеву.

Л о р д К л и н т о н. Есть другая королева, на которую он поднял руку. Эта королева — Англия.

Крики снаружи продолжаютсЯ.

К о р о л е в а. Балкон! Откройте балкон! Я сама докажу народу его невиновность.

С и м о н Р е н а р. Лучше докажите народу, что он не итальянец.

К о р о л е в а. И так смеет говорить со мною какой-то Симон Ренар, ставленник кардинала Гранвеллы! Отворите эту дверь! Отворите камеру! Выпустить Фабиано! Я хочу видеть его, хочу говорить с ним!

С и м о н Р е н а р (тихо). Что вы делаете? Ради его спасения никто не должен знать, что он здесь.

Н а р о д. Смерть Фабиани! Да здравствует Елизавета!

С и м о н Р е н а р. Слышите, теперь они кричат: «Да здравствует Елизавета!»

К о р о л е в а. Боже! Боже!

Симон Ренар. Выбирайте, ваше величество. (*Указывает рукой на дверь камеры.*) Либо эту голову — народу (*указывает другой рукой на корону, которую увенчана королева*), либо эту корону — принцессе Елизавете.

Н а р о д. Смерть! Смерть Фабиани! Елизавета!

Камень разбивает стекло в окне, у которого стоит королева.

Симон Ренар. Ваше величество, вы губите себя без пользы для него. Уже захвачен второй двор. Что прикажет королева?

Королева. Все вы трусы, и Клинтон первый среди вас! О Клинтон, когда-нибудь я вам это припомню, мой друг!

Симон Ренар. Что прикажет королева?

Королева. Ах, быть покинутой всеми! Во всем признаться и ничего не достигнуть! Вот каковы эти дворяне! Гнусное отродье! Я хотела бы растоптать их всех! Королева имеет право иногда быть только женщиной. Вы дорого заплатите мне за все это, господа!

Симон Ренар. Что прикажет королева?

Королева (*в изнеможеннии*). Делайте, что хотите. Поступайте, как знаете. Вы убийца! (*В сторону*) О Фабиано!

Симон Ренар. Кларенс! Гартер! Ко мне! Энеас, отоприте большой балкон галлерей.

Двери балкона в глубине сцены отворяются, и туда входит Симон Ренар в сопровождении Кларенса с правой стороны и Гартера с левой. Снаружи врывается оглушительный шум.

Н а р о д. Фабиани! Фабиани!

Симон Ренар (*обращаясь с балкона к народу*). Именем королевы!

Г е р о л ь д ы. Именем королевы!

Воцаряется глубокая тишина.

Симон Ренар. Люди! Королева объявляет вам, что сегодня ночью, чсрез час после гашения огней, Фабиано Фабиани, граф Кленбрасил, покрытый с головы до ног черным покрывалом, с железным кляпом во рту, с трехфунтовой свечой желтого воска в руке, будет при

свете факелов отведен из Тоуэра через Черинг-Кросс на Старый городской рынок, чтобы публично принести покаяние и быть обезглавленным за совершенные им преступления — государственную измену первой степени и покушение на жизнь королевской особы ее величества.

Бурные рукоплескания снаружи.

Н а р о д. Да здравствует королева! Смерть Фабиани!

С и м о н Р е н а р (*продолжает*). И чтобы ни один человек в городе Лондоне не остался в неведении этого, королева повелевает: в продолжение всего пути осужденного из Тоуэра к Старому рынку будет звонить большой колокол Тоуэра. Во время казни будут даны три пушечных выстрела: первый — когда преступник взойдет на эшафот, второй — когда он опустится на черное сукно, третий — когда скатится его голова.

Рукоплескания.

Н а р о д. Иллюминацию! Иллюминацию!

С и м о н Р е н а р. Этой ночью Тоуэр и весь город будут иллюминированы кострами и факелами в ознаменование всеобщей радости. Я все сказал.

Рукоплескания.

Да хранит бог древнюю хартию Англии!

Г е р о л ь д ы. Да хранит бог древнюю хартию Англии!

Н а р о д. Смерть Фабиани! Да здравствует Мария! Да здравствует королева!

Балкон закрывается С и м о н Р е н а р подходит к королеве

С и м о н Р е н а р. Принцесса Елизавета никогда не простит мне того, что я сейчас сделал.

К о р о л е в а. Королева Мария также. Оставьте меня, сударь! (*Делает всем присутствующим знак удалиться.*)

С и м о н Р е н а р (*тихо, Энеасу*). Господин Энеас, проследите за казнью.

Э н е а с. Положитесь на меня.

С и м о н Р е н а р уходит. В ту минуту, когда Э н е а с собирается выйти, к нему подбегает к о р о л е в а, хватает его за руку и быстро увлекает на авансцену.

Королева, Энеас.

Народ (*снаружи*). Смерть Фабиани! Смерть Фабиани!

Королева. Как по-твоему, чья голова стоит сейчас больше — твоя или Фабиани?

Энеас. Ваше величество...

Королева. Ты изменник!

Энеас. Ваше величество... (*В сторону*) Чорт!

Королева. Никаких оправданий! Клянусь моей матерью, если умрет Фабиани, умрешь и ты!

Энеас. Но, ваше величество...

Королева. Спаси Фабиани — и ты спасешь себя. Другого выхода нет.

Народ. Смерть Фабиани! Смерть Фабиани!

Энеас. Спасти лорда Кленбрассила! Но там народ. Это невозможно. Что могу я сделать? .

Королева. Придумай сам.

Энеас. Боже мой, как мне быть?

Королева. Сделай так, как ты сделал бы для себя.

Энеас. Но народ не сложит оружия, пока не совершится казнь. Чтобы успокоить его, нужно кого-нибудь обезглавить.

Королева. Найди, кого хочешь.

Энеас. Кого хочу?.. Погодите, ваше величество! Казнь совершится ночью, при свете факелов. Осужденного приведут под черным покрывалом, с кляпом во рту. Народ, сдерживаемый стражей, будет, как всегда, далеко от эшафота. Ему достаточно увидеть, как скатится голова. Я берусь все устроить. Только бы лодочник был еще здесь! Я велел ему не торопиться. (*Подходит к окну, откуда видна Темза.*) Он здесь еще! Надо поспешить! (*Высовывается в окно, с факелом в руке, машет платком, затем оборачивается к королеве.*) Все в порядке, ваше величество. Я отвечаю за жизнь милорда Фабиани.

Королева. Своей головой?

Энеас. Своей головой.

Зала с двумя лестницами, из которых одна ведет наверх, другая вниз. Площадка каждой из них занимает часть задней половины сцены. Лестница, ведущая вверх, теряется в потолке; лестница, ведущая вниз, уходит под пол. Не видно, где обе лестницы начинаются и куда они ведут.

Зала задрапирована, в знак траура, особенным образом: правая, левая стена и потолок затянуты черной материей с большим белым крестом посредине; стена напротив зрителя — белой материей с большим черным крестом. Эти черная и белая обивки тянутся, насколько хватает глаз, вправо и влево, теряясь позади лестницы. По обе стороны — алтари, затянутые черным и белым, как для похорон. Горят большие свечи. Священников не видно. Зала и лестницы слабо освещены траурными лампами, свисающими кое-где под сводами. Настоящее освещение дает зале большое белое полотно заднего фона, пропускающее красноватый свет, как бы от пылающей позади гигантской печи. Пол залы устлан надгробными плитами.

При поднятии занавеса на прозрачном заднем фоне вырисовывается черный неподвижный силуэт королевы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Д ж е н, Д ж о ш у а.

Они осторожно входят, приподняв край черной драпировки, за которою скрыта маленькая дверь.

Д ж е н. Джошуа, где мы?

Д ж о ш у а. На главной площадке лестницы, по которой спускаются осужденные, идя на казнь. Ее разукрасили так при Генрихе Восьмом.

Д ж е н. И нет никакого способа выбраться отсюда?

Д ж о ш у а. Народ охраняет все выходы Тоуэра. На этот раз он не хочет упустить своего осужденного. Никто не выйдет отсюда до казни.

Д ж е н. У меня в ушах не перестает звучать оглашение, сделанное с этого балкона. Вы всё слышали снизу, Джошуа? Как это ужасно!

Д ж о ш у а. О, мне немало пришлось перевидать таких ужасов.

Д ж е н. Только бы Гильберту удалось бежать! Как вы думаете, Джошуа, он спасся?

Д ж о ш у а. Конечно, спасся. Я в этом уверен.

Д ж е н. Да? Вы в самом деле уверены в этом, мой добрый Джошуа?

Д ж о ш у а. Тоуэр не был осажден со стороны реки. Кроме того, в минуту его побега бунт еще не достиг таких размеров, как сейчас. Славный они устроили бунт, не правда ли?

Д ж е н. Так вы уверены, что он спасся?

Д ж о ш у а. Так же уверен, как в том, что в эту минуту он поджидает вас под первой аркой Лондонского моста, где вы с ним встретитесь еще до полуночи.

Д ж е н. Боже мой! Ведь и он будет тревожиться обо мне! (*Заметив тень королевы*) Небо! Что это, Джошуа?

Д ж о ш у а (*тихо, беря ее за руку*). Тише! Это львица в засаде.

В то время как Д ж е н, объятая ужасом, смотрит на черный силуэт, сверху доносится г о л о с, медленно и раздельно произносящий следующие слова:

Г о л о с. Тот, кто следует за мной, покрытый черным покрывалом, — это знатный и могущественный вельможа Фабиано Фабиани, граф Кленбрасилл, барон Динасмонди, барон Дармута в Девоншире, который будет обезглавлен на Лондонском рынке за цареубийство и государственную измену. Да помилует бог его душу!

В т о р о й г о л о с. Молитесь за него!

Д ж е н (*дрожа*). Джошуа! Вы слышите?

Д ж о ш у а. Да. Я слышу это каждый день.

Вверху лестницы показывается траурная процессия, которая медленно разворачивается по мере того, как спускается вниз. Впереди идет человек, одетый в черное; в руках у него белое знамя с черным крестом. За ним — Энеас Делвертон в широком черном плаще, с белым жезлом констебля в руке. Далее — отряд солдат, вооруженных копьями, одетых в красное, затем палач с топором на плече, обращенным лезвием к фигуре, следующей за ним под длинным черным покрывалом, которое волочится по земле. Покрывало целиком закрывает этого человека, и видна только его обнаженная рука; просунутая через отверстие, сделанное в покрывале, и держащая зажженную свечу желтого воска. Рядом идет священник в облачении для поминания усопших. Далее следует отряд солдат, одетых в красное, и за ними человек в белой одежде, несущий черное знамя с белым крестом. По обеим сторонам процессии идут алебардчики с факелами.

Д ж е н. Джошуа, вы видите?

Д ж о ш у а. Да. Я вижу это каждый день.

Спустившись с лестницы, процессия останавливается.

Э не а с. Тот, кто следует за мной, покрытый черным покрывалом, — это знатный и могущественный вельможа Фабиано Фабиани, граф Кленбрасилл, барон Динасмонди, барон Дармута в Девоншире, который будет обезглавлен на Лондонском рынке за цареубийство и государственную измену. Да помилует бог его душу!

Об а з н а м е н о с ц а. Молитесь за него!

Процессия медленно проходит в глубине сцены.

Д ж е н. О Джошуа, как все это ужасно! Кровь стынет у меня в жилах.

Д ж о ш у а. Но ведь это негодяй Фабиани!

Д ж е н. Молчите, Джошуа! Он негодяй, но он несчастный!

Процессия подходит ко второй лестнице. С и м о н Р е н а р, появившийся за несколько минут до этого около лестницы и все видевший, отступает, давая дорогу процессии, которая медленно уходит под своды лестницы и, наконец, исчезает из виду. Д ж е н с ужасом следит за нею.

С и м о н Р е н а р (*после того, как процессия скрылась*). Что это значит? Неужели то был Фабиани? Мне казалось, он меньше ростом. Или Энеас... Королева задержала его на минуту. Посмотрим!

Спускается по лестнице вслед за процессией.

Г о л о с (*постепенно замирающий в отдалении*). Тот, кто следует за мной, покрытый черным покрывалом, — это знатный и могущественный вельможа Фабиано Фабиани, граф Кленбрасилл, барон Динасмонди, барон Дармута в Девоншире, который будет обезглавлен на Лондонском рынке за цареубийство и государственную измену. Да помилует бог его душу!

Д р у г и е г о л о с а (*едва доносящиеся*). Молитесь за него!

Д ж о ш у а. Сейчас большой колокол возвестит его выход из Тоуэра. Пожалуй, теперь вы сможете выбраться отсюда. Я постараюсь устроить это. Подождите меня здесь; я скоро вернусь.

Д ж е н. Джошуа, не покидайте меня. Боже, мне так страшно оставаться одной!

Д ж о ш у а. Вы не можете сопровождать меня по всему Тоуэру, это опасно. Я должен вывести вас отсюда. Помните, что Гильберт ждет вас.

Д ж е н. Гильберт! Для него я готова на все! Идите!

Д ж о ш у а уходит.

О, какое страшное зрелище! Подумать только, что то же самое ожидало Гильберта! (*Становится на колени перед одним из алтарей.*) Благодарю тебя, господи! Воистину ты наш спаситель! Ты спас Гильберта!

Задняя драпировка раздвигается, и входит королева. Она медленно приближается к авансцене, не замечая Джен, которая оборачивается.

Боже! Королева!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Д ж е н, королева.

Д ж е н испуганно прижимается к алтарю и устремляет на королеву взгляд, полный изумления и ужаса.

К о р о л е в а (*молча стоит несколько минут на авансцене, бледная, с неподвижным взглядом, словно погруженная в мрачное раздумье. Наконец испускает глубокий вздох*). О, этот народ! (*Обводит сцену тревожным взглядом и замечает Джен.*) Здесь кто-то есть! А, это ты, девушка? Это вы, леди Джен? Вы испугались меня? Подойдите, не бойтесь. Тюремщик Энеас обманул нас, вам это известно? Что же вас страшит? Дитя, я уже сказала, — тебе нечего бояться меня. То, что месяц тому назад грозило тебе гибелью, теперь стало для тебя спасением. Ты любишь Фабиано. Под небом только два сердца созданы, чтобы любить его, — твое и мое. Мы с тобой сестры.

Д ж е н. Ваше величество...

К о р о л е в а. Да, ты и я, две женщины — только мы за него. Все остальное против Фабиано. Целый город, целый народ, целый мир против него! Неравная битва любви и ненависти! Любовь к Фабиано подавлена печалью и страхом, полна растерянности, у нее твой бледный лоб и мои заплаканные глаза; она прячется у траурного алтаря, молится твоими устами, проклиняет моими. Ненависть к Фабиано исполнена гордости, она сияет торжеством, она вооружена до зубов, победоносна, за нее двор, за нее народ, толпы, запрудившие улицы, чьи крики одновременно выражают требование смерти и ликование.

Ненависть к Фабиано ослепительна, надменна и всемогуща, она иллюминировала целый город вокруг эшафота! Любовь к нему — здесь, в усыпальнице, в лице двух женщин, одетых в траур. Ненависть к нему — там! *(С силой отдергивает заднюю драпировку, которая, распахнувшись, открывает вид на балкон и позади него — на великолепно иллюминированный город, теряющийся в ночной перспективе. Видная зрителю часть Тоуэра также ярко освещена. Джен смотрит, пораженная ослепительным зрелищем, блеск которого освещает всю сцену.)* О гнусный город! Город бунтовщиков! Проклинаю тебя! Проклинаю это чудовище, пропитавшее свои праздничные одежды кровью, освещающее факелами дорогу палачу! Джен, ты дрожишь? Тебе, как и мне, чудится, что он подло издевается над нами, что он вонзает сотни тысяч своих пылающих глаз в нас, слабых, покинутых женщин, одиноких и затерянных среди этих могильных плит. Джен, ты слышишь хохот и завывание этого ужасного города? О Англия! Всю Англию тому, кто разрушит этот город! Ах, если бы я могла превратить эти факелы в головни, эти огни — в пламя, этот иллюминированный город — в пожарище!

Доносится мощный гул толпы, рукоплескания, невнятные крики: «Вот он! Вот он! Смерть Фабиани!» Раздается звон большого колокола Тоуэра. При этих звуках королева раздражается зловещим хохотом.

Джен. Боже правый! Сейчас этот несчастный выходит... Вы смеетесь, ваше величество!

Королева. Да, смеюсь! *(Смеется.)* Сейчас и ты будешь смеяться! Но сначала я задерну эту драпировку. Мне все кажется, что мы не одни, что этот ужасный город видит и слышит нас. *(Задергивает белую драпировку и возвращается к Джен.)* Теперь, когда он вышел из Тоуэра, когда опасность миновала, я могу сказать тебе все. Смейся же, смейся вместе со мной над этим мерзким народом, который упивается кровью! О, это прелестно! Джен, ты дрожишь за Фабиано? Так успокойся же и смейся вместе со мной. Джен, человек, который им достался, человек, который будет казнен, которого они принимают за Фабиано, — совсем не Фабиано! *(Смеется.)*

Джен. Не Фабиано?

Королева. Нет!

Джен. Кто же он?

Королева. Тот, другой.

Джен. Кто другой?

Королева. Да ты знаешь его. Тот человек, рабочий... Впрочем, не все ли равно?

Джен (*дрожа всем телом*). Гильберт?

Королева. Да, его зовут Гильберт.

Джен. Ваше величество, нет! О нет! Ваше величество, скажите, что это неправда! Гильберт! Это было бы слишком ужасно! Ведь он бежал!

Королева. Он хотел бежать, но его схватили и повели под черным покрывалом вместо Фабиано. Казнь совершится ночью, и народ ничего не заметит. Будь спокойна!

Джен (*со страшным воплем*). О ваше величество, тот, кого я люблю, — это Гильберт!

Королева. Что? Что ты сказала? Или ты сошла с ума? Или посмела обмануть меня? А, так ты любишь Гильберта? Но мне-то какое дело до этого?

В продолжение всей сцены доносится звон большого колокола

Джен (*словно подкошенная, рыдая, падает к ногам королевы и ползает перед ней на коленях, ломая руки*). Ваше величество, сжальтесь! Сжальтесь, во имя неба! Заклинаю вас вашей короной, вашей матерью, всеми ангелами! Гильберт! Гильберт! Я теряю рассудок! Ваше величество, спасите его! В этом человеке вся моя жизнь, он мой муж, он... Я говорила вам, что он сделал для меня все, он вырастил меня, он удочерил меня. Он заменил мне отца, который умер за вашу мать. Ваше величество, вы видите, я несчастное создание, и вы не должны быть суровы ко мне. То, что вы сказали, поразило меня так страшно, что я не знаю, откуда еще у меня берутся силы умолять вас. Я говорю то, что в силах сказать. Но вы должны остановить казнь. Остановить немедленно. Остановить во что бы то ни стало. Отложите ее на завтра. У вас будет время, чтобы разобраться во всем. Народ может подождать до завтра. Мы рассудим, как следует поступить. О нет, не качайте головой. Для вашего Фабиани нет никакой опасности. Я стану на его место под черным покрывалом. Ночью меня никто не увидит. Но только

спасите Гильберта. Не все ли вам равно — он или я? Поверьте мне, я хочу умереть! Боже мой, этот колокол, этот ужасный колокол! Каждый его удар приближает Гильберта на шаг к эшафоту. Каждый его удар поражает мне сердце. Сделайте это, ваше величество! Сжальтесь! Для вашего Фабиано тут нет никакой опасности. Позвольте мне поцеловать ваши руки. Я вас люблю, ваше величество. Я ни разу не говорила вам этого, но я вас очень люблю. Вы — великая королева. Смотрите, я целую ваши прекрасные руки. О, велите приостановить казнь! Еще не поздно. Поверьте, это еще возможно. Процессия движется медленно. От Тоуэра до Старого рынка далеко. Человек на балконе сказал, что они пойдут через Черинг-Кросс. Есть более короткий путь. Верховой еще может поспеть. Ваше величество, сжальтесь, во имя неба! Пославьте себя на мое место, вообразите, что я королева, а вы бедная девушка, что вы плачете у моих ног, а я оказываю вам милость. Смилуйтесь, ваше величество! Я больше всего боялась, что слезы помешают мне говорить. О, поспешите! Приостановите казнь! Ваше величество, в этом нет ничего трудного. Клянусь вам, для Фабиано тут нет никакой опасности. Ваше величество, разве вы не считаете, что так нужно сделать?

Королева (растроганная, поднимает ее). Я хотела бы сделать это для тебя, бедняжка. Ах, ты плачешь, как плакала я. То, что ты испытываешь, испытала недавно я сама. Мои страдания заставляют меня сочувствовать тебе. Видишь, я плачу вместе с тобой. Все это очень печально, бедное дитя! Конечно, можно было взять кого-нибудь другого — например, Тирконнела. Но его слишком хорошо знают, а здесь нужен был человек никому не известный. Под рукой оказался только Гильберт. Ты должна понять это. О боже, бывают же такие роковые совпадения! Внезапно попадаешь в капкан, и ничего тут не поделаешь.

Джен. Ваше величество! Я очень внимательно слушаю вас. Мне тоже многое нужно сказать вам. Но я хотела бы, чтобы вы подписали приказ об отсрочке казни и послали гонца. Тогда с этим будет покончено, и мы сможем спокойно беседовать. О, этот звон! Этот неумолкающий звон!

Королева. То, о чем ты просишь, леди Джен, невозможно.

Д ж е н. Ах, нет, возможно! Пошлите верхового. Кратчайшим путем. По набережной. Я сама поеду. Ваше величество, это возможно. Это легко. Вы видите, ведь я говорю совсем спокойно.

К о р о л е в а. Но народ этого не позволит. Он вернется и разнесет весь Тоуэр. А Фабиано еще здесь. Пойми же меня. Ты дрожишь, бедное дитя! Я сама дрожу. Поставь и ты себя на мое место. В конце концов я могла бы и не утруждать себя объяснениями с тобой. Ты видишь, я делаю все, что могу. Не думай больше об этом Гильберте, Джен. С этим покончено. Примирись!

Д ж е н. Покончено! Нет, совсем не покончено! Покуда длится звон этого ужасного колокола, ничего не кончено! Примириться с гибелью Гильберта? Вы думаете, я позволю, чтоб он так умер? Нет, ваше величество. Ах, слова мои напрасны! Вы больше не слушаете меня! Что ж, если королева не слушает меня, народ услышит! Найдутся добрые люди. Народ еще во дворе. Делайте потом со мной, что хотите. Я крикну им, что они обмануты, что это Гильберт, такой же рабочий, как они, что это не Фабиани.

К о р о л е в а. Стой, мерзкая девчонка. (*Хватает Джен за руку и грозно смотрит ей в глаза.*) Вот как ты поступаешь! Я добра, благосклонна к тебе, я плачу вместе с тобой, а ты вдруг теряешь разум и приходишь в ярость? Моя любовь так же велика, как твоя, но рука моя сильнее твоей. Нет, ты не тронешься с места! А, он твой любовник? Но какое мне дело до этого? Может быть, теперь все девушки Англии явятся ко мне, чтобы потребовать отчета о своих любовниках? Клянусь, я спасаю своего, как могу, ценою первого попавшегося. Берегите же своих, как можете!

Д ж е н. Пустите меня! О, я проклиная вас, коварная женщина!

К о р о л е в а. Молчать!

Д ж е н. Нет, я не буду молчать! Хотите, я скажу вам то, что пришло мне сейчас в голову? Я не верю, что на казнь повели Гильберта.

К о р о л е в а. Что ты сказала?

Д ж е н. Я не уверена. . Но когда я смотрела, как он проходил здесь под черным покрывалом, — если бы это был Гильберт.. неужели мое сердце могло бы оставаться

спокойным? Неужели ничего не шевельнулось бы в нем, не закричало бы: «Это Гильберт! Гильберт!» Нет, я ничего не почувствовала. Это был не Гильберт!

Королева. Что ты там болтаешь? Боже мой, ты безумна, ты бредишь! И все же твой бред пугает меня! Ах, ты пробудила одну из самых тайных тревог в моем сердце! Зачем этот бунт помешал мне самой проследить за всем до конца? Зачем я поручила другому спасение Фабиано? Энеас Делвертон — изменник! Быть может, при этом был Симон Ренар. Кто знает, не обманута ли я вторично врагами Фабиано? Что, если это в самом деле был Фабиано?.. Эй, кто там? Живее! Сюда!

Входят два тюремщика.

(Одному из них) Бегите скорее! Вот мой королевский перстень. Скажите, чтобы приостановили казнь. На Старый рынок! На Старый рынок! Джен, ты сказала, что есть более короткий путь?

Джен. По набережной.

Королева (первому тюремщику). По набережной. Возьми лошадь. Беги скорее!

Первый тюремщик уходит.

(Обращаясь ко второму) Тотчас идите в башню Эдуарда Исповедника. Там есть две камеры для приговоренных к смерти. В одной из них вы найдете человека. Немедленно приведите его ко мне.

Второй тюремщик уходит

Боже, как я дрожу! У меня подкашиваются ноги. Нет сил бежать туда самой. Ах, ты и меня свела с ума! Мерзкая девчонка! Ты делаешь меня такой же несчастной, как ты сама! Я проклинаяю тебя, как ты проклинаяешь меня! Боже мой, успеет ли этот человек? Какая мука! Я ничего не вижу. В голове у меня помутилось. Этот колокол — для кого он звонит? Для Гильберта? Для Фабиано?

Джен. Колокол умолк.

Королева. Значит, они достигли места казни. Посланный опоздал.

Слышен отдаленный пушечный выстрел.

Джен. О небо!

Королева. Он поднимается на эшафот.

Второй пушечный выстрел.

Он становится на колени.

Джен. Какой ужас!

Третий пушечный выстрел.

Обе женщины. Ах!

Королева. Теперь только один остался в живых. Сейчас узнаем, который. Господи, сделай так, чтобы это был Фабиано!

Джен. Господи, сделай так, чтобы это был Гильберт!

Задняя драпировка сцены раздвигается. Входит Симон Ренар, ведя за руку Гильберта.

Джен. Гильберт!

Они бросаются друг другу в объятия.

Королева. А Фабиано?

Симон Ренар. Казнен.

Королева. Казнен?.. Казнен! Кто осмелился?..

Симон Ренар. Я. Я спас королеву и Англию.

АНДЖЕЛО, ТИРАН ПАДУАНСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

При современном положении тех глубоких вопросов, которые касаются самых корней человеческого общества, автору этой драмы давно уже думалось, что было бы полезным и высоким делом развернуть на театральной сцене нечто подобное вот какому замыслу.

Сопоставить в действии, всецело проистекающем из сердца, два строгих и скорбных образа — женщину в обществе, женщину вне общества; другими словами, в двух живых типах представить всех женщин, всю женщину. Показать, что обе эти женщины, воплощение всех остальных, нередко великодушны, несчастны всегда. Защитить одну от деспотизма, другую — от презрения. Изобразить, каким испытаниям противостоит добродетель одной, какими слезами смывается запятнанность другой. Возложить вину на виновных, то есть на мужчину, который силен, и на общественный строй, который нелеп. Сделать так, чтобы в этих двух избранных душах враждебность женщины была побеждена дочерним благоговением, любовь к возлюбленному — любовью к матери, ненависть — самоотвержением, страсть — чувством долга. Рядом с этими двумя женщинами, так обрисованными, поставить двух мужчин, мужа и любовника, властелина и изгнанника, и показать на их примере, посредством множества второстепенных частных, все те обычные и необычные отношения, которые у мужчины могут быть с одной стороны — к женщине, с другой стороны — к обществу. Затем, у подножия этой группы, то мрачной, то озаренной, которой

дано наслаждаться, владеть и страдать, не забыть завистника, этого рокового соглядатая, который всегда присутствует, которому провидение назначило место у подножия всех человеческих обществ, всех иерархий, всех благополучий, всех людских страстей; вечного ненавистника всего, что выше, который меняет облик смотря по времени и месту, но в сущности всегда одинаков: шпион в Венеции, евнух в Константинополе, памфлетист в Париже. Словом, поместить, как его помещает провидение, в тени, где он скрежещет зубами в ответ на все улыбки, этого умного и погибшего отверженца, который может только вредить, потому что все двери, закрытые для его любви, открыты для его мести. И наконец, над этими тремя мужчинами, между этими двумя женщинами, поместить, как связь, как символ, как заступника, как советчика, бога, умершего на кресте. Пригвоздить всю эту человеческую муку к оборотной стороне распятия.

Потом, на основе всего этого, построить драму: не вполне царственную, дабы возможность обрисовки не пострадала от огромности размеров; не вполне мещанскую, дабы мелочность действующих лиц не повредила обширности замысла; но вельможную и домашнюю; вельможную — потому, что драма требует величия; домашнюю — потому, что драма требует правдивости. И дабы удовлетворить потребность ума, который всегда желает ощутить былое в настоящем и настоящее в былом, смешать в этом произведении вечное с человеческим, общественное с историческим. Изобразить попутно, в связи с общим замыслом, не только мужчину и женщину, не только этих двух женщин и этих трех мужчин, но целый век, целый климат, целую цивилизацию, целый народ. Воздвигнуть над этим замыслом, следуя указаниям истории, происшествие настолько простое и правдоподобное, такое живое, такое трепетное, такое подлинное, чтобы от глаз толпы оно могло утаить самую мысль, подобно тому как мясной покров скрывает кость.

Вот что пытался сделать автор этой драмы. Он жалеет лишь о том, что эта мысль не пришла кому-либо лучшему.

И теперь, ввиду успеха, вызванного, несомненно, самым замыслом драмы и превзошедшего все ожидания, он

считает необходимым изъяснить сполна свою мысль сочувствующим и просвещенным зрителям, которых каждый вечер привлекает его произведение и чье любопытство делает его задачей особо ответственной.

Размышляя о запросах общества, которым всегда должны соответствовать стремления искусства, приходится повторять неустанно, что в наши дни, больше, чем когда-либо, театр призван поучать. Драма, как то хотел бы осуществить автор этого труда и как то мог бы осуществить человек вдохновенный, должна давать толпе философию, идеям — формулу, поэзии — мышцы, кровь и жизнь, тем, кто вдумывается, — беспристрастное объяснение, жаждущим душам — напиток, невидимым ранам — бальзам, каждому — совет, всем — закон.

Само собою разумеется, что требования искусства должны быть прежде всего и полностью соблюдены. Занимательность, интерес, забава, смех, слезы, жизненная зоркость, чудодейственная оболочка стиля — все это должно присутствовать в драме, без чего она не была бы драмой; но для ее завершенности необходимо также, чтобы она хотела поучать, подобно тому как она хочет нравиться. Пусть драма вас чарует, но пусть в ней кроется урок, так, чтобы его всегда можно было обнаружить, если пожелают рассечь это красивое существо, такое пленительное, такое поэтическое, такое страстное, так великолепно облеченное в золото, и шелк, и бархат. В прекраснейшей из драм всегда должна быть строгая мысль, как в прекраснейшей из женщин есть скелет.

Автор, как это можно видеть, не скрывает от себя ни одной из высоких обязанностей драматического поэта. Быть может, он когда-нибудь попытается в отдельной работе объяснить подробно, что именно он хотел показать в каждой из драм, обнародованных им за последние семь лет. В виду огромности задач, стоящих перед театром девятнадцатого века, он чувствует свое глубокое бессилие, но все же он намерен упорно продолжать начатое дело. Как бы он ни был мал, может ли он отступить, когда он ободрен сочувствием избранных умов, рукоплесканиями толпы, чистосердечной симпатией всех выдающихся и влиятельных представителей современной критики? Поэтому он намерен настойчиво продолжать; и всякий

раз, когда он сочтет необходимым отчетливо показать всем, в мельчайших подробностях, какую-либо полезную мысль, полезную для общества, полезную для человечества, он наложит на нее театр, как увеличительное стекло.

В наш век кругозор искусства небывало расширился. Прежде поэт говорил: публика. Сегодня поэт говорит: народ.

7 мая 1835

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Анджело Малипьеры, подеста.

Катарина Брагадини.

Тизбе.

Родольфо.

Омодэи.

Анафесто Галеофа.

Орделафо.

Орфео.

Габоардо.

Реджинелла.

Дафне.

Черный паж.

Ночной дозорный.

Дворцовый стражник.

Декан Святого Антония Падуанского.

Архипресвитер.

Падуя. — 1549, в правление дожа Франческо Донато.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

КЛЮЧ

Сад, иллюминированный для ночного празднества. Направо — дворец, полный музыки и света, с дверью в сад и аркадами идущей по низу галлерей, где мелькают фигуры гостей. Возле двери — каменная скамья. Налево — другая скамья, на которой во тьме можно различить спящего человека. В глубине, над деревьями, на ясном небе — черный силуэт Падуи шестнадцатого века. К концу действия светает.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Т и з б е, в богатом праздничном наряде; А н д ж е л о М а л и п ь е р и, в дорогом камзоле, с золотой столой через плечо; О м о д э и, спящий; на нем длинный кафтан из бурой шерсти, застегнутый спереди, и красные штаны до колен; возле него — гитара.

Т и з б е. Да, монсиньор, здесь вы — хозяин, вы — сиятельный подеста, вы распоряжаетесь жизнью и смертью, вы обладаете полнотой власти, полнотой свободы. Вы — посланец Венеции, и когда видишь вас, то кажется, будто видишь лицо и величие этой республики. Когда вы идете по улице, монсиньор, окна затворяются, прохожие скрываются, и все внутри домов дрожит. Увы, эти бедные падуанцы держатся перед вами ничуть не более гордо и уверенно, чем если б они были жителями Константинополя, а вы — султаном. Да, это так. Ах, я бывала в Брешье. Там — другое дело. Венеция не посмела бы обращаться с Брешьей, как она обращается с Падуйей. Брешья защищалась бы. Когда рука Венеции бьет, Брешья кусает, а Падуйа лижет. Это позор. Так вот, хоть здесь вы повелеваете всеми и намерены повелевать мною, послушайте меня, монсиньор, я вам скажу правду. Не насчет госу-

дарственных дел, не бойтесь, а насчет ваших. Так вот, да, я вам говорю: вы странный человек, я вас не понимаю — вы влюблены в меня и ревнуете вашу жену!

А н д ж е л о. Я и вас ревную, синьора.

Т и з б е. О боже мой, вы можете этого и не говорить. А между тем вы не имеете на это права, потому что я вам не принадлежу. Я слышу здесь вашей любовницей, вашей всеильной любовницей, но это не так, вы сами знаете.

А н д ж е л о. Этот праздник великолепен, синьора.

Т и з б е. Ах, я только бедная комедиантка, мне разрешают давать пиры сенаторам, я стараюсь забавлять нашего повелителя, но сегодня это мне не удастся. Ваше лицо мрачнее моей черной маски. Напрасно я зажгла столько свечил и свеч, — тень не сходит с вашего чела. В обмен на мою музыку вы мне не дарите веселья, монсиньор. Да ну же, посмейтесь хоть чуточку.

А н д ж е л о. Что вы, я смеюсь. — Вы мне, кажется, говорили, что этот молодой человек, который приехал с вами в Падую, ваш брат?

Т и з б е. Да. Так что?

А н д ж е л о. Он с вами только что беседовал. А кто это с ним был?

Т и з б е. Один его приятель, вичентинец, по имени Анафесто Галеофа.

А н д ж е л о. А как зовут вашего брата?

Т и з б е. Родольфо, монсиньор, Родольфо. Я вам все это объясняла уже двадцать раз. Неужели вам нечего сказать мне более любезного?

А н д ж е л о. Простите меня, Тизбе, я вам больше не буду задавать вопросов. Известно ли вам, что вчера вы сыграли Розмонду с волшебной грацией, что этот город счастлив вами обладать и что вся Италия, восхищенная вами, Тизбе, завидует этим падуанцам, которых вы так жалеете. О, как мне докучна эта рукоплещущая вам толпа! Я умираю от ревности, когда вижу вас такой прекрасной для стольких взглядов. Ах, Тизбе! — Но что это за человек в маске, с которым вы разговаривали нынче вечером меж двух дверей?

Т и з б е. «Простите меня, Тизбе, я вам больше не буду задавать вопросов»... Превосходно! Монсиньор, это был Вирджильо Таска.

А н д ж е л о. Мой помощник?

Т и з б е. Ваш сбир.

А н д ж е л о. На что он вам был нужен?

Т и з б е. А что, если бы я отказалась вам ответить?

А н д ж е л о. Тизбе!..

Т и з б е. Нет, полно, я добрая, я вам все расскажу. Вы знаете, кто я: ничто, простолюдинка, комедиантка, игрушка, которую вы ласкаете сегодня и сломаете завтра. Ради забавы. Так вот, как мало я ни значу, у меня была мать. Знаете ли вы, что такое мать? Была ли у вас мать, у вас? Знаете ли вы, что такое быть ребенком, бедным ребенком, слабым, голым, несчастным, голодным, одиноким, и чувствовать, что рядом с вами, вокруг вас, над вами, шагая, когда вы шагаете, останавливаясь, когда вы останавливаетесь, улыбаясь, когда вы плачете, есть женщина... — нет, мы еще не знаем, что это женщина, — нет, ангел, который тут, который на вас смотрит, который учит вас говорить, учит вас смеяться, учит вас любить!.. Который отогревает ваши пальцы в своих руках, ваше тело в своих коленях, вашу душу в своем сердце!.. Который отдает вам свое молоко, когда вы малютка, свой хлеб — когда вы подросли, свою жизнь — всегда!.. Которому вы говорите: «мама!» и который говорит вам: «детка!» — и таким нежным голосом, что эти два слова радуют бога! — Так вот, у меня была такая мать. Это была бедная женщина без мужа, которая распевала морлацкие песни в Брешье на площадях. Я ходила с нею. Нам кидали мелкие деньги. С этого я и начала. Моя мать обычно стояла у подножия статуи Гаттамелаты. Однажды в той песенке, которую она распевала, ничего в ней не понимая, оказался, повидимому, стишок, оскорбительный для венецианской Синьории, и это рассмешило людей какого-то посланника, стоявших поблизости. Проходил сенатор. Он взглянул, услышал и сказал начальнику стражи, который его сопровождал: «Повесить эту женщину!» В Венецианской республике это делается быстро. Мою мать тут же схватили. Она даже ничего не сказала — к чему? — поцеловала меня, уронив мне на лоб крупную слезу, взяла в руки свое распятие и дала себя вязать. Я как сейчас вижу это распятие. Из гладкой меди. Мое имя, «Тизбе», грубо нацарапано внизу острием стилета. Мне тогда было шестнадцать лет. Я смотрела, как эти люди вяжут мою мать, и не

могла ни говорить, ни кричать, ни плакать, неподвижная, оледенелая, мертвая, как во сне. Толпа молчала тоже. Но с сенатором была молодая девушка, которую он держал за руку, его дочь наверно, и вдруг она разжалобилась. Красивая девушка, монсиньор. Бедняжка! Она бросилась к ногам сенатора, и так плакала, и такими умоляющими слезами, и глаза ее были так прекрасны, что мою мать помиловали. Да, монсиньор. Когда мою мать развязали, она взяла свое распятие, — моя мать то есть, — и отдала его этой красивой девушке, говоря: «Синьора, храните это распятие, оно принесет вам счастье!» Время шло, моя мать умерла, святая женщина, сама я стала богата, и мне хочется увидеть это дитя, этого ангела, который спас мою мать. Кто знает? Теперь это уже взрослая женщина и, значит, несчастная. Быть может, я в свой черед могла бы ей помочь. В какой бы город я ни приезжала, я всякий раз вызываю сбира, барджела, начальника полиции, я рассказываю ему этот случай, и тому, кто разыщет мне эту женщину, я дам десять тысяч золотых цехинов. Вот почему я сейчас разговаривала меж двух дверей с вашим барджелом Вирджильо Таска. Довольны вы теперь?

А н д ж е л о. Десять тысяч золотых цехинов! Так что же вы дадите самой этой женщине, когда ее разыщете?

Т и з б е. Мою жизнь, если она хочет.

А н д ж е л о. Но как же вы ее узнаёте?

Т и з б е. По распятию моей матери.

А н д ж е л о. Да она его наверно потеряла.

Т и з б е. О нет! Того, что добыто такой ценой, не теряют.

А н д ж е л о (*заметив Омодэи*). Синьора! Синьора! Здесь кто-то есть! Вы знаете, что здесь кто-то есть? Что это за человек?

Т и з б е (*разражаясь смехом*). О господи, конечно, я знаю, что здесь кто-то есть. И что он спит. И крепко спит. Неужели и этот вас тревожит? Ведь это мой бедный Омодэи.

А н д ж е л о. Омодэи? Что это такое — Омодэи?

Т и з б е. Вот это, Омодэи, — мужчина; подобно тому как вот это, Тизбе, — женщина. Омодэи, монсиньор, это гитарист, которого настоятель Святого Марка, мой близ-

кий друг, недавно прислал ко мне с письмом, и оно будет вам показано, гадкий ревнивец! А к письму был даже приложен подарок.

А н д ж е л о. Вот как?

Т и з б е. О, истинно венецианский подарок. Коробочка, и в ней всего-навсего два флакона, белый и черный. В белом — очень сильный наркотик, который усыпляет на двенадцать часов, и этот сон подобен смерти. В черном — яд, тот страшный яд, который Маласпина дал папе в пилюле алоэ, — помните? Отец настоятель пишет, что это мне при случае может пригодиться. Знак внимания, как видите. Кроме того, досточтимый настоятель доводит до моего сведения, что этот бедняга, привезший письмо и подарок, — слабоумен. Он тут и поселился, и вы могли его видеть последние две недели; ест он на кухне, ночует где придется, по углам, на свой манер, играет и поет, а затем отправится в Виченцу. Он приехал из Венеции. Ах, моя мать тоже так скиталась. Пусть он у меня живет, сколько ему угодно. Сегодня вечером он развлекал моих гостей. Наш праздник ему скучен, он спит. Только и всего.

А н д ж е л о. Вы мне ручаетесь за этого человека?

Т и з б е. Да что вы, смеетесь? Есть с чего приходить в такое смятение! Из-за гитариста, из-за слабоумного, из-за человека, который спит! Послушайте, синьор подеста, да что это с вами такое? Вы только и делаете, что расспрашиваете то про одного, то про другого. Все вас тревожит. Что это — ревность? Или страх?

А н д ж е л о. И то и другое.

Т и з б е. Ревность — я еще понимаю. Вам кажется, что вы должны надзирать за двумя женщинами. Но страх? Когда повелитель — вы, когда вы сами всех страшите!

А н д ж е л о. Потому-то я и дрожу. *(Приближается к ней и говорит тихо)* Послушайте, Тизбе. Да, вы правы, да, здесь я могу все, я — господин, деспот и владыка этого города, я — подеста, которого Венеция кладет на Падую, тигриную лапу на ягненка. Да, всемогущ. Но как я ни всемогущ, а надо мной, поймите это, Тизбе, есть нечто огромное, и страшное, и полное мрака, есть Венеция. А знаете ли вы, что такое Венеция, бедная Тизбе? Я вам скажу. Венеция — это государственная инквизиция, это Совет Десяти.

О, Совет Десяти! Будем говорить о нем тихо: он, может быть, где-то здесь и слушает нас. Люди, которых никто из нас не знает и которые знают нас всех, люди, которых не видишь ни на одном торжестве и которых видишь в каждом эшафоте, люди, которые держат в своих руках все головы — вашу, мою, голову дожа, — которые не носят ни тоги, ни столы, ни короны, ничего, что позволяло бы их узнать, что позволяло бы сказать: «Это один из них!» — только таинственный знак под одеждой; и всюду ставленники, всюду сбирь, всюду палачи; люди, которые никогда не показывают народу Венеции другого лица, кроме этих угрюмых, всегда разверстых бронзовых ртов под дверными сводами Святого Марка, роковых ртов, которые толпа считает немыми, но которые, однакоже, говорят голосом громким и страшным, потому что они призывают к прохожим: «Донесите!» На кого донесли, тот схвачен; а кто схвачен, тот погиб. В Венеции все совершается тайно, скрытно, безошибочно. Осужден, казнен; никто не видел, никто не скажет; ничего не услышать, ничего не разглядеть; у жертвы кляп во рту, на палаче маска. Что это я вам говорил об эшафоте? Я ошибся. В Венеции не умирают на эшафоте, там исчезают. Вдруг в семье недосчитываются человека. Что с ним случилось? То знают свинцовая тюрьма, колодцы, канал Орфано. Иной раз ночью слышно, как что-то падает в воду. Тогда быстрее проходите мимо. А в остальном — балы, пиры, свечи, музыка, гондолы, театры, пятимесячный карнавал, — вот Венеция. Вы, Тизбе, прекрасная моя комедиантка, знаете только эту сторону; я, сенатор, знаю другую. Дело в том, что в каждом дворце — и во дворце дожа и в моем — существует, неведомый хозяину, скрытый коридор, соглядатай всех зал, всех комнат, всех альковов, темный коридор, вход в который известен не вам, а кому-то другому, и который, вы чувствуете, где-то вьется вокруг вас, но где именно — вы не знаете, таинственный ход, где все время движутся какие-то люди и что-то делают там. И все это переплетено с личной ненавистью, крадущейся в том же сумраке! Нередко по ночам я вскакиваю в кровати, я прислушиваюсь и внятно различаю шаги в стене. Вот под каким гнетом я живу, Тизбе. Я — над Падуей, но это — надо мной. Мне поручено смирить Падую. Мне велено быть грозным. Меня

сделали деспотом на том условии, что я буду тираном. Никогда не просите меня о чьем-либо помиловании. Я не способен вам отказать ни в чем, и вы погубили бы меня. Чтобы карать, мне дозволено все, но прощать я бессилён. Да, это так. Тиран Падуанский, венецианский невольник. За мной следят зорко, будьте спокойны! О, этот Совет Десяти! Заприте слесаря в подвал и велите ему изготовить замок; раньше, чем он кончит работу, ключ от замка уже будет в кармане у Совета Десяти. Синьора, синьора, слуга, который мне прислуживает, за мной шпионит; приятель, который со мной здоровается, за мной шпионит; священник, который меня исповедует, за мной шпионит; женщина, которая мне говорит: «Я тебя люблю!» — да, Тизбе, — за мной шпионит!

Т и з б е. О, синьор!

А н д ж е л о. Вы ни разу не сказали мне, что любите меня, я говорю не о вас, Тизбе. Да, повторяю вам, все, что на меня смотрит, это глаз Совета Десяти; все, что меня слушает, это ухо Совета Десяти; все, что до меня дотрагивается, это рука Совета Десяти, страшная рука, которая сначала долго нащупывает и затем хватает сразу. И я, сиятельный подеста, не могу поручиться, что завтра не появится вдруг в моей комнате жалкий сбир и не велит мне следовать за ним; и это будет всего лишь жалкий сбир, и я за ним последую! Куда? В какое-то глубокое место, откуда он выйдет без меня. Синьора, быть венецианцем — значит висеть на нитке. Суровую и мрачную службу несешь, когда стоишь, как я, склоненный над этим пламенеющим горном, который вы зовете Падуей, с лицом, всегда укрытым маской, занятый своим ремеслом тирана, окруженный возможностями, предосторожностями, опасениями, беспрестанно страшась какого-нибудь взрыва и содрогаясь от мысли, что тебя может мгновенно убить твоя работа, как алхимика убивает яд! Пожалейте меня и не спрашивайте, почему я дрожу, синьора!

Т и з б е. О боже мой, вы действительно в ужасном положении!

А н д ж е л о. Да, я — то орудие, которым одна страна мучит другую. Эти орудия быстро снашиваются и часто ломаются, Тизбе. О, я несчастен! Единая моя отрада на свете — это вы. А между тем я чувствую, что вы меня не любите. Но вы по крайней мере не любите другого?

Т и з б е. Нет, нет, будьте спокойны.

А н д ж е л о. Вы нехорошо произносите это «нет».

Т и з б е. Что ж делать! Произношу, как могу.

А н д ж е л о. Ах, я согласен, не будьте моей, Тизбе, но зато не будьте ничьей. Чтобы я никогда не услышал, что кто-то другой...

Т и з б е. Вам, может быть, кажется, что вы красивы, когда смотрите на меня, как сейчас?

А н д ж е л о. Ах, Тизбе, когда вы меня полюбите?

Т и з б е. Когда все вас тут любят.

А н д ж е л о. Увы! Но все равно, оставайтесь в Падуде; я не хочу, чтобы вы уезжали из Падуй, слышите? Если вы ее покинете, меня покинет жизнь. — Боже мой, сюда идут. Может быть, уже давно заметили, как мы с вами беседуем здесь. Это могло бы возбудить подозрения в Венеции. Я вас покину. (*Останавливаясь и указывая на Омодеи*) Вы мне ручаетесь за этого человека?

Т и з б е. Как за ребенка, который спал бы тут.

А н д ж е л о. Это ваш брат идет. Я оставляю вас вдвоем. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т и з б е; Родольфо, в черном, строгий, с черным пером на шляпе; Омодеи, попрежнему спящий.

Т и з б е. Ах, это Родольфо! Ах, это Родольфо! Приди, я люблю тебя! Тебя — я люблю! (*Оборачиваясь в ту сторону, куда ушел Анджело*) Нет, глупый тиран, это не брат мой, это мой возлюбленный! — Приди, Родольфо, мой смелый воин, мой благородный изгнанник, мой великодушный человек. Посмотри мне в лицо. Ты прекрасен, я люблю тебя.

Р о д о л ь ф о. Тизбе...

Т и з б е. Почему тебе хотелось приехать в Падую? Ты сам видишь, мы оказались в западне. Теперь нам отсюда не выбраться. Тебе всюду приходится выдавать себя за моего брата. Этот подеста увлекся твоей бедной Тизбе; мы в его власти; он нас не отпускает. И потом я все время боюсь, что он откроет, кто ты такой. О, что за мука! Но все равно, этот тиран ничего от меня не добьется. Ведь ты в этом не сомневаешься, Родольфо? А мне все-таки хо-

чется, чтобы это тебя беспокоило. Я прежде всего хочу, чтобы ты меня ревновал.

Родольфо. Вы благородная и прелестная женщина.

Тизбе. Ах, ведь я же тебя ревную, — понимаешь ты это? — да еще как ревную! Этот Анджело Малипери, этот венецианец, тоже говорил мне о ревности; он воображает, будто он ревнует, а сам чего только сюда не примешивает! О, когда ревнуешь, монсиньор, то тут уже не видишь ни Венеции, ни Совета Десяти, тут уже не видишь ни сбиров, ни шпионов, ни канала Орфано; тут у тебя перед глазами одно — твоя ревность! Я, Родольфо, не могу видеть, как ты говоришь с другими женщинами, просто говоришь с ними, — мне это больно. Какое они имеют право на твои слова? О, соперница! Никогда не создавай мне соперницы! Я убью ее! Да, я тебя люблю. Ты единственный человек, которого я когда-либо любила. Моя жизнь была долгое время печальной, теперь она лучезарна. Ты — мой свет. Твоя любовь — это солнце, взошедшее надо мной. Другие люди меня леденили. Отчего я с тобой не встретилась десять лет тому назад! Если бы это случилось, все части моего сердца, умершие от холода, были бы живы до сих пор. Какое счастье — хоть миг побыть наедине друг с другом и поговорить вот так! Какое безумие было приехать в Падую! Мы живем в настоящих тисках! Мой Родольфо! Да, да, это мой возлюбленный! Как же, как же, это мой брат! Знаешь, я схожу с ума от радости, когда говорю с тобой на свободе. Ты же видишь, я схожу с ума! Любишь ты меня?

Родольфо. Кто мог бы не любить вас, Тизбе?

Тизбе. Если ты будешь говорить мне «вы», я рассержусь. О боже мой, мне все-таки надо же показаться моим гостям. Послушай, последнее время у тебя грустный вид. Скажи, ты не грустишь?

Родольфо. Нет, Тизбе.

Тизбе. Ты не болен?

Родольфо. Нет.

Тизбе. Ты не ревнуешь?

Родольфо. Нет.

Тизбе. Да! Я хочу, чтобы ты ревновал. А то это значит, что ты меня не любишь. Ну, не смей грустить. Да, послушай. Вот я — в вечном страхе. А ты — не беспокойся. Здесь никто не знает, что ты мне не брат?

Родольфо. Никто, кроме Анафесто.

Тизбе. Твоего друга. О, это человек верный.

Входит Анафесто Галеофа.

Да вот и он. Я тебя передам ему на несколько минут. *(Смеясь)* Синьор Анафесто, смотрите, чтобы он не разговаривал ни с одной женщиной.

Анафесто *(улыбаясь)*. Будьте спокойны, синьора.

Тизбе уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Родольфо, Анафесто Галеофа; О модэи, попрежнему спящий.

Анафесто *(глядя ей вслед)*. Какая прелесть! — Родольфо, ты счастлив, она тебя любит.

Родольфо. Анафесто, я не счастлив, я не люблю ее.

Анафесто. Как! Что ты говоришь!

Родольфо *(замечая О модэи)*. Что это за человек там спит?

Анафесто. Да знаешь, этот несчастный музыкант.

Родольфо. Ах, этот слабоумный.

Анафесто. Ты не любишь Тизбе? Не может быть!

Что ты мне говоришь?

Родольфо. Я тебе это сказал? Так ты забудь.

Анафесто. Тизбе! Чудесную женщину!

Родольфо. Да, чудесную. Я не люблю ее.

Анафесто. Как же так?

Родольфо. Не спрашивай меня.

Анафесто. Я, твой друг!

Тизбе *(возвращаясь и подбегая к Родольфо, с улыбкой)*. Я вернулась только сказать тебе одно слово: я тебя люблю! Теперь уйду. *(Убегает.)*

Анафесто *(глядя ей вслед)*. Бедная Тизбе!

Родольфо. В глубине моей жизни есть тайна, известная мне одному.

Анафесто. Но когда-нибудь ты доверишь ее своему другу. Ты мрачен сегодня, Родольфо.

Родольфо. Да. Оставь меня не надолго.

Анафесто уходит. Родольфо садится на каменную скамью возле двери и опускает голову на руки. После ухода Анафесто О модэи открывает глаза, встает, идет медленными шагами и становится позади Родольфо, погруженного в думу.

Родольфо, Омодеи.

Омодеи кладет руку на плечо Родольфо. Родольфо оборачивается и смотрит на него с изумлением.

Омодеи. Вас зовут не Родольфо. Вас зовут Эдзелино да Романа. Вы принадлежите к древнему роду, который правил Падуйей и был оттуда изгнан двести лет тому назад. Вы скитаетесь из города в город под вымышленным именем и временами решаетесь проникать в венецианские владения. Тому семь лет, в самой Венеции, — вам шел тогда двадцать первый год, — вы однажды увидели в церкви молодую девушку замечательной красоты. В церкви Сан-Джорджо-Маджоре. Вы не пошли за ней следом. В Венеции идти за женщиной следом — это значит напрашиваться на удар стилета. Но вы стали часто бывать в этой церкви. Молодая девушка бывала там тоже. Вы влюбились в нее, она — в вас. Не зная, кто она такая, потому что и тогда, как и теперь, вы знали только, что ее зовут Катарина, вы нашли способ ей писать, а она — отвечать вам. Вы встречались с нею у одной женщины, носившей прозвище «блаженная Цецилия». Вы любили друг друга безумно, но она осталась чиста. Эта девушка была из знатной семьи. Вот все, что вам было известно о ней. Знатная венецианка может выйти замуж только за знатного венецианца или за монарха. Вы не венецианец, и вы больше не монарх. Да и как изгнанник вы не могли бы притязать на ее руку. Однажды она не пришла на свидание. Блаженная Цецилия сообщила вам, что ее выдали замуж. Имени мужа вы так же не могли узнать, как не знали имени отца. Вы покинули Венецию. Вы, как беглец, носились по всей Италии, но любовь гналась за вами. Вы предали вашу жизнь наслаждениям, развлечениям, безумствам, порокам. Напрасно. Вы пытались любить других женщин, вам даже казалось, что вы их любите, как, например, эту комедиантку, Тизбе. Опять напрасно. Сквозь новую любовь всякий раз проступала прежняя. Тому три месяца вы приехали в Падую с Тизбе, которая выдает вас за своего брата. Подеста, монсиньор Анджело Малипьеры, увлекся ею, а с вами случилось вот что. Однажды вечером, в шестнадцатый день февраля, женщина, укрытая покрывалом, поровнялась с вами на мосту Молино,

взяла вас за руку и повела вас в улицу Сампьеро. В этой улице стоят развалины бывшего палаццо Магаруффи, разрушенного вашим предком Эдзелино Третьим; посреди этих развалин имеется лачуга; в этой лачуге вы нашли ту самую венецианку, которую вы любите и которая вас любит вот уже семь лет. Начиная с этого дня, вы по три раза в неделю встречались с нею в этой лачуге. Она оставалась верна и своей любви и своей чести — и вам и своему супругу. Впрочем, попрежнему скрывая свое имя. Катарина — и только. Месяц спустя ваше счастье внезапно прервалось. В один из урочных дней ее не оказалось в лачуге. Вот уже пять недель, как вы ее не видели. Это потому, что муж ее заподозрил и держит взаперти. — Наступает утро, скоро станет светло. — Вы ищете ее повсюду, вы ее не находите, вы ее не найдете никогда. — Хотите увидеть ее сегодня вечером?

Родольфо (*пристально глядя на него*). Кто вы такой?

Омодэи. А! Вопросы! На вопросы я не отвечаю. — Так вы не хотите увидеть сегодня эту женщину?

Родольфо. Нет, нет! Хочу! Хочу ее увидеть! Ради всего святого! Взглянуть на нее в последний раз — и умереть!

Омодэи. Вы увидите эту женщину.

Родольфо. Где?

Омодэи. У нес.

Родольфо. Но она, кто она? Скажите! Как ее зовут?

Омодэи. Я это скажу вам у нее.

Родольфо. О, вас посылает небо!

Омодэи. Не знаю. Сегодня вечером при восходе луны — или, проще, в полночь — будьте возле угла палаццо Альберто де Баон, в улице Санто-Урбано. Я там буду. Я вас проведу. До полуночи.

Родольфо. Благодарю. И вы мне не скажете, кто вы такой?

Омодэи. Кто я такой? Слабоумный. (*Уходит.*)

Родольфо (*один*). Что это за человек? Ах, да не все ли равно! Полночь! В полночь! Как далеко до полуночи! О Катарина, за этот час, который он мне обещает, я бы отдал ему свою жизнь!

Входит Тизбе.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Родольфо, Тизбе.

Тизбе. Это снова я, Родольфо. Здравствуй! Я не могла дольше оставаться без тебя. Я не в силах разлучаться с тобой, я хожу за тобой повсюду, я думаю тобой, живу тобой. Я — тень твоего тела, а ты — душа моего.

Родольфо. Берегитесь, Тизбе, моя семья — роковая семья. Над нами тяготеет предсказание, судьба, которая почти неминуемо свершается из рода в род. Мы убиваем тех, кто любит нас.

Тизбе. Так, значит, ты меня убьешь. Ну так что? Лишь бы ты меня любил!

Родольфо. Тизбе...

Тизбе. Потом ты меня оплачешь. Большого мне не надо.

Родольфо. Тизбе, вы были бы достойны любви ангела. *(Целует ей руку и медленно уходит.)*

Тизбе *(одна)*. Что это? Как он покинул меня! Родольфо! Он уходит. Что с ним такое? *(Глядя на скамью)* А! Омодеи проснулся.

В глубине появляется Омодеи.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тизбе, Омодеи.

Омодеи. Родольфо зовут Эдзелино, бродяга оказывается принцем, слабоумный оказывается духом, спящий человек оказывается притаившимся котом. Глаз закрыт, ухо открыто.

Тизбе. Что он говорит?

Омодеи *(показывая свою гитару)*. У этой гитары есть струны, издающие такой звук, какой хочешь. В сердце мужчины, в сердце женщины тоже есть струны, на которых можно играть.

Тизбе. Что это значит?

Омодеи. Синьора, это значит, что если вам случится потерять сегодня красивого молодого человека с черным

пером на шляпе, то я знаю место, где вы можете найти его завтра ночью.

Т и з б е. У женщины?

О м о д э и. У белокурой женщины.

Т и з б е. Как! Что ты хочешь сказать? Кто ты такой?

О м о д э и. Не знаю.

Т и з б е. Ты — не то, что я думала. О я, несчастная! Ах, подеста догадывался, ты страшный человек! Кто ты, о, кто ты? Родольфо у женщины! Завтра ночью! Ты это хочешь сказать! Говори, ты именно это хочешь сказать?

О м о д э и. Не знаю.

Т и з б е. О, ты лжешь! Этого не может быть, Родольфо меня любит.

О м о д э и. Не знаю.

Т и з б е. О, несчастный! О, ты лжешь! Как он лжет! Ты подкуплен. Боже мой, так, стало быть, у меня есть враги, у меня! Но Родольфо меня любит. Нет, тебе не удастся меня встревожить. Я тебе не верю. Ты, наверно, страшно зол, видя, что к твоим словам я совершенно равнодушна.

О м о д э и. Вы, должно быть, заметили, что подеста, монсиньор Анджело Малипери, носит на своей нагрудной цепи золотой подвесок тонкой работы. Это ключ. Притворитесь, что вы были бы рады такому украшению. Попросите подеста подарить его вам, но не говорите о том, зачем он нам нужен.

Т и з б е. Ключ, говоришь ты? Я не стану его выпрашивать. Я ничего не буду выпрашивать. Этому негодяю хочется, чтобы я заподозрила Родольфо! Не нужно мне этого ключа! Уйди, я тебя не слушаю.

О м о д э и. Вот как раз и подеста. Когда вы получите ключ, я вам объясню, как вы должны им пользоваться завтра ночью. Я вернусь через четверть часа.

Т и з б е. Несчастный! Или ты не слышишь? Я тебе говорю, что этого ключа мне не нужно. Я верю Родольфо. До этого ключа мне нет никакого дела, я о нем ни слова не скажу подеста. И сюда не возвращайся, не к чему! Я тебе не верю.

О м о д э и. Через четверть часа. (Уходит.)

Входит Анджело.

Тизбе, Анджело.

Тизбе. А, вот и вы, монсиньор! Вы кого-нибудь ищете?

Анджело. Да, я ищу Вирджильо Таска, мне нужно сказать ему два слова.

Тизбе. Ну так как? Вы попрежнему ревнуете?

Анджело. Попрежнему, синьора.

Тизбе. Вы с ума сошли. Зачем ревновать? Я не понимаю, как можно ревновать. Если бы я любила мужчину, я бы никогда его не ревновала.

Анджело. Вы просто никого не любите.

Тизбе. Нет, люблю.

Анджело. Кого?

Тизбе. Вас.

Анджело. Вы меня любите! Может ли это быть? Не смейтесь надо мной, ради бога! О, повторите то, что вы сказали!

Тизбе. Я люблю вас.

Он приближается к ней, восхищенный. Она трогает его нагрудную цепь.

Ах! Что это за подвесок? Я никогда его не замечала. Какой красивый! Отличной работы. О, да это чеканил Бенвенуто. Прелесть! А на что он служит? Такая вещица скорее годилась бы женщине.

Анджело. Ах, Тизбе, одно ваше слово наполнило радостью мое сердце.

Тизбе. Хорошо, хорошо. Скажите мне все-таки, что это за вещица?

Анджело. Это ключ.

Тизбе. Ах, это ключ! Я бы ни за что не догадалась. Да, да, вижу, вот этим отпирают. Ах, так это ключ...

Анджело. Да, моя Тизбе.

Тизбе. Ну, раз это ключ, мне его не надо, пусть он останется вашим.

Анджело. А вам хотелось бы его иметь, Тизбе?

Тизбе. Пожалуй. Как вещицу тонкой работы.

Анджело. О, так берите его. *(Отцепляет ключ.)*

Тизбе. Нет. Если бы я знала, что это ключ, я бы о нем

не стала говорить. Мне его не надо, повторяю. Ведь вы же им пользуетесь, наверно.

А н д ж е л о. Ах, очень редко. И потом у меня есть другой. Вы можете его взять, клянусь вам.

Т и з б е. Нет. Мне расхотелось. Разве этим ключом отворяют двери? Он такой маленький.

А н д ж е л о. Это ничего не значит. Такие ключи служат для потайных замков. Этот вот ключ отпирает несколько дверей, в том числе дверь в одну спальню.

Т и з б е. В самом деле? Ну, так и быть! Раз вы этого решительно требуете, я беру его. (*Берет ключ.*)

А н д ж е л о. О, благодарю вас! Какое счастье! Вы хоть что-то приняли от меня! Благодарю!

Т и з б е. Кстати, я вспоминаю, что у французского посла в Венеции, мсье де Монлюка, был почти совсем такой же. Вы знавали маршала де Монлюка? Умнейший человек, не правда ли? Ах да, ведь вы, венецианские дворяне, не имеете права разговаривать с послами, я забыла. Все равно, с гугенотами он не очень нежничал, этот мсье де Монлюк. О, если они когда-нибудь попадутся ему в руки! Это рьяный католик! — Смотрите, монсиньор, мне кажется, Вирджильо Таска ищет вас, вон там, в галлерее.

А н д ж е л о. Вам кажется?

Т и з б е. Ведь вам надо было с ним поговорить?

А н д ж е л о. О, да будет он проклят за то, что разлучает нас.

Т и з б е (*указывая ему на галлерею*). Вам туда.

А н д ж е л о (*целуя ей руку*). Ах, Тизбе, так вы меня любите!

Т и з б е. Вам туда, туда. Вирджильо Таска ждет вас.

А н д ж е л о уходит. В глубине появляется О м о д э и. Т и з б е бежит к нему.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Т и з б е, О м о д э и.

Т и з б е. Ключ у меня!

О м о д э и. Посмотрим. (*Рассматривает ключ.*) Да, этот самый. — Во дворце подестà есть галлерей, обращен-

ная к мосту Молино. Спрячьтесь там завтра вечером. За каким-нибудь шкафом, за стенным ковром, где хотите. В два часа пополудни я к вам туда приду.

Т и з б е (*давая ему свой кошелек*). Я тебя еще награжу. А пока возьми этот кошелек.

О м о д э и. Как вам угодно. Но дайте мне договорить. В два часа пополудни я к вам приду. Я вам укажу первую дверь, которую вам надо будет отпереть этим ключом. Затем я вас покину. Остальное вы можете проделать и без меня. Вам надо будет просто идти вперед.

Т и з б е. Что я найду за первой дверью?

О м о д э и. Вторую, которая отпирается этим же ключом.

Т и з б е. А за второй?

О м о д э и. Третью. Этот ключ отпирает их все.

Т и з б е. А за третьей?

О м о д э и. Увидите сами.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

РАСПЯТИЕ

Комната, пышно обитая алой тканью с золотыми узорами. Налево в углу, на помосте, роскошная кровать под балдахином, покоящимся на витых столбах. По углам балдахина свисают красные пологи, которые могут задерживаться и совершенно скрывать постель. В углу направо — отворенное окно. С той же стороны — дверь, скрытая под обоями; рядом — ачалой с приступкой для коленопреклонений, а над ним — висящее на стене гладкое медное распятие. В глубине — большая двустворчатая дверь. Между этой дверью и кроватью — небольшая узорчатая дверца. Стол, кресла, свечи, высокий поставец. За окном — сады, колокольни, лунный свет. На столе — лютия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дафне, Реджинелла, затем О модэи.

Реджинелла. Уверю тебя, Дафне, это сушая правда. Мне рассказывал Трбило, дворцовый стражник. Это было совсем недавно, когда синьора последний раз ездила в Венецию. Сбир, презренный сбир осмелился влюбиться в синьору, писать ей, Дафне, искать встречи с ней. Можешь себе представить? Синьора велела его прогнать — и хорошо сделала.

Дафне (*приотворяя дверь возле аналая*). Да, Реджинелла. Но синьора велела принести ей молитвенник, ты забыла?

Реджинелла (*перебирая книги на столе*). А другой случай, тот еще ужаснее и такой же достоверный. Этот бедный Палинуро, который сообщил своему господину, что встретил шпиона в доме, внезапно умер в тот же вечер. Его отравили, понимаешь? Я тебе советую быть очень осмотрительной. Прежде всего, надо как можно осторожнее разговаривать в этом дворце. Тебя все время кто-то подслушивает в стене.

Да ф не. Да ну же, поскорей, другой раз поговорим. Синьора ждет.

Р е д ж и н е л л а *(продолжая прибираться на столе и не подымая глаз)*. Иди, если торопишься. Я сейчас.

Да ф не уходит и закрывает за собой дверь, но Р е д ж и н е л л а этого не замечает.

Только знаешь, Дафне, я советую тебе молчать в этом проклятом дворце. Из всех комнат в нем безопасна только эта. Да, здесь уж во всяком случае можно быть спокойной. Можно говорить все, что угодно. Это — единственное место, где ты уверена, что тебя не подслушивают.

В то время, как она произносит эти последние слова, поставец у правой стены поворачивается боком; из-за него появляется О м о д э и, после чего поставец снова придвигается к стене. Р е д ж и н е л л а этого не замечает.

О м о д э и. Это — единственное место, где ты уверена, что тебя не подслушивают.

Р е д ж и н е л л а *(оборачиваясь)*. Боже мой!

О м о д э и. Молчи! *(Приоткрывает свой кафтан, под которым видна черная бархатная куртка с вышитыми серебрян тремя буквами С. D. X.)*

Р е д ж и н е л л а в ужасе смотрит на эти буквы и на этого человека.

Кто видел одного из нас и дал кому-нибудь понять каким бы то ни было знаком, что он нас видел, тот умирает раньше, чем наступит ночь. В народе о нас говорят; ты должна знать, что это происходит именно так.

Р е д ж и н е л л а. Господи! Но через какую дверь он вошел?

О м о д э и. Ни через какую.

Р е д ж и н е л л а. Господи!

О м о д э и. Отвечай на все мои вопросы и не обманывай меня ни в чем. Не то заплатишься жизнью. Куда ведет эта дверь? *(Указывает на большую дверь в глубине.)*

Р е д ж и н е л л а. В спальню монсиньора.

О м о д э и *(указывая на дверцу рядом с большой дверью)*. А эта?

Реджинелла. На потайную лестницу, которая соединяется с дворцовыми галереями. Ключ от нее имеется только у монсиньора.

Омодэи (*указывая на дверь возле аналая*). А эта?

Реджинелла. В молельню синьоры.

Омодэи. Из этой молельни есть выход?

Реджинелла. Выхода нет. Молельня устроена в башенке. Там есть только решетчатое окно.

Омодэи (*подходя к окну*). На уровне вот этого. Так. Восемьдесят фут отвесной стены, а внизу — Брента. Решетка — ненужная роскошь. Но из этой молельни есть лесенка кверху. Куда она ведет?

Реджинелла. В мою комнату, где я живу вместе с Дафне, монсиньор.

Омодэи. А из той комнаты выход есть?

Реджинелла. Нет, монсиньор. Там тоже решетчатое окно и одна только дверь, та самая, по которой спускаются в молельню.

Омодэи. Как только твоя синьора вернется сюда, ты подымешься к себе в комнату и там останешься, ничего не слушая и ничего не говоря.

Реджинелла. Хорошо, монсиньор.

Омодэи. Где твоя синьора?

Реджинелла. В молельне. Она молится.

Омодэи. И затем придет сюда?

Реджинелла. Да, монсиньор.

Омодэи. Не раньше, чем через полчаса?

Реджинелла. Не раньше, монсиньор.

Омодэи. Хорошо. Ступай. Главное — ни слова! Что бы здесь ни произошло, тебя это не касается. Ни во что не вмешивайся — и молчи. Кот играет с мышью, тебе какое дело? Ты меня не видела, ты не знаешь, что я существую. Вот. Поняла? Если ты промолвишь хоть единое слово — я услышу; мигнешь глазом — я увижу; шевельнешься, подашь знак, коснешься чьей-либо руки — я почувствую. Теперь иди.

Реджинелла. О Боже мой! Кто же это здесь умрет?

Омодэи. Ты, если будешь разговаривать.

По знаку Омодэи она выходит в маленькую дверь возле аналая. Оставшись один, Омодэи подходит к поставцу, тот снова поворачивается боком, и за ним открывается темный ход.

Монсеньор Родольфо! Можете входить. Девять ступеней
кверху.

Слышны шаги на лестнице, скрытой за поставцом. Появляется
Родольфо.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

О модэи; Родольфо, закутанный в плащ.

О модэи. Входите.

Родольфо. Где я?

О модэи. Где вы? Быть может, на собственном эша-
фоте.

Родольфо. Что вы этим хотите сказать?

О модэи. Известно ли вам, что в Падуе есть комната,
комната страшная, хоть полная цветов, благовоний и,
быть может, любви, куда не смеет проникнуть ни один
человек, кто бы он ни был, знатный или простой, молодой
или старый, потому что войти туда, даже приоткрыть
только дверь туда — это преступление, караемое смертью?

Родольфо. Да, комната супруги подестà.

О модэи. Совершенно верно.

Родольфо. Так эта комната...

О модэи. Вы в ней находитесь.

Родольфо. У супруги подестà!

О модэи. Да.

Родольфо. И та, которую я люблю...

О модэи. Зовется Катарина Брагадини, супруга
Анджело Малипьеры, падуанского подестà.

Родольфо. Не может быть! Катарина Брагадини,
супруга подестà!

О модэи. Если вам страшно — время есть, дверь от-
крыта, уходите.

Родольфо. За себя мне не страшно; страшно за нее.
Кто мне поручится за вас?

О модэи. Извольте, я могу вам рассказать, что слу-
жит вам порукой за меня. Неделю тому назад, поздней
ночью, вы проходили площадью Сан-Продочимо. Вы были
один. Вы слышали звон шпаг и крики за церковью. Вы
бросились туда.

Родольфо. Да, и защитил от трех нападавших на
него убийц человека в маске...

О м о д э и. Который ушел, не назвавшись вам и не поблагодарив вас. Этим человеком в маске был я. Начиная с той ночи, монсиньор Эдзелино, я желаю вам добра. Вы меня не знаете, но я вас знаю. Я постарался устроить вам свидание с женщиной, которую вы любите. Это — признательность. И только. Вы теперь доверяете мне?

Р о д о л ь ф о. О да! О, благодарю! Я боялся, не грозит ли ей предательство. Ты у меня снимаешь тяжесть с сердца. О, ты мне друг, ты мне друг навеки! Ты сделал для меня больше, чем я для тебя. О, я не мог бы жить, не видя Катарины. Я покончил бы с собой, понимаешь; я погубил бы свою душу. Тебе я спас только жизнь; а ты спасаешь мне сердце, ты спасаешь мою душу!

О м о д э и. Так вы остаетесь?

Р о д о л ь ф о. Остаюсь ли я! Остаюсь ли я! Ведь я же доверяю тебе! О, увидеть ее! Ее! Хоть час, хоть минуту, но увидеть! Или ты не понимаешь, что это значит: увидеть ее? Где она?

О м о д э и. Там, в своей молельне.

Р о д о л ь ф о. Где я встречу с ней?

О м о д э и. Здесь.

Р о д о л ь ф о. Когда?

О м о д э и. Через четверть часа.

Р о д о л ь ф о. О боже!

О м о д э и (*указывая ему поочередно на все двери*). Обратите внимание. Там, в глубине, спальня подеста. Сейчас он спит, и во всем дворце бодрствуют только синьора Катарина да мы с вами. По-моему, этой ночью вам ничто не грозит. Что касается входа, которым воспользовались мы, то я не имею права открыть вам его секрет, известный мне одному, но утром вам легко будет уйти отсюда. (*Идя в глубь сцены*) Так это, стало быть, дверь мужа. А вам, синьор Родольфо, как любовнику, (*указывая на окно*), пользоваться вот этой дверью я ни в коем случае не советую. Восемьдесят фут высоты и река внизу. А теперь я вас покину.

Р о д о л ь ф о. Вы сказали: через четверть часа?

О м о д э и. Да.

Р о д о л ь ф о. Она придет одна?

О м о д э и. Может быть, и не одна. Укройтесь на несколько минут.

Р о д о л ь ф о. Где?

О м о д э и. За кроватью. Или нет — на балконе. Вы покажетесь, когда сочтете нужным. В молельне как будто двигают стульями. Синьора Катарина сейчас вернется сюда. Нам пора расстаться. Прощайте.

Р о д о л ь ф о. Кто бы вы ни были, после такой услуги вы можете располагать всем, что мне принадлежит, моим имуществом, моей жизнью! *(Скрывается на балконе.)*

О м о д э и *(возвращаясь на авансцену, в сторону)*. Она вам больше не принадлежит, монсиньор. *(Смотрит, не видит ли его Родольфо, потом достает спрятанное у него на груди письмо и кладет его на стол. Удаляется через потайной ход, и тот за ним захлопывается.)*

Возвращаются из молельни Катарина и Дафне. Катарина в одежде знатной венецианки.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Катарина, Дафне; Родольфо, невидимый на балконе.

К а т а р и н а. Больше месяца! Знаешь ли ты, что прошло уже больше месяца, Дафне? О! Значит, все кончено. Если бы я хоть спать могла, я, может быть, видела бы его во сне. Но я больше не сплю. Где Реджинелла?

Д а ф н е. Она ушла к себе и молится. Позвать ее прислуживать вам, синьора?

К а т а р и н а. Пусть она служит богу. Пусть молится. Ах, мне и молитва не помогает!

Д а ф н е. Закрывать окно, синьора?

К а т а р и н а. Это потому, что я слишком страдаю, бедная моя Дафне. А между тем вот уже пять недель, пять бесконечных недель, как я его не видела! — Нет, не закрывай окно. Так все-таки свежее. У меня голова горит. Ты потрогай. — И я больше никогда его не увижу! Меня заперли, меня сторожат, я в тюрьме. Все кончено. Кто проникнет в эту комнату, того казнят. О, я даже не хотела бы его увидеть. Увидеть его здесь! При одной этой мысли я содрогаюсь. О боже мой, неужели эта любовь была так преступна, боже мой! Зачем он вернулся в Падую? Зачем я снова отдалась этому счастью, которому суждено было продлиться так мало? Я видела его по временам какой-нибудь час. Этот час, такой узкий и так не надолго раскры-

вавшийся, был единственной отдушиной, через которую хоть немного воздуха и солнца проникало в мою жизнь. Теперь все наглухо замуровано. Я больше не увижу это лицо, откуда мне сиял свет. О Родольфо! Дафне, скажи мне правду, ведь ты уверена, что я больше не увижу его?

Да ф н е. Синьора...

К а т а р и н а. И потом я не такая, как другие женщины. Удовольствия, праздники, развлечения — ко всему этому я равнодушна. Вот уже семь лет, Дафне, как у меня в сердце только одна мысль — любовь; одно чувство — любовь; одно имя — Родольфо. Когда я гляжу в самое себя, я вижу там Родольфо, всегда Родольфо, только Родольфо! Моя душа приняла его образ. Ты понимаешь, иначе не могло быть. Вот уже семь лет, как я его люблю. Я была совсем молоденькой. Как безжалостно нас выдают замуж! Возьмем моего мужа: я даже заговорить с ним не смею. Что, по-твоему, весело так жить? На что похоже мое положение! Если бы хоть мать у меня была жива!

Да ф н е. Да прогоните же эти грустные мысли, синьора!

К а т а р и н а. Ах, в такие вечера, как этот, Дафне, сколько мы с ним провели счастливых часов! Разве то, что я тебе говорю о нем, преступно? Ведь нет же? Ну полно, моя печаль тебя огорчает, я не хочу тебе делать больно. Ступай спать. Иди к Реджинелле.

Да ф н е. Разве синьора...

К а т а р и н а. Да, я разденусь сама. Спи спокойно, милая моя Дафне. Ступай.

Да ф н е. Да хранит вас небо эту ночь, синьора! (*Уходит в дверь молельни.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К а т а р и н а; Р о д о л ь ф о, сначала на балконе.

К а т а р и н а (*одна*). Он певал одну песнь. Он певал ее у моих ног таким нежным голосом! О, в иные минуты мне до того хочется его видеть! Я бы готова всю кровь мою отдать! Особенно одна строфа, с которой он обращался ко мне. (*Берет гитару.*) Вот, кажется, напев. (*Играет несколько тактов печальной мелодии.*) Я хотела

бы вспомнить слова. О, я продала бы мою душу, лишь бы услышать, как он их поет, он, еще хоть раз, даже не видя его, оттуда, совсем издалека! Лишь бы только его голос! Услышать его голос!

Родольфо (*скрытый на балконе*).

Сердце дышит лишь тобою,
Лишь тобою дни полны;
Мы волшебною судьбою
Навсегда сопряжены.

Ты — гармония, я — лира;
Я — цветок, ты — вздох зефира;
Ты — улыбка, я — уста;
Я — любовь, ты — красота!

Катарина (*роняя гитару*). Боже!

Родольфо (*попрежнему скрытый, продолжает*).

Несется, тает
За мигом миг,
А песнь рыдает,
И стон ласкает
Твой нежный лик.

Катарина. Родольфо!

Родольфо (*появляясь и сбрасывая плащ на балкон*). Катарина! (*Падает к ее ногам.*)

Катарина. Вы здесь? Как! Вы здесь? О боже! Я умираю от радости и страха. Родольфо! Да знаете ли вы, где вы находитесь? Или вы думаете, что это — комната, как всякая другая, несчастный человек? Вы можете поплатиться головой!

Родольфо. Не все ли равно! Ведь я бы умер оттого, что не вижу вас, так лучше умереть за то, что я вас увидел.

Катарина. Ты хорошо сделал. Да, ты прав, что пришел. Я тоже отвечаю головой. Я тебя вижу опять. Не все ли равно, что потом? Час побыть с тобой, а там пусть обрушится этот потолок, если хочет!

Родольфо. И все-таки небо нас охранит, все уснуло во дворце, ничто не помешает мне уйти так же, как я пришел.

Катарина. А как ты вошел сюда?

Родольфо. Мне помог человек, которому я спас жизнь. Я потом расскажу. Я уверен в тех средствах, которые применил.

Катарина. О, конечно! Если ты уверен, то этого достаточно. О боже! Да посмотри же на меня, я тебя не вижу!

Родольфо. Катарина!

Катарина. О, будем думать только о себе, ты обо мне, я о тебе. Скажи, я очень изменилась? Я тебе скажу — почему. Это потому, что я пять недель только и делала, что плакала. А ты что делал все это время? Ты все-таки очень грустил? Как на тебя подействовала эта разлука? Скажи мне. Говори со мной. Я хочу, чтобы ты говорил со мной.

Родольфо. О Катарина, быть в разлуке с тобой, это значит бродить во тьме, с опустошенным сердцем, чувствовать, что изо дня в день умираешь понемногу! Это значит — быть в темной тюрьме, в беззвездной ночи! Это значит — не жить, не думать, не сознавать ничего! Что я делал, спрашиваешь ты! Не знаю. А что я чувствовал, — я тебе говорю.

Катарина. И я тоже! И я тоже! И я тоже! О, я вижу, наши сердца не разлучались. Я тебе многое должна рассказать. С чего начать? Меня заперли. Я никуда не могу выйти. Я очень настрадалась. Ты не удивляйся, что я сразу же не бросилась тебе на шею. Я просто оцепенела. О господи, когда я слышала твой голос, я не могу этого описать, я перестала понимать, где я. Ну давай, садись сюда, знаешь, как всегда. Только будем говорить тихо. Ты останешься до утра. Дафне тебя выпустит. О, сколько чудесных часов! И вот теперь мне совсем не страшно, ты меня совершенно успокоил. О, как я счастлива тебя видеть! Ты или рай — я выбрала бы тебя. Спроси у Дафне, как я плакала. Она очень заботилась обо мне, бедняжка. Ты ее отблагодари. И Реджинеллу тоже. Но скажи, ты, значит, узнал мое имя? О, для тебя затруднений не существует. Когда ты чего-нибудь хочешь, я просто не знаю, на что бы ты не пошел. Ах, да, скажи, тебе удастся приходить сюда еще?

Родольфо. Да. Как бы я стал жить без этого? Катарина, я слушаю тебя с упоением. О, не бойся ничего. Смотри, как эта ночь тиха. В нас — все любовь, вокруг

нас — все покой. Когда две души, как наши с тобой, изливаются друг в друга, Катарина, это нечто такое чистое и священное, что бог не захочет его возмутить! Я люблю тебя, ты меня любишь, и бог видит нас! Только мы трое борствуем в этот миг. Не бойся ничего.

К а т а р и н а. Я не боюсь. И потом бывают минуты, когда забываешь все. Нет ничего, кроме счастья, кроме самозабвения друг в друге. Ты посмотри, Родольфо: когда мы разлучены, я только бедная узница, ты только бедный изгнанник; а когда мы вместе, нам позавидуют ангелы! Да, да, мы больше на небесах, чем они. Родольфо, от радости не умирают, иначе я была бы мертва. В голове у меня все смешалось. Я только что задала тебе тысячу вопросов и вот уже ни слова не помню из того, что говорила тебе. А ты помнишь хоть что-нибудь? Неужели это не сон? Ты в самом деле со мной, ты!

Р о д о л ь ф о. Бедный друг мой!

К а т а р и н а. Нет, погоди, не говори мне ничего, дай мне собраться с мыслями, дай мне глядеть на тебя, мое сердце, дай мне думать о том, что ты здесь. Потом я тебе отвечу. Бывают такие минуты, понимаешь, когда хочется смотреть на любимого и говорить ему: «Молчи, я гляжу на тебя! Молчи, я люблю тебя! Молчи, я счастлива!»

Он целует ей руку. Она оборачивается и видит письмо на столе.

Что это такое? О боже мой! Какая-то бумага велит мне очнуться! Письмо! Это ты положил его сюда?

Р о д о л ь ф о. Нет. Но, вероятно, тот человек, который привел меня сюда.

К а т а р и н а. Тебя привел какой-то человек? Кто? Посмотрим. Что это за письмо? (*Жадно распечатывает и читает*) «Иные люди опьяняются только кипрским вином. Другие наслаждаются только утонченной мстостью. Синьора, влюбленный сбир ничтожен, но мстящий сбир велик».

Р о д о л ь ф о. Боже правый! Что это значит?

К а т а р и н а. Я узнаю руку. Это негодяй, который осмелился меня полюбить, и сказать мне об этом, и явиться однажды ко мне в Венеции, и которого я велела прогнать. Его зовут Омодеи.

Р о д о л ь ф о. Так.

К а т а р и н а. Это шпион Совета Десяти.

Р о д о л ь ф о. О небо!

К а т а р и н а. Мы погибли! Это западня, и нам не уйти.
(Идет к балкону и смотрит вниз.) О боже!

Р о д о л ь ф о. Что такое?

К а т а р и н а. Погаси эту свечу. Живо!

Р о д о л ь ф о (гася свечу). Что с тобой?

К а т а р и н а. В галлерее, обращенной к мосту Мо-
лино...

Р о д о л ь ф о. Так что там?

К а т а р и н а. Там сейчас мелькнул и исчез огонек.

Р о д о л ь ф о. О я, жалкий безумец! Катарина, я по-
губил тебя!

К а т а р и н а. Родольфо, я так же пришла бы к тебе,
как ты пришел ко мне. (Прислушиваясь у дверцы в глу-
бине сцены) Тише! Послушаем. — Я слышу как будто
шум в коридоре. Да, отпирают дверь, идут! — Ты откуда
вошел?

Р о д о л ь ф о. Через потайную дверь, вон там, которую
этот демон закрыл за собой.

К а т а р и н а. Что нам делать?

Р о д о л ь ф о. Эта дверь?..

К а т а р и н а. В спальню моего мужа!

Р о д о л ь ф о. Окно?

К а т а р и н а. Там пропасть!

Р о д о л ь ф о. А эта дверь?

К а т а р и н а. В мою молельню. Оттуда выхода нет.
Бежать некуда. Все равно, пройди туда. (Отпирает мо-
лельню.)

Р о д о л ь ф о устремляется туда. Она закрывает дверь и остается
одна.

Замкнем на два оборота. (Вынимает ключ из замка и
прячет его на груди.) Почем знать, что произойдет сейчас?
А он решит, что мне надо помочь. Выйдет и погубит себя.
(Идет к дверце в глубине сцены.) Ничего не слышно. Нет,
идут. Остановились. Должно быть, прислушиваются.
О боже мой! На всякий случай сделаю вид, будто я сплю.
(Снимает с себя верхнее платье и кидается на кровать.)
О боже мой! Я дрожу. Вставляют ключ в замок. О, я не
хочу видеть, что сюда войдет! (Задерживает пологи кро-
вати.)

Дверь отворяется.

К а т а р и н а, Т и з б е.

Входит Тизбе, бледная, держа в руке светильню. Она медленными шагами подвигается вперед, озираясь по сторонам. Подойдя к столу, рассматривает только что погашенную свечу.

Тизбе. Свеча еще дымится. *(Оборачивается, видит кровать, подбегает к ней и отдергивает полог.)* Она одна. Притворяется спящей. *(Начинает обходить комнату кругом, осматривая двери и стену.)* Это дверь к мужу. *(Стуча оборотом руки о дверь молельни, скрытую под обоями.)* Здесь тоже есть дверь.

К а т а р и н а привстала в кровати и с изумлением смотрит на Тизбе.

К а т а р и н а. Что это такое?

Тизбе. Это? Что это такое? Извольте, я вам скажу. Это любовница подеста, держащая в своих руках супругу подеста.

К а т а р и н а. О небо!

Тизбе. Что это такое, синьора? Это комедиантка, актерка, фиглярка, как вы зовете нас, которая, повторяю, держит в своих руках знатную даму, замужнюю женщину, уважаемую женщину, безупречную добродетель! Держит ее в своих руках, в своих ногтях, в своих зубах! И может сделать с ней что угодно, с этой знатной дамой, с этой раззолоченной доброй славой, и растерзает ее, разорвет ее в куски, в клочки, в лохмотья! О, сударыни знатные дамы, я не знаю, что будет потом, но одно я знаю твердо, это — что одна из них сейчас у меня под ногами, одна из вас! И что эту я не выпущу! И что в этом она может быть уверена! И что лучше бы ей пасть от грома небесного, чем увидеть меня лицом к лицу! И вы еще смеете, синьора, смотреть мне в глаза, когда здесь у вас спрятан любовник!

К а т а р и н а. Синьора...

Тизбе. Да, спрятан!

К а т а р и н а. Вы ошибаетесь!

Тизбе. Нет, бросьте, не отпирайтесь. Он был тут! Ваши кресла еще стоят, как они стояли. Вы бы хоть передвинули их! И что вы говорили друг другу? Тысячу нежностей, не правда ли? Тысячу трогательных слов, не правда ли? «Я тебя люблю! Я тебя обожаю! Ты все для меня!...» — Ах, не касайтесь меня, синьора!

К а т а р и н а. Я не могу понять...

Т и з б е. И вы не лучше нас, сударыни! То, что мы громко говорим мужчине среди бела дня, вы стыдливо шепчете ему ночью. Только час не тот! Мы отнимаем у вас мужей, вы отнимаете у нас любовников. Это борьба. Отлично. Будем бороться! Притворщицы, лицемерки, изменницы, фальшивые добродетели, лживые женщины — вот кто вы! Нет, честное слово, мы лучше вас! Мы-то уж никого не обманываем! А вы — вы обманываете свет, вы обманываете ваши семьи, вы обманываете ваших мужей, вы бы рады обмануть самого господа бога, если бы могли! О, эти добродетельные женщины, которые шествуют по улицам, укрыв лицо покрывалом! Они идут в церковь! Посторонитесь! Склонитесь! Падите ниц! Нет, не сторонитесь, не склоняйтесь, не падайте ниц, шагните к ним, сорвите покрывало — под ним окажется маска, сорвите маску — под ней окажется лживый рот! О, мне все равно, я любовница подеста, вы его жена, и я вас погублю!

К а т а р и н а. Ради бога, синьора...

Т и з б е. Где он?

К а т а р и н а. Кто?

Т и з б е. Он!

К а т а р и н а. Я здесь одна. Право же, одна. Совсем одна. Я не понимаю, о чем вы спрашиваете. Я не знаю вас, но ваши слова леденят меня ужасом, синьора! Я не знаю, в чем я виновна перед вами. Я не могу поверить, чтобы вы могли иметь отношение к чему-либо здесь.

Т и з б е. Отношение к чему-либо здесь? Да еще какое отношение! Вы в этом сомневаетесь? Вы? Эти добродетельные женщины просто невероятны! Да разве бы я стала с вами так разговаривать, если бы у меня сердце не кипело яростью? Не все ли мне равно, что я вам сейчас наговорила? Не все ли мне равно, что вы — знатная дама, а я — комедиантка? Мне до этого дела нет, я так же красива, как и вы! Сердце мое полно ненависти, повторяю тебе, и я оскорбляю тебя, как могу! Где этот человек? Как зовут этого человека? Я хочу видеть этого человека! О, подумать только, что она притворялась спящей! Это поистине гнусно!

К а т а р и н а. Боже мой, боже! Что со мной будет? Ради создателя, синьора, если бы вы знали...

Т и з б е. Я знаю, что здесь имеется дверь! Я уверена, что он там!

К а т а р и н а. Синьора, это моя молельня. Только всего. Там никого нет, клянусь вам. Если бы вы знали! Вам сказали неправду обо мне. Я живу одиноко, совсем одна, скрытая от глаз людских.

Т и з б е. Покрывало!

К а т а р и н а. Это моя молельня, уверяю вас. Там только аналой и молитвенник.

Т и з б е. Маска!

К а т а р и н а. Я вам клянусь, что там никого нет, синьора!

Т и з б е. Лживый рот!

К а т а р и н а. Синьора...

Т и з б е. Все именно так. Но надо быть не в своем уме, чтобы так со мной говорить и смотреть при этом, как перепуганная преступница! Вы отрицаете без достаточной уверенности. Да ну же, синьора, возьмите себя в руки, рассердитесь, если смеете, изобразите из себя невинную женщину! *(Вдруг замечает плащ на полу возле балкона, бросается к нему и подымает его.)* Нет, знаете, так больше нельзя! Вот и плащ.

К а т а р и н а. О боже!

Т и з б е. Или, вы скажете, это не плащ? Не мужской плащ? К сожалению, нельзя узнать, кому он принадлежит, все эти плащи похожи один на другой. Смотрите, берегитесь, назовите мне имя этого человека!

К а т а р и н а. Я не понимаю, о чем вы говорите.

Т и з б е. Так это, значит, ваша молельня? Откройте мне ее.

К а т а р и н а. Зачем?

Т и з б е. Я тоже хочу помолиться богу. Откройте!

К а т а р и н а. Я потеряла ключ.

Т и з б е. Да открывайте же!

К а т а р и н а. Я не знаю, у кого ключ.

Т и з б е. Ну так он у вашего мужа! — Монсиньор Анджело! Анджело! Анджело! *(Бросается к двери в спальню.)*

К а т а р и н а преграждает ей путь.

К а т а р и н а. Нет, вы не приблизитесь к этой двери! Нет, вы не приблизитесь к ней! Я ничего вам не сделала.

Я не могу понять, что вы имеете против меня. Вы не станете меня губить, синьора. Вы сжадитесь надо мной. Подождите одну минуту. Вы увидите. Я вам объясню. Одну только минуту. С тех пор как вы здесь, я совершенно растеряна, я совершенно перепугана, и потом ваши слова, все, что вы тут говорили, все это меня так взволновало, я не все могла понять, вы сказали, что вы — комедиантка, что я — знатная дама, уж не помню, что. Я вам клянусь, что там никого нет. Вы мне ни слова не сказали про этого сбира, а между тем я уверена, что именно он — виной всему. Это ужасный человек, и он обманывает вас. Это шпион. Нельзя же верить шпиону! О, послушайте меня одну минуту. Женщина всегда подарит женщине минуту. Если бы я просила мужчину, он не был бы так добр. Но вы — вы надо мной сжадитесь. Вы слишком красивы, чтоб быть злой. Так вот, я говорю, что всему виной этот негодяй, этот шпион, этот сбир. Вы только поймите меня. Вы сами потом пожалели бы, что были причиной моей смерти. Не будите моего мужа. Он убьет меня. Если бы вы знали, как я живу, вам стало бы жаль меня. Я не виновна, не так уж виновна, право же. Я, может быть, была неосторожна, но ведь у меня нет матери. Уверяю вас, ведь у меня нет больше матери. О, сжадитесь надо мной, не подходите к этой двери, умоляю вас, умоляю вас, умоляю вас!

Т и з б е. Довольно! Нет! Я больше не желаю слушать! Монсиньор! Монсиньор!

К а т а р и н а. Молчите! Ах! Боже! Ах! Молчите! Или вы не знаете, что он меня убьет? Дайте мне хоть одну минуту, еще одну коротенькую минуту, чтобы помолиться богу. Нет, нет, я никуда не уйду. Вот посмотрите, я стану на колени, вот здесь... *(показывая на медное распятие над аналоем)* перед этим распятием.

Т и з б е пристально смотрит на распятие.

О, прошу вас, окажите мне эту милость, помолитесь рядом со мной. Вы согласны, да? А потом, если вы попрежнему пожелаете моей смерти, если бог сохранит в вас эту мысль, делайте, что хотите.

Т и з б е *(кидаясь к распятию и срывая его со стены)*. Что это за распятие? Откуда оно у вас? Как оно вам досталось? Кто вам его дал?

К а т а р и н а. Что? Это распятие? О, у меня сил больше нет! К чему вы меня расспрашиваете об этом распятии!

Т и з б е. Как оно попало вам в руки? Говорите скорей!

На столике возле балкона осталась гореть свеча. Т и з б е подходит к ней и разглядывает распятие. К а т а р и н а следует за Тизбе.

К а т а р и н а. Мне его подарила одна женщина. Вы рассматриваете имя тут внизу. Это какое-то незнакомое мне имя. Тизбе, как будто. Эту бедную женщину хотели казнить. Я стала умолять, чтобы ее помиловали. Это зависело от моего отца, и он ее помиловал. В Брешье. Я была почти ребенком. — О, не губите меня, сжальтесь надо мной, синьора! — Тогда эта женщина подарила мне вот это распятие и сказала, что оно принесет мне счастье. Вот и все. Я клянусь вам, что это все. Но к чему это вам? Зачем задавать мне ненужные вопросы? О, я не могу больше!

Т и з б е *(в сторону)*. Боже мой! О моя мать!

Дверь в глубине раскрывается. Появляется Анджело в ночном халате.

К а т а р и н а *(возвращаясь на авансцену)*. Мой муж! Я погибла!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

К а т а р и н а, Т и з б е, А н д ж е л о

А н д ж е л о *(не замечая Тизбе, которая осталась возле балкона)*. Что это значит, синьора? Я слышал здесь у вас какой-то шум.

К а т а р и н а. Синьор...

А н д ж е л о. Почему вы не спите в такой час?

К а т а р и н а. Дело в том...

А н д ж е л о. Боже мой, да вы вся дрожите. У вас кто-то есть!

Т и з б е *(выступая вперед)*. Да, монсиньор. Я.

А н д ж е л о. Вы, Тизбе!

Т и з б е. Да, я.

А н д ж е л о. Вы — здесь! Глубокой ночью! Каким это образом вы очутились здесь, и притом в такое время, и почему синьора...

Т и з б е. Вся дрожит? Я вам скажу, монсиньор. Послушайте меня. Дело стоит того.

К а т а р и н а. Теперь конец!

Т и з б е. Вот, в двух словах. Вас должны были убить завтра утром.

А н д ж е л о. Меня!

Т и з б е. На пути из вашего дворца ко мне. Вы знаете, что по утрам вы обычно выходите один. О замысле против вас мне сообщили только что, и я поспешила предупредить синьору, чтобы она помешала вам завтра отлучаться из дому. Вот почему я здесь, и притом глубокой ночью, и вот почему синьора вся дрожит.

К а т а р и н а (в сторону). Великий боже! Что это за женщина?

А н д ж е л о. Не может быть! Ну что ж, это меня не удивляет. Вы видите, как я был прав, когда говорил вам об окружающих меня опасностях. Кто вам это сообщил?

Т и з б е. Неизвестный человек, который предварительно взял с меня обещание помочь ему сбежать. Это обещание я исполнила.

А н д ж е л о. Напрасно. Человеку обещают, но потом велят его схватить. Как вам удалось проникнуть во дворец?

Т и з б е. Этот самый человек и впустил меня сюда. Он ухитрился отпереть маленькую дверцу под мостом Молино.

А н д ж е л о. Скажите пожалуйста! А сюда как вы вошли?

Т и з б е. А ключик, который вы мне сами подарили?

А н д ж е л о. По-моему, я вам не говорил, что он отпирает эту комнату.

Т и з б е. Нет, говорили. Вы просто не помните.

А н д ж е л о (замечая плащ). Что это за плащ?

Т и з б е. Мне его дал этот человек, чтобы я могла войти во дворец. У меня была и шапка, да вот не знаю, куда она девалась.

А н д ж е л о. И подумать, что такие люди входят ко мне, когда им вздумается! Вот какова моя жизнь! Подол моей одежды всегда защемлен каким-нибудь капканом. Но скажите мне, Тизбе...

Т и з б е. Ах, отложите до завтра остальные вопросы, монсиньор, прошу вас. Нынче ночью вам спасли жизнь,

вам этого должно быть достаточно. Вы даже не поблагодарили нас, синьору и меня.

А н д ж е л о. Простите, Тизбе.

Т и з б е. Меня ждут внизу мои носилки. Вы не предложите мне руку проводить меня до них? Пора дать уснуть синьоре.

А н д ж е л о. Я к вашим услугам, донна Тизбе. Пожалуйста, пройдемте через мою комнату, чтобы мне взять шпагу. *(Направляясь к большой двери в глубине сцены)* Эй! Огня!

Т и з б е *(отводя Катарину на авансцену)*. Дайте ему сейчас же уйти отсюда. Тем путем, каким я пришла. Вот ключ. *(Оборачиваясь в сторону молельни)* О, эта дверь! О, как мне больно! Даже не зная, действительно ли это он!

А н д ж е л о *(возвращаясь)*. Я жду вас, синьора.

Т и з б е *(в сторону)*. О, если б я могла увидеть, как он пойдет! Нет, невозможно! Надо идти! О!.. *(К Анджело)* Ну что ж, идемте, монсиньор.

К а т а р и н а *(глядя им вслед)*. Да, это — сон!

БЕЛОЕ ВМЕСТО ЧЕРНОГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Внутренность жалкого домишки. Бедная обстановка. В углу — неплетенная камышовая корзина. В глубине — дверь. Налево в углу — окно, полузакрытое ветхим ставнем. С той же стороны — нечто вроде продолговатого окна, наглухо закрытого. С противоположной стороны — дверь и высокий камин, занимающий правый угол. Возле закрытого продолговатого отверстия — веревки, плетенки из прутьев, приставленные к стене, куча больших камней.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Омодэи, Орделафо.

Орделафо. Вот, Омодэи, через это окно. (*Указывает ему на продолговатое закрытое отверстие.*) Внизу течет река. Всякий раз, когда подестà или светлейшая синьория хотят от кого-нибудь отделаться, человека приносят сюда, живым или мертвым, привязывают его к плетенке, прикрепляют к четырем углам четыре хороших камня и затем всё вместе выкидывают в это самое окно. Остальное доделывает река. У вас в Венеции — канал Орфано, а у нас в Падуе — Брента. Так ты даже и не знал про этот дом?

Омодэи. Я в этом городе недавно. Я еще не знаю всех обычаев. Впрочем, этот дом очень удобно расположен для моих надобностей. В пустынном месте и как раз на том пути, по которому пойдет Реджинелла, возвращаясь во дворец.

Орделафо. Кто такая Реджинелла?

О м о д э и. Ладно, ладно! Ты мне только отвечай. Кто в этом доме живет?

О р д е л а ф о. Два гончих пса с человеческими лицами. Одного зовут Орфео, другого — Габоардо. Ты их увидишь, они должны сейчас вернуться.

О м о д э и. А чем они тут занимаются?

О р д е л а ф о. Ночными казнями, упразднением мертвых тел, всякими текущими секретными делами, которые уносятся волнами Бренды. — Но вернемся к прежнему. Так ты говоришь, у тебя ничего не вышло?

О м о д э и. Ничего.

О р д е л а ф о. Оно и понятно. С чего ты вдруг вообразил, что достаточно впутать в дело женщину?

О м о д э и. Ты сам не понимаешь, что говоришь. Если у тебя имеется замысел, которым можно убить человека, то нет лучшего клинка для этой рукояти, чем женская ревность. Да, женщины обычно мстят. Не понимаю, что этой взбрело в голову. Пусть меня больше не уверяют, будто комедиантка лучше всякой другой ударит ножом. Всю свою трагичность они расходуют на сцене.

О р д е л а ф о. Я бы на твоём месте просто пошел к подеста и сказал ему: «Ваша жена...»

О м о д э и. На моем месте ты не пошел бы просто к подеста и не сказал бы ему: «Ваша жена». Потому что ты знаешь не хуже моего, что сиятельнейший Совет Десяти возбраняет нам, пока мы живы, как мне, так и тебе, вступать в какие бы то ни были сношения с подеста, вплоть до того дня, когда нам будет приказано взять его под стражу. Ты отлично знаешь, что я не могу ни говорить с подеста, ни писать ему, под страхом смерти, и что за мной следят. Почему знать? Быть может, именно ты за мной следишь!

О р д е л а ф о. Омодеи, ведь мы друзья!

О м о д э и. Тем более. Предполагается, что я тебе доверяю.

О р д е л а ф о. О друг мой Омодеи!

О м о д э и. А я тебе не доверяю, видишь ли!

О р д е л а ф о. Что я тебе сделал? Не понимаю!

О м о д э и. Ничего. Задавал глупые вопросы, и только. И вдобавок, я не в духе. Ну, полно, мы друзья. Дай руку.

Орделафо. Так ты отказываешься от мести?

Омодэи. Скорей от жизни откажусь! Орделафо, ты никогда не любил женщины, ты не знаешь, что такое любить женщину и что значит, когда она тебя гонит, когда она тебя унижает, когда она дает тебе звонкую пощечину твоим же именем, называя тебя шпионом, причем ты действительно шпион! О, тогда твое чувство к этой женщине, к этой Катарине, понимаешь ты, это уже не любовь, это уже не ненависть, это — любовь, которая ненавидит! Страшная, жгучая, жаждущая страсть, утолимая одной только чашей — местию! Я отомщу этой женщине, я схвачу эту женщину, я за ноги протащу эту женщину в гробницу, я это сделаю, Орделафо!

Орделафо. Твоя затея не удалась. Как же ты поступишь?

Омодэи. Я уже придумал. (*Подходит к окну в глубине сцены.*) Да вот, Орделафо, ты мне кстати и поможешь. Поди сюда. Видишь ты вон там женщину в красной накидке? Она идет в нашу сторону.

Орделафо. Да. Так что?

Омодэи. Выйди на улицу как ни в чем не бывало. Поровнявшись с этой женщиной, пропусти ее мимо, а затем поверни за ней следом, тихонько. Когда она будет возле этого дома, — дверь, выходя, ты только слегка притвори, — ты сильно толкни эту женщину к двери. Дверь подастся, а женщину я тебе помогу втащить сюда. Остальное уж мое дело.

Орделафо. Понял.

Омодэи. Кругом ни души. (*Смотрит в окно.*) Да, никого. Если ей вздумается кричать, пускай кричит. Иди.

Орделафо уходит.

Омодэи (*оставшись один*). Этот дом действительно удобно расположен. Здесь хоть самого папу убей, ни один христианин не услышит.

Звук шагов за дверью. Дверь отворяется, и видна Реджинелла с запиханным в рот платком, которую Орделафо вталкивает в комнату.

Омодэи, Орделафо, Реджинелла.

Орделафо. Я ей заткнул рот для большей осторожности.

Омодэи (*вынимая кляп*). Хорошо сделал.

Реджинелла (*растерянная*). О боже, монсиньоры!

Омодэи. Полно, нечего пугаться. Я этого не люблю. Успокойся и отвечай. Раз ты меня знаешь, можешь не бояться. Помнишь, я с тобой вчера разговаривал. Я самый. Ведь я ж тебе не сделал зла. Так чего ж ты? Тебя зовут Реджинелла. Это ты водила синьора Родольфо на свидания с синьорой Катариной в старом палаццо Магаруффи. Сегодня утром, час тому назад, Родольфо встретил тебя около моста Альтина, неподалеку отсюда. Он вручил тебе письмо для твоей госпожи.

Реджинелла. Монсиньор...

Омодэи. Дай мне это письмо.

Реджинелла. Вот оно.

Омодэи. Хорошо. (*Распечатывает письмо.*)

Реджинелла. Вы взламываете печать, монсиньор!

Омодэи. Почему ты называешь меня монсиньором? Я — шпион. Это глупый страх, который мне ничуть не льстит. (*Читает письмо.*) Этого достаточно. Подписи нет. Досадно. Надо будет устроить так, чтобы подеста узнал имя.

Звук ключа в дверном замке. Входит человек, одетый в серое. Серые волосы, большие руки, землистое лицо. Весь он — пепельного цвета.

Омодэи. Что это за человек?

Орделафо. Это один из гончих псов, о которых я тебе говорил. Его зовут Орфео. Другой тоже скоро придет. Ночью они не спят, так отсыпаются днем.

Человек подходит к Омодэи и смотрит на него сердито.

Покажи ему, кто ты.

Омодэи приоткрывает свой кафтан. При виде трех букв человек подносит руку к шапке.

Орделафо (*человеку*). Иди ложись!

Человек молча отходит в угол.

Омодэи. Есть в этом доме другой выход?

Орделафо. Да. Вот этот. На улицу Скалона.

Омодэи. Выйди через него с этой девицей и разгуливай с ней весь день.

Орделафо и Реджинелла выходят в указанную дверь. Человек остается сидеть в темном углу и плетет корзину.

Омодэи *(в сторону)*. Сделан большой шаг вперед. Но как быть с письмом? Как вручить его Малипьеры? Как ему сообщить, что письмо писал Родольфо? Пока что нельзя держать его при себе. Куда бы его надежно спрятать? *(Увидя стол с выдвижным ящиком)* Запирается ли ящик? Да. Хорошо. *(Кладет письмо в ящик стола и берет себе ключ.)* Орфео!

Человек встает и подходит.

Ведь тебя зовут Орфео? Я сейчас уйду. Вы с товарищем хорошенько сторожите нынче ночью. Вам, может быть, принесут кого-нибудь, чтобы он исчез. Женщину.

Орфео. Брента рядом. *(Отходит в глубину сцены.)*

Омодэи *(сидясь)*. До чего же это стеснительно! Нельзя ни написать подеста, ни поговорить с ним! Как бы это упростило дело! *(Облокачивается на стол и подпирает голову рукой, словно в глубокой задумчивости.)*

В окне появляется голова Родольфо.

Родольфо *(снаружи, всматриваясь в комнату)*. Вот как будто человек, похожий на... *(Приотворяет ставень пошире.)* Так и есть. Это он. Это проклятый Омодэи! А, вот он где! *(Затворяет ставень и исчезает.)*

Омодэи *(вставая)*. Нет, надо найти способ осведомить подеста. — Ключ от стола при мне? Да. Хорошо. *(Уходит в заднюю дверь и затворяет ее за собой.)*

Голоса за сценой.

Первый голос. Защищайся, несчастный!

Второй голос. Что это вы? Синьор!

Первый голос. Защищайся, говорят тебе!

Второй голос. Синьор Родольфо!..

Первый голос. Да защищайся же, негодяй! Или я убью тебя, как собаку!

Слышен звон шпага.

Орфео (*оставшийся один в доме, приподнимает голову*). Там кого-то убивают, кажется. (*Продолжает плести корзину.*)

Второй голос. Ах!..

Первый голос. Омодеи! Ты мне обязан жизнью, теперь расплачивайся!

Второй голос. Ах!

Шум стихает Кто-то удаляется.

Орфео (*плетя корзину*). Кого-то убили.

Громкий стук в дверь.

Кто там?

Голос (*снаружи*). Я. Открой.

Орфео. А, это ты, Габоардо! (*Идет отпереть*)

Входит Габоардо, таща Омодеи, ноги которого волочатся Габоардо во всем похож на Орфео.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Орфео, Габоардо, Омодеи.

Орфео (*рассматривая Омодеи*). Да ведь это давешний.

Габоардо. Его убил какой-то молодой синьор. Когда я подросел, он удалился большими шагами. Красивый молодой человек, честное слово.

Орфео. Что, убит насмерть?

Габоардо. Похоже на то.

Орфео. Встряхни его маленько. Да из раны почти что и крови не вышло.

Габоардо. Она от этого не лучше.

Омодеи (*открывая глаза*). О! Где я? Ах, я задыхаюсь! Это ты, Орфео? А это твой товарищ? О! Достаньте у меня кошелек из кармана. Возьмите себе.

Орфео обшаривает его

Габоардо (*к Орфео*). Не трудись. Я уже взял.

Омодеи. Я слышу, ты уже взял. Это хорошо. Ты, видно, неглуп. Я тебе объясню, что надо сделать. У меня в кармане имеется еще ключ. — Ой, больно! — Все равно.

Доставай. Хорошо. Это ключ от здешнего стола. Отопри ящик. Как тебя зовут?

Г а б о а р д о. Габоардо.

О м о д э и. Габоардо. Хорошо. Отопри ящик. Там лежит бумага. Дай ее сюда. Хорошо. Эту бумагу надо будет снести к подестà. Слышишь? Понимаешь? К подестà. Эту бумагу. О, я умираю. Дайте, чем писать.

О р ф е о. Писать? А это что значит?

Г а б о а р д о. У нас ничего нет.

О м о д э и (*яростно*). Нечем писать! А! (*Падает навзничь, потом приподымается.*) Так вот, слушайте. Слушай, Габоардо. Вы пойдете к подестà, к монсиньору Малипьеры, с этой бумагой. Это — письмо. Вы слышите? Он вам даст сто золотых цехинов. Слышите? Вы ему скажете, монсиньору подестà, что это письмо писано его жене, что его писал любовник его жены... — о, задыхаюсь! — по имени Родольфо. Которого зовут Родольфо. Его имя Родольфо. Запомните твердо. — О, я умру, но моя месть останется на воле. О, если хоронить меня будете вы, оставьте мою руку не закопанной, высоко поднятой, в знак моей мести. — Родольфо! Поняли? Ну, что я вам сказал? Повторите.

Г а б о а р д о. Вы сказали, что нам дадут сто золотых цехинов.

О м о д э и. Нет! Не то! Поддержите мне голову, чтобы я мог говорить. Слушайте внимательно. Сто золотых цехинов подестà вам даст только в том случае, если вы ему расскажете... Ах! — Слушайте. Снести ему письмо. К подестà. У его жены есть любовник. Сказать ему это. Который написал письмо. Сказать ему это. Которого зовут Родольфо. Сказать ему это. Сказать ему все. Нет, я чувствую, что задыхаюсь. Смерть пришла. Подымите мне выше голову. О несчастье! Настала смерть, и некому доверить мщение, кроме этих болванов! Вы слышите? Род... Род... ольфo. (*Падает навзничь.*)

Г а б о а р д о. Помер. Скорее к подестà. Сто золотых цехинов. Чорт! Письмо у меня? Да. Ты все хорошо запомнил, Орфео? Сказать подестà, что у его жены есть любовник, который написал это письмо и которого зовут... Как он сказал?

О р ф е о. Он сказал: Родериго.

Г а б о а р д о. Нет, он сказал: Пандольфо.

Комната Катарини. Пологи вокруг помоста, на котором стоит кровать, задернуты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анджело, два священника.

Анджело (одному из священников). Синьор декан Святого Антония Падуанского, велите немедленно обтнать черным средний корабль, хор и главный алтарь вашего храма. Через два часа — через два часа — вы совершите торжественную службу о упокоении души знатного лица, которое умрет в эго самое время. Вы совершите эту службу вместе со всем капитулом. Вы велите открыть раку святого. Вы велите затеплить триста белых восковых свечей, как для королев. Вы раздадите шестистам нищим по серебряному дукату и по золотому цехину. Вы украсите черные завесы только гербами Малипьеры и гербами Брагадини. Герб Малипьеры — в золотом щите орлиный коготь; герб Брагадини — в пересеченном щите, лазуревом и серебряном, красный крест.

Декан. Сиятельный подеста...

Анджело. А! — Вы немедленно спуститесь со всем вашим духовенством, с крестом и хоругвью, в подземный склеп этого дворца, где находятся гробницы герцогов да Романа. Там поднята одна плита. Там вырыта могила. Эту могилу вы благословите. Не теряйте времени. Вы помолитесь также за меня.

Декан. Это кто-нибудь из ваших родственников, монсиньор?

Анджело. Идите!

Декан низко кланяется и уходит в среднюю дверь. Второ́й священник собирается идти за ним. Анджело его задерживает.

Вы, отец архипресвитер, останьтесь. — Здесь рядом, в молельне, есть некто, кого вы должны сейчас же отъисповедовать.

Архипресвитер. Осужденный человек, монсиньор?

Анджело. Одна женщина.

Архипресвитер. Эту женщину надо подготовить к смерти?

Анджело. Да. Я вас провожу.

Дворцовый стражник (*входя*). Ваше сиятельство посылали за донной Тизбе. Она тут.

Анджело. Пусть войдет и подождет меня здесь одну минуту.

Стражник уходит. Подеста открывает дверь в молельню и знаком приглашает священника войти.

Отец архипресвитер, если вы дорожите жизнью, то, выйдя отсюда, никому на свете не называйте имени той женщины, которую вы сейчас увидите. (*Входит в молельню вслед за священником.*)

Дверь в глубине сцены открывается, стражник вводит Тизбе.

Тизбе (*стражнику*). Вы не знаете, чего ему надо от меня?

Дворцовый стражник. Не знаю, синьора. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тизбе (*одна*). Ах, эта комната! Опять я в этой комнате! Чего хочет от меня подеста? Сегодня у дворца зловещий вид. Не все ли мне равно? Я готова расстаться с жизнью, лишь бы узнать: да или нет. О, эта дверь! Как странно мне видеть эту дверь при свете дня! Он был там, за этой дверью! Кто? Кто был за этой дверью? Откуда мне взять уверенность, что это был он? Я даже этого шпиона с тех пор не видела. О неизвестность! Отвратительный, неотступный призрак, который искоса посматривает на тебя, не смеясь и не плача! Будь я уверена, что это Родольфо, — твердо уверена, с доказательствами в руках, — о, я погубила бы его, я донесла бы на него подеста. Нет. Но я отомстила бы этой женщине. Нет. Я убила бы себя. О да! Зная, что Родольфо меня разлюбил, зная, что он меня обманывает, зная, что он любит другую, ради чего стала бы я жить? Не все ли равно мне было б умереть? Как! Даже не отомстив? А почему бы и нет? Ах, сейчас я говорю так, но я и отомстить вполне способна! Поручусь ли я за то, что со мною станется, если мне докажут, что человеком этой ночи был Родольфо?

О боже мой, избавь меня от ярости! О Родольфо! Каталина! О, если это окажется правдой, что я сделаю? В самом деле, что я сделаю? Кого я убью? Их или себя? Я не знаю.

Возвращается Анджело.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тизбе, Анджело.

Тизбе. Вы меня пригласили, монсиньор.

Анджело. Да, Тизбе. Мне нужно с вами поговорить. Мне очень нужно с вами поговорить. По делам довольно важным. Я вам уже рассказывал: в моей жизни что ни день, то западня, что ни день, то измена, что ни день, то либо меня ранят кинжалом, либо я сам рублю топором. В двух словах — вот что. У моей жены есть любовник.

Тизбе. Которого зовут?..

Анджело. Который был у нее сегодня ночью, когда мы с вами тут находились.

Тизбе. И которого зовут?..

Анджело. Вот каким образом это открылось. Один человек, шпион Совета Десяти... — Надо вам сказать, что шпионы Совета Десяти занимают по отношению к нам, сухопутным подеста, совсем особое положение. Совет возбраняет им под страхом смерти писать нам, говорить с нами, вступать с нами в какие бы то ни было сношения вплоть до того дня, когда им будет приказано взять нас под стражу. — Так вот, сегодня утром одного из этих шпионов нашли заколотым на берегу реки, возле моста Альтина. Его подобрали двое ночных дозорных. Что это было? Поединок? Засада? Неизвестно. Этот сбир успел произнести только несколько слов. Он был при смерти. Вся беда в том, что он умер. Когда его ранили, при нем было письмо, которое он, повидимому, только что перехватил, и у него достало ясности рассудка поручить его этим дозорным для передачи мне. Они мне его и принесли. Это письмо к моей жене от ее любовника.

Тизбе. Которого зовут?..

Анджело. Письмо без подписи. Вы меня спрашиваете, как этого любовника зовут? Вот в этом-то вся трудность. Убитый назвал его имя этим двум дозорным. Но

они, болваны, позабыли. Не могут вспомнить. Каждый говорит свое. Один говорит — Родериго, другой говорит — Пандольфо.

Тизбе. А письмо у вас?

Анджелло (*шаря у себя на груди*). Да, оно при мне. Я потому за вами и послал, чтобы вам его показать. Если вы случайно знаете этот почерк, вы мне скажете, чей он. (*Достает письмо.*) Вот оно.

Тизбе. Дайте.

Анджелло (*теребя письмо в руках*). О, я мучительно страдаю, Тизбе! Есть человек, который посмел — который посмел поднять глаза на жену Малипьери! Есть человек, который посмел запятнать золотую книгу Венеции на лучшей ее странице, там, где вписано мое имя! Какое имя! Малипьери! Есть человек, который сегодня ночью был в этой комнате, который ходил по тому самому месту, где я стою, быть может! Есть презренный человек, который написал вот это письмо, — и этого человека я не схвачу! И не пригвозжу мою месть к моему позору! И этот человек не ляжет в луже крови на этом вот полу! О, чтоб узнать, кто писал это письмо, я отдал бы меч моего отца, и десять лет моей жизни, и мою правую руку, синьора!

Тизбе. Да покажите мне письмо!

Анджелло (*отдавая ей письмо*). Смотрите.

Тизбе (*раскрывая письмо и бросая на него быстрый взгляд, в сторону*). Это Родольфо!

Анджелло. Вам знаком этот почерк?

Тизбе. Дайте же мне прочесть. (*Читает*) «Катарина, бедная моя возлюбленная, ты видишь сама, что господь хранит нас. Чудо спасло нас сегодня ночью от твоего мужа и от этой женщины...» (*В сторону*) Этой женщины! (*Читает дальше*) «Я люблю тебя, моя Катарина. Ты — единственная, кого я любил. За меня не бойся, мне ничто не грозит».

Анджелло. Ну так как же? Почерк вам знаком?

Тизбе (*возвращая письмо*). Нет, монсиньор.

Анджелло. Незнаком? А что вы скажете про письмо? Тот, кто его писал, очевидно давно живет в Падуе, — это язык старинной любви. О, я обыщу весь город! Я найду этого человека! Что вы мне посоветуете, Тизбе?

Тизбе. Ищите.

Анджелло. Я велел никого не впускать сегодня во

дворец, кроме вас и вашего брата, который может вам понадобиться. Всех остальных я велел задерживать и приводить ко мне. Допрашивать я буду сам. А пока — половина мести у меня под рукой, и я отомщу хоть наполовину.

Тизбе. То есть как так?

Анджело. Убив эту женщину.

Тизбе. Вашу жену!

Анджело. Все подготовлено. Ранее, чем минет час, Катарина Брагадини будет обезглавлена, как подобает.

Тизбе. Обезглавлена!

Анджело. В этой комнате.

Тизбе. В этой комнате!

Анджело. Слушайте. Мое оскверненное ложе должно стать могилой. Эта женщина умрет, я так решил. И я настолько холодно это решил, что тут ничего изменить нельзя. Во мне нет гнева, который можно было бы погасить мольбами. Вступись за нее мой лучший друг — если бы у меня были друзья, — я бы отнесся с недоверием к моему лучшему другу. И только. Поговорим об этом, если хотите. И потом, Тизбе, эта женщина ненавистна мне! Женщина, на которой я дал себя женить по семейным соображениям, потому что дела мои пришли в расстройство во время моей посольской службы, и чтобы угодить моему дяде, епископу Кастельскому, — женщина, у которой в моем присутствии всегда было печальное лицо и удрученный вид, которая не подарила мне ни одного ребенка! И к тому же, видите ли, ненависть у нас в крови, она у нас в роду, она у нас в обычае. Каждый Малипьеры должен кого-нибудь ненавидеть. В тот день, когда лев Святого Марка взлетит со своего столпа, ненависть раскинет бронзовые крылья и улетит из сердца Малипьеры. Мой дед ненавидел маркиза Адзо и велел утопить его ночью в Венеции. Мой отец ненавидел прокуратора Бадоэра и распорядился отравить его на пиру королевы Корнаро. А я ненавижу вот эту женщину. Я не стал бы делать ей зла. Но она виновна. Пусть пеняет на себя. Она понесет наказание. Сам я, может быть, не лучше, но она должна умереть. Это неизбежно. Это решено. Я вам говорю, что она умрет. Пощадить эту женщину? Да если бы кости моей матери взмолились за нее, синьора, я все-таки ее не пощадил бы!

Тизбе. Разве светлейшая синьория Венеции дает вам право?..

А н д ж е л о. Ни малейшего права миловать. Неограниченное право карать.

Т и з б е. Но семья Брагадини, семья вашей жены?

А н д ж е л о. Будет мне благодарна.

Т и з б е. Вы говорите — решение принято. Она умрет. Это хорошо. Вы правы. Но так как все это дело еще остается тайной, так как ничье имя еще не произнесено, не лучше ли вам избавить вашу жену от казни, этот дворец — от кровавого пятна, самого себя — от шумной огласки и пересудов? Ведь палач — свидетель. А свидетеля не надо.

А н д ж е л о. Да. Яд был бы лучше. Но нужен яд быстродействующий, а у меня — вы не поверите! — такого нет.

Т и з б е. Зато есть у меня.

А н д ж е л о. Где?

Т и з б е. Дома.

А н д ж е л о. Какой?

Т и з б е. Яд Маласпина. Помните? Коробочка, которую мне прислал настоятель Святого Марка.

А н д ж е л о. Да, вы мне говорили. Это надежный и быстрый яд. Что ж, вы правы. Пусть все останется между нами, так лучше. Слушайте, Тизбе. Я доверяю вам всецело. Вы сами понимаете: то, что я делаю, — законно. Я мщу за свою оскорбленную честь, и каждый поступил бы так же. Но я затеял темное и трудное дело. Вы здесь мой единственный друг. Только на вас я могу положиться. Быстрая казнь и полная тайна — так лучше и для нее и для меня. Помогите мне. Вы мне нужны. Я прошу вашего содействия. Вы согласны?

Т и з б е. Да.

А н д ж е л о. Пусть эта женщина исчезнет неведомо как, неведомо почему. Роют могилу, служат заупокойную службу, но никто не знает — кому и по ком. Тело унесут эти двое, ночные дозорные, которых я держу взаперти. Вы правы, укроем все во тьме. Пошлите за вашим ядом.

Т и з б е. Никто не знает, где он хранится. Я сама схожу за ним.

А н д ж е л о. Идите, я вас жду.

Т и з б е уходит.

Да, так лучше. Преступление совершено во мраке, пусть во мраке совершится кара.

Дверь молельни открывается. Из нее выходит архипресвитер, потупив взгляд и скрестив руки на груди. Он медленно проходит через комнату. Когда он уже готов выйти в среднюю дверь, Анджело оборачивается к нему.

Она готова?

Архипресвитер. Да, монсиньор. (*Уходит.*)

На пороге молельни появляется Катарина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анджело, Катарина.

Катарина. Готова к чему?

Анджело. К смерти.

Катарина. К смерти! Так это правда? Неужели это может быть? О, я просто не могу освоить эту мысль! Умереть! Нет, я не готова. Я не готова. Я совершенно не готова, синьор!

Анджело. Сколько времени вам нужно, чтобы подготовиться?

Катарина. Ах, я не знаю, много времени!

Анджело. Или у вас нехватит мужества, синьора?

Катарина. Умереть так вдруг! Но ведь я ничем не заслужила смерти, я хорошо это знаю! Синьор, синьор, еще хоть день! Нет, одного дня мало, я чувствую, что завтра я не буду храбрее. Мне нужна жизнь! Сохраните мне жизнь! В монастыре! Нет, скажите, неужели действительно невозможно, чтобы вы сохранили мне жизнь?

Анджело. Да, я могу сохранить вам жизнь, я вам уже сказал, при одном условии.

Катарина. При каком? Я не могу вспомнить.

Анджело. Кто писал это письмо? Скажите. Назовите мне этого человека! Выдайте мне этого человека!

Катарина (*ломая руки*). Боже мой!

Анджело. Если вы мне выдадите этого человека, вы будете жить. Ему — эшафот, вам — монастырь; этого хватит. Решайтесь.

Катарина. Боже мой!

Анджело. Ну что же? Вы мне не отвечаете?

К а т а р и н а. Нет, я вам отвечаю: боже мой!

А н д ж е л о. О, синьора, решайтесь!

К а т а р и н а. Я озябла в этой молельне. Мне очень холодно.

А н д ж е л о. Послушайте. Я хочу быть добрым с вами, синьора. У вас еще имеется час времени. Целый час в вашем распоряжении, и на этот час я вас оставляю одну. Никто сюда не войдет. Употребите этот час на размышление. Я кладу письмо на стол. Припишите внизу имя этого человека, и вы спасены. Катарина Брагадини, с вами говорит мраморный рот: надо или выдать этого человека, или умереть. Выбирайте. Вам дается час времени.

К а т а р и н а. Нет... день!

А н д ж е л о. Час. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К а т а р и н а *(одна)*. В эту дверь... *(Идет к двери.)* О, я слышу, как он запирает ее на засов! *(Идет к окну.)* В это окно... *(Смотрит вниз.)* О, как высоко! *(Падает в кресло.)* Умереть! О боже мой! Как эта мысль ужасна, когда она вот так охватывает тебя совсем неожиданно! Знать, что тебе осталось жить только час, и говорить себе: «Мне остается только час!» О, это надо пережить самой, чтобы понять, до какой степени это страшно! У меня все тело разбито. Мне неудобно в этом кресле. *(Встает.)* Я думаю, мне покойнее будет на постели. О, хоть бы минуту передышки! *(Идет к кровати.)* Хоть минуту отдыха! *(Отдергивает полог и в ужасе отступает.)*

На месте кровати стоит плаха, покрытая черным сукном, и лежит топор.

Боже мой! Что я вижу? О, это чудовищно! *(Судорожным движением задергивает полог.)* О, я не хочу это видеть! О боже мой! И это — для меня! О боже мой! И я с этим здесь наедине! *(Возвращается к креслу, волоча ноги.)* У меня за спиной! Это — у меня за спиной! О, я боюсь оглянуться. Спасите, спасите! Вы же видите, это не сон, это все происходит в действительности, раз там за пологом такое!

Отворяется маленькая дверь в глубине сцены. Появляется Родольфо.

Катарина, Родольфо.

Катарина (*в сторону*). О небо! Родольфо!

Родольфо (*подбегая к ней*). Да, Катарина, это я. На один миг. Ты одна. Какое счастье!.. — Что это? Как ты бледна! У тебя взволнованный вид!

Катарина. Еще бы! Разве можно быть таким неосторожным? Являться сюда среди бела дня, после всего, что было!

Родольфо. Ах, я слишком беспокоился. Я не мог удержаться.

Катарина. Беспокоился о чем?

Родольфо. Я вам все расскажу, Катарина, моя возлюбленная... Ах, право, как я счастлив, что застаю вас здесь такой спокойной!

Катарина. Как вы сюда вошли?

Родольфо. Ты же сама дала мне ключ.

Катарина. Это так. Но во дворец?

Родольфо. Вот как раз и это меня беспокоит. Вошел я без труда, но выйти будет нелегко.

Катарина. Почему?

Родольфо. Когда я входил во дворец, начальник стражи меня предупредил, что до ночи никого выпускать не будут.

Катарина. Никого до ночи! (*В сторону*) Бежать невозможно! О боже!

Родольфо. Сбиры стоят во всех переходах. Дворец охраняется, как тюрьма. Мне удалось пробраться в большую галлерею, и вот я здесь. Скажи правду, ты мне клянешься, что здесь ничего не происходит?

Катарина. Нет, ничего. Ничего, будь спокоен, мой Родольфо. Все как обычно. Посмотри. Видишь сам, в этой комнате ничто не тронуто. Но только уходи скорей. Я боюсь, что может вернуться подестà.

Родольфо. Нет, Катарина. С этой стороны все обстоит благополучно. Подестà сейчас на мосту Молино, там, внизу. Он допрашивает задержанных людей. Ах, как я беспокоился, Катарина! Сегодня и у города и у дворца

какой-то необычайный вид. По улицам движутся отряды лучников и венецианских солдат. Храм Святого Антония обтянут черным, там служат заупокойную службу. По ком? Никто не знает. А вы знаете?

К а т а р и н а. Нет.

Р о д о л ь ф о. Я не мог проникнуть в церковь. Город поражен недоумением. Все говорят шопотом. Где-то, несомненно, происходит что-то ужасное. Где? Не знаю. Во всяком случае — не здесь. Это все, что мне надо. Бедный друг, ты ничего этого и не подозреваешь в своем одиночестве!

К а т а р и н а. Ничего.

Р о д о л ь ф о. Да и какое нам дело, в конце концов? Скажи, ты успокоилась после волнений этой ночи? Да! Какое событие! Я до сих пор опомниться не могу. Катарина, я тебя избавил от этого сбира Омодэи. Он больше не будет тебе вредить.

К а т а р и н а. Ты думаешь?

Р о д о л ь ф о. Он мертв. Катарина, послушай, у тебя наверно что-то есть на душе, у тебя печальный вид. Катарина, ты от меня ничего не скрываешь? С тобой, во всяком случае, ничего не случилось?! О, твою жизнь они получают не раньше моей!

К а т а р и н а. Нет, ничего не случилось. Клянусь тебе, ничего. Только не надо, чтобы ты был здесь. Я боюсь за тебя.

Р о д о л ь ф о. Что ты делала, когда я вошел?

К а т а р и н а. Ах, боже мой, успокойтесь, мой Родольфо! Я вовсе не грустила. Наоборот. Я старалась припомнить эту песню, которую вы так хорошо поете. Да вот, смотрите, вот и гитара.

Р о д о л ь ф о. Я тебе писал сегодня утром. Я встретил Реджинеллу и передал ей письмо. Его не перехватили? Оно дошло до тебя?

К а т а р и н а. Письмо дошло, и вот оно. *(Показывает ему письмо.)*

Р о д о л ь ф о. Ах, ты его получила! Это хорошо. Всегда тревожишься, когда пишешь.

К а т а р и н а. О, все выходы из дворца охраняются! Никто раньше ночи не выйдет отсюда!

Р о д о л ь ф о. Никто, я уже сказал. Таков приказ.

К а т а р и н а. Ну вот, теперь вы со мной поговорили, вы меня повидали, вы успокоились, вы убедились, что если город встревожен, то здесь все спокойно. Уйдите, мой Родольфо, ради бога! Вдруг войдет подеста! Уйдите скорей. Так как ты вынужден остаться в этом дворце до вечера, дай, я сама застегну тебе плащ. Вот так. И шапку на голову. И вот что еще: перед сбирами держи себя просто, непринужденно, чтобы не казалось, будто ты избегаешь их. Никаких предосторожностей. Предосторожности могут выдать. И потом: если тебя почему-либо попросят написать что-нибудь, какой-нибудь шпион, желающий подстроить тебе ловушку, найди предлог, не пиши.

Р о д о л ь ф о. Почему ты мне даешь такой совет, Катарина?

К а т а р и н а. Почему? Я не хочу, чтобы видели твой почерк. Это мой каприз. Мой друг, вы же знаете, что у женщин бывают капризы. Благодарю тебя за то, что ты пришел, за то, что ты вошел сюда, за то, что ты побыл здесь. Ты дал мне радость тебя видеть! Ну вот, ты видишь сам: я спокойна, весела, довольна, со мной моя гитара и твое письмо. А теперь иди скорее. Я хочу, чтоб ты ушел.— Только одно слово еще.

Р о д о л ь ф о. Что?

К а т а р и н а. Родольфо, вы знаете, я себе ни разу ничего не позволила. Ты это знаешь хорошо!

Р о д о л ь ф о. И что же?

К а т а р и н а. Сегодня я тебя прошу сама. Родольфо, поцелуй меня!

Р о д о л ь ф о (*сжимая ее в объятиях*). О, это — небо!

К а т а р и н а. Я вижу, как оно раскрывается!

Р о д о л ь ф о. О блаженство!

К а т а р и н а. Ты счастлив?

Р о д о л ь ф о. Да!

К а т а р и н а. Теперь уйди, мой Родольфо!

Р о д о л ь ф о. Благодарю!

К а т а р и н а. Прощай! — Родольфо!

Родольфо останавливается у порога.

Я люблю тебя!

Родольфо уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

К а т а р и н а (*сдана*). Бежать вместе с ним! О, я думала об этом. О боже! Бежать вместе с ним! Невозможно! Я бы только погубила его напрасно. О, лишь бы с ним ничего не случилось! Лишь бы сбирь не взяли его под стражу! Лишь бы ему дали спокойно уйти вечером! Ах, ведь нет же оснований его заподозрить. Господи, спаси его! (*Прислушивается у двери в коридор.*) Я еще слышу его шаги. Мой любимый! Он удаляется. Все. Конец. Да будет твой путь безопасен, Родольфо!

Большая дверь открывается.

Боже!

Входят Анджело и Тизбе.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

К а т а р и н а, Анджело, Тизбе.

К а т а р и н а (*в сторону*). Кто эта женщина? Женщина этой ночи!

А н д ж е л о. Вы обо всем подумали, синьора?

К а т а р и н а. Да, синьор.

А н д ж е л о. Надо умереть или выдать мне человека, который писал вам. Подумали вы о том, чтобы выдать мне этого человека?

К а т а р и н а. Я об этом не думала ни одного мгновения, синьор.

Т и з б е (*в сторону*). Ты хорошая и храбрая женщина, Катарина!

А н д ж е л о делает Тизбе знак, и та подает ему серебряный флакон.
Он ставит его на стол

А н д ж е л о. Тогда вам придется выпить это.

К а т а р и н а. Это яд?

А н д ж е л о. Да, синьора.

К а т а р и н а. О господи боже! Настанет день, когда ты будешь судить этого человека. Я прошу тебя простить его!

А н д ж е л о. Синьора, провектор Урсеоло, один из Брагадини, один из ваших предков, казнил Марчеллу Гальбаи, свою жену, таким же образом, за такое же преступление.

К а т а р и н а. Будем говорить просто. Брагадини здесь ни при чем. Вы негодяй! Вы спокойно являетесь сюда с ядом в руках! Виновна? Нет, я не виновна. Во всяком случае не в том, о чем вы думаете. Но я не унижусь до самооправданий. Да вы бы мне и не поверили, потому что сами вы лжете всегда. О, честное слово, я вас презираю! Вы женились на мне из-за денег, потому что я была богата, потому что моя семья получает доходы с венецианских цистерн. Вы подумали: «Это приносит в год сто тысяч дукатов, возьмем эту девушку». А как мне с вами жилось все эти пять лет? Скажите! Вы меня не любите. Однако вы ревнивы. Вы держите меня в тюрьме. Сами вы живете не так, у вас есть любовницы, вам это позволено. Мужчинам все позволено. Со мной вы всегда суровы, всегда мрачны. Ни одного ласкового слова. Вечные разговоры о ваших предках, о дожах, которые у вас были в роду. Презрительные отзывы о моей семье. Или вы думаете, что таким образом можно сделать женщину счастливой? О, надо выстрадать то, что выстрадала я, чтобы понять, что такое женская судьба. Так вот, синьор, да, еще до нашего с вами знакомства я полюбила одного человека, которого люблю до сих пор. За это вы меня убиваете. Если таково ваше право, то надо сознаться, что мы живем в страшное время. О, вы рады, не правда ли, что вот у вас в руках письмо, лоскут бумаги, предлог! Отлично. Вы меня судите, вы мне выносите приговор, и вы меня казните. Впотьмах. Тайком. Ядом. Вы сильнее. — Это подло! *(Оборачиваясь к Тизбе)* Что вы думаете об этом человеке, синьора?

А н д ж е л о. Берегитесь!

К а т а р и н а *(к Тизбе)*. А вы, кто вы такая? Чего вам надо от меня? Как красиво то, что вы делаете! Вы — признанная любовница моего мужа, вам выгодно меня погубить, вы за мной шпионили, вы меня поймали с поличным, и вы наступаете мне ногой на голову. Вы помогаете моему мужу в его ужасном деле. Кто знает, может быть, вы достали и этот яд? *(К Анджело)* Что вы думаете об этой женщине, синьор?

А н д ж е л о. Синьора!..

К а т а р и н а. Нет, право же, мы все трое родились в отвратительной стране! До чего гнусна республика, где мужчина может безнаказанно топтать несчастную жен-

щину, как это делаете вы, синьор, причем остальные ему говорят: «Ты хорошо делаешь». Фоскари умертвил свою дочь; Лоредано — свою жену; Брагадини... Я вас спрашиваю: разве это не мерзость? Да, вся Венеция сейчас в этой комнате! Вся Венеция в ваших двух лицах! В полном сборе! *(Показывая на Анджело)* Венеция деспот — вот! *(Показывая на Тизбе)* Венеция куртизанка — вот! *(К Тизбе)* Если я зашла слишком далеко в моих речах, синьора, то виноваты вы сами! Зачем вы тут?

А н д ж е л о *(хватая ее за руку)*. Довольно, синьора, пора кончать!

К а т а р и н а *(подходит к столу, на котором стоит флакон)*. Хорошо, я сделаю то, что вы хотите *(протягивает руку к флакону)*, раз это нужно... *(Отступает назад.)* Нет! Это ужасно! Я не хочу! Я не могу! Вы только подумайте немного, пока еще не поздно. Поразмыслите, вы, всемогущий. Женщину, одинокую, покинутую женщину, слабую, беззащитную, у которой здесь нет ни родителей, ни семьи, ни друзей, никого, — убить! Отравить жалким образом где-то в углу, в ее же доме! — О моя мать! Моя мать! Моя мать!

Т и з б е. Бедная женщина!

К а т а р и н а. Вы сказали: «бедная женщина», синьора! Вы это сказали! О, я сама слышала! О, не говорите мне, что вы этого не сказали! Значит, вам жаль меня, синьора? Да, да, не боритесь с вашим чувством! Вы же видите, меня хотят убить! Неужели вы в этом участвуете? О, этого не может быть! Ведь нет же, не правда ли? Выслушайте меня, я вам все объясню, все расскажу, именно вам. А потом вы поговорите с подестà. Вы ему скажете, что он делает ужасное дело. Если это скажу я, в этом не будет ничего удивительного. Другое дело — вы. Иной раз достаточно одного слова, сказанного посторонним лицом, чтобы человек образумился. Если я вас оскорбила, простите меня. Синьора, я ни разу не сделала ничего такого, что было бы дурно, по-настоящему дурно. Я всегда оставалась честной. Вы меня понимаете, я это вижу. Но сказать то же самое моему мужу я не могу. Мужчины нам ни в чем не верят, сами знаете. А ведь нам случается говорить им самую доподлинную правду. Синьора, не говорите мне, что я должна быть мужественной, прошу вас. Разве я обязана быть мужественной? Я не стыжусь того,

что я только слабая женщина, очень слабая и которую следовало бы пожалеть. Я плачу, потому что боюсь смерти. В этом я не виновата.

А н д ж е л о. Синьора, я не могу дольше ждать.

К а т а р и н а. Ах, вы меня перебиваете. (*К Тизбе*) Вот видите, он меня перебивает. Это несправедливо. Он увидел, что мои слова могут вас тронуть. И он не дает мне кончить, он затыкает мне рот. (*К Анджело*) Вы чудовище!

А н д ж е л о. Я больше не слушаю. Катарина Брагадини, содеянному преступлению требуется кара, раскрытой могиле требуется гроб, оскорбленному супругу требуется мертвая жена. Ты только понапрасну тратишь слова, клянусь богом, который в небесах! (*Указывая на яд*) Угодно вам, синьора?

К а т а р и н а. Нет!

А н д ж е л о. Нет? Тогда я возвращаюсь к первоначальному решению. Шпаги! Шпаги! Трдило! Позвать сюда... Я схожу сам. (*Стремительно выходит в среднюю дверь, и слышно, как он запирает ее снаружи.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

К а т а р и н а, Т и з б е.

Т и з б е. Слушайте! Живо! У нас всего одна минута. Он любит вас, и думать надо только о вас. Повинуйтесь, или вы погибли. Я не могу сказать яснее. Вы опрометчивы. У меня вырвалось восклицание: «Бедная женщина!» А вы, как сумасшедшая, громко повторили эти слова в присутствии подеста, и у него могли родиться подозрения. Если бы я вам все объяснила, то вы сейчас в таком возбужденном состоянии, что совершили бы какую-нибудь неосторожность, и все погибло бы. Послушайтесь, выпейте. Ведь шпаги беспощадны. Не сопротивляйтесь. Что я могу вам сказать? Любят вас, и я хочу, чтобы один человек был мне кое-чем обязан. Вы не понимаете того, что я вам говорю, а между тем то, что я вам говорю, разрывает мне сердце!

К а т а р и н а. Синьора...

Т и з б е. Делайте, что вам говорят. Ни малейшего

сопротивления. Ни единого слова. А главное — не пошатните доверия вашего мужа ко мне. Слышите? Я не имею права сказать вам больше, с вашей сумасшедшей привычкой все повторять. Да, в этой комнате есть бедная женщина, которая должна умереть, но это не вы. Понятно?

К а т а р и н а. Я сделаю, как вы хотите, синьора.

Т и з б е. Хорошо. Я слышу, он идет. *(Бросается к средней двери в тот миг, когда она отворяется.)* Один! Один! Входите один!

В соседней комнате видны с б и р ы с обнаженными шпагами. Входит А н д ж е л о. Дверь закрывается.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

К а т а р и н а, Т и з б е, А н д ж е л о.

Т и з б е. Она соглашается выпить яд.

А н д ж е л о *(Катарине)*. В таком случае немедленно, синьора.

К а т а р и н а *(беря флакон, к Тизбе)*. Я знаю, что вы — любовница моего мужа. Если ваш тайный помысел был помыслом предательским, желанием меня погубить, жаждой занять мое место, прельщаться которым, право же, не стоит, то ваше деяние чудовищно, синьора; и как ни тяжело умирать в двадцать два года, все-таки лучше поступить так, как я, чем так, как вы. *(Пьет.)*

Т и з б е *(в сторону)*. Сколько лишних слов, о господи!

А н д ж е л о *(приотворяя дверь в глубине сцены)*. Уходите!

К а т а р и н а. Ах, этот напиток леденит мне кровь! *(Пристально глядя на Тизбе)* Ах! Синьора! *(К Анджело)* Довольны вы, синьор? Я чувствую, что сейчас умру. Я вас больше не боюсь. Так вот, теперь я вам говорю, вам, моему демону, как сегодня скажу моему богу: я любила другого, но я чиста!

А н д ж е л о. Я вам не верю, синьора.

Т и з б е *(в сторону)*. А я верю ей.

К а т а р и н а. Я теряю силы... Нет, только не это кресло. Не прикасайтесь ко мне. Я повторяю вам, вы гнусный человек! *(Шатаясь, направляется к молельне.)* Я хочу умереть на коленях, там, перед алтарем. Умереть

одной, спокойно, не чувствуя, как оба вы смотрите на меня. (*Подойдя к двери, опирается о косяк.*) Я хочу умереть, молясь богу. (*К Анджело*) За вас, синьор. (*Входит в молельню.*)

А н д ж е л о. Трѣило!

Входит дворцовый стражник.

Достань из моей сумки ключ от потайной палаты. В этой палате ты найдешь двух человек. Приведи их сюда, не говоря им ни слова.

Стражник уходит.

(*К Тизбе*) Мне надо идти допрашивать задержанных людей. Я поговорю с этими двумя дозорными, Тизбе, а заботу об остальном поручу вам. Главное — тайна!

Стражник вводит обоих ночных дозорных и удаляется.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Анджело, Тизбе, Орфео, Габоардо.

Анджело (*ночным дозорным*). Вас часто приглашали для ночных казней в этом дворце. Вы знаете подвал, где гробницы?

Габоардо. Да, монсиньор.

Анджело. Существуют ли такие потайные ходы, чтобы сегодня, например, когда дворец полон солдат, вы могли спуститься в этот подвал и потом выйти из дворца, никем не замеченные?

Габоардо. Мы спустимся и выйдем, никем не замеченные, монсиньор.

Анджело. Это хорошо. (*Приотворяет дверь в молельню. К дозорным*) Здесь одна женщина умерла. Вы тайком снесете эту женщину в подвал. В подвале вы увидите сдвинутую плиту и вырытую могилу. Вы опустите женщину в могилу, а плиту положите на место. Поняли?

Габоардо. Да, монсиньор.

Анджело. Вам иначе не пройти, как через мои комнаты. Я отсюда всех удалю. (*К Тизбе*) Позаботьтесь о том, чтобы все совершилось в полной тайне. (*Уходит.*)

Т и з б е (*доставая из своей сумки кошелек, к дозорным*). В этом кошельке — двести золотых цехинов. Для вас. А завтра утром — вдвое больше, если вы в точности исполните все, что я вам скажу.

Г а б о а р д о (*беря кошелек*). По рукам, синьора. Куда идти?

Т и з б е. Прежде всего — в подвал.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Спальня. В глубине — альков с занавесками и кровать. По обе стороны алькова — двери; та, что справа, скрыта под обоями. Столы, кресла, разная мебель, и повсюду в беспорядке — маски, веера, полуоткрытые шкатулки, театральные костюмы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Тизбе, Габоардо, Орфео, черный паж. Катарина, повитая саваном, лежит на кровати. На груди у нее виднеется медное распятие.

Т и з б е (*берет зеркало и откидывает саван с бледного лица Катарины; черному пажу*). Поднеси свечу. (*Подносит зеркало к губам Катарины.*) Я спокойна! (*Задергивает занавески алькова. Дозорным*) Вы уверены, что вас никто не видел на пути из дворца сюда?

Г а б о а р д о. Ночь сегодня очень темная. Город в этот час безлюден. Вы же знаете, что мы никого не встречали, синьора. Вы сами видели, как мы опустили гроб в могилу и накрыли его плитой. Не бойтесь ничего. Мы не знаем, мертва эта женщина или нет. Но достоверно одно: это что для всех на свете она замурована в своей могиле. Можете с ней делать все, что вам угодно.

Т и з б е. Хорошо. (*Черному пажу*) Где мужское платье, которое я тебе велела приготовить?

Ч е р н ы й п а ж (*указывая на сверток в темном углу*). Вот оно, синьора.

Т и з б е. А две лошади, что я заказала, во дворе?

Ч е р н ы й п а ж. Оседланы и взнузданы.

Т и з б е. Хорошис кони?

Черный паж. Ручаюсь, синьора.

Тизбе. Отлично. *(Дозорным)* Скажите, сколько нужно времени, чтобы на хороших конях выехать из венецианских владений?

Габардо. Это смотря как. Всего короче — ехать прямо на Монтебакко, который уже на папской земле. Три часа пути. Дорога прекрасная.

Тизбе. Понимаю. Теперь ступайте. Ни о чем — ни слова! Завтра утром приходите за обещанной наградой.

Дозорные уходят.

(Черному пажу) А ты пойдй закрой входную дверь. Ни под каким видом никого не впускай.

Черный паж. Для синьора Родольфо имеется отдельный вход. Его тоже закрыть, синьора?

Тизбе. Нет, ту дверь оставь открытой. Если Родольфо придет,пусти его. Но только его, никого другого. Смотри, чтобы ни один человек на свете не мог сюда проникнуть, особенно если здесь будет Родольфо. А сам не смей входить без моего зова. Теперь оставь меня одну.

Черный паж уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тизбе; Катарина в алькове.

Тизбе. Я думаю, ждать уже недолго. — Ей не хотелось умирать. Еще бы! Когда знаешь, что тебя любят! А если бы не его любовь *(оборачиваясь в сторону кровати)*, о, ты умерла бы с истинной радостью, правда? — У меня голова горит! А ведь я уже три ночи не сплю. Позавчера — этот праздник; вчера — это их свидание, когда я их застала; сегодня... — О, завтра ночью — я буду спать! *(Окидывает взглядом театральные костюмы, разбросанные вокруг.)* О, конечно, мы счастливицы, такие, как я! В театре нам аплодируют. Как хорошо вы сыграли Розмонду, синьора! Глупцы! Да, нами восхищаются, нами любят, нас осыпают цветами; а сердце под ними истекает кровью. О Родольфо! Родольфо! Для того, чтобы я могла жить, мне нужна была вера в его любовь! Когда я верила в нее, я часто думала о том, что, если бы мне

пришлось умереть, мне хотелось бы умереть возле него, умереть так, чтобы он потом уже никогда не мог вырвать из души воспоминание обо мне, чтобы моя тень вечно оставалась рядом с ним, между ним и всеми другими женщинами! О, смерть — ничто. Забвение — все. Я не хочу, чтобы он меня забыл. Увы! Вот к чему я пришла! Вот до чего я упала! Вот что люди сделали для меня! Вот что любовь сделала из меня! (*Подходит к кровати, отстраивает занавески, смотрит некоторое время на недвижимую Катарину и берет распятие.*) О, если это распятие принесло кому-нибудь счастье на этом свете, так не вашей дочери, моя мать! (*Кладет распятие на стол.*)

Дверца в обоях открывается. Входит Родольфо.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тизбе, Родольфо; Катарина в занавешенном алькове.

Тизбе. Это вы, Родольфо! Вот хорошо. Мне как раз нужно с вами поговорить. Слушайте меня.

Родольфо. И мне также нужно с вами поговорить, и слушать меня будете вы, синьора!

Тизбе. Родольфо!..

Родольфо. Вы здесь одна, синьора?

Тизбе. Одна.

Родольфо. Отдайте распоряжение, чтобы никто сюда не входил.

Тизбе. Оно уже отдано.

Родольфо. Разрешите мне запереть обе эти двери. (*Запирает обе двери на засов.*)

Тизбе. Я жду, что вы мне скажете.

Родольфо. Где вы были? Почему вы бледны? Что вы делали сегодня? Скажите! Что делали эти руки? Скажите! Нет, не говорите, я сам скажу. Не отвечайте, не отрицайте, не выдумывайте, не лгите. Я знаю все, я знаю все, слышите! Вы же видите, я знаю все, синьора! Там была Дафне, в двух шагах от вас, в молельне, отделенная от вас только дверью, там была Дафне, и она все видела, и она все слышала, она была рядом, совсем близко, и она слышала, и она видела! — Вот слова, произнесенные вами. Подеста сказал: «У меня нет яда». Вы ответили: «Зато

есть у меня». — Зато есть у меня! Зато есть у меня! Сказали вы это или нет? Ну-ка, попробуйте солгать! А, у вас яд! Зато у меня нож! (*Обнажает спрятанный на груди кинжал.*)

Тизбе. Родольфо!

Родольфо. Я вам даю четверть часа, чтобы приготовиться к смерти, синьора!

Тизбе. Так вы меня убиваете! И это — первое, что вам приходит в голову! Вы хотите меня убить, вот так, своей рукой, сейчас же, не дожидаясь, не удостоверившись ни в чем? Вы способны принять подобное решение с такой легкостью? Вы дорожите мной ровно настолько? Вы меня убиваете ради любви к другой! О, Родольфо, так это правда, — я хочу услышать это из ваших уст, — вы меня никогда не любили?

Родольфо. Никогда!

Тизбе. Этим вот словом ты меня убил, несчастный! Твой кинжал меня только прикончит.

Родольфо. Чтобы я вас любил? Нет, я вас не люблю! Я вас не любил никогда! Этим я могу похвалиться! Слава богу! Разве что — жалел.

Тизбе. Неблагодарный! И еще одно слово. Ответь: а ее ты очень любил?

Родольфо. Ее! Любил ли я Катарину! О, так слушай же, несчастная, потому что для тебя это пытка! Любил ли я Катарину! Чистую, святую, безгрешную, священную; женщину, которая для меня алтарь, ее, мою жизнь, мою кровь, мое сокровище, мое утешение, свет моих глаз, — вот как я любил ее!

Тизбе. Значит, я хорошо сделала.

Родольфо. Вы хорошо сделали?

Тизбе. Да, я хорошо сделала. Но только уверен ли ты в том, что именно я сделала?

Родольфо. Вы говорите — я не уверен? Вот уже второй раз вы это говорите. Но ведь там была Дафне; я вам повторяю, там была Дафне, и слова ее до сих пор стоят у меня в ушах: «Синьор, синьор, они были втроем в этой комнате, она, подестà и еще одна женщина, страшная женщина, которую подестà называл Тизбе. Два часа, синьор, целых два часа муки и ужаса, синьор, они продержали ее там, несчастную, а она плакала, просила, умоляла, взывала о пощаде, взывала о жизни», — ты взывала

о жизни, Катарина моя возлюбленная! — «на коленях, сложя руки, валяясь у них в ногах, а они отвечали: нет! И эта женщина Тизбе сама сходила за ядом! Это она поставила синьору выпить яд! И бедное мертвое тело, синьор, она сама унесла, синьор, эта женщина, это чудовище, эта Тизбе!» — Куда вы дели его, синьора? — Вот что она сделала, эта Тизбе! Уверен ли я! (*Доставая платок с груди*) Чей платок я нашел у Катарины? Ваш! (*Показывая на распятие*) Чье распятие я нахожу у вас? Катарины! Уверен ли я! Довольно! Молитесь, плачьте, кричите, просите пощады, делайте скорее все, что полагается, и закончим с этим!

Тизбе. Родольфо!

Родольфо. Что вы можете сказать в свое оправдание? Скорей! Говорите скорей! Немедленно!

Тизбе. Мне нечего сказать, Родольфо. Все, что тебе говорили, — правда. Верь всему. Родольфо, ты пришел вовремя, мне хотелось умереть. Я искала способа умереть возле тебя, у твоих ног. Умереть от твоей руки! О, на это я даже не смела надеяться! Умереть от твоей руки! О, я, быть может, упаду в твои объятия! Я благодарна тебе! Я уверена хоть в том, что ты услышишь мои последние слова. Мой последний вздох, хочешь ты или нет, долетит до тебя. Ты пойми, мне незачем жить. Ты меня не любишь, убей меня. Это единственное, что теперь ты можешь для меня сделать, мой Родольфо. Это будет твоей заботой обо мне. Да. Я благодарна тебе.

Родольфо. Синьора...

Тизбе. Я тебе скажу. Ты только послушай меня одну минуту. Я всегда была очень несчастна, правда. Это не слова, это бедное переполненное сердце изливается наружу. Таких, как я, не очень-то жалеют, и это несправедливо. Люди не знают, как много в нас бывает и доблести и мужества. Ты думаешь, я дорожу жизнью? Ты только вспомни, я еще ребенком просила милостыню. А потом — шестнадцати лет — я осталась без куска хлеба. Меня подобрали на улице знатные синьоры. Я падала из грязи в грязь. Голод или оргия. Я знаю, нам говорят: «Ну что ж, помирай с голоду!» Но как я настрадалась! О да, жалеют только знатных дам. Когда они плачут, их утешают. Когда они поступают дурно, их извиняют. И они еще жалуются! А мы за все должны благодарить. Нас не щадят. Ничего,

бедняжка, шагай! На что ты жалуешься? Все против тебя? Так что ж, ты ведь на то и создана, чтобы страдать, гуляющая девка! — Родольфо, разве ты не чувствуешь, что в моем положении мне нужно было сердце, которое бы поняло меня. Если меня никто не любит, что ты хочешь, что бы со мной случилось, в самом деле? Я не разжалобить тебя хочу. К чему? Теперь уже всему конец. Но я люблю тебя, люблю! О Родольфо, до какой степени эта несчастная, которая сейчас говорит с тобою, любила тебя, — ты узнаешь только после моей смерти! Когда меня уже не будет! Вот уже полгода, как я с тобой знакома, так ведь? Уже полгода вся моя жизнь — в твоём взгляде, вся моя радость — в твоей улыбке, вся моя душа — в твоём дыхании! И вот, посуди сам, за эти полгода я ни одной минуты не думала, — а без этого я не могу жить, — что ты меня любишь. Ты знаешь сам, я постоянно докучала тебе моей ревностью. Было множество признаков, которые меня тревожили. Теперь я все поняла. Я на тебя не сержусь, ты не виноват. Я знаю, что вот уже семь лет, как твоими мыслями владеет эта женщина. Я для тебя была забавой, мимолетным развлечением. Это так просто. Я на тебя не сержусь. Но что же, по-твоему, я должна делать? Идти вот так все дальше, жить без твоей любви, я не могу. Ведь дышать надо. А я дышу тобою! Смотри, ты меня даже не слушаешь! Или тебя утомляет, когда я с тобой говорю? Ах, я так несчастна, право же, что, мне кажется, любой, кто увидел бы меня сейчас, сжалился бы надо мной!

Родольфо. Уверен ли я! Подеста вышел из комнаты, чтобы привести сбиров, а вы тем временем наговорили ей шопотом такие ужасные вещи, что она приняла яд! Синьора, неужели вы не видите, что у меня мутится рассудок? Синьора, где Катарина? Ответьте мне! Правда ли, что вы ее убили, что вы ее отравили? Где она? Скажите! Где она? Да знаете ли вы, что это единственная женщина, которую я когда-либо любил, синьора, единственная, единственная, — слышите? — единственная!

Тизбе. Единственная! Единственная! О, нельзя же столько раз вонзать в меня кинжал! Умоляю! Скорей (указывая на нож, который он держит в руке) прикончи вот этим!

Родольфо. Где Катарина? Единственная, кого я люблю! Да, единственная!

Тизбе. О, ты безжалостен! Ты разбиваешь мне сердце! Так вот же, да, я ненавижу эту женщину, — слышишь? — ненавижу! Да, тебе сказали правду, я отомстила, я отравила, я убила эту женщину!

Родольфо. А, вы это сказали! А, вот видите, вы сами это сказали! Свидетель бог, мне кажется, вы этим кичитесь, несчастная!

Тизбе. Да, и то, что я сделала, я бы охотно сделала еще раз! Бей!

Родольфо *(со страшным лицом)*. Синьора!..

Тизбе. Я убила ее, говорят тебе! Так бей же!

Родольфо. Дрянь! *(Ударяет ее кинжалом.)*

Тизбе падает.

Тизбе. А! В сердце! Ты меня ударил в сердце! Это хорошо. — Мой Родольфо, дай руку! *(Берет руку и целует ее.)* Благодарю! Теперь я свободна! Не отнимай руку. Я же тебе не хочу ничего плохого. Мой Родольфо, возлюбленный, ты не видел, на что ты был похож, входя в эту комнату, но когда я услышала, каким голосом ты произнес: «Я вам даю четверть часа!» — и поднял нож, я жить больше не могла. А теперь, когда я умираю, будь добр, скажи мне хоть слово сострадания. Мне кажется, это будет хорошо.

Родольфо. Синьора...

Тизбе. Хоть слово сострадания! Скажешь?

Из-за занавески алькова слышится голос.

Катарина. Где я? Родольфо!

Родольфо. Что я слышу? Чей это голос? *(Оборачивается и видит белый облик Катарины, приоткрывшей занавески.)*

Катарина. Родольфо!

Родольфо *(кидаясь к ней и беря ее на руки)*. Катарина! Великий боже! Ты здесь! Ты жива! Как же это? Праведное небо! *(Оборачиваясь к Тизбе)* А! Что я сделал!

Тизбе *(волочась к нему, с улыбкой)*. Ничего. Ты ничего не сделал. Это я все сделала. Я хотела умереть. Я толкнула твою руку.

Родольфо. Катарина? Ты жива, великий боже! Кто же спас тебя?

Тизбе. Я, для тебя.

Родольфо. Тизбе! Помогите! О я, несчастный!

Тизбе. Нет. Помощь бесполезна, я знаю. Благодарю. Ах, отдайся радости, как будто меня здесь нет. Я не хочу тебя стеснять. Я же знаю, как ты должен быть доволен. Я обманула подеста. Я дала ей снотворное вместо яда. Все думали, что она умерла. Она только уснула. Там для вас готовы лошади. Мужское платье для нее. Уезжайте сейчас же. Через три часа вы минете границу венецианских владений. Будьте счастливы. Она освобождена. Мертва для подеста. Жива для тебя. Как ты находишь: хорошо все это устроено?

Родольфо. Катарина!.. Тизбе!.. *(Падает на колени, устремив глаза на умирающую Тизбе.)*

Тизбе *(угасающим голосом)*. Я умру. Но ты иной раз вспомнишь обо мне — правда ведь? — и скажешь: «А ведь в конце концов хорошая была девушка эта бедная Тизбе». О, от этих слов я вздрогну в могиле! Прощай!.. — Синьора, позвольте мне сказать ему еще раз: мой Родольфо! — Прощай, мой Родольфо! А теперь — уезжайте скорей. Я умираю. Живите. Благословляю тебя! *(Умирает.)*

РЮИ БЛАЗ

Три рода зрителей составляют то, что принято называть публикой: во-первых, женщины; во-вторых, мыслители; в-третьих, толпа в собственном значении этого слова. Толпа требует от драматического произведения почти единственно только действия; женщины прежде всего желают в нем видеть страсть; мыслители ищут в нем предпочтительно характеры. Внимательно изучая эти категории зрителей, мы наблюдаем следующее: толпа так любит действие, что в случае надобности согласна пренебречь характерами и страстями.¹ Женщины, интересуясь, правда, и действием, так поглощены развитием страсти, что уделяют мало внимания обрисовке характеров; что же касается мыслителей, то им так нравится видеть на сцене характеры, то есть живых людей, что, охотно принимая страсть как естественный побочный элемент драматического произведения, они готовы считать действие досадной помехой. Это происходит оттого, что толпа требует от театра главным образом ярких впечатлений, женщина — чувств, мыслитель — размышлений. Все хотят наслаждения; но одни — наслаждения для глаз, другие — наслаждения для сердца, а последние — наслаждения для ума.

¹ То есть стилем. Ибо если действие может во многих случаях выражаться самим же действием, то страсти и характеры, за очень немногими исключениями, выражаются только словом. Слово же в театре, твердо закрепленное, а не витающее слово, есть стиль.

Пусть каждое действующее лицо разговаривает так, как ему надлежит говорить, — *sibi constet*, по выражению Горация. В этом все дело.

Отсюда три рода произведений на нашей сцене, весьма различных между собою, — один простонародный и низкий, два прославленных и высоких, — но одинаково удовлетворяющих определенную потребность: для толпы — мелодрама; для женщин — трагедия, анализирующая страсть; для мыслителей — комедия, изображающая человеческую природу.

Заметим мимоходом, что мы не собираемся устанавливать здесь что-либо непреложное, и просим читателя, чтобы он сам ввел в высказанную нами мысль ограничения, которые она может потребовать. Общие понятия всегда допускают исключения; мы отлично знаем, что толпа есть нечто великое, где можно найти все — как врожденное чувство прекрасного, так и склонность к посредственному, как любовь к идеальному, так и влечение к пошлому; мы знаем также, что всякий законченный мыслитель должен быть женщиной по утонченности чувств, и нам хорошо известно, что, благодаря таинственному закону, соединяющему оба пола и душой и телом, в женщине зачастую таится мыслитель. Отметив это и еще раз попросив читателя не придавать чересчур безоговорочного смысла немногим словам, которые нам остается сказать, продолжим нашу мысль.

Для каждого, кто всмотрится в три разряда зрителей, о которых мы сейчас говорили, очевидно, что все три правы. Женщины правы, требуя, чтобы душу их волновали; мыслители правы, требуя, чтобы их поучали; и толпа справедливо требует, чтобы ее забавляли. Из этих очевидных обстоятельств вытекает закон драмы. И в самом деле: создавать по ту сторону огненного барьера, называемого театральной рампой и отграничивающего реальный мир от мира идеального, создавать, в условиях сочетания искусства и природы, и наделять жизнью характеры, то есть, повторяем, людей; вложить в этих людей, в эти характеры, страсти, которые развивают характеры и изменяют людей; и, наконец, порождать из столкновений этих характеров и страстей с великими, установленными провидением, законами человеческую жизнь, то есть великие, ничтожные, горестные, смешные или ужасные события, доставляющие душе наслаждение, называемое интересом, а уму дающие назидание, называемое моралью, —

такова цель драмы. Драма имеет, следовательно, нечто общее с трагедией благодаря изображению в ней страстей и с комедией благодаря изображению в ней характеров. Драма есть третья большая форма искусства, объемлющая, заключающая в себе и оплодотворяющая и трагедию и комедию. Корнель и Мольер существовали бы независимо друг от друга, не будь между ними Шекспира, протягивающего Корнелю левую руку, а Мольеру правую. Так сходятся оба противоположных электричества комедии и трагедии, и вспыхивающая от этого искра есть драма.

Определяя сущность, закон и цель драмы, как он их понимает и как он уже не раз излагал их, автор вполне отдает себе отчет в том, что силы его очень невелики, а ум весьма ограничен. Он говорит здесь — пусть читатель правильно поймет его — не о том, что он сделал, а о том, что он хотел сделать. Он указывает, что являлось для него исходной точкой. И только.

Мы можем предпослать этой книге лишь несколько строк, ибо нам нехватает места для более пространныго рассуждения. Да позволено нам будет поэтому, не вдаваясь в дальнейшие подробности, перейти от общих мыслей, высказанных сейчас нами и руководящих, по нашему мнению, всем искусством в целом, — при соблюдении, конечно, всех требований идеала, — к некоторым частным мыслям, которые эта драма, «Рюи Блаз», может вызвать у вдумчивых людей.

Во-первых, — если затронуть лишь одну сторону вопроса, — каков, с точки зрения философии истории, смысл этой драмы? Поясним это.

Когда монархия близка к развалу, наблюдается ряд своеобразных явлений. Так, прежде всего дворянство обнаруживает склонность к распаду. Распадаясь, оно делится на части, и вот каким образом.

Королевство шатается, династия угасает, закон рушится, политическое единство, раздираемое интригами, дробится; высшее общество дичает и вырождается; все ощущают повсюду предсмертную расслабленность — и внешнюю и внутреннюю; крупные государственные установления рухнули, остаются в силе только мелкие — печальное общественное зрелище; нет больше полиции, армии, финансов; все понимают, что приходит конец. Отсюда

во всех умах рождается тоска о прошлом, опасение за будущее, недоверие ко всем и ко всему, уныние и глубокое отвращение. Так как болезнь государства гнездится в самой верхушке, то знать, соприкасающаяся с нею, заболевает первая. Какая участь постигает ее? Часть дворянства, менее честная и менее благородная, остается при дворе. Все должно вскоре рухнуть, время не терпит, надо спешить, надо обогащаться, возвеличиваться и пользоваться обстоятельствами. Все думают только о себе. Каждый, не питая ни малейшей жалости к стране, строит свое маленькое личное счастье на великом общественном несчастье: он придворный, он министр, он торопится стать счастливым и могущественным; он умен, он развращается и преуспевает. Люди домогаются всего, хватают и расхищают все — ордена, звания, должности, деньги. Живут только честолюбием и алчностью. Скрывают под большой внешней пристойностью тайное распутство, порожаемое человеческой слабостью. А так как подобная жизнь, состоящая в погоне за наслаждениями и удовлетворением своего честолюбия, требует прежде всего отречения от всех естественных чувств, то люди становятся от нее жестокими. Когда наступает день опалы, в душе придворного, впавшего в немилость, пробуждается нечто чудовищное, и человек превращается в демона.

Безнадежное состояние государства толкает другую, лучшую и более родовитую половину дворянства на иной путь. Она удаляется от двора, возвращается в свои дворцы, замки и поместья. Она проникается отвращением ко всем делам, она ничем не может помочь, ибо приближается конец мира: что можно сделать, и стоит ли предаваться отчаянию? Надо забыться, закрыть на всё глаза, жить, пировать, любить, наслаждаться. Кто знает, есть ли впереди хотя бы год? Сказав или даже просто почувствовав это, дворянин живо принимается за дело: он заводит вдесятеро больше слуг, покупает лошадей, осыпает деньгами женщин, устраивает празднества, задает пиры, расточает, дарит, продает, покупает, закладывает, прожигает, проедает, отдает себя в руки ростовщиков и быстро проматывает свое имущество. Неожиданно приходит беда. Оказывается, что, хотя монархия быстро катится под гору, он разорился до ее крушения. Все миновало, все кончено. От всей этой роскошной, ярко пылавшей жизни не оста-

лось даже и дыма — он развеялся. Один пепел, ничего больше. Забытый и покинутый всеми, обедневший дворянин становится тогда тем, чем может, — отчасти искателем приключений, отчасти головорезом, отчасти беспутным бродягой. Он погружается в толпу и исчезает в этой огромной, тусклой и темной массе, которую он до тех пор едва различал глубоко под собою. Он уходит в нее с головой, он укрывается в ней. У него нет больше золота, но у него осталось солнце, это богатство неимущих. Сначала он жил в верхах общества, теперь же он поселяется в низах и мирится с новой жизнью; он презирает своего родственника — честолубца, богатого и могущественного; он становится философом и сравнивает воров с придворными. Впрочем, он добрый и смелый человек, умный и прямой, душевный: смесь поэта, нищего и принца; он над всем смеется; расправляется теперь с ночной стражей, не прикасаясь к ней сам, при помощи своих товарищей, как раньше это делал при помощи своих слуг; не без изящества сочетает в своем обращении наглость маркиза с бесстыдством цыгана; он запятнан внешне, но чист душой; от дворянина в нем осталась только честь, которую он бережет, имя, которое он скрывает, и шпага, которую он пускает в ход.

Двойная картина, которую мы сейчас бегло обрисовали, встречается в известный момент в истории всех монархий, но особенно ярко она обнаруживается в Испании конца XVII века. Итак, если автору удалось выполнить эту часть своего замысла, — в чем он мало уверен, — в предлагаемой читателю драме первая половина испанского дворянства найдет свое выражение в лице дон Салюстия, а вторая — в лице дон Цезаря. Они, как полагается, двоюродные братья.

Здесь, как и везде, набрасывая это изображение кастильской знати около 1695 года, мы, понятно, не имеем в виду редкие и почтенные исключения. — Продолжим нашу мысль.

Вглядываясь дальше в эту монархию и в эту эпоху, мы видим, что ниже знати, расколовшейся надвое и до известной степени олицетворяемой двумя людьми, которых мы сейчас назвали, шевелится в тени нечто великое, темное и неведомое. Это — народ. Народ, у которого есть будущее

и нет настоящего; народ-сирота, бедный, умный и сильный; стоящий ~~очень низко и стремящийся~~ стать очень высоко; носящий на спине клеймо рабства, а в душе лелеющий гениальные замыслы; народ, слуга вельмож, в своем несчастии и унижении пылающий любовью к окруженному божественным ореолом образу, который один воплощает для него среди развалившегося общества власть, милосердие и изобилие. Народ — это Рюи Блаз.

А над этими тремя людьми, которые, рассматриваемые таким образом, заставляют жить и действовать на глазах зрителя три начала и в этих трех началах — всю испанскую монархию XVII века, — над этими тремя людьми высится чистое и лучезарное создание, женщина, королева. Несчастливая как женщина, ибо у нее словно и нет мужа; несчастная как королева, ибо у нее словно и нет короля; склонившаяся, в приливе царственного сострадания, а может быть, и женского чувства, к тем, кто стоит ниже ее, и смотрящая вниз, тогда как Рюи Блаз, народ, смотрит вверх.

На взгляд автора, эти четыре соединенные таким образом фигуры, — не умаляя значения второстепенных персонажей, усиливающих правдивость картины в целом, — резюмируют самые яркие черты, которые представляла взору историка-философа испанская монархия сто сорок лет тому назад. К этим четырем фигурам можно было бы, пожалуй, прибавить пятую — фигуру Карла II. Но в истории, как и в драме, Карл II Испанский — не личность, а тень.

Мы спешим оговориться, что сказанное нами сейчас не является объяснением «Рюи Блаза». Это только одна из сторон пьесы — впечатление, которое эта драма, если бы она заслуживала серьезного внимания, могла бы, в частности, произвести на человека вдумчивого и добросовестного, исследующего ее, скажем, с точки зрения философии истории.

Но как бы эта драма ни была незначительна, она, как и все на свете, имеет много других сторон, и есть много иных способов рассматривать ее. Идея может, подобно горе, предстать перед нами в нескольких видах. Это зависит от того, с какой точки мы смотрим. Да простят нам слишком пышное сравнение, которым мы пользуемся только для того, чтобы яснее выразить нашу мысль: Мон-

блан, если на него смотреть из Круа-де-Флешер, непохож на Монблан, каким мы его видим из Салланша. Тем не менее это все тот же Монблан. Точно так же — переходя от великого к малому — и эта драма, исторический смысл которой мы сейчас разъяснили, представилась бы нам в совсем ином виде, если бы мы стали рассматривать ее с еще гораздо более возвышенной точки зрения — с точки зрения чисто человеческой. В таком случае дон Саллюстий олицетворял бы безграничное себялюбие и неустанную заботу; его противоположность, дон Цезарь, — бескорыстие и беззаботность; а в Рюи Блазе отразились бы гений и страсть, угнетаемые обществом и устремляющиеся тем выше, чем сильнее этот гнет; и, наконец, королева олицетворяла бы добродетель, подвергающуюся большой опасности вследствие скуки.

С чисто литературной точки зрения характер этого замысла, как он осуществлен в драме, озаглавленной «Рюи Блаз», снова изменился бы. В нем могли бы предстать олицетворенными три высшие формы искусства. Дон Саллюстий воплощал бы драму, дон Цезарь — комедию, Рюи Блаз — трагедию. Драма завязывает действие, комедия осложняет его, трагедия разрушает.

Все эти подходы к данной драме правильны и вполне основательны, но ни один из них не охватывает целого. Абсолютная истина заключается только во всей совокупности произведения. Пусть каждый находит в нем то, что он ищет, — и цель поэта, который, впрочем, не льстит себя этой надеждой, будет достигнута. Философская тема «Рюи Блаза» — народ, устремляющийся ввысь; человеческая тема — мужчина, любящий женщину; драматическая тема — лакей, полюбивший королеву. Толпа, которая каждый вечер теснится перед этим произведением, — ибо во Франции никогда не ощущалось недостатка в общественном внимании к творческим попыткам ума, каковы бы они ни были, — толпа, повторяем, видит в «Рюи Блазе» только последнюю тему, драматическую, — лакея, и она по-своему права.

То, что мы сейчас говорили о «Рюи Блазе», кажется нам несомненным и по отношению ко всякой другой пьесе. Почтенные произведения великих драматургов замечательны именно тем, что они являют больше сторон для

рассмотрения, чем остальные. Тартюф смешит одних людей и наводит ужас на других. Тартюф — забравшаяся в дом змея, или лицемер, или же лицемерие. То он человек, то он идея. Для одних Отелло — чернокожий, любящий белую женщину, для других он — выскочка, женившийся на дочери патриция; для одних это ревнивец, для других это ревность. Такое разнообразие сторон нисколько не нарушает основного единства творения. Как мы уже выразились в другом месте, множество ветвей и один-единственный ствол.

Автор этой драмы потому так подробно остановился на историческом смысле ее, что в его представлении «Рюи Блаз» по своему историческому содержанию — и, конечно, только по историческому — связан с «Эрнани». Огромное значение аристократии показано в «Эрнани», как и в «Рюи Блазе», наряду с огромным значением королевской власти. С той лишь разницей, что в «Эрнани», — поскольку абсолютная королевская власть тогда еще не утвердилась, — знать ведет борьбу против короля то при помощи гордого сознания своего достоинства, то при помощи шпаги; она наполовину феодальна, наполовину непокорна. В 1519 году вельможа живет вдали от двора, в горах, разбойником — как Эрнани, или патриархом — как Рюи Гомес. Спустя двести лет положение переменялось. Вассалы превратились в придворных. И если вельможа случайно испытывает еще потребность скрывать свое имя, то не для того, чтобы спастись от преследований короля, а чтобы спастись от преследований своих кредиторов. Он становится не разбойником, а беспутным бродягой. Чувствуется, что королевский абсолютизм долгие годы прохаживался по этим высокородным головам, пригибая одни и сокрушая другие.

И, наконец, — да будет нам позволено сказать в заключение еще несколько слов, — между «Эрнани» и «Рюи Блазом» пролегают два столетия Испании, два долгих столетия, в продолжение которых потомству Карла V дано было властвовать над миром; два столетия, которые провидение не пожелало, — что весьма примечательно, — продлить ни на один час, ибо Карл V родился в 1500 году, а Карл II умер в 1700 году. В 1700 году Людовик XIV наследовал Карлу V, подобно тому как в 1800 году Наполеон наследовал Людовику XIV. Эти бурные взлеты дина-

ствий, время от времени озаряющие историю, представляются автору прекрасным и овеянным грустью зрелищем, на котором часто останавливается его взор. Порою автор пытается перенести из него кое-что в свои произведения. Так, ему хотелось наполнить «Эрнани» сиянием утренней зари и окутать «Рюи Блаза» предвечерними сумерками. В «Эрнани» солнце австрийского царствующего дома восходит, в «Рюи Блазе» оно угасает.

Париж, 25 ноября 1838

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рюи Блаз.
Дон Саллюстий де Басан.
Дон Цезарь де Басан.
Дон Гуритан.
Граф де Кампореаль.
Маркиз де Санта-Крус.
Маркиз дель Басто.
Граф Альба.
Маркиз де Приэго.
Дон Мануэль Ариас.
Монтазго.
Дон Антонио Убиля.
Коваденга.
Гудиэль.
Лакей.
Алькад.
Привратник.
Альгвасил.
Донья Мария Нейбургская, королева
Испании.
Герцогиня Альбукеркская.
Касильда.
Дуэнья.
Паж.

Дамы, сеньоры, члены совета, пажи, дуэньи, альгвасилы, стража.

Мадрид. — 169...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ДОН САЛЛЮСТИЙ

Зал Данаи в королевском дворце в Мадриде Роскошная обстановка в полуфламандском стиле времен Филиппа IV. Слева большое окно с золоченым переплетом и маленькими квадратиками стекол. По обе стороны его, на срезанных углах, низенькие дверки, ведущие во внутренние покои. В глубине — большая стеклянная перегородка с золоченым переплетом, широкая дверь которой, также стеклянная, ведет в длинную галлерею. Эта галлерея, идущая через всю сцену, закрыта громадными занавесами, затягивающими сверху донизу стеклянную перегородку. Стол, кресло и письменные принадлежности.

Дон Саллюстий входит в маленькую дверь слева; за ним Рюи Блаз и Гудиэль, который несет шкалулку и свертки, видимо приготовленные для путешествия. Дон Саллюстий одет в черную бархатную одежду — придворный костюм времен Карла II; на шее цепь Золотого Руна; поверх черного костюма — роскошный плащ из светлого бархата, расшитый золотом, на черной шелковой подкладке; шпага с большой чашкой у рукояти; шляпа с белыми перьями. Гудиэль одет во все черное, со шпагой на боку. Рюи Блаз — в ливрее, штаны и куртка коричневые, кафтан — красный с золотом; голова непокрыта, без шпаги.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Саллюстий де Басан, Гудиэль, по временам — Рюи Блаз.

Дон Саллюстий
(Рюи Блазу)

Запри входную дверь, а окна отвори.

Рюи Блаз выполняет приказание, затем, по знаку дон Саллюстия, уходит в дверь, расположенную в глубине. Дон Саллюстий подходит к окну.

Все крепко спят еще. Но брезжит свет зари.

(Резко поворачивается к Гудиэлю.)

Вот громовой удар! Пропало все, пропало.
О Гудиэль! Позор! Изгнание! Опала!
Власть сразу рухнула. Еще не знает двор.
Молчи пока и ты. Из-за чего позор?
Ах, я в мои лета увлекся, как мальчишка, —
И вот... Всему виной глупейшая интрижка:
Служанку соблазнил... Великая беда!
Но с королевою приехала сюда
Она из Нейбурга. Плаксивая девчонка
Явилась во дворец и притащить ребенка
Его величеству посмела напоказ!
Жениться мне на ней последовал приказ;
Но отказался я, не скрыв негодованья, —
И вот теперь за то изгнание. Мне — изгнание!
Монаршей милости из-за чего лишен?
А то, что двадцать лет поддерживал я трон,
Что был ему всегда опорой и защитой,
Мой неусыпный труд... Забыто все, забыто!
Верховного судьи носил я с честью званье:
При имени моем дрожала вся Испанья.
Мое могущество исчезло, точно дым,
Почет, величье, власть исчезли вместе с ним!
Все сразу рушится под смех толпы презренной!

Гудиэль

Никто не знает ведь...

Дон Саллюстий

Но завтра непременно
Узнают. Завтра, да... Но будем мы в пути!
Упасть я не хочу, я должен в тень уйти.
(*Резким движением расстегивает свой камзол.*)

Как туго ты всегда затягиваешь пряжку!
Скорее отпусти, а то дышать мне тяжело.

(*Садится.*)

Я буду в темноте свою готовить месть!
В подполье буду я интриги сети плести.
Я — изгнан!

Гудиэль

Кто ж нанес удар вам?

Д о н С а л л ю с т и й

Королева!

Но страшен будет час возмездия и гнева!
Ты, ты учитель мой все эти двадцать лет,
И для тебя во мне и мысли тайной нет.
Ты мастер опытный, какому удастся
На глаз определить всю глубину колодца.
В Кастилью еду я, в мой замок родовой;
Там на досуге план обдумаю я свой.
Позор! Из-за кого убит судьбы насмешкой?
Ступай и приготовь к отъезду все. Не мешкай!
Я тут поговорю с бездельником одним
И, может быть, смогу воспользоваться им.
Пока до вечера я здесь еще хозяин.
О! Мести час придет — и будет не случаен,
Но страшен! Поспеши, все приготовь для нас.
Конечно, едешь ты со мной.

Гудиэль с поклоном уходит.

Эй, Рюи Блаз!

Р ю и Б л а з

(появляется у двери в глубине)

Я здесь.

Д о н С а л л ю с т и й

Впредь во дворце я ночевать не буду.
Ты должен сдать ключи и запереть повсюду.

Р ю и Б л а з

(с поклоном)

Сеньор, исполню я все, что угодно вам.

Д о н С а л л ю с т и й

Но слушай же! Тебе я порученье дам:
Запомни, — это мне теперь всего важнее, —
Что королева здесь пройдет по галлерее,
Часа так через два, из церкви в тронный зал.
Мне нужно, чтобы ты здесь королеву ждал.

Р ю и Б л а з

Я понял вас, сеньор.

Дон Саллюстий
(у окна)

Еще есть приказанье.
Взгляни сюда в окно и обрати вниманье:
Ты видишь — человек по площади идет?
Вот пропуск предъявил он страже у ворот.
Так знаком укажи ему ты осторожно,
Что узкой лесенкой сюда подняться можно.

Рюи Блаз выполняет приказание.

(Продолжает, указывая ему на маленькую дверь направо)

И, прежде чем уйти, в каморку загляни:
Три альгвасила там, — проснулись ли они?

Рюи Блаз

(идет к двери, приоткрывает ее и возвращается)
Спят крепко.

Дон Саллюстий

Тише! Стань там у дверей подале
И сторожи — смотри, чтоб нам не помешали.

Входит дон Цезарь де Басан. Измятая шляпа; широкий изодранный плащ, из-под которого видны только плохо натянутые чулки и рваные башмаки; бретерская шпага. Входя, он обменивается взглядом с Рюи Блазом, и оба вздрагивают от изумления.

Дон Саллюстий

(наблюдая за ними, в сторону)

Что значит этот взгляд?

Рюи Блаз уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Саллюстий, дон Цезарь

Дон Саллюстий

А, вот и вы, бандит?

Дон Цезарь

Да, вот и я, кузен.

Дон Саллюстий

В лохмотьях! Что за вид!

Дон Цезарь

(с поклоном)

Я счастлив видеть вас.

Дон Саллюстий

Везде разносят славу

О ваших подвигах...

Дон Цезарь

И вам они по нраву?

Дон Саллюстий

Да, нечего сказать! Достойная игра!

Дон Карлос дочиста ограблен был вчера —

И в ночь пасхальную! Все отняли бродяги —

Все, вплоть до пояса и драгоценной шпаги.

Он рыцарь ордена Сант-Яго, и ему

Оставлен плащ.

Дон Цезарь

Мой бог! Оставлен? Почему?

Дон Саллюстий

Затем, что на плаще был знак святого братства,

А казнь особая грозит за святотатство.

Что вы мне скажете о подвиге таком?

Дон Цезарь

Какой ужасный век, в котором мы живем!

Подумать только — вор боится этих знаков,

И им не тронут был, как друг, святой Иаков!

Дон Саллюстий

Вы были там?

Дон Цезарь

Ну да, по правде вам скажу.

Но я не прибежал ни к шпаге, ни к ножу, —

Не трогал Карлоса. Лишь помогал советом.

Дон Саллюстий

Но говорили мне не только ведь об этом!
Слышал я, что вчера, когда зашла луна
И площадь в полный мрак была погружена,
Толпою выбежав из гнусного вертепа,
Бродяги разные неожиданно и свирепо
Посмели дерзостно напасть на часовых,
Что узников вели. Вы были среди них!

Дон Цезарь

О нет! Тюремщики моей не стоят палки.
Я только наблюдал: во время перепалки
Я сочинял стихи, гуляя вдоль аркад.

Дон Саллюстий

Но это ведь не все.

Дон Цезарь

Прошу — я слушать рад.

Дон Саллюстий

Во Франции сошлись вы с шайкой беззаконной,
И, между прочим, там — при вашей благосклонной,
Умелой помощи — ограблена казна!

Дон Цезарь

Возможно... Франция — враждебная страна!

Дон Саллюстий

Ну, а во Фландрии? Признаться не хотите ль:
Когда святой отец вез деньги в Монс, в обитель,
Что с виноградников собрал он в тех местах, —
Не вами ли, мой друг, ограблен был монах?

Дон Цезарь

Гм, гм... во Фландрии? Да мало ль что бывало?
Ведь я, вы знаете, постранствовал немало!
И только-то всего?

Дон Саллюстий

Дон Цезарь! Я всегда
При вашем имени краснею от стыда.

Дон Цезарь

Румянец вам к лицу.

Дон Саллюстий

Наш род...

Дон Цезарь

Он не в обиде.

Дон Саллюстий

Семья, к которой вы...

Дон Цезарь

Но, кроме вас, в Мадриде
Решительно никто не знает ведь, кто я:
Я имя изменил. При чем же тут семья?

Дон Саллюстий

Еще на этих днях, при выходе из храма,
Заметив вас в толпе, меня спросила дама:
«Не знаете ли вы, что это за чудаки?»
Он подбоченился и смотрит важно так.
Не видывала я смешнее оборванца:
Как Иов, нищ, а горд, как герцог де Браганца!
Он шпагу длинную волочит за собой,
Свирепо сжав эфес, как бы готовясь в бой;
Лохмотья жалкие он носит величаво,
Как будто грандом быть вполне имеет право,
И гордо напоказ он выставил притом
Свой плащ оборванный, свои чулки винтом!»

Дон Цезарь

И вы ответили: «Сафаря, мой приятель?»

Дон Саллюстий

Нет. Только со стыда сгорел я.

Дон Цезарь

Ах, создатель!
Я насмешил ее? Приятен мне успех:
Люблю я вызывать у дам веселый смех!

Дон Саллюстий

Но окружают вас одни лишь потаскушки!

Дон Цезарь

О, бедные мои невинные пастушки!
Какая клевета возводится на вас —
И все из-за того, что по ночам подчас
Свой утренний сонет красоткам я читаю!

Дон Саллюстий

Вы возглавляете головорезов стаю...

Дон Цезарь

О! Клерки! Мальчики смиреннее ягнят!

Дон Саллюстий

Но худшее еще про вас мне говорят —
Что дружбу тесную с разбойником свели вы,
Да, с Маталобосом!

Дон Цезарь

Но будем справедливы:
Я — что не принято здесь, в городе большом —
Без Маталобоса ходил бы нагишом.
От стужи в декабре я замерзал когда-то.
Граф Альба — знаете раздушенного фата? —
Раз ночью шел домой. С него был снят колет.

Дон Саллюстий

И что же?

Дон Цезарь

Это я теперь в него одет.
Разбойник пожалел бродягу, очевидно!

Дон Саллюстий

Как? Краденую вещь надеть? И вам не стыдно?

Дон Цезарь

Чего ж стыдиться мне? Он золотом расшит.
Зимою греет он, а летом веселит.

Я в жизни ничего не надевал охотней.
Смотрите!

(Распахивает плащ и показывает роскошный камзол из розового шелка, расшитый золотом.)

В нем нашел любовных писем сотни!
Как голод и тоска становятся острее,
Сажусь я где-нибудь у кухонных дверей,
Где вкусных кушаний мне ароматы близки,
И там читаю я любовные записки.
Так при желании имею каждый день
Хоть запах ужина, любви хотя бы тень!

Дон Саллюстий

Но...

Дон Цезарь

Бросим составлять моих проступков списки.
Ну да! Я знатный гранд и родственник ваш близкий —
Дон Цезарь де Басан и по рождению — граф.
Но, с детских лет меня игрушкою избрав,
Судьба моя в удел дала мне сумасбродство.
Ну да, я все имел — богатство, благородство,
Я мог бы содержать красавиц хоть гарем, —
Но в двадцать лет я был уж разорен совсем.
Исчезли все друзья — остались кредиторы.
Что было делать мне? Бежать от жадной своры!
Дон Цезарь де Басан исчез с лица земли,
И выдать только б вы одни меня могли.
Вы денег никогда давать мне не хотели —
Я не нуждаюсь в них! Когда взамен постели
У старого дворца, на камнях мостовой,
Я уж девятый год ночлег готовлю свой
И надо мною ночь раскинет синий полог, —
Я счастлив, я богат! И мирный сон мой долог.
А все уверены, что в дальние края
Бежал я, в Индию, к чертям, что умер я...
Завидная судьба! Когда я утром встану —
Напиться я иду к соседнему фонтану,
Потом иду гулять, принявши гордый вид, —
Моим скитаниям доступен весь Мадрид.
Дворец, где дни мои прошли, как сон веселый,
Был куплен нунцием святейшим — Эспинолой.

С его рабочими потолковать я рад,
Учу их лепкою отделявать фасад...
Теперь — могу ль просить хоть небольшую ссуду?

Дон Саллюстий

Я с вами говорить теперь серьезно буду.

Дон Цезарь

(скрестив руки на груди)

Послушаем же вас.

Дон Саллюстий

Я вызвал вас сюда ..

Учить вас право мне дают мои года.

Мои намеренья вам могут быть полезны.

Мне жаль вас! Я хочу вас вытащить из бездны.

Бездетен я, а вы — двоюродный мой брат,

Не надо забывать к тому ж, что я богат.

Бравируете вы, но глубоко несчастны.

При помощи моей всё изменить вы властны!

Да. Ваши все долги я на себя беру,

Вам возвращу дворец, верну вас ко двору.

Сафари пусть умрет, дон Цезарь возродится.

Так новая для вас откроется страница,

И будущего вы бояться не должны.

Вам предоставляю ключ от всей моей казны —

Родным обязаны мы помогать по-братски.

Пока дон Саллюстий говорит, лицо дон Цезаря принимает все более и более удивленное, радостное и доверчивое выражение. Наконец он не выдерживает.

Дон Цезарь

Ну что ж, кузен, всегда умны вы были адски,

И красноречье вам природою дано.

Я слушаю...

Дон Саллюстий

Но есть условие одно.

Терпенье! Я сейчас вам объясню, в чем дело.

Сперва... вот кошелек: он ваш, берите смело;

Я вам его дарю.

Дон Цезарь

(взвешивая в руке кошелек, полный золота)

Чудеснейший сюрприз!

Дон Саллюстий

И дам еще пятьсот дукатов вам...

Дон Цезарь
(пораженный)

Маркиз!

Дон Саллюстий

Сегодня ж...

Дон Цезарь

Чорт возьми! Но я весь ваш, всецело.
Согласен я на все! Скажите же, в чем дело.
Я честью вам клянусь, располагайте мной:
Вот шпага — я за вас сражусь хоть с сатаной!

Дон Саллюстий

Нет, вы пока нужны не шпагой мне своею.

Дон Цезарь

Но шпага — это все, чем в жизни я владею.

Дон Саллюстий

Дон Цезарь!

(Приближаясь к дон Цезарю и понижая голос)

Знаете вы хорошо вполне
Весь сброд преступный здесь...

Дон Цезарь

Кузен, вы льстите мне.

Дон Саллюстий

За вами следуют они покорной свитой,
И было бы легко поднять вам бунт открытый.
Известно это мне и может нам помочь.

Дон Цезарь
(шумно смеясь)

Сюжет для оперы вы ищете — точь-в-точь!
Чем мой талант снабдит произведение это?
Писать мне музыку иль сочинить либретто?
Хотите, я концерт кошачий сотворю?

Дон Саллюстий
(значительно)

Я не с Сафари здесь, дон Цезарь, говорю.

(Все более и более понижая голос)

Послушай... Нужен мне помощник в темном деле —
Чтоб тайно он со мной к одной стремился цели
И зданье грозное воздвигнуть мне помог.
Я человек не злой. Но в жизни — видит бог —
Такие времена бывают, что должны мы
Откинуть всякий стыд и быть неумолимы.
Озолочу тебя! Но должен ты суметь
Помочь мне в темноте сплести такую сеть,
Какой не ведало искусство птицелова.
Ведь совесть для тебя — одно пустое слово!
Ты должен страшный план придумать для меня,
Чтоб жертву слабую поймала западня,
И за меня отмстить.

Дон Цезарь

Отмстить за вас?

Дон Саллюстий

И больно!

Дон Цезарь

Кому же эта месть?

Дон Саллюстий

Мечь? Женщине!

Дон Цезарь

(выпрямляется и гордо взглядывает на дон Саллюстия)

Довольно!

Ни слова более! Клянусь душою, нет!

Один для этого есть у меня ответ —

Что если человек, рождением благородный,

Мечь женщине плетет интригою холодной,

То он не дворянин, а гнусный альгвасил;

И если б даже он кастильским грандом был,

И если б сотни труб хвалу ему трубили

И звезд и орденов на нем десятки были. —

Он хуже для меня, чем гнусный вор, злодей,
И дорого б я дал, чтоб увидеть скорей,
Как вздернут подлеца.

Д о н С а л л ю с т и й

Но, Цезарь...

Д о н Ц е з а р ь

Замолчите!

(Бросает кошелек к ногам дон Саллюстия.)

Вот ваше золото — назад его возьмите.
О, мне понятно все: убийство и грабеж;
Понятно мне, когда пускают в дело нож
И, на тюрьму напав в ночном глубоком мраке,
Со стражей схватятся в кровопролитной драке,
И бьют тюремщиков и всех вокруг себя,
И не щадят врагов, круша, коля, рубя...
Зуб за зуб — это так; мужчина на мужчину!
Но слабой женщине удар готовить в спину,
Как птицу бедную, ловить ее в силки —
Нет, мысли от меня такие далеки!
Нет, нет, свидетель бог! Чтоб мне ценой позора
Купить богатство, блеск и звание сеньора?
Скорее предпочту ужасную судьбу:
Пусть пригвоздят меня к позорному столбу,
Пусть в нищете, в грязи весь век мой будет прожит
И пусть голодный пес мои останки сглохнет!

Д о н С а л л ю с т и й

Но, Цезарь...

Д о н Ц е з а р ь

Милости мне ваши не нужны!

Не надо почестей, не надо мне казны,
Пока могу я жить так, как хочу, — на воле,
И есть вода в ручьях, и чистый воздух в поле,
И вор, что теплый плащ подарит мне зимой!
Я прошлое забыл, и сладок отдых мой,
Когда в ленивый час полуденного зноя
У вашего дворца, ища себе покоя,
Ложусь и голову мне защищает тень,
А сам на солнце я — и сплю хоть целый день.

Прощайте! Кто из нас честнее, дон Саллюстий, —
То знает бог один. Расстанемся без грусти.
Охотно остаюсь с свободой моей:
Живу я средь волков — но избегаю змей.

Д о н С а л л ю с т и й

Минутку...

Д о н Ц е з а р ь

Разговор наш слишком долго длится.
Кончайте поскорей! Темница так темница!

Д о н С а л л ю с т и й

Я ошибался в вас, дон Цезарь де Басан.
Но искус выдержан... И случай был мне дан
Проверить вас. Я рад. Так. Вашу руку! Смело!

Д о н Ц е з а р ь

Что значит?..

Д о н С а л л ю с т и й

Я шутил. Да, честь в вас уцелела.
Я вас испытывал.

Д о н Ц е з а р ь

Я как во сне, синьор...
Но эта тайна... месть... и женщина?..

Д о н С а л л ю с т и й

Все вздор.
Моя фантазия, игра воображенья.

Д о н Ц е з а р ь

Вот как? Ну, а моих долгов уничтоженье?
Пожалуй, тоже вздор? Богатая казна,
Что обещали вы, — фантазия одна?

Д о н С а л л ю с т и й

О нет, сейчас я вам пятьсот дукатов выдам.

*(Направляется к двери в глубине и делает знак Рюи Блазу
вернуться в комнату.)*

Дон Цезарь

(в сторону, на авансцене, и глядя искоса на
дон Саллюстия)

Он это говорит с таким зловещим видом...
«Да» — на устах и «нет» — в глазах!

Дон Саллюстий

(дон Цезарю)

Сейчас вернусь.

(Рюи Блазу)

Здесь подождешь меня.

(Выходит в маленькую дверь налево.)

Как только он вышел, дон Цезарь и Рюи Блаз быстро направляются друг к другу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Цезарь, Рюи Блаз.

Дон Цезарь

О! Рюи Блаз, клянусь!

Рюи Блаз

Сафари, старый друг! Ты здесь?.. Какая тайна
Вдруг во дворец тебя ввела?

Дон Цезарь

Я тут случайно.

Пойду — и снова вдаль полет свой устремлю.

Я птица вольная, пространство я люблю!

Но ты — в ливрее вдруг? Надел ты маску?

Рюи Блаз

(с горечью)

Нет!

Я в маске, если я в ливрею не одет.

Дон Цезарь

Да что ты говоришь?

Дай руку мне, мой милый.

Хочу ее тебе пожать с такой же силой,
Как в дни далекие, счастливые, когда
Нам были радостью и голод и нужда,
Когда я мерз зимой, имел лишь хлеб и воду,
А крова не имел — зато имел свободу!
В те времена еще я человеком был.
Мы встретились с тобой — тебя я полюбил:
Мы оба из простых! Ты помнишь, как когда-то
Все думали про нас, что мы с тобой два брата.
С утра и до ночи мы пели без конца,
А ночью, на глазах у вечного творца,
Под звездным небом мы, обнявшись, засыпали.
Делили мы с тобой и радость и печали.
О юности заря прекрасная! Потом
Пришлось нам каждому пойти своим путем.
Прошло почти пять лет. Ты все такой, как прежде:
Сафари, что богат и в нищенской одежде.
Ничем ты не владел — а думал, что богат,
И ничего не ждал. А я, мой милый брат,
Учился в детстве я в одной из тех коллегий,
Где много нам дают ненужных привилегий.
И эта милость мне лишь ко вреду была,
Поскольку не дали мне в руки ремесла.
Там сделали меня мечтателем, поэтом, —
Я часто от тебя упреки слышал в этом.
Ты надо мной шутил; я — пылок и упрям —
Кидал мечты свои стихами к небесам!
Жар честолюбия пылал во мне тревожно,
И все казалось мне и просто и возможно.
Я думал целый мир завоевать тогда, —
К чему усилия заботы и труда?
Бродить предпочитал весь день я в томной лени,
Следя мечтательно, как всходит на ступени
Роскошного дворца, где все огни горят,
Блистая прелестью, прекрасных женщин ряд...
Ну, словом, день настал, когда, бездомный, нищий,
Остался я совсем без крова и без пищи.
И поднял я кусок, валявшийся в пыли:
Взял, что мне предложить за мой позор могли.

О боже! В двадцать лет как верил я в мой гений!
Я босиком бродил в полях, и в день весенний
О человечестве я думал той порой,
И планов в голове теснился целый рой!
Предела не было надежде и желанью:
Хотел от бедствий всех я излечить Испанию,
Стать благодетелем родной моей стране.
Я думал, что весь мир нуждается во мне!
И видишь результат, мой друг? Я стал лакеем!

Д о н Ц е з а р ь

Дорогой голода не все пройти умеем:
Ворота низкие, и неудобен путь.
Кто выше — должен тот и ниже спину гнуть.
У счастья есть свои приливы и отливы.
Но мы надеяться должны, пока мы живы!

Р ю и Б л а з
(*качая головой*)

Хозяин мой — маркиз.

Д о н Ц е з а р ь

Я с ним слегка знаком.
Ты во дворце живешь?

Р ю и Б л а з

И не бывал я в нем.
Сегодня — первый раз.

Д о н Ц е з а р ь

Но здесь его покои?

Р ю и Б л а з

Он должен во дворце во время быть любое.
Но в доме небольшом он поместил меня,
Отсюда в двух шагах, а сам при свете дня
Он не бывает там, — зато порой ночью
Приходит часто в дом он дверью потайною.
Ключ только у него, и он проводит ей
Замаскированных таинственных гостей.
И с ними запершись, он там часы проводит,
Не знаю, для чего, и что там происходит.

Там двое черных слуг живут со мной, немых, —
И вот считаюсь я хозяином для них.

Д о н Ц е з а р ь

Да. Домик он завел, чтоб в тайне безусловной
Шпионов принимать, — ведь он судья верховный.
Он держит все в руках... Он гений по уму!

Р ю и Б л а з

Вчера он мне велел прийти сюда к нему,
Пока не рассвело, — пройти по галлерее.
И в первый раз велел мне быть в моей ливрее.
Одежду гнусную сегодня в первый раз
Надел я на себя.

Д о н Ц е з а р ь
(пожимая ему руку)

Надейся, Рюи Блаз!

Р ю и Б л а з

Не знаешь ты всего! Нет для меня надежды.
Все то, что видишь ты, — клеймо моей одежды,
Жизнь унижения, безрадостной тоски
И что я жалкий раб, — все это пустяки.
Я и не чувствую позорящей ливреи:
Но пламя жжет мне грудь, грызут мне сердце змеи...
Боишься за меня? На внешность не смотри:
Когда б ты видеть мог, что у меня внутри!

Д о н Ц е з а р ь

Что хочешь ты сказать?

Р ю и Б л а з

Пришпорь воображение!
Где верх безумия, вне власти достижения,
Придумай, сочини, найди, изобрази —
Чего опаснее, страшнее не найти.
Составь смертельный яд, глухую бездну вырой
Чернее всех грехов и преступлений мира, —
И все же будешь ты от истины далек.
Не догадался ты? Кто б догадаться мог!
Поближе подойди к зияющему зеву
Бездонной пропасти: люблю я... королеву!

Дон Цезарь

О небо!

Рю и Блаз

Во дворце есть человек один:
Над ним короною украшен балдахин,
Живет он сумрачно, в уединенье строгом;
Все перед ним равны, как будто перед богом;
Для всех, кто может быть в присутствии его
С покрытой головой, и честь и торжество;
Подвластны все при нем мучительному страху:
Он пальцем шевельнет — и мы с тобой на плаху;
Малейшей прихотью мир сотрясает он;
Живет, величием зловещим окружен,
И правит судьбами обоих полушарий;
И этот человек — король. — И я, Сафари, —
Ты слышишь? — я ее ревную к королю!

Дон Цезарь

Ревнуешь! Ты — к нему?

Рю и Блаз

Ведь я ее люблю!

Дон Цезарь

Несчастный!

Рю и Блаз

Я схожу с ума, изнемогаю!
Не сплю ночей, а днем — ее подстерегаю.
Печальнее судьбу едва ли ты найдешь —
Жить при дворе, где все лишь ненависть и ложь!
Несчастливая! И быть женою идиота,
Которого одно лишь радует — охота!
И не мужчина он — старик уж в тридцать лет!
Ни царствовать, ни жить он не умеет, нет, —
От дряхлого отца на склоне дней рожденный.
Род вымирающий, на гибель обреченный!
Она же молода, прекрасна, как цветок, —
И Карл Второй ей муж! Удел ее жесток.
Она по вечерам идет с своею свитой
В соседний монастырь, и жду я, тенью скрытый...
Случайно как-то я узнал, что скучно ей
Без голубых цветов с ее родных полей.

Я вспомнил, что они в одном лесу тут были, —
И каждый день теперь хожу я за две мили.
О, смейся надо мной! Но по ночам с тех пор
Проникнуть в сад ее стараюсь я, как вор.
Недавно я посмел, — тебе я, верно, жалок? —
Записку к ней вложить в букет лесных фиалок.
Глубокой полночью цветы в ее саду
Я на любимую скамью ее кладу.
Добраться нелегко до милого мне сада:
В железных остриях высокая ограда.
Недавно я себе поранил руку в кровь...
Сломаю шею там я за свою любовь!
Не знаю, до нее дошла ль в цветах записка?

Д о н Ц е з а р ь

О, чорт меня возьми, ты не боишься риска?
Дон Гуритан в нее не менее влюблен:
Влюбленный мажордом — вдвойне опасен он.
Его приспешники щадить тебя не станут.
Еще твои цветы, пожалуй, не увянут,
Как в темноте ночной из стражи кто-нибудь
Приколет крепко их копьём тебе на грудь.
Влюбиться — и в кого? Нелепая затея!
И как тебе пришла подобная идея?
И кто влюбляется, скажи мне, в королев?

Р ю и Б л а з (пылко)

Не знаю. Но, свою судьбу преодолев,
С восторгом продал бы, поверь, я душу чорту
За то, чтобы попасть в блестящую когорту
Тех гордых щеголей, что там, внизу, теперь —
Вон, можешь видеть ты, — надменно входят в дверь, -
Вон, в шляпах с перьями и с гордостью своею...
О, если б сбросить мне постылую ливрею
И так же, как они, явиться перед ней!
Но — о проклятие! — я для нее лакей!
Как мог я полюбить...

(Подходит ближе к дон Цезарю)

Опять твои вопросы,
Что жалили меня в былые дни, как осы!

Ты верен старому занятию своему:
Выпытывать — зачем, и как, и почему?
Люблю безумно я — и этого довольно!

Дон Цезарь

Ну полно, не сердись!

Рюи Блаз

(обессиленный и бледный падает в кресло)

Я не сержусь. Мне больно.

Прости меня, мой друг, но лучше уходи.
Беги несчастного, что, с ужасом в груди
И победить свое безумье не умея,
Страсть короля таит под маскою лакея!

Дон Цезарь

(кладя ему руку на плечо)

Бежать тебя, мой брат? Да кто же я такой?
Беззвучный бубенец, внутри совсем пустой,
Не нужный никому, как старая афиша,
Я жил, не зная слез и слов любви не слыша.
Подчас я у любви вымаливал гроши —
Но было это все без сердца, без души.
И на твою любовь со всем ее страданьем
Смотрю я с завистью скорей, чем с состраданьем.
Мой друг!..

Молчание. Они взялись за руки и смотрят друг на друга с выражением грусти и дружеского доверия. Входит дон Саллюстий. Он приближается медленными шагами, впиваясь внимательно взглядом в дон Цезаря и в Рюи Блаза, которые его не замечают. В одной руке он держит шляпу и шпагу, которые кладет на кресло, в другой — кошелек, который кладет на стол.

Дон Саллюстий

(дон Цезарю)

Вот деньги вам. Берите.

При звуке голоса дон Саллюстия Рюи Блаз встает, словно внезапно пробужденный, и замирает в почтительной позе, опустив глаза.

Дон Цезарь

(в сторону, искоса глядя на дон Саллюстия)

Чорт возьми!

Фигура мрачная... Он слушал за дверьми! —

(Громко)

Благодарю, маркиз!

(В сторону)

Подслушал... Ну, да что там!

(Открывает кошелек, высыпает его содержимое на стол и весело перебирает червонцы, складывая их столбиками на бархатной скатерти.)

Пока он их считает, дон Саллюстий идет в глубину сцены, посматривая назад, чтобы убедиться, что не привлекает внимания дон Цезаря. Он открывает маленькую дверь справа. По его знаку из нее выходят три альгвасила, вооруженные шпагами, одетые в черное. Дон Саллюстий таинственно указывает им на дон Цезаря. Рюи Блаз стоит у стола неподвижно, как статуя, ничего не видя и не слыша.

Дон Саллюстий

(тихо, альгвасилам)

Смотрите: вон того, который занят счетом,
Как только выйдет он, сейчас же под арест —
Без шума, без возни. Потом из этих мест
Вы с первым же его отправите фрегатом,
Чтоб тотчас в Африку продать его пиратам.
Протест его и крик пусть не смущают вас.
Скорей все сделайте. Вот письменный приказ.

(Дает им пергамент.)

Когда вернетесь вы, его надежно спрятав,
То каждый из троих получит сто дукатов.

Альгвасилы кланяются и уходят.

Дон Цезарь

(кончая пересчитывать дукаты)

Как с золотом своим играть приятно нам!
Прелестный вид и звук...

(Разложив на две части, говорит Рюи Блазу)

Вот, ровно пополам:

Бери!

Рюи Блаз

Как?

Дон Цезарь

Все тут: жизнь, свобода, перемена!

Дон Саллюстий

(в сторону)

О чорт!

Рюи Блаз

(отрицательно покачивая головой)

Нет, сердце мне не вызволить из плена.
Так мне велит судьба: уйти бы я не мог.

Дон Цезарь

Как хочешь. Кто из нас безумней? Знает бог!
(Собирает деньги и сбрасывает их в мешочек, который
кладет в карман.)

Прощай!

Дон Саллюстий

(в глубине, в сторону, все время наблюдая за ними)

Черты лица, фигура — все в них сходно.

Рюи Блаз

(дон Цезарю)

Дай руку!

Они жмут друг другу руки Дон Цезарь выходит, не замечая дон
Саллюстия, который стоит в стороне.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Рюи Блаз, дон Саллюстий.

Дон Саллюстий

Рюи Блаз!

Рюи Блаз

(быстро оборачиваясь)

Сеньор, что вам угодно?

Дон Саллюстий

Не помню точно я: уж наступил рассвет,
Когда ты во дворец ко мне явился?

Р ю и Б л а з

Нет.

Я страже пропуск дал, как вы мне приказали,
Ни слова не сказав, — и очутился в зале.

Д о н С а л л ю с т и й

Скажи, ты был плащом закутан?

Р ю и Б л а з

Да, сеньор.

Д о н С а л л ю с т и й

Так, значит, во дворце еще до этих пор
Никто тебя не мог заметить в этом виде —
В ливрее?

Р ю и Б л а з

Нет, синьор. Никто во всем Мадриде.

Д о н С а л л ю с т и й

А! Такними ее.

Р ю и Б л а з снимает свою ливрею и кладет ее на кресло.

Отлично!

(Указывает на дверь, в которую вышел дон Цезарь.)

Дверь запрешь.

Так. Почерк у тебя, мне кажется, хорош.

(Приглашает Рюи Блаза знаком сесть за стол, где находятся перья и письменные принадлежности.)

Р ю и Б л а з повинуетя.

Вот, ты мой секретарь. Пиши, что продиктую.

Сначала напиши записку мне такую...

Могу секретарю открыть я свой секрет:

Пракседис дивная — любви моей предмет!

Пиши: «Сеньора, я в опасности смертельной.

Вы только милостью своею беспредельной

И властью царственной могли б меня спасти,

Решившись вечером в мой скромный дом прийги.

Иначе я погиб». Пиши: «Я умоляю;

Рассудок, сердце, жизнь у ваших ног слагаю».

(Смеется, прервав диктовку.)

Опасность страшная — единственный предлог,
Которым я ее к себе завлечь бы мог.
О, женщин знаю я! Они ужасно любят
Спасать от гибели того, кто их погубит.
Прибавь: «Вас будут ждать у двери потайной
И проведут ко мне». — Доволен я собой! —
Ну, подпишись теперь.

Р ю и Б л а з

Поставить ваше имя?

Д о н С а л л ю с т и й

Нет, «Цезарь». Я подчас нуждаюсь в псевдониме.

Р ю и Б л а з

(выполнив приказание)

Но сможет ли она ваш почерк здесь признать?

Д о н С а л л ю с т и й

Довольно, чтоб она увидела печать.

Р ю и Б л а з

Кому адресовать?

Д о н С а л л ю с т и й

Я сам письмо отправлю.

Итак, я еду в ночь. Но здесь тебя оставляю.

Я оценил в тебе хорошего слугу ..

(Приближается к Рюи Блазу; многозначительно)

И большего тебе достичь я помогу.

Молчание

Да. Можешь сделать ты блестящую карьеру.
Но должен ты питать ко мне слепую веру,
Повиноваться мне.

Р ю и Б л а з

(кланяется)

Сеньор!

Я друг тебе
И от души хочу помочь твоей судьбе.
(Делает знак Рюи Блазу снова сесть за стол.)

Теперь напишешь ты записку мне вторую.
Возьми еще листок. Вниманье, я диктую.
Пиши: «Я, Рюи Блаз, даю расписку в том,
Что был лакеем взят к маркизу Финлас в дом
И буду, как слуге хорошему прилично,
Во всем ему служить и тайно и публично».

Рюи Блаз пишет.

Так. Подпишись теперь, поставь число и год.
(Складывает письмо и прячет его в свой бумажник вместе
с запиской, которую написал Рюи Блаз.)

Где шпага, что велел я принести? А, вот!
На кресле там она. Прекрасно! Превосходно!
(Показывает на кресло, на которое положил раньше шпагу
и шляпу. Подходит к нему и берет шпагу.)

Из шелка перевязь — и с вышивкою модной...
(Предлагает Рюи Блазу полюбоваться нежностью ткани.)

Взгляни, как сделана искусно рукоять,
Чтоб для прелестных дам конфеты в ней держать!
Что скажешь? Делал Хиль, а он неподражаем.
Мы лучше мастера-чеканщика не знаем!
Постой — дай мне взглянуть, к лицу ль тебе?

Надень.
(Набрасывает на шею Рюи Блаза перевязь, к которой
прикреплена шпага.)

Как будто бы ее он носит каждый день!
(Прислушивается.)

Идут?.. Да, близок час прохода королевы.
Маркиз дель Басто здесь.

Дверь в глубине, ведущая на галерею, открывается. Дон Саллюстий отстегивает свой плащ и быстро набрасывает на плечи Рюи Блазу в ту самую минуту, когда появляется маркиз дель Басто; затем он направляется прямо к маркизу, увлекая за собой удивленного Рюи Блаза.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Саллюстий, Рюи Блаз; дон Панфило д'Авалос, маркиз дель Басто. Затем маркиз де Санта-Крус. Затем граф Альба. Затем весь двор.

Дон Саллюстий

Маркиз! Позвольте мне вам Представить... Мой кузен — дон Цезарь де Басан. Вернулся, наконец, он из далеких стран. Граф Цезарь десять лет почти что не был дома, И для него прошу я доброго приема.

Рюи Блаз
(в сторону)

Мой бог!

Дон Саллюстий
(тихо, Рюи Блазу)

Молчи!

Маркиз дель Басто
(Рюи Блазу)

Я рад...
(Берет руку Рюи Блаза, которую тот смущенно протягивает.)

Дон Саллюстий
(тихо, Рюи Блазу)

Смелей!

Рюи Блаз кланяется маркизу.

Маркиз дель Басто
Граф, вашу мать
Имел я счастье любить и близко знать.
(Тихо, дон Саллюстию, указывая на Рюи Блаза)
Как изменился он!.. Я б не узнал, наверно.

Дон Саллюстий
(тихо, маркизу дель Басто)
Ведь десять лет прошло...

Маркиз дель Басто
(так же)

Конечно, это верно.

Дон Саллюстий
(хлопая Рюи Блаза по плечу)

Вернулся блудный сын! А помните ли вы,
Маркиз, как он всегда был притчей для молвы?
Как деньгами сорил? Едва простившись с детством,
В три года с дедовским покончил он наследством:
Пирь и празднества, за балом пышный бал,
Оркестр в сто человек... Мадрид он ослеплял!
Был яркою звездой на нашем небосклоне.
Теперь из Индии приплыл на галионе.

Рюи Блаз
(смущенно)

Сеньор...

Дон Саллюстий
(весело)

Мой милый друг: кузен, а не сеньор!
Басаны — старые дворяне с давних пор.
Дон Педро, предок наш, женат был на Марьяне
Де Гор. Их сын всю жизнь проплавал в океане:
Он адмиралом был, имел двух сыновей —
Родоначальников и предков двух ветвей.
Вы граф, а я маркиз, — но ведь, в конечном счете,
Не много разницы в коронах вы найдете.
Я в Португалии прекрасной был рожден,
А ваша родина — цветущий Арагон.
Так, Цезарь, и у нас одни и те же предки:
Я плод, а вы цветок, но равноценны ветки.

Рюи Блаз
(в сторону)

Чего же хочет он? Куда влечет меня?

Пока дон Саллюстий говорил, к ним подошел маркиз
де Санта-Крус, дон Альваро де Басан-де-Бенавидес, старик
с белыми усами и в огромном парике.

Маркиз де Санта - Крус
(дон Саллюстию)

Но, значит, ведь и мы с дон Цезарем родня?

Дон Саллюстий

Мы все в родстве, маркиз.

(Представляя ему Рюи Блаза)

Дон Цезарь!

Маркиз де Санта - Крус

Но едва ли

Тот де Басан, кого погибшим все считали?

Дон Саллюстий

Тот самый!

Маркиз де Санта - Крус

Значит, он опять вернулся к нам?

Дон Саллюстий

Из Индии.

Маркиз де Санта - Крус

(присматриваясь к Рюи Блазу)

Да, да! Я узнаю и сам!

Дон Саллюстий

Его узнали вы?

Маркиз де Санта - Крус

Его я знаю с детства.

Дон Саллюстий

(тихо, Рюи Блазу)

Он слеп. Узнав тебя, нашел он в этом средство
Скрыть слепоту свою!

Маркиз де Санта - Крус

(протягивая руку Рюи Блазу)

Вот вам рука моя.

Р ю и Б л а з
(с поклоном)

Сеньор...

Маркиз де Санта - Крус
(тихо, дон Саллюстию, указывая ему на Рюи Блаза)

Он недурен.

(Рюи Блазу)

Вас счастлив видеть я,
Кузен.

Д о н С а л л ю с т и й
(тихо, маркизу, отведя его в сторону)

Его долги я уплатить намерен.
Но при дворе давно его кредит утерян.
Нельзя ль ему найти при королеве пост?

Маркиз де Санта - Крус
(тихо)

Годится в свиту он: красив, прекрасный рост.
К тому же — родственник. Я приложу усилия.

Д о н С а л л ю с т и й
(тихо)

Нетрудно будет вам — вас слушает Кастилья!
(Отходит от маркиза де Санта-Крус и подходит к другим вельможам, которым представляет Рюи Блаза. Среди них граф Альба, роскошно одетый. Дон Саллюстий представляет ему Рюи Блаза.)

Дон Цезарь, мой кузен...

Вельможи торжественно обмениваются поклонами с пораженным Рюи Блазом.

Д о н С а л л ю с т и й
(графу де Рибакорса)

Как был хорош балет
Вчера, не правда ль, граф?

(Любуясь колетом графа Альбы)

Прелестен ваш колет!

Граф Альба

О, лучше у меня был розовый атласный,
Но Маталобос снял его с меня! Ужасно!

Привратник (в глубине сцены)

Ее величество! Прошу по рангу стать.

Большой занавес на стеклянной галлерее приоткрывается. Вельможи занимают места у двери. Стража выстраивается шпалерами. Рюи Блаз, задыхаясь, вне себя, выходит на авансцену, ища спасения. Дон Саллюстий следует за ним.

Дон Саллюстий (тихо, Рюи Блазу)

На колебания ты времени не трать.
Возможно ли! Судьба тебя все выше манит,
А между тем твой дух тебя лишь книзу тянет!
Проснись! Уеду я — тебе оставлю дом,
Обоих слуг немых и все, что только в нем.
Возьму я только ключ от потайного входа.
Я позже сообщу тебе, какого рода
Услуги от тебя понадобятся мне.
Ты за судьбу свою спокоен будь вполне.
Я счастье твое заботливо устрою.
Смелее! Пользуйся удачною порою.
Двор — это царство тайн и сумерек густых.
Так завяжи глаза: я вижу за двоих.

В глубине сцены появляется новый отряд стражи.

Привратник (громко возглашает)

Ее величество!

Рюи Блаз (в сторону)

Она!

Появляется королева, роскошно одетая, окруженная дамами и пажам; четыре камергера с непокрытыми головами несут над ней балдахин из алого бархата. Рюи Блаз, потрясенный, смотрит на нее, словно поглощенный этим блистательным видением. Все гранды Испании, маркиз дель Басто, граф Альба, маркиз де Санта-Крус, дон Саллюстий надевают шляпы; дон Саллюстий быстро подходит к креслу, берет с него шляпу и подает ее Рюи Блазу.

Д о н С а л л ю с т и й

(Рюи Блазу, надевая ему шляпу на голову)

Приди в сознание!

Накройся поскорей — ведь ты же гранд Испании!

Р ю и Б л а з

(тихо, дон Саллюстию, растерянно)

Какую же, сеньор, платить за это дань?

Д о н С а л л ю с т и й

(указывая на королеву, которая медленно проходит по галлерее)

Вот этой женщины любовником ты стань!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КОРОЛЕВА ИСПАНИИ

Зала, смежная со спальней королевы. Налево маленькая дверь, ведущая в спальню. Направо, на срезанном углу, — дверь, ведущая в другие покои. В глубине раскрыты большие окна. Полдень прекрасного летнего дня. Большой стол, кресла. Изображение святой в роскошном убранстве прислонено к стене. Внизу подпись: «Санта Мария Эсклава». Напротив нее находится мадонна, перед которой горит золотая лампада. Рядом с мадонной — портрет короля Карла II во весь рост.

При поднятии занавеса королева, донья Мария Нейбургская, сидит в стороне с Касильдой, одной из своих придворных дам, молодой и красивой девушкой. Королева в белом платье из серебряной парчи. Она вышивает, время от времени прерывая эту работу, чтобы побеседовать. В другом конце комнаты сидит на стуле со спинкой донья Хуана де Ла-Куэва, герцогиня Альбукеркская, обер-фрейлина, с рукодельем в руках; она — старая женщина в черном. Вокруг герцогини у стола сидят дуэньи с рукодельем. В глубине дон Гуриган, граф д'Оньяте, мажордом, высокий, сухой, с седыми усами, лет пятидесяти пяти; у него вид старого вояки, хотя одет он с преувеличенной изысканностью и банты нацеплены у него везде, даже на туфлях.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Королева, герцогиня Альбукеркская, дон Гуриган, Касильда, дуэньи.

Королева

Вот и уехал он. Должна я быть довольна.
Но даже мысль о нем гнетет меня невольно.
Как ненавидит он меня!

К а с и л ь д а

И осужден

За то оставить двор.

К о р о л е в а

Как ненавидит он!

К а с и л ь д а

Но, государыня...

К о р о л е в а

Касильда, нет сомнений:

Он страшный человек. Он для меня злой гений!

Я не могу забыть — как будто тяжкий сон...

Наутро должен был Мадрид покинуть он —

А вечером ко мне явились гранды в залу

На целование руки, по ритуалу.

Передо мной они склонялись все подряд;

Спокойна и грустна, терпела я обряд,

И, машинально им протягивая руку,

Разглядывала я, чтобы рассеять скуку,

Картины на стене. Потом взглянула вниз —

И вижу, что ко мне приблизился маркиз.

Увидевши его, других я не видала...

Шел медленно, играл ножнами от кинжала,

Порой сверкала в них полоска лезвия.

Казалось, не идет — ползет он, как змея!

К моей руке прильнул холодными устами —

И ненависти взгляд обжег меня, как пламя!

К а с и л ь д а

Он исполнял свой долг, как все другие, — что ж?

К о р о л е в а

Нет, поцелуй его с другими не был схож.

Последний раз тогда я здесь его видала.

Как странно! У меня других забот немало,

Но думаю о нем все время. Этот взгляд...

Поверь, душа его черна, как самый ад.

Ах, он, как демон, мне внушает содроганье.

Касильда! Перед ним я слабое создание,

Я только женщина! И по ночам во сне
Зловещим призраком является он мне,
Целует руку мне... Очнуться я не в силах,
И точно черный яд в моих струится жилах,
Пронизывает дрожь, как от холодных струй,
И леденит меня зловещий поцелуй.

К а с и л ь д а

Пустые призраки!

К о р о л е в а

Да, хуже есть печали...

(В сторону)

О, надо все скрывать, чтобы они не знали!

(Касильде)

Я нищих встретила сегодня на пути.

Они ко мне тогда не смели подойти.

К а с и л ь д а

(подойдя к окну)

Еще стоят они с протянутой рукою.

К о р о л е в а

Брось им мой кошелек.

К а с и л ь д а

(берет кошелек и бросает его в окно)

О, с легкостью какою

Вы помогаете несчастным беднякам!

*(Указывает королеве на дон Гуритана, который безмолвно
стоит в глубине комнаты, устремив на королеву взор,
полный немого обожания.)*

Здесь тоже нищий есть. Что стоит бросить вам
Словечко доброе? Он этого достоин.

Душой так нежен он — на вид суровый воин.

К о р о л е в а

Он скучен. Разговор его невыносим!

К а с и л ь д а

Согласна. Все-таки поговорите с ним.

Королева
(обращаясь к дон Гуригану)

Граф, здравствуйте.

Дон Гуриган приближается, сделав при этом три поклона, и со вздохом целует руку королеве, которая принимает поцелуй с небрежным видом. Потом он возвращается на свое место, рядом с креслом обер-фрейлины.

Дон Гуриган
(возвращаясь на свое место, тихо, Касильде)

О, как добра и как прекрасна!

Касильда
(глядя ему вслед)

О, бедный старый граф, поклонник ваш безгласный!
Как аист у воды, он терпеливо ждет,
Покамест в клюв его добыча попадет.
«Прощайте», «здравствуйте», одна сухая фраза —
Он сыт на целый день и счастлив до экстаза.

Королева
(с грустной улыбкой)

Молчи!

Касильда

Увидеть вас — смысл жизни для него,
И больше он уже не хочет ничего.
(Любуясь ларцом, который стоит на этажерке)
Ах, что за красота! Какой ларец! Откуда?

Королева
Вот ключ, возьми, открой.

(Дает ей ключ.)

Касильда
Резьба какая, чудо!

Королева
Он для святых мощей: наполнивши ларец,
Пошлю его домой. Как будет рад отец!
(На минуту задумывается; затем отрывается от своих
мыслей; в сторону)

Нет, думать не хочу... Прогнать бы мысли рада!

(Касильде)

Ступай и принеси мне книгу... Нет, не надо:
Мне не дают читать на языке родном,
А по-испански ведь читаю я с трудом.
Король... он увлечен охотой лишь одною:
Он за полгода был лишь десять дней со мною.

К а с и л ь д а

Хоть вы монархиня — судьбы печальней нет.

Королева снова погружается в задумчивость, затем опять резко
и как бы с усилием отрывается от своих мыслей.

К о р о л е в а

Я выйду погулять!

При этих словах, властно произнесенных королевой, герцогиня
Альбукеркская, которая до тех пор сидела неподвижно в
кресле, подымает голову, затем встает и делает королеве глубокий
реверанс.

Г е р ц о г и н я А л ь б у к е р к с к а я
(сухим и резким голосом)

Простите: этикет
Ее величеству лишь выйти разрешает,
Когда испанский гранд ей двери открывает.
Из них же не успел еще никто прийти.

К о р о л е в а

Так что ж это? Должна сидеть я взаперти?
Меня хотят убить? Рассудок я теряю!

Г е р ц о г и н я
(с реверансом)

Как обер-фрейлина, свой долг я исполняю.
(Снова садится в кресло.)

К о р о л е в а
(обхватив голову руками, с отчаянием в голосе, в сторону)
Опять мечтать? Нет, нет!
(Вслух)

Позвать моих всех дам!
Скорее карты! Стол!

Герцогиня

(дуэньям)

Останьтесь по местам.

(Встает и делает реверанс королеве.)

Простите, могут лишь, согласно этикету,
С ее величеством делить забаву эту
Родные короля.

Королева

(с гневом)

Так позовите их!

Герцогиня

(крестясь)

Из рода короля нет никого в живых.

Касильда

(в сторону, глядя на герцогиню)

Старуха гадкая, несносная дуэнья!

Королева

Пусть завтрак подадут!

Касильда

И это — развлечение.

Королева

Касильда, завтракать со мной ты будешь. Да!

Касильда вопросительно смотрит на обер-фрейлину.

Герцогиня

(с реверансом)

В отсутствие его величества всегда
Ее величество одна изволит кушать.

(Снова садится.)

Королева

(выведенная из себя)

О боже! И нельзя мне этикет нарушить?
Ни выйти, ни играть, ни есть, когда хочу?

Год, как я царствую, — какую жизнь влачу!
Я умираю здесь. Дворец — моя могила!

К а с и л ь д а

(в сторону, глядя на королеву с сочувствием)

Бедняжка! Жизнь ее действительно уныла,
Нелепый этот двор, монашеский устав!
Все развлечение — смотреть, как старый граф,
Почтительно влюблен, стоит и ждет чего-то,
Как аист сторожа стоячее болото!

К о р о л е в а

(Касильде)

Придумай что-нибудь!

К а с и л ь д а

Раз короля здесь нет,
Вам власть дана сзывать министров на совет.

К о р о л е в а

(пожимая плечами)

Да! Восемь стариков, надуты и зловещи,
Мне будут толковать наскучившие вещи:
О дряхлом короле французском и о том,
Что замышляет Рим... Мы дальше не пойдем.
Нет, что-нибудь еще придумай!

К а с и л ь д а

Погодите;

Ведь кавалеров есть немало в вашей свите.
Что, если нам позвать кого-нибудь сюда,
Кто молод и красив?

К о р о л е в а

Касильда!

К а с и л ь д а

В чем беда?

Мне хочется взглянуть на молодые лица.
О государыня, должны вы согласиться.
Зараза старости всегда опасна нам:
Смотря на стариков, состаришься и сам.

К о р о л е в а

Да, смейся, милая. Жизнь сердце охлаждает:
Как пропадает сон, так радость пропадает.

(Задумчиво)

Нет, только тех минут я с нетерпением жду,
Когда могу одна гулять в моем саду.

К а с и л ь д а

Да, чудный уголок, действительно! Засады
За каждой статуей, притом из-за ограды
Деревьев не видать, так высока она.

К о р о л е в а

Зато я там могу бывать совсем одна.
Ах, как хотелось бы на волю мне порою!

К а с и л ь д а

(тихо)

На волю? Если так, я это вам устрою.
Да, государыня; чем хуже мрак тюрьмы,
Тем более искать имеем право мы
Тот ключик золотой, что отомкнет засовы.
Он у меня в руках, и если вы готовы,
Наперекор им всем, — я вам могу помочь:
Под маской в город мы уйдем в любую ночь.

К о р о л е в а

О боже! Замолчи!

К а с и л ь д а

Легко и безопасно...

К о р о л е в а

Довольно, никогда!

*(Слегка отодвигается от Касильды и снова погружается
в задумчивость)*

Я всех боюсь ужасно!

Зачем, зачем я здесь, а не в родной стране?
Как у родителей жилось привольно мне!
Мы бегали с сестрой в лесу и на поляне

Свободно. Иногда встречались нам крестьяне —
Мы с ними весело вступали в разговор.
Как были счастливы мы с нею до тех пор,
Пока не прибыл к нам с посольством из Испании
Какой-то человек, весь в черном одеянье:
«Принцесса, — он сказал, — вас ждет испанский трон!»
Прижалась я к сестре; отец был восхищен,
А мать заплакала. Теперь уж плачут оба.
Касильда! Здесь кругом все только мрак и злоба!
Я птичек привезла — нет больше ни одной.

К а с и л ь д а, искоса поглядывая на обер-фрейлину, делает движение,
каким сворачивают шею птице.

Мне не дают цветов страны моей родной,
И слова нежного ждала бы я бесплодно...
Я королева здесь — там я была свободна.
Да, ты права, стена ужасно высока,
И мрачен вечером наш парк. Тоска, тоска!

За окном слышится отдаленное пение.

Что это — там поют?

К а с и л ь д а

Окончив труд тяжелый,
Проходят прачки там с реки толпой веселой.

Пение приближается, можно разобрать слова. Королева жадно
слушает.

Г о л о с а з а с ц е н о й

К чему щебечут птицы
В густой тени ветвей?
Твой голос серебристый
Всех певчих птиц нежней.

К чему на небе звезды
Блестят во тьме ночей?
Твоих очей сиянье
Небесных звезд ясней.

К чему цветок душистый —
Весною красота?
Прекрасней алой розы
Цветут твои уста.

Ведь песни райской птицы,
Живой души цветы
И звезды в ясном небе —
Любовь, все это ты.

Голоса удаляются, затихая.

К о р о л е в а
(мечтательно)

Ах, о любви поют, и радость в их напеве!..
Мне сладко слушать их и больно.

Г е р ц о г и н я
(дуэньям)

Королеве
Мешает пение. Прогнать их от ворот!
Прогнать немедленно!

К о р о л е в а
(с живостью)

О нет, наоборот!
Пусть с миром здесь они проходят по аллее.
(Касильде, указывая на окно в глубине)

Пойдем на них взглянуть, там будет нам виднее!
(Направляется с Касильдой к окну.)

Г е р ц о г и н я
(поднимаясь и делая реверанс)

Ее величеству нельзя смотреть в окно.

К о р о л е в а
(останавливаясь и возвращаясь на прежнее место)

И этого нельзя! Ну что же, все равно..
Оставь, не для меня закаты в небе чистом,
Ни вечер, гаснущий в сиянье золотистом,
Ни песня мирная, звучащая вдали.
Сказала я «прости» всем радостям земли.
И видеть мне нельзя божественной природы,
И даже видеть мне нельзя чужой свободы!

Герцогиня

(делая присутствующим знак выйти)

Святых апостолов мы память ныне чтим.

Идемте.

К а с и л ь д а делает несколько шагов к двери. К о р о л е в а ее останавливает.

К о р о л е в а

Как! И ты?

К а с и л ь д а

(указывая на герцогиню)

Приказ неумолим:

Ослушаться нельзя.

Герцогиня

(дамам)

К себе пройдите все вы.

(Низко кланяясь королеве)

Теперь молитвы час настал для королев.

Все выходят с глубокими реверансами.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К о р о л е в а

(одна)

Молитвы час настал? Скажи — мечтаний час.

Куда бежать от них? О, кто меня бы спас?

Без света я в тюрьме.

(Мечтательно)

И чудится всегда мне

След окровавленной руки на белом камне.

Он руку ранил в кровь! Но сам он виноват:

Там всюду острия железные торчат,

Стена так высока... Как можно ночью темной

Итти дорогою такой головоломной?

Но жизнью он своей пожертвовать готов,

Чтобы оставить мне букет моих цветов!

В последний раз, его подарок обнаружив,

Я над моей скамьей нашла обрывок кружев —

Висел на острие, весь кровью залитой...
И я его сняла. О, капля крови той,
Упавшей за меня, всех слез моих дороже.

(Погружаясь в мечтанья)

Но помощи твоей я лишена, о боже!
Он каждый раз кладет цветы мне на скамью —
И я беру цветы... и клятву в том даю,
Что я в последний раз подобный грех свершаю.
И каждый раз клянусь — и клятву нарушаю!
И сила тайная влечет туда меня.
Он ранен. Он туда не приходил три дня.
Но кто бы ни был ты, о друг мой неизвестный,
Ты понял, что я здесь — как птица в клетке тесной,
Что в одиночестве печален мой удел.
Мой верный тайный друг! Меня ты пожалел.
Не хочешь ничего, не требуешь, не просишь —
И только кровь свою мне в жертву ты приносишь,
Чтобы дарить цветы, опасности презрев,
Несчастнейшей из всех несчастных королев.
Ты следуешь за мной во мраке верной тенью —
И сердцем я судьбы подвластна повелению.
Пусть матери твоей любовь тебя хранит
И жизнь твою — моя молитва осенит.

(Горячо, поднеся руку к сердцу)

Вот здесь его письмо. Оно меня сжигает...

(Снова погружаясь в задумчивость)

Судьба гнетет меня — и тут же помогает.
Так странно! В жизни мне она послала двух:
Один — злой гений мой, другой — мой добрый дух.
Я ощущаю их присутствие, не видя.
Один — любя меня, другой же — ненавидя,
Но оба здесь они, со мной везде, всегда.
Чего мне ждать от них? Погубит ли вражда
Или спасет любовь? Не знаю, все возможно.
Быть королевою — о, как это ничтожно!
В молитве помощь я попробую найти.

(Опускается на колени перед мадонной.)

О мать божия, спаси и просвети.
Склони ко мне свой взор, о пресвятая дева!

К тебе поднять глаза не смеет королева.

(Прерывает молитву.)

Цветок, письмо его — жгут горячей огня!

(Порывисто достает из-за корсажа измятое письмо, засохший букет из маленьких голубых цветочков и кусочек кружева, запачканный кровью, и бросает все это на стол; затем снова опускается на колени.)

О, помоги!

(Прерывает молитву.)

Письмо!..

(Наполовину обернувшись к столу)

Оно влечет меня.

(Снова опускается на колени.)

Надежда страждущих! Звезда морей! Мария! —

Нет, не хочу читать те строки роковые. —

Тебя господь послал всем страждущим сестрой.

О, пощади меня, спаси меня, укрой!

(Встает, делает несколько шагов к столу, останавливается, затем бросается к письму, словно уступая неудержимому влечению.)

Прочесть в последний раз — и разорвать!

(С грустной улыбкой)

О боже,

Уж месяц говорю я все одно и то же!

(Решительно разворачивает письмо и читает.)

«У ваших ног во тьме томится человек,

Что отдал душу вам и жизнь свою навек.

Неведомый для вас и тайной окруженный,

Страдает земляной червяк, в звезду влюбленный;

И умирает он, поверженный во прах,

Смотря, как ярко вы блестите в небесах».

(Кладет письмо на стол.)

Но если в вас душа иссохла от томленья,

То — что бы ни было — ей нужно утоленье

Пусть это будет яд — не оттолкну питья.

(Снова прячет письмо и кружево у себя на груди.)

Но ведь кого-нибудь любить должна же я!

Когда б хотел король, его б любить могла я.

Но уезжает он, одну меня бросая, —
И я совсем любви и ласки лишена.

Обе створки большой двери распахиваются. Входит привратник
в парадной одежде.

П р и в р а т н и к
(громко)

Письмо от короля!

К о р о л е в а
(как бы внезапно разбуженная, с криком радости)
Мой бог! Я спасена!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Королева, герцогиня Альбукеркская, Касильда,
дон Гуритан, придворные дамы, пажи, Рюи Блаз. Все входят
торжественно. Герцогиня во главе, потом придворные дамы.
Рюи Блаз остается в глубине комнаты. Он роскошно одет. Плащ
падает на его левую руку, прикрывая ее. Два паж, несущие на по-
душке из золотой парчи письмо короля, опускаются на колени перед
королевой, на некотором расстоянии от нее

Р ю и Б л а з
(в глубине, в сторону)

Где я? — Как хороша! — Я здесь! Что это — чудо?

К о р о л е в а
(в сторону)

Бог спас меня.

(Громко)
Письмо от короля! Откуда?

Г е р ц о г и н я
В Аранхуэсе он сейчас.

К о р о л е в а
(оборачиваясь к портрету короля, тихо)

О мой король,
Благодарю тебя! Ты понял сердца боль,
Ты понял наконец, как я здесь одинока,

Как ласка мне нужна, — и вот, хоть издалека,
Все ж получила я любви твоей слова!

(Громко)

Скорее дайте!

Герцогиня
(с глубоким реверансом)

Я должна прочесть сперва, —
Так принято.

Королева

И тут не избежать надзора!
Читайте же скорей.

Герцогиня берет письмо и медленно его разворачивает.

Касильда
(в сторону)
Послушаем...

Герцогиня
(читает)

«Сеньора,
Сегодня ветрено. Я шесть волков убил».
И подпись: «Карл, король».

Королева
(в сторону)

Увы!

Касильда
(в сторону)

Вот страстный пыл!
Пусть сердце мучилось, терзалось, тосковало, —
«Я шесть волков убил»!

Дон Гуриган
(герцогине)

И это все?

Герцогиня

Вам мало?

(Королеве, поднося ей письмо)

Угодно вам?

Королева
(отталкивая ее)

О нет!

Касильда
(герцогине)

И это все? Мой бог!

Герцогиня

Чего же вам еще? Простой и ясный слог.
С охоты трудно ждать письма иного рода.
Тут все: и что убил и какова погода.

(Снова рассматривая письмо)

Писал он... Впрочем, нет — письмо он диктовал.

Королева
(вырывая у нее письмо и в свою очередь его рассматривая)
Да, почерк не его; он только подписал.
(Рассматривая письмо еще внимательнее, внезапно чем-то
поражена; в сторону)

Не может это быть игрой воображенья!
Мне почерк хорошо знаком: тут нет сомненья.

(Герцогине)

А кто привез письмо от короля?

Герцогиня
(указывая на Рюи Блаза)

Курьер

Его величества.

Королева
(полуобернувшись к Рюи Блазу)
Вот этот кавалер?

Герцогиня

Да. К вам его король на службу назначает.
Маркиз де Санта-Крус его мне поручает.

Королева

А как его зовут?

Герцогиня

Дон Цезарь де Басан,
Граф де Гарòфа. Он из молодых дворян;
Коль верить отзывам, умен и безупречен.

Королева

Я с ним поговорю.

(Рюи Блазу)

Вы...

Рюи Блаз

(вздвoгнув, в сторону)

Ею я замечен!

Она меня зовет! О боже, я дрожу.

Герцогиня

(Рюи Блазу)

Приблизьтесь, граф!

Дон Гуритан

(в сторону, искоса глядя на Рюи Блаза)

Но я совсем не нахожу,

Что нужен при дворе нам молодой повеса.

И так красив собой!

Рюи Блаз, бледный и взволнованный, медленно приближается.

Королева

(Рюи Блазу)

Вы из Аранхуэса?

Рюи Блаз

(с поклоном)

Да, государыня.

Королева

Король здоров?

Рюи Блаз

(с поклоном)

Вполне.

Королева

(указывая ему на письмо короля)

Он диктовал письмо?

Рюи Блаз

Да. Был он на коне.

(Колеблется одно мгновение.)

Письмо продиктовал он... одному из свиты.

Королева

(в сторону, глядя на Рюи Блаза)

Как будто мысли все мои ему открыты:

Боюсь спросить, кому...

(Громко)

Вы можете идти. —

Постойте!

Рюи Блаз, сделав несколько шагов по направлению к выходу, возвращается к королеве.

Много там придворных с ним в пути?

(В сторону)

Волненья своего сама не понимаю.

Рюи Блаз низко кланяется.

Кто был при короле?

Рюи Блаз

Я их имен не знаю.

Мадрид покинул я тому назад три дня,

А там король совсем не задержал меня.

Королева

(в сторону)

Три дня!

(Пристально и с большим волнением смотрит на Рюи Блаза.)

Рюи Блаз

(в сторону)

О! Ревность — яд! Она — жена другого!

Я в бездну падаю!

Дон Гури тан
(подходя к Рюи Блазу)

Сеньор, всего два слова:
Распоряжения я во дворце даю.
Вы, верно, знаете обязанность свою?
Вам ночью предстоит дежурить здесь, у входа
К ее величеству, и в случае прихода
Его величества — открыть к ней в спальню дверь.

Рюи Блаз
(вздрагнув, в сторону)

Мне — королю открыть?

(Громко)

Но он не здесь теперь.

Дон Гури тан

Приехать может в ночь — и нужен тут дежурный.

Рюи Блаз
(в сторону)

Мой бог!

Королева
(которая все слышала и не может оторвать взора от Рюи
Блаза; в сторону)

Он побледнел.

Дон Гури тан
(в сторону, наблюдая за Рюи Блазом)

Что с ним?

Касильда
(королеве)

Сеньору дурно!

Рюи Блаз
(едва держась на ногах)

Мне? Что вы! Дурноты не знал я никогда.
Но странно... Солнце... зной... и быстрая езда...

(В сторону)

Мне — королю открыть!

(Падает без сил в кресло. Плащ соскальзывает и открывает левую руку в окровавленной повязке.)

К а с и л ь д а

Его рука в повязке!

Он ранен!

К о р о л е в а

Ранен?

К а с и л ь д а

Ах! Отхлынули все краски
С лица. Скорей, скорей! Лишился чувства он.
Понюхать что-нибудь!

К о р о л е в а

(ища за корсажем)

Вот у меня флакон.

(Замечая кружевную манжету на правой руке Рюи Блаза)

Он! Это кружево... Да, да, одно и то же.

Он!

(Вынимает из-за корсажа флакончик и одновременно, в своем волнении, вытаскивает кусочек кружева, который был там спрятан.)

Р ю и Б л а з, не спускающий глаз с королевы, видит это кружево у нее на груди.

Р ю и Б л а з

(потрясенный, в сторону)

На ее груди! Пошли мне смерть, о боже!

Их взгляды встречаются. Молчание. Придворные дамы хлопочут вокруг Рюи Блаза, и в общем смятении никто не замечает происходящего между королевой и Рюи Блазом.

К а с и л ь д а

(протягивая Рюи Блазу флакон с солями)

Когда вы ранены? Недавно? Нет? В пути
Раскрылась рана вновь? Зачем взялись везти
Письмо?

К о р о л е в а

(Касильде)

Ты утомить расспросами успела.

Герцогиня
(Касильде)

Ее величеству до этого нет дела.

Королева

Он мог взять письмо, раз он его писал!
Не правда ль?

Касильда

Он писал? Кто это вам сказал?

Королева
(Касильде)

Молчи!

Касильда

Вам лучше, граф?

Рюи Блаз

Ко мне вернулись силы,

Я ожил.

Королева
(придворным дамам)

Но идти нам время наступило.
В назначенный покой пусть графа отведут.

(Пажам, стоящим в глубине)

Его величество не будет нынче тут:
Охотиться в горах намерен он все лето.

(Удаляется со своей свитой во внутренние покои.)

Касильда
(глядя ей вслед)

Она взволнована. Хотела б знать — что это?
(Уходит в ту же дверь, что и королева, унося ларец с реликвиями.)

Рюи Блаз, оставшись один, как будто еще некоторое время с глубокой радостью прислушивается к последним словам королевы. Он точно во власти сновидения. Кусочек кружева, который королева в своем смятении уронила, остался лежать на ковре. Рюи Блаз поднимает его, смотрит на него с любовью и покрывает его поцелуями. Потом устремляет глаза к небу.

Р ю и Б л а з

О боже мой, молю — мой разум пощади!

(Глядя на кружево)

Тот лоскуток она хранила на груди!

(Прячет кусок кружева у себя на груди.)

Входит дон Гури т а н. Он возвращается через ту же дверь, через которую проследовал за королевой. Медленно приближается к Рюи Блазу. Дойдя до него, он, не говоря ни слова, вытягивает наполовину свою шпагу из ножен и на глаз сравнивает ее со шпагой Рюи Блаза. Они разной длины. Он засовывает свою шпагу в ножны. Р ю и Б л а з смотрит на него с удивлением.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Р ю и Б л а з, дон Гури т а н.

Д о н Гури т а н

Две шпаги принесу — таких, чтоб каждый атом
Совпал.

Р ю и Б л а з

Как вас понять?

Д о н Гури т а н

В году пятидесятом

Жил в Аликанте я и сильно увлечен

Был дамою одной. В нее же был влюблен

Прелестный юноша, красивей херувима.

Случалось, что юнец, любовью томимый,

Ей серенады пел и провожал в собор.

Он был побочный сын, но истинный сеньор.

Звался он Васькесом. Глядел надменно, смело,

Как адмирал морской. Но кровь во мне вскипела —

И я его убил.

Р ю и Б л а з хочет его прервать, дон Гури т а н останавливает его жестом и продолжает.

А в шестьдесят шестом

Граф Кастехон посмел прислать письмо с рабом

Моей возлюбленной. Записку Анхелика

Мне тотчас отдала. Той дерзости великой

Я не простил ему — велел своим рабам
Убить его раба. Его ж убил я сам.

Р ю и Б л а з

Сеньор!

Д о н Г у р и т а н
(продолжая)

Еще поздней — уже в восьмидесятом —
Моя любовница сошлась с блестящим фатом.
Дон Тирсо Гамональ был истый Аполлон.
Я помню как сейчас: божественно сложен,
Прекрасные черты полны высокомерья...
Как шли к нему и плащ и на сомбреро перья!
Соперник славный был дон Тирсо Гамональ.
И я его убил. Мне было очень жаль.

Р ю и Б л а з

Что значит это все, сеньор?

Д о н Г у р и т а н

А так ведется,
Что воду доставать нам нужно из колодца,
Что солнце над землей восходит по утрам,
Что за часовнею местечко есть — и там
В уединении удобно, несомненно,
По добрым правилам, с учтивостью отменной,
Суметь соперника отправить на тот свет.

Р ю и Б л а з

Сеньор, я буду там.

За несколько мгновений до этого К а с и л ь д а, побуждаемая любопытством, вошла неслышными шагами через маленькую дверь в глубине; она слушала последние слова собеседников, не будучи ими замечена.

К а с и л ь д а
(в сторону)

Дуэль! Сомнения нет!
Скорей предупредить мне королеву нужно.
(Уходит в ту же дверь.)

Дон Гури тан
(попрежнему невозмутимый)

Вам к сведенью, сеньор: коль будет вам досужно
И пожелаете узнать мой вкус и нрав,
Я откровенно вам скажу, любезный граф,
Что я не жалую красавчиков, которых
Так любят женщины, — что, с томностью во взорах,
Готовы в обморок упасть — ах, боже мой! —
Из-за какой-нибудь царапины пустой.

Р ю и Б л а з

Не понимаю вас.

Дон Гури тан

Поймете все чудесно.
Здесь, во дворце, вдвоем нам будет слишком тесно.
Обоим должности придворные даны,
Права равны у нас, но силы не равны:
Мне — право старшинства, вам — молодости право.
И за себя теперь я опасуюсь, право.
Мне страшны смелый взгляд и жадные уста.
Я должен соблюдать умеренность поста,
И потому, сказать по правде, за обедом
Я вовсе не люблю сидеть с таким соседом,
Чей славный, молодой, здоровый аппетит
Всю трапезу мою испортить мне грозит.
На почве же любви, неверной и зыбучей,
Бороться — мне грозит бедою неминучей.
На щегольскую речь всегда бывал я скуп.
Подагра у меня. Я не настолько глуп,
Чтобы соперничать с подобным кавалером,
Неподражаемым по тону и манерам,
Который в обществе к тому ж всегда готов
В глубокий обморок упасть от пустяков.
И потому, что вы изящны, и прелестны,
И очень вежливы, и очень интересны, —
Я должен вас убить.

Р ю и Б л а з

Попробуйте.

Дон Гури т а н

Итак,

Едва рассеяться успеет ночи мрак,
Мы за часовнею сойдемся с вами вместе,
И без свидетелей, по всем законам чести,
С учтивостью — как нам велит наш знатный род —
Один из нас врага достойного убьет.

(Протягивает Рюи Блазу руку, которую тот пожимает.)

Р ю и Б л а з

Ни слова никому.

Дон Гури т а н знаком выражает согласие.

До завтра.

(Уходит.)

Д о н Г у р и т а н

(один)

Как спокоен!

Не дрогнула рука! По правде, граф достоин
Быть мне соперником: так смело смерти ждет.
Мне, право, жаль его.

В маленькой двери, ведущей в покои королевы, со звоном поворачивается ключ

Но кто сюда идет?

Дверь отворяется, и входит королева Она быстро направляется к дон Гури тану, удивленному и восхищенному ее появлением В руках она держит ларец

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Гури т а н, королева.

К о р о л е в а

(с улыбкой)

А! Вас, дон Гури тан, искать сюда пришла я.

Д о н Г у р и т а н

(восторженно)

Что это счастье дает мне?

Королева
(ставя ларец на столик)

Вещь пустая:
Но легкомысленны все женщины, сеньор!
(Смеется.)

Сейчас с Касильдой мы вступили в жаркий спор:
Она клялась, что вы исполнить всё готовы,
Что я ни захочу.

Дон Гуриган
Она права.

Королева
(смеясь)

Ну, что вы!
А я сказала: нет.

Дон Гуриган
Напрасно.

Королева
Мне она
Клялась, что жизнь, и кровь, и душу — все сполна
Вы отдали бы мне, когда б я попросила.

Дон Гуриган
Касильда на сей раз прекрасно говорила.

Королева
Я ей сказала: нет.

Дон Гуриган
А я скажу вам: да.
И я для вас готов, готов на все, всегда.

Королева
На все?

Дон Гуриган
О да, на все!

К о р о л е в а

Вот как? Так поклянитесь
Исполнить мой приказ, мой милый верный витязь.

Д о н Г у р и т а н

Свидетель мне Гаспар, небесный мой патрон:
Малейший ваш каприз, сеньора, мне закон.
Приказывайте мне, что только вам угодно, —
Исполню иль умру! Я раб ваш.

К о р о л е в а

Превосходно.

(Беря в руки ларец)

Ловлю вас на слове — и порученье дам.
Но только, милый граф, придется ехать вам
Без замедления в далекую прогулку
И в Нейбург отвезти заветную шкатулку.

Д о н Г у р и т а н

(в сторону)

Я пойман!

(Громко)

В Нейбург?

К о р о л е в а

Да. Желание мое —

Послать ее отцу.

Д о н Г у р и т а н

Шестьсот хороших лье...

К о р о л е в а

Нет, с небольшим пятьсот.

(Показывая на шелковый чехол, надетый на ларец)

Везите осторожно:

В дороге бахрому легко попортить можно.

Д о н Г у р и т а н

Когда же ехать мне?

К о р о л е в а

Немедленно. Сейчас.

Дон Гури тан

Пусть завтра!

Королева

Не могу освободить я вас.

Дон Гури тан

Но...

Королева

Что ж? Вы едете?

Дон Гури тан

Но...

Королева

Вы мне дали слово!

Дон Гури тан

Мои дела...

Королева

Нет, нет!

Дон Гури тан

Для пустяка такого...

(В сторону)

Я пойман!

(Громко)

День один отсрочки я прошу.

Королева

Нельзя.

Дон Гури тан

Но я...

Королева

Скорей послать ларец спешу.

Дон Гури тан

Я...

Королева

В путь!

Дон Гури тан

Но я...

Королева

Нет.

Дон Гури тан

Я...

Королева

Хотите — поцелую?

(Бросается ему на шею и целует его)

Дон Гури тан

(растроганный и восхищенный, громко)

Что ж! Должен оправдать награду я такую!

(В сторону)

Да, если на земле стал человеком бог,

То дьявол женщиной не сделаться не мог.

Королева

(указывая на окно)

Карета ждет внизу.

Дон Гури тан

(в сторону)

Гм! Все предусмотрела!

Ну, значит, отложить придется это дело

До возвращения.

Королева

Садитесь в экипаж.

Дон Гури тан пишет несколько слов на листке бумаги и звонит
в колокольчик. Входит паж.

Дон Гури тан

(в сторону)

Дуэль отложим мы. Но я вернусь.

(Громко)

Эй, паж!

Записку ты снесешь сеньору де Басану.

К о р о л е в а

Что ж?

Д о н Г у р и т а н

Государыня, откладывать не стану
Ни на секунду я отъезда моего.

К о р о л е в а

Прекрасно! Добрый путь!

Д о н Г у р и т а н берет шкатулку, целует руку королеве, низко кланяется и уходит. Через мгновение слышен стук отъезжающего экипажа. К о р о л е в а падает в кресло.

Он не убьет его!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

РЮИ БЛАЗ

Так называемый Государственный зал в мадридском королевском дворце. В глубине — широкая дверь, к которой ведут несколько ступеней. Налево срезанный угол, завешенный тканым ковром. В противоположном углу окно. Справа четырехугольный стол, покрытый скатертью зеленого бархата, вокруг него расставлено восемь или десять табуретов, соответственно такому же количеству пюпитров на столе. С противоположной зрителям стороны стола стоит большое парчовое кресло с парчовым балдахином, который украшен испанским гербом и короной. Рядом с этим креслом — стул.

В момент поднятия занавеса Королевский тайный совет начинает свое заседание.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Мануэль Ариас, президент Кастилии; дон Педро Велес де Гевара, граф де Кампореаль, советник «плаща и шпаги» в счетной палате; дон Фернандо де Кордова-и-Агилар, маркиз де Приэго, в том же звании; Антонио Убилья, контролер государственных доходов; Монтазго, судейский советник палаты по делам обеих Испаний; Коваденга, верховный секретарь островов; несколько других советников. Судейские одеты в черное, остальные — в придворных одеждах. У Кампореаля на плаще — крест ордена Калатравы; у Приэго на шее — цепь Золотого Руна. Дон Мануэль Ариас, президент Кастилии, и граф де Кампореаль разговаривают между собой вполголоса на переднем плане. Остальные советники образуют группы там и сям.

Дон Мануэль Ариас

Я в жизни не видал подобного примера.

Граф де Кампореаль

Да. Неожиданно блестящая карьера!

Полгода при дворе — и Золотым Руном

Уже он награжден, и получил притом
Он титул герцога и занял пост министра...

Дон Мануэль Ариас

И статс-секретаря! Непостижимо быстро.
Я этому причин, по правде, не найду.

Граф де Кампореаль

Здесь закулисные влияния в ходу.

Дон Мануэль Ариас

(таинственно)

Она?

Граф де Кампореаль

Да, наш король уехал из столицы;
В Эскуриале дни проводит у гробницы
В общенье с первою, умершею женой.
Он остается там, безумный и больной.
От мира он ушел, за мрачными стенами
Отрекся от всего.

Дон Мануэль Ариас

Мария правит нами,
Но все решения Басан диктует ей.

Граф де Кампореаль

Я не могу понять дон Цезаря путей,
И их таинственность почти меня пугает.
Он с ней не видится и встречи избегает.
А, вам не верится! Но нет, я вам скажу:
За каждым шагом их полгода я слежу.
Да, странности его границы переходят:
Вне службы жизнь свою затворником проводит,
В предместье маленький он занимает дом.
И окна ставнями всегда закрыты в нем.
С ним двое черных слуг немых.

Дон Мануэль Ариас

Немых?

Граф де Кампореаль

Как рыбы;
Не то мы многое узнать от них могли бы.
Здесь во дворце его официальный штат.

Дон Мануэль Ариас

Да, странно.

Дон Антонио Убилья
(подошедший к ним)

Род его и знатен и богат.

Граф де Кампореаль

Всего страннее то, что возымел затею
Он строгий честностью прославиться своею.

(Дон Мануэлю Ариасу)

Он долго не был здесь. Остался б он в тени,
Но Санта-Крус его извлек. Ему сродни
Саллюстий де Басан, погасшее светило.
Дон Цезарь, говорят, был страшный мот, кутила:
В три года прожил он огромный капитал;
Любовниц каждый день, как лошадей, менял;
И аппетит его так жаден был не в меру,
Что мог бы проглотить он все богатства Пёру.
Потом он вдруг исчез, неведомо куда,
На целых десять лет.

Дон Мануэль Ариас

Что делают года!

Он стал персоною и мудрою и важной.

Граф де Кампореаль

Неудивительно для женщины продажной,
Состарясь, стать ханжой.

Дон Антонио Убилья

Он честен.

Граф де Кампореаль

(смеясь)

Вот простак!

Здесь честности нельзя поверить нам никак.
Известно ль вам, мой друг, во сколько содержанье
Ее величества обходится Испанье?

(Делая ударение на цифре)

Считая в золоте, без малого — мильон!

Тут золотое дно — и допустить, чтоб он
Не пожелал ловить в водиче мутной рыбку?

Маркиз де Приэго
(*вмешиваясь в разговор*)

Неосторожно вы впадаете в ошибку;
И можно болтовней наделать много бед.
Мне часто говорил еще покойный дед —
В его словах была большая мудрость скрыта:
«Кусайте короля — целуйте фаворита».
Однако нам пора приняться за дела.

Все располагаются вокруг стола; одни берутся за перья, другие просматривают бумаги. Но вообще у всех праздное настроение. Молчанье.

Монтазго
(*тихо, Убилье*)

Напомню: выдача обещана была
Мне из церковных сумм. Внести немало надо,
Чтобы племяннику устроить пост алькада.

Дон Антонио Убилья
(*тихо*)

А вы должны судьи местечко мне помочь
Кузену раздобыть.

Монтазго
(*повышая голос*)

Но так недавно дочь
Вы замуж выдали, и все еще вам мало?
Ее приданое недешево нам стало.
Помилосердствуйте! Не справлюсь с этим я.

Дон Антонио Убилья
(*тихо*)

Ну, будет вам алькад.

Монтазго
(*тихо*)

И будет вам судья.

Жмут руки друг другу.

К о в а д е н г а
(вставая)

Почтеннейший совет, мы здесь во всем составе
И дел общественных откладывать не вправе.
И более всего в виду иметь должны
Мы благоденствие народа и страны.
В Испании еще доходов много, верно,
Но разделяются они неравномерно
И распыляются на тысячи частиц.
Они находятся в руках отдельных лиц.
Сеньоры, верьте мне, такое состоянье
Весьма критическим быть может для Испании.
Нам надо привести все в ясность, но сперва
Должны мы знать свой долг и разделить права.
Иначе — у одних избыток, изобилье,
А у других совсем нет ничего. Убийля!
Достался, например, вам на табак акциз.
Вам — мускус, индиго и пряности, маркиз.
Вы, граф... вам платят дань — не много и не мало —
Семь тысяч человек, что вам не помешало
Себе взять пошлину на соль, не говоря
О доле с золота, с агата, с янтаря.

(К Монтazgo)

А вы, что на меня глядите так тревожно,
Сумели получить так тонко, осторожно
И пошлину на снег и право на мышьяк;
Вы обеспечили себе искусно так,
Всегда идя путем известных ухищрений,
Доход с игральных карт и денежные пепи,
В замену палочных ударов, с горожан,
И пограничный сбор таможенный вам дан;
Имеете процент вы с каждого причала,
С ванили пошлину и пошлину с сандала.
Помилуйте, у вас латунь, у вас свинец..
Так дайте что-нибудь и мне же наконец!

Г р а ф д е К а м п о р е а л ь
(шумно смеясь)

Ох, этот старый плут, он славно знает дело!
Все острова давно в его руках всецело,
И, правую рукой Майорку ухватив,

Рукою левою он держит Тенериф.
Какой размах!

К о в а д е н г а
(разгорячась)

Нет, нет, я обойден!

М а р к и з д е П р и э г о
(смеясь)

Без жалоб!

А негры?

Все вскакивают с мест, и каждый старается перекричать других.

М о н т а з г о

Обо мне вам вспомнить не мешало б:
Я требую леса!

К о в а д е н г а
(маркизу де Приэго)

Поделим пополам:
Отдайте мне мышьяк — я негров вам отдам!

За несколько мгновений до этого через дверь в глубине вошел Рю и Б л а з; он следит за происходящим, не будучи замеченным. На нем — черный бархатный костюм и плащ из алого бархата; на шляпе белое перо; на шее цепь ордена Золотого Руна. Некоторое время он слушает молча, потом медленно приближается и в самый разгар спора появляется среди советников.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Рю и Б л а з.

Р ю и Б л а з

Приятный аппетит, сеньоры!

Все оборачиваются. Удивленное и встревоженное молчание. Рю и Б л а з надевает шляпу, скрещивает руки на груди и продолжает, глядя им прямо в лицо.

О, прекрасно!

Так вот правители Испании несчастной!
Министры жалкие, вы — слуги, что тайком
В отсутствие господ разворовали дом!

И вам не совестно, в дни грозные такие,
Когда Испания рыдает в агонии,
И вам не совестно лишь думать об одном —
Как бы набить карман и убежать потом?
Гробокопатели, которые решили
Ограбить родину, как грабят труп в могиле!
Позор! Имейте же хоть каплю вы стыда!
Испания была прекрасна и горда,
Ее владения во всех морях простерты, —
И что же? Гибнет все: уже Филипп Четвертый
Успел в Бразилии свою утратить власть,
И Португалии позволил он отпасть.
Он отдал без войны и без сопротивления
В Эльзасе все свои испанские владенья,
Конте и Русильон. Он выпустил из рук
Край Синих гор, Гоа, Ормуз и Фернамбук.
Смотрите, утратить подобные богатства!
Европа ненависть сменяет на злорадство,
И запад и восток хохочут все кругом,
Как будто ваш король — ничтожнейший фантом!
С голландцами уже совместно англичане
Раздел Испании задумали заране.
Савойя с герцогом своим давно полна
Опасных пропастей, где не увидеть дна.
Куда ни кинемся — нас ждут повсюду бездны.
Иллюзии для нас давно уж бесполезны.
С Пьемонтом, например, как будто мы дружим —
Но армию послать попробуйте-ка к ним!
Нам изменяет Рим, надежды нет на папу,
К нам жадно Австрия протягивает лапу,
А Франция лишь ждет, когда наступит час,
Чтоб легче проглотить ей можно было нас.
А между тем инфант баварский умирает:
Трон остается пуст. Европа это знает.
А те наместники, те вице-короли,
Что разослали вы по всем концам земли?
Что делают они в им вверенных столицах?
Давно в Неаполе стал притчей во языцех
Медина бешеный, своей любовью пьян.
Спокойно Водемон распродает Милан,
Леганьес — Фландрию. Предательство, коварство!
Как этому помочь? Нищает государство;

Ни войск, ни денег нет, понес потери флот.
На море божий гнев невидимо растет:
Мы триста кораблей недавно потеряли.
А вы... Опомнитесь, сеньоры, не пора ли?
За эти двадцать лет несчастный наш народ, —
Я точно подсчитал, — неся тяжелый гнет
И вашей жадности и варварских законов,
Он выжал из себя почти пятьсот миллионов
На ваши празднества, на женщин, на разврат.
И всё еще его и грабят и теснят?
О, стыдно мне за вас, почтеннейшие гранды!
По всей Испании сейчас блуждают банды,
Поля и нивы жгут, где жатва не снята,
И карабин торчит из каждого куста.
Как будто мало нам войны международной,
Как будто гражданам всем воевать угодно!
Монастыри, и те воюют меж собой,
И город с городом вступает в жаркий бой,
И каждый хочет съесть и проглотить соседа,
Как жаждет воронье кровавого обеда.
В развалинах церквей ужи приют нашли,
И паперти везде травкою заросли.
Дворянство? У него остались только предки,
Но личных подвигов примеры очень редки.
Испания — отвод и сток для нечистот,
Которые в нее Европа щедро льет.
Отряд наемников у каждого сеньора,
Из разных стран чужих головорезов свора —
Фламандцев, сардов там, швейцарцев легион,
Сто разных языков: в Мадриде — Вавилон!
Жестоки с беднотой несчастной альгвасилы,
Зато с богатыми необычайно милы.
Убийство, грабежи и крики по ночам.
Недавно на мосту я был ограблен сам.
Продажны судьи все, и голодны солдаты;
Они уже давно не получают платы.
Неудивительно — повсюду воровство!
Гордились силой мы оружия своего —
Какие же войска остались у испанцев?
Мы можем насчитать шесть тысяч оборванцев:
Евреи, нищие и горцы, всякий сброд;
Лохмотья — их мундир, с ножом идут в поход.

Когда все в городе полночным мраком скрыто,
Вмиг превращается такой солдат в бандита.
У Маталобоса войска везде кругом,
И вор ведет войну с испанским королем,
И безнаказанно по деревням крестьяне
Карету короля встречают залпом брани.
А он, несчастный наш и мрачный властелин,
В Эскуриале он — средь мертвецов один
Склоняет голову в отчаянье и страхе,
А перед ним лежит Испания во прахе.
Европа на нее пятою налегла,
Она растерзана, разорена дотла,
В лохмотьях пурпур весь... А вы, к добыче падки,
Вы делите ее последние остатки;
Великий же народ во мраке, в темноте, —
Над кем живете вы, красуясь в высоте, —
Кончает жизнь свою, несчастный и бессильный,
Как лев, кого живьем сжирает червь могильный!
Карл Пятый, где же ты? Явись, проснись, восстань!
В годину тяжкую, как гром небесный, грянь!
Все гибнет, рушится, судьба грозит утратой
Последних наших сил. На помощь к нам, Карл
Пятый!

Нам нужен разум твой, рука твоя нужна!
Испанья при смерти, она обречена!
Как солнце яркое была твоя держава,
Что ты сжимал своей десницей величавой,
И верил целый мир, на блеск ее смотря,
Что из Испании встает его заря.
Но видим мы ее погаснувшим светилом,
Лишенным яркости, печальным и унылым,
В последней четверти чуть видною луной,
Которую затмит заря страны иной.
Прекрасные лучи блистающего солнца
Пустили торгаши на пьестры и червонцы,
Блеск роскоши твоей поруган и исчез,
Украли скипетр твой и продают на вес.
Проснись же! Карлики, уроды, обезьяны
Из царской мантии кроют себе кафтаны,
А царственный орел, сильнейший из орлов,
Чьи крылья при тебе, как пламенный покров,

Над миром мощь свою по небу распахнули,
Ощипан, варится в их мерзостной кастрюле!

Советники молчат, подавленные. Только маркиз де Приэго и граф де Кампореаль поднимают головы и гневно смотрят на Рюи Блаза. Затем граф де Кампореаль, поговорив с маркизом де Приэго, подходит к столу, пишет несколько слов на листе бумаги, подписывается и дает подписать маркизу.

Граф де Кампореаль
(указывая на маркиза де Приэго, протягивает бумагу
Рюи Блазу)

Возьмите труд прочесть. Прошение подаем
Об увольнении в отставку мы вдвоем.

Рюи Блаз
(принимая бумагу, холодно)

Благодарю. И вас прошу без замедленья,
Взяв семьи, выехать на юг, в свои именья.

Оба гранда отвешивают поклон и гордо удаляются с покрытыми головами. Рюи Блаз оборачивается к остальным советникам.

Сеньоры, тех, кому не по пути со мной, —
Просил бы поступить я так же.

Молчание среди присутствующих. Рюи Блаз садится на стул со спинкой, находящийся справа от королевского кресла, и распечатывает письма. В то время как он просматривает их одно за другим, Коваденга, Ариас и Убиля обмениваются вполголоса несколькими фразами.

Дон Антонио Убиля
(Коваденге, указывая на Рюи Блаза)

Милый мой,
Нашелся человек, что быть вождем сумеет.
Великим будет он!

Дон Мануэль Ариас
Да... если он успеет.

Коваденга

И если чересчур вникать не будет в суть.

Дон Антонио Убиля
В нем зреет Ришелье!

Дон Мануэль Ариас

Он выбрал трудный путь.

Рюи Блаз

(быстро пробежав письмо, которое он только что вскрыл)

Я прав! Вот заговор! Без подписи записка.

(Читает вслух)

«Опасность велика, осуществление близко.

В Мадриде уж давно готовится комплот,

И похищение одну особу ждет!

Усильте же надзор». Надзор усилим вдвое.

Но кто в опасности?

Входит привратник; он приближается к Рюи Блазу с глубоким поклоном.

Что там еще такое?

Привратник

Угодно ль вам принять французского посла?

Рюи Блаз

Д'Аркура? Не могу: другие есть дела.

Привратник

(с поклоном)

Имперский нунций здесь и просит неотложно
Аудиенции.

Рюи Блаз

Сегодня — невозможно.

Привратник с поклоном уходит. За несколько мгновений до этого вошел паж, одетый в ливрею огненного цвета с серебряными галунами, и приблизился к Рюи Блазу.

Рюи Блаз

(заметив пажа)

Мой паж! — Я никого сегодня не приму.

Паж

(тихо)

Тут ждет дон Гуритан — что мне сказать ему?

Прибыв из Нейбурга, он ждет у вас приема.

Р ю и Б л а з
(с жестом удивления)

А! Завтра целый день с утра я буду дома.
В какой угодно час приму его визит.

П а ж уходит.

Сеньоры, перерыв! Но дело предстоит,
И через два часа прошу опять собраться.

Все уходит, низко кланяясь Рюи Блазу. Оставшись один, он делает несколько шагов по комнате, погруженный в глубокое раздумье. Внезапно в углу ковра портьера раздвигается, и появляется королева во всем белом, с короной на голове; она сияет радостью и устремляет на Рюи Блаза взгляд, полный восхищения и уважения. Одной рукой она поддерживает портьеру, за которой виднеется нечто вроде чулана и в глубине его — маленькая дверь. Рюи Блаз, обернувшись, замечает королеву и замирает при виде ее.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Р ю и Б л а з, королева.

К о р о л е в а

Как вас благодарить?

Р ю и Б л а з

О!

К о р о л е в а

Не могу сдержаться

И руку честную должна пожать, мой друг.

(Быстро подходит к нему и берет его за руку, которую пожимает прежде, чем он успевает ее отнять.)

Р ю и Б л а з
(в сторону)

Полгода от нее скрывался я — и вдруг...

(Громко)

Как, государыня, вы здесь?

К о р о л е в а

Сверх ожидания
Присутствовала я при вашем совещанье —

И я вас слушала, дыханье затая,
Всем сердцем, всей душой!

Р ю и Б л а з

Но и не думал я,
Что здесь — тайник.

К о р о л е в а

О нем лишь мне одной известно,
В стене проделан он: из этой щели тесной,
Невидимо для всех, от глаз людских вдали,
За всем могли следить в Испанье короли.
Тайник устроен был еще Филиппом Третьим;
Супруг мой, Карл Второй, воспользовался этим.
Я видела не раз, как, мрачен и угрюм,
Безмолвно погружаясь во власть тяжелых дум,
Он слушал здесь своих министров разговоры,
И всю бесстыдную торговлю их, и споры,
И соглашения, как продавать его.

Р ю и Б л а з

И что ж он говорил при этом?

К о р о л е в а

Ничего.

Р ю и Б л а з

Как! Что же делал он?

К о р о л е в а

Он ехал на охоту
И отгонял там прочь гнетущую заботу.
Но вы!.. О, ваша речь звучит в моих ушах!
Вы уничтожили, повергли их во прах.
И как же были вы великолепно правы!
Вы, стоя среди них, так были величавы,
Ваш гнев был сдержанным, но тем он был страшней.
Какая речь! Но где вы научились ей?
Откуда взяли вы подробности все эти?
Мне кажется, что вы всё знаете на свете.
И как вы можете причин и следствий нить
Так ясно проследить, так мудро объяснить?

Таким бы должен быть король в величье строгом.
О герцог, в этот миг вы мне казались богом!
Откуда это все?

Р ю и Б л а з

Откуда? Я скажу:

Я вас люблю. Да, да. И я за вас дрожу.
Я вижу, что они не знают сострадания:
На вас обрушатся их гнусные деянья;
А чтобы вас спасти, я мир спасти готов.
О, выразить мою любовь нехватит слов,
И думаю о вас я, как слепой о свете!
О государыня, простите речи эти.
Любить вас издали, из мрака, — мой удел,
И я вас пальцем бы коснуться не посмел.
Вы ангел, я смотрю на вас в благоговенье,
Но если б знали вы души моей мученья!
Полгода я молчал, и, чувства затая,
Я встречи избегал, — но как терзался я!
Ах, что мне целый мир? Мне до него нет дела!
Мой бог, я вас люблю, люблю вас до предела.
Что делать? Как я смел? Скажите мне: «Умри», —
Я с радостью умру. Простите...

К о р о л е в а

Говори,

О, говори еще! Я слушаю в волненье.
О, дай мне радости, о, дай мне упоенья!
Никто, никто ведь так не говорил со мной!
Как нужен мне твой взгляд! Как нужен голос твой!
Терзался ты? А я? Мой друг, как я терзалась!
Ты избегал меня, а я сто раз пыталась...
Напрасно, может быть, так скоро признаюсь?
Но так несчастна я. Молчу я и боюсь.

Р ю и Б л а з

(слушающий с упоением)

Вы жаждущей душе даете утоление.

Королева

Я все тебе скажу.

(Подняв глаза к небу)

Пусть это преступление —
Тем хуже! В сердце к нам нетрудно заглянуть,
Когда страдания нам разрывают грудь.
Ты избегал меня, а я тебя искала.
Я каждый день сюда неслышно проникала,
Я слушала тебя, вливала голос твой,
Твой ощущала ум, блестящий и живой,
И каждое твое решающее слово
Так увлекательно мне было и так ново!
Казалось мне, что ты и только ты один —
Мой истинный король, что ты мой властелин.
За эти месяцы — ты понял, несомненно? —
Тебя возвысить я старалась постепенно,
И то, чего сам бог не сделал для тебя,
Свершила женщина, всем сердцем полюбя.
Я рада твоему блистательному взлету,
Я чувствую во всем, везде твою заботу.
Я помню, как сперва ты мне дарил цветы, —
Теперь империю, мой друг, даришь мне ты.
Ты сердце добротой затронул мне сначала, —
Потом величие твое я увидала.
Где сочетается величье с добротой,
Там к сердцу женщины проложен путь прямой.
Быть может, я грешна, но, мой творец небесный,
Зачем я взаперти, как птица в клетке тесной?
Без проблеска любви во мраке я брожу.
Когда-нибудь тебе все, все я расскажу —
Как я страдаю здесь, одна, совсем в забвенье,
И только новые все время оскорбления...
Ну вот, подумай сам, что я от них терплю:
Я комнаты моей ужасно не люблю —
Она здесь всех других мрачнее и печальней,
Я заменить ее другой хотела спальней —
Не разрешили мне. Я хуже, чем раба.
Я знаю, что тебя послала мне судьба —
Чтоб родину спасти, спасти народ несчастный
И чтоб любить меня. Я говорю неясно:
Теснятся с уст моих без удержу слова,
Но должен видеть ты, что я во всем права.

Р ю и Б л а з
(падая на колени)

О государыня!

К о р о л е в а
(торжественно)

Я душу вам вручаю.

Вам, герцог, честь свою отныне поручаю.
Для всех меня хранит мой королевский сан.
Для вас я — женщина, дон Цезарь де Басан.
Вы — повелитель мой: довольно будет слова,
Чтобы я к вам прийти всегда была готова.
Будь горд, о цезарь мой; ведь гений — твой венец.
(Целует его в лоб.)

Прощай!

(Поднимает ковер и исчезает за ним.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Р ю и Б л а з один. Он как бы погружен в созерцание небесного видения.

Р ю и Б л а з

О, небо мне открылось наконец!
Блеснул мне новый свет, и жизнь передо мною
Впервые красотой сияет неземною —
Как будто светлый рай, что видим мы во сне.
Повсюду блеск и свет, горю я, как в огне!
Во мне, кругом, везде, все — тайна, упоенье,
И гордость, и экстаз, и сердца вдохновенье!
Все то, что может нас приблизить к божеству!
Какой-то дивный сон я вижу наяву.
Свершились самые безумные желанья:
Я — герцог! Я — министр! У ног моих Испанья!
И королева мне дарит любовь свою.
Я — выше короля, да, я над ним стою!
Мой ангел, пред тобой склоняю я колени —
И вознесен тобой превыше всех сравнений!
Как ангел с небеси, ты снизошла ко мне,
И я теперь живу в прекрасном звездном сне.

Нет, это был не сон, не греза, не поэма:
На голове ее сверкала диадема;
Я видел, на руке прекрасной был надет
Орлом Испании украшенный браслет...
О, ангел прелести и чистоты лилейной,
Доверье сохраню твое благоговейно.
Ты любишь — и ничто не страшно мне теперь.
Тобою избран я; моим обетам верь.
Пред богом я клянусь и клятвы не нарушу:
Как женщине — тебе я отдаю всю душу,
Как королеву — чту тебя, как божество;
Я охраню тебя — не бойся ничего!

За несколько мгновений перед тем через дверь в глубине сцены вошел человек в широком плаще, в шляпе с серебряными галунами. Он медленно подходит к Рюи Блазу, не будучи им замечен, и в то мгновение, как Рюи Блаз, опьяненный восторгом и счастьем, подымает глаза к небу, неожиданно кладет ему руку на плечо. Рюи Блаз оборачивается, словно внезапно пробужденный. Человек сбрасывает плащ, и Рюи Блаз узнает дон Саллюстия. На дон Саллюстии — ливрея огненного цвета с серебряными галунами, совсем такая же, как у пажа Рюи Блаза.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Рюи Блаз, дон Саллюстий.

Дон Саллюстий
(кладя руку на плечо Рюи Блаза)

Привет!

Рюи Блаз
(в смятении, в сторону)

О, я погиб! Маркиз!
(Дон Саллюстию)

Вы здесь?

Дон Саллюстий
(улыбаясь)

Едва ли

Ты ждал меня?

Р ю и Б л а з

Да. Вы врасплох меня застали.

(В сторону)

Все кончено, меня опять несчастья ждут!

Я видел ангела, а дьявол — тут как тут.

(Бежит к портьеру, за которой скрывается тайник, и запирает маленькую дверь на засов. Потом, весь трепеща, возвращается к дон Саллюстию.)

Д о н С а л л ю с т и й

Ну как идут дела, мой друг?

Р ю и Б л а з

(не отрывая глаз от бесстрастного лица дон Саллюстия, с трудом собираясь с мыслями)

На вас ливрея?

Д о н С а л л ю с т и й

(продолжая улыбаться)

Легко везде пройти мне в образе лакея.

Для этого была ливрея мне нужна,

И вот я взял твою — мне нравится она,

И способа искать не надо мне иного.

(Надевает шляпу.)

Р ю и Б л а з остается с непокрытой головой.

Р ю и Б л а з

Но я за вас боюсь...

Д о н С а л л ю с т и й

Боюсь? Смешное слово!

Р ю и Б л а з

Ведь вы в изгнании.

Д о н С а л л ю с т и й

В изгнании? Ах, да!

Возможно.

Р ю и Б л а з

Днем входить опасно вам сюда:
Легко узнают вас среди дворцовой свиты.

Д о н С а л л ю с т и й

Оставь! Изгнанники всегда легко забыты.
Для вас, счастливчиков, любимчиков двора,
Тот, кто в монаршую немилость впал вчера,
Сегодня уж забыт. К тому ж что за идея:
Кто станет изучать черты лица лакея?

(Садится в кресло.)

Р ю и Б л а з продолжает стоять.

Ну, расскажи-ка мне, что делается тут?
Какие новости, как при дворе живут?
Да, правда ль? Я слышал, — хоть трудно дать мне
веру, —

Мне говорят, что ты, усердствуя не в меру,
В похвальном рвении, из-за прекрасных глаз
Общественной казны, вот только что сейчас
Приэго выслал, а? Поступок бесполезный.
Ты опрометчив был некстати, мой любезный:
Забыл ты, что у вас с ним близкое родство;
Да, вашей матери кузина — мать его;
Покойница была из рода Сандовалей, —
Не следует, чтоб вы об этом забывали.
Подумайте, у вас — один и тот же герб.
У нас не принято родных вводить в ущерб;
Волк волка ведь не ест — и вы живите дружно;
На слабости родных закрыть глаза вам нужно.

Р ю и Б л а з

(постепенно овладевая собой)

Сеньор, простите мне, но выслушать молю.
Маркиз Приэго, гранд и близкий королю,
Не должен отягчать Испании бюджета.
Сейчас особенно нам неудобно это:
Испания бедна, и денег нет в казне,
Но войско выставить приходится стране.
Посол баварский мне сказал официально:
Инфант их при смерти, как это ни печально,

Эрцгерцог выступит — и нам грозит война;
Ее не избежать.

Дон Саллюстий

Здесь дует из окна.

Поди закрой его.

Рюи Блаз, бледный от стыда и отчаяния, минуту медлит, потом, сделав над собой усилие, медленно направляется к окну, закрывает его и возвращается к дону Саллюстию, который, сидя в кресле, следит за ним с равнодушным видом.

Рюи Блаз

(продолжает, пытаясь убедить дон Саллюстия)

Прошу у вас вниманья.
Без денег воевать не может же Испанья!
Ей предстоит тогда губительный исход,
И только честностью спасем мы наш народ.
Я императору послал всего два слова, —
Как будто армия давно у нас готова, —
Что я начну войну, хоть в самый краткий срок.

Дон Саллюстий

(прерывая Рюи Блаза и указывая ему на свой платок, который обронил, входя)

Ступай и подними; я уронил платок.

Рюи Блаз, как под пыткой, снова колеблется, затем наклоняется, поднимает платок и подает его дону Саллюстию. Дон Саллюстий кладет платок в карман.

Ну, что ты говорил?

Рюи Блаз

(делая над собой усилие)

Спасение Испании...

Она у наших ног, в отчаянье, в страданье!
Народ благословит спасителей своих,
И наш священный долг — забыть себя самих
Для блага общего. Проявим смелость духа!
Везде грабительство, предательство, разруха, —
Так нанесем удар, чтобы народ спасти,
Снять маски с подлецов и воровство смести!

Дон Саллюстий
(небрежно)

Вот красноречие весьма дурного тона!
Из-за какого-то несчастного миллиона,
Пылая и гремя, поднять подобный шум!
Любезный мой, у вас направлен дурно ум.
Ведь мы не мелкота, а все аристократы
Должны жить широко и не смотреть на траты.
А вы? Хотите вы, дон Цезарь де Басан,
Любимцем быть купцов и маленьких мещан,
И красноречием своим высокопарным
Надеетесь вы стать в Мадриде популярным?
Для блага общего? Вот громкие слова!
О благе вы своем подумайте сперва.
Ха! Благо общее, спасение Испании!
Кричать об этом всем доступно при желанье.
Честь, добродетель, все — пустая мишура,
Слова, которые давно забыть пора.
При Карле Пятом уж все это устарело.
В вас есть природный ум — возьмитесь же за дело,
Оставьте пафос ваш актерам для игры!
Доверье? Правда? Честь? Воздушные шары!
У мамки на руках сидели вы давно ли?
А мы уже их все со смехом прокололи,
И весь ничтожный пар умчался к облакам.

Рю и Б л а з

Однакоже, сеньор...

Дон Саллюстий
(с ледяной улыбкой)

Я удивляюсь вам.

Но шутки в сторону — поговорим о деле.

(Отрывисто и повелительно)

Сейчас мой замысел уж очень близок к цели.
Я завтра поутру в твой частный дом приду, —
Готовый экипаж пусть ждет меня в саду,
И ни одной души, — ты понимаешь? — кроме
Моих немых рабов, чтоб не застал я в доме.
О смене лошадей я позабочусь сам.
А деньги надобны? Я сколько хочешь дам.

Р ю и Б л а з

Исполню точно все, но поклянитесь мне вы,
Что план ваш не грозит ничем для королевы!

Д о н С а л л ю с т и й

*(игравший до того разрезным ножом слоновой кости,
лежавшим на столе, наполовину оборачивается)*

При чем же ты-то здесь?

Р ю и Б л а з

(пошатываясь и смотря на него в ужасе)

Меня терзает страх!

Вы страшный человек, и я у вас в руках.

Меня влечете вы десницею железной.

Я в ужасе стою, склоняюсь над адской бездной.

Ваш план чудовищен. О, сжальтесь, я молю!

Открою тайну вам — ведь я ее люблю.

Д о н С а л л ю с т и й

(холодно)

Я это знал давно.

Р ю и Б л а з

Мой бог! Вы это знали?

Д о н С а л л ю с т и й

Так что ж из этого?

Р ю и Б л а з

И так вы поступали?

*(Прислонясь к стене, чтобы не упасть, говорит как бы
сам с собой.)*

Так сделал он меня игралищем своим!

Злодей! Как грозная судьба неумолим,

Обрек он жизнь мою сознательно на муку.

(Подымает глаза к небу.)

О боже мой, прости спасительную руку,

Приди на помощь мне!

Д о н С а л л ю с т и й

Вы просто мне смешны.

Довольно! Мой приказ исполнить вы должны.

Я это вам своей приказываю властью.
Мои намеренья — дорога ваша к счастью.
Ступайте же вперед: назад вам нет пути.
Несчастную любовь мы все должны пройти,
Но ваши чувства все мой личный план превысит.
Судьба империи от этого зависит.
Я с вами говорю как друг, ваш ум ценя,
Но вам вполне понять советую меня.
Я добр. Но вы должны подобны быть сосуду,
В который мог бы я любую влить причуду.
И вы должны бы знать, что для меня лакей —
Игрушка и слуга фантазии моей.
Сначала вам велю носить одну личину,
Потом другую дам, а эту с вас я скину.
Вы роль играете, какую я хочу,
И это только роль, которой я учу.
На время сделал вас придворным и вельможей,
Но место верное для вас — в моей прихожей.
Да, милый мой, всего лишь несколько минут
Вы с королевою любезничали тут, —
Не сомневаюсь я, мгновенья были сладки, —
А завтра встанете за мною на запятки.
Придите же в себя!

Р ю и Б л а з

(который слушал растерянно, словно не веря своим ушам)

О милосердный бог!

Но чем я заслужить такую кару мог?
Какое совершил я в жизни преступленье,
Чтоб за него нести такое искупленье?
Ведь есть же в небе бог! Отцом зовут его. .
Кто мог бы вынести? Скажите, для чего
Вы, никакой вины не ведая за мною,
Пытаете меня безжалостной рукою?
Иль надо сердце вам влюбленное разбить,
Чтоб только месть свою злорадно утолить?

(Говоря сам с собою)

Конечно, это месть, и в беспощадном гнев,
Я знаю, отомстить он хочет королеве.
Как быть? Открыть ей все? В глазах ее прочесть
Презренье и боязнь? Навек утратить честь?

Она узнает все — что я обманщик жалкий,
Которого легко прогнать ударом палки!
Позор! Отчаянье! Нет, я умру сперва...
О, я схожу с ума! Кружится голова!

(Пауза. Он продолжает задумчиво.)

Придумать механизм губительной машины,
Устроить самому колеса и пружины,
С искусством дьявольским пригнать за частью часть
И, чтоб испробовать ее, ей бросить в пасть —
Что? — Жалкий лоскуток! Пустую вещь! Лакея! —
И холодно смотреть при этом, не бледнея,
Как, кровью залито, летит из-под колес
Что было головой и сердцем, полным грез,
Как брызжет кровь и мозг! Глядеть, не вспоминая,
Что здесь был человек, была душа живая!

(Обращается к дон Саллюстию.)

Но сжальтесь, мой сеньор! Ведь время не ушло,
И колесо еще в движение не пришло.

(Бросается к его ногам.)

Молю не за себя! О, сжальтесь вы над нею!
Я верный был слуга. Всей жизнью вам моею
За это заплачу!

Д о н С а л л ю с т и й

Не хочет он понять...

Как скучно!

Р ю и Б л а з

(у его ног)

Я молю пощады!

Д о н С а л л ю с т и й

Как, опять?

Короче, милый мой, мне фразы надоели...

(Поворачиваясь к окну)

Закрыли плохо вы, ужасно дует в щели.

(Подходит к окну и закрывает его)

Р ю и Б л а з

(вставая)

Довольно же! В лицо взгляну я палачу!
Под вашей пятой лежать я не хочу!

Забыли, верно, вы: я — герцог де Ольмедо,
Министр всемогущий здесь! Да, да! За мной победа!

Дон Саллюстий

Что это он сказал? — Скажите еще раз.
Да вы ослеплены! Вы — герцог, Рюи Блаз?
Нет, милость получил монаршую такую
Дон Цезарь де Басан!

Рюи Блаз

Но я вас арестую!

Дон Саллюстий

А я, любезный мой, вас выдам головой.

Рюи Блаз

Но...

Дон Саллюстий

Вы все скажете? Я риск предвидел свой.
Да, да... Обрушится на вас вся мощь удара.
Кого из нас двоих скорей постигнет кара?

Рюи Блаз

Все обвинения я буду отрицать.

Дон Саллюстий

Но разве можно так по-детски рассуждать?

Рюи Блаз

Где доказательства?

Дон Саллюстий

Вам память изменила.
Должны бы помнить вы... За мною правды сила.
Перчатка только вы, а я, мой друг, рука.

(Тихо, приблизившись к Рюи Блазу)

Довольно лишних слов. Закончим мы пока.
Но помни: если ты мне слепо не послужишь
И данный мной приказ хоть в чем-либо нарушишь
И если вздумаешь кому-нибудь шепнуть
Хотя бы слог один, посмеешь намекнуть

Хоть взглядом, помешать моей пытаюсь мести, —
Та, за кого дрожишь, навек лишится чести!
Я приготовлю ей ужасную судьбу:
Я выставлю ее к позорному столбу!
Все унижения публичного скандала
Она изведает. Но этого мне мало:
Уже готов пакет; на нем моя печать.
Я в нем записочку пошлю ей прочитать.
Она написана — ты помнишь, чьей рукою?
С одною подписью... Не помнишь ли, с какою?
Прочтет: «Я, Рюи Блаз, даю расписку в том,
Что был лакеем взят к маркизу Финлас в дом
И буду, как слуге хорошему прилично,
Всегда ему служить и тайно и публично...»

Р ю и Б л а з
(сломленный, упавшим голосом)

Исполню все.

Дверь в глубине открывается. Возвращаются члены тайного совета.
Дон Саллюстий быстро закутывается в плащ.

Д о н С а л л ю с т и й
(тихо)

Идут. До завтра, милый мой.
(Отвешивает Рюи Блазу низкий поклон; громко)
Имею честь пребыть покорнейшим слугой.
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ДОН ЦЕЗАРЬ

Маленькая комната, роскошно убранная и плохо освещенная. Панель и мебель в старинном стиле со старинной позолотой. На стенах — старинные обои из малинового бархата, местами, особенно за спинками кресел, потертого и лоснящегося; широкий золотой позумент делит их на вертикальные полосы. В глубине — двустворчатая дверь. На срезанном углу слева — большой лепной камин времен Филиппа II, с гербом на железном щите внутри него. С противоположной стороны, на срезанном углу, низенькая дверь, ведущая в темную комнатушку. Единственное окно слева, расположенное очень высоко, забрано решеткой и снабжено снизу щитком, как это бывает на тюремных окнах. На стене — несколько закоптелых и полустертых старых портретов Комод для платья с венецианским зеркалом. Большие кресла времен Филиппа III. Шкаф с богатой резьбой, прислоненный к стене. Четырехугольный стол с письменными принадлежностями. В одном из углов — маленький круглый столик с золочеными ножками. Утро. В момент поднятия занавеса Р ю и Б л а з, весь в черном, без плаща и цепи Золотого Руна, сильно взволнованный, расхаживает большими шагами по комнате. В глубине стоит п а ж, неподвижный и как бы ожидающий приказаний.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Р ю и Б л а з, п а ж.

Р ю и Б л а з

(в сторону, разговаривая сам с собой)

О ней лишь мысли все, о ней, о ней одной!
Что делать? Как ее спасти? Любой ценой, —
Пусть череп размозжит о стену будет надо,
Пусть плаха ждет меня и все мученья ада!

Отдать и жизнь, и кровь, и душу — пустяки!
Но как спасти ее, как разорвать силки?
Нет положения страшней и безысходней!
О, этот человек! Злой дух из преисподней...
Появится... — затем вновь уползет во тьму!
Я замыслов его ужасных не пойму,
Но должен угадать, прозреть, что он готовит!
Его предательства ничто не остановит, —
Он страшный человек, и сердце в нем мертво!
Я жалок был и глуп — я умолял его!
Я тигра хищного надеялся растрогать,
Когда в добычу он впустил уж острый коготь.
Ужель он с жертвою расстанется своей?
За королеву я молил его, лакей!
Как страшно с высоты упал я после взлета!
Но дело не во мне: о ней одна забота.
Через какую щель появится он здесь?
Как это угадать? В его руках я весь,
Он всем владеет тут, и все ему послушно.
Как вправе этот пол топтать он равнодушно,
Так вправе растоптать и сердце он мое.
Но речь не обо мне — ее спасти, ее!..
О, ненависть его идет к ней издалека.
Я проследить никак не мог ее истока,
И в тайну черную его я не проник.
Я слаб, как бурюю колеблемый тростник.
Но попытаюсь все обдумать я сначала.
Как сделать, чтоб она дворца не покидала?
Опасность — в этом. Да! Она близка! Чутьем
Я чувствую ее, хотя не вижу — в чем.
Но только должен я во что бы то ни стало
Дать знать ей, чтоб она дворца не покидала.
Как это сделать мне? Придумать не могу.
Ее так стерегут! Нельзя послать слугу.
Один, совсем один средь вражеского стана!

*(Размышляет, подавленный. Потом, словно озаренный
внезапной мыслью и проблеском надежды, поднимает
голову.)*

Однако что же я! Забыл дон Гуритана.
Он честный человек, ее он любит сам.

(Сделав пажу знак приблизиться, тихо)

Мой паж, скорей беги ты во дворец и там
Без промедления найди дон Гуритана.
Его застанешь ты — еще ведь очень рано.
Ты передай ему нижайший мой поклон;
Скажи, что я прошу, чтоб оказал мне он
Услугу: поспешил увидеть неотложно
Ее величество — секретней, как возможно —
И просьбу от меня немедленно передать:
Ни в коем случае дворца не покидать.

(Возвращает пажу назад.)

Стой! Помешаем мы предательскому плану!

(Вырывает листок из записной книжки и, положив его на колено, быстро пишет.)

«Молю довериться во всем дон Гуритану!»

(Складывает листок и отдает пажу.)

Пусть это ей отдаст, а сам, как верный страж,
Все время пусть следит за ней. Беги, мой паж!
Да! Если б говорить он начал о дуэли,
Которую мы с ним закончить не успели,
То скажешь ты ему, что я вину мою
Без спора перед ним всецело признаю,
Что принесу ему публично извиненья,
Но что сейчас одна минута промедленья
Грозит ей гибелью. Не выходить три дня!
Исполнишь в точности все это для меня?

П а ж

Вы добрый господин, я предан вам сердечно.

Р ю и Б л а з

Серьезно это все и важно бесконечно.
Ты понял хорошо?

П а ж

Все понял.

Р ю и Б л а з

Молодец.

П а ж

Все сделаю.

(Уходит.)

Р ю и Б л а з

Лети, мой маленький гонец.

Р ю и Б л а з, оставшись один, падает в кресло.

Вот стало на душе спокойнее немного.
Но все еще кипит невольная тревога,
Смятение в уме и в голове туман:
Боюсь я что-нибудь забыть... Дон Гуритан...
Но я — что делать мне? Приказ — повиноваться.
Он приказал мне ждать... Не буду дожидаться!
Уйду и скроюсь я, так выиграю день.
Пойду в соседний храм; его святая сень
Навеет на душу мою успокоенье,
И, может быть, сам бог укажет мне спасенье.

(Берет свою шляпу с этажерки и звонит в колокольчик, стоящий на столе.)

Из двери в глубине комнаты появляются два негра, одетые в свет-
лозеленый бархат и парчу; их кафтаны — в складку, с длинными
полами

Сюда один сеньор придет с своим ключом:
Ему я отдаю в распоряжение дом, —
Его приказы все покорно исполняйте.
А если явится...

(После минутного колебания)

Ну что же: всех пускайте.
Сегодня для гостей открыта дверь моя, —
Теперь мне все равно.

*(Жестом отпускает негров, которые кланяются в знак по-
виновения и уходят.)*

Пойду!

(Уходит.)

В то самое мгновение, когда дверь закрывается за Рюи Блазом, в
камине раздается страшный шум, и из него вылезает человек, заку-
танный в рваный плащ Это дон Цезарь.

Дон Цезарь

(смущенный, запыхавшийся, растрепанный, оглушенный, с выражением лица одновременно радостным и встревоженным)

Уф! Вот и я!

(Поднимается, потирая ногу, ушибленную при падении, и выходит вперед с множеством поклонов, держа шляпу в руке.)

Беседу я прервал? Простите, ради бога!
Я только прохожу, хоть странною дорогой...

(Останавливается посреди комнаты и замечает, что он один.)

Здесь нету никого? Э, что за чудеса!
Я с крыши явственно тут слышал голоса.
Нет никого? Куда же я попал? Занятно!
(Садясь в кресло)

Но одиночество порою нам приятно.
Я наземь вырвался, как утопавший пес,
И мне слепит глаза и заливаает нос.
Еще кругом себя не вижу ничего я...
Собратся с мыслями... минуточку покоя...
Вот приключений цепь! Садись, пиши роман!
Свобода! Золотом наполнен мой карман!
Три альгвасила вдруг — без дальних слов —
в колодки!

Неделя плаванья в какой-то жалкой лодке,
Потом все ужасы пиратского гнезда,
Потом какие-то чужие города...
И как же били там меня, великий боже!
А взгляды пылкие красотки желтокожей!
Побег мой с каторги! И дома я опять.
Но дальше — нет, нельзя в романе описать:
Едва попал в Мадрид, вдруг те же альгвасилы
Навстречу! Я — бежать, как от нечистой силы.
Бегу, и по пятам они бегут за мной!
Вдруг путь мне прегражден высокою стеной;
Перемахнув ее в один момент, как птица,
Я вижу дом в саду — там я решил укрыться.

Ну да, но как же мне проникнуть в самый дом?
Все пусто, никого не вижу я кругом.
Взобрался на карниз, потом все выше, выше...
Цепляясь, лезу вверх — и сел верхом на крыше.
Потом предаться я решил моей судьбе —
И в этот мирный дом спустился по трубе.
Так в безопасности пока я очутился;
Но мой последний плащ в лохмотья превратился!
Он все делил со мной, мой бедный старый друг, —
Немало потерпел от бурь, дождей и вьюг.
Теперь уж в нем пленять я не могу красавиц. —
О дьявол! Мой кузен — отъявленный мерзавец!

(Рассматривает себя в маленьком венецианском зеркале, стоящем на большом комоде с резными ящиками, бросает взгляд на камин. Снимает плащ и рассматривает в зеркале свой камзол из розового шелка, истрепанный, рваный и заплатанный.)

Как ногу я ушиб! Однако поищу
Замену моему злосчастному плащу.
Быть может, что-нибудь найдется здесь?

(Открывает ящики комода. В одном из них находит плащ из светлого зеленого бархата, расшитый золотом, подаренный Рюи Блазу дон Саллюстием. Дон Цезарь разглядывает этот плащ и сравнивает его со своим.)

Отлично!

Так буду я одет достаточно прилично.

(Набрасывает зеленый плащ себе на плечи, а на его место укладывает в комод свой плащ, тщательно его сложив; затем кладет туда же свою шляпу, сунув ее под плащ, и закрывает ящик. Гордо расхаживает по комнате, закутавшись в роскошный плащ, вышитый золотом.)

Итак, все позади — скитания и плен.
Я снова здесь. Да, да, милейший мой кузен!
Вы к тиграм в Африку сослать меня хотели?
Но я вам отомщу! Вы не добьетесь цели.
Да, я вам отомщу, и страшной будет месть!
Вот только дайте мне как следует поесть, —
В сопровождении моей беспутной шайки,
Под именем своим, открыто, без утайки.

Явлюсь в ваш дом — и вас моим кредиторам
На растерзание живого я отдам!

(Заметив в углу великолепную пару сапог с кружевными отворотами, быстро сбрасывает свои старые сапоги и бесцеремонно надевает новые.)

Теперь обследую я мой приют случайный.

(Осматривает всю комнату.)

Здесь словно дышит все трагическою тайной.
Закрыты ставни все, и двери на замке, —
Какая-то тюрьма, от мира вдалеке.
Как будто бы сюда лишь сверху попадают —
Да, сверху, как вино в бутылки наливают.

(Со вздохом)

Что может лучше быть хорошего вина?

(Замечает направо маленькую дверь.)

Вот дверца. Поглядеть, куда ведет она!

(Открывает маленькую дверь, быстро входит в соседнюю комнату и возвращается оттуда, жестами выражая свое изумление.)

Тайник без выхода! Да где ж я очутился?
Но хорошо, что я от алыгвасилов скрылся!

(Идет к двери в глубине, открывает ее и заглядывает внутрь; затем захлопывает дверь и возвращается на авансцену.)

Все пусто. Ну так что ж? И что плохого в том,
Что вижу в первый раз подобный странный дом?

(Снова усаживается в кресло, зевает и почти тотчас же встает.)

Вот положение! Мой бог, какая скука!

(Заметив угловой шкафчик в стене налево)

Как будто книжный шкаф?

(Подходит и открывает шкаф. Оказывается, что это — кладовая, наполненная всякой снедью.)

Смотрите, что за штука!

Тут все для завтрака: вино, паштет, арбуз...
О! Угощение на самый тонкий вкус!
Я был предубежден: прекрасное жилище,
И превосходный тут запас питья и пищи.

(Рассматривает бутылки одну за другой.)

Почтенный книжный шкаф! Какие книги в нем!

(Берет маленький круглый столик, стоящий в углу, переносит его на авансцену и весело расставляет содержимое кладовой: бутылки, блюда и прочее. Добавляет стакан, тарелку, вилку и прочее. Затем берет одну из бутылок.)

Вот это мы сперва внимательно прочтем!

(Наливает стакан и выпивает залпом.)

Произведение великого поэта,
Что солнцем мы зовем! О, с чем сравнится это?

(Садится, наливает второй стакан и пьет.)

С какою книгою? В какой же из поэм
Найдем такой огонь и вкус?

(Пьет.)

Теперь поем.

(Принимается за паштет.)

О псы проклятые! Но я их сбил со следа.

(Ест.)

Вот украшение для царского обеда!

А вдруг появится хозяин?

(Идет к шкафу и, взяв оттуда стакан и прибор, ставит их на стол.)

Ничего:

Мой завтрак разделить я приглашу его!
Ох, только бы меня не выгнал он отсюда!
Скорее поспешу очистить лучше блюдо.

(Накладывает себе полную тарелку.)

Покончив с завтраком, я осмотрю весь дом.
Но интересно знать — кто проживает в нем?
На свете всякое бывает — и, пожалуй,
Хозяин этих мест веселый, добрый малый.

Тут не без женщины: пари держу, что тут
Таинственной любви какой-нибудь приют.
Чего бояться? Я не преступил закона;
Хозяин не понес особого урона.
Приюта у него я попрошу, как встарь
Просили в Греции,

(становится на одно колено и обхватывает стол руками)
обняв чужой алтарь.
(Пьет.)

Нет, у плохих людей, конечно, не бывает
Подобного вина! А если пожелает
Пожаловать сюда, то милости прошу.
Так, решено: себя назвать я поспешу.
Дон Цезарь де Басан, не нойте и не трусьте!
А! Вы попляшете, любезный дон Саллюстий!
Вы рады будете, проклятый негодяй,
Когда к вам свалится, как с неба, невзначай
Сафари! Шалопай! Бандит! Бездомный нищий!
Извольте-ка его принять в своем жилище!
Дон Цезарь де Басан — двоюродный ваш брат.
Воображаю, как в Мадриде зашумят!
«Откуда он взялся? Когда приехал? Ночью?
Вы можете его увидеть все воочью.
Вот имя славное, забытое давно!»
Взорвется бомбою среди вас всех оно.
«Дон Цезарь де Басан? Да он давно в могиле!
О нем не думали! О нем не говорили!
Так он не умирал?» — Нет, жив он и здоров,
Не думал умирать и вам служить готов!
Мужчины скажут: «Чорт!», «Ах, боже!» — скажут
дамы.

Развязка славная настала бы для драмы,
Когда б не мог ее испортить грозный лай
Кредиторов...

Шум за дверью.

Идут! Ну, Цезарь, не плошай!

(До самых глаз закутывается в плащ.)

Дверь в глубине отворяется. Входит лакей в ливрее, неся за спиной большую сумку.

Дон Цезарь, лакей.

Дон Цезарь

(окидывая взглядом лакея с головы до ног)

Кто нужен вам, мой друг?

(В сторону)

Поболее апломба.

Лакей

Дон Цезарь де Басан.

Дон Цезарь

Он здесь.

(В сторону)

Вот это — бомба!

(Лакею)

Дон Цезарь — это я.

(Открывает лицо.)

Лакей

Дон Цезарь де Басан?

Дон Цезарь

Он самый. Де Басан. Дон Цезарь. И мой сан —
Граф де Гаро...

Лакей

(кладя сумку на кресло)

Прошу проверить — все ли точно.

Дон Цезарь

(ошеломленный, в сторону)

Как! Деньги?

(Лакею)

Но, мой друг...

(В сторону)

Да, деньги! Как нарочно!

Лакей

Приказано вручить мне эту сумму вам.

Дон Цезарь

(напуская на себя важность)

Ах, да! Я и забыл!..

(В сторону)

Пускай пойду к чертям!

Понять я не могу — с какой все это стати?

Да что тут размышлять? Необычайно кстати!

Лакей

Извольте сосчитать.

Дон Цезарь

Нужна расписка вам?

Лакей

Нет, не нужна, сеньор...

Дон Цезарь

(указывая на стол)

Так положите там.

А кто же вас прислал?

Лакей кладет сумку на стол.

Лакей

Тот, от кого вы ждете.

Дон Цезарь

А, ну, конечно, так. Отлично: мы в расчете.

Лакей

Сеньор, который вам со мною деньги шлет,
Мне приказал сказать: «Их посылает тот,
Кого вы знаете, — на то, что вам известно».

Дон Цезарь

Кого я знаю и на то, что мне... Прелестно!

Лакей

От нас обоих он строжайшей тайны ждет.
Тсс... Тсс...

Дон Цезарь

Тсс... Тсс... Итак, послал мне деньги тот...

Так фраза хороша, что повторить уместно:

«Кого вы знаете...»

Лакей

«...На то, что вам известно».

От нас обоих ждет строжайшей тайны он.

Дон Цезарь

Все ясно.

Лакей

Для меня приказ его — закон.

Не знаю ничего — но исполняю честно.

Ведь вам известно все?

Дон Цезарь

Еще бы! Все известно!

Яснее ясного!

Лакей

Достаточно с меня.

Дон Цезарь

Все знаю, все беру, труды твои ценя.

Лакей

Тсс!..

Дон Цезарь

Тсс!.. Все быть должно строжайшей тайной

скрыто.

Лакей

Считите же, сеньор...

Дон Цезарь

(любуюсь сумкой)

Ах, как брюшко набито!

Лакей

Но сосчитайте же, я вас прошу. А вдруг...

Д о н Ц е з а р ь

Да за кого меня ты принимаешь, друг?
Ведь сразу по лицу людей мы видим честных.

Л а к е й

Извольте! Золото — в дублонах полновесных:
Не меньше унции. В пиастрах серебро, —
Известна сумма вам.

Д о н Ц е з а р ь

(в сторону)

Где я возьму перо,
Чтоб это описать? Тут чудеса такие...
Роман мой кончился — идет уж феерия.
Как будто, золотом доверху нагружен,
Ко мне из Мексики явился галион!

(Тем временем он открывает сумку и вытаскивает из нее несколько мешочков с золотом и серебром; он их развязывает и высыпает содержимое на стол; потом начинает брать деньги пригорishнями и наполнять себе карманы: набив один карман, принимается за другой, ищет, где у него еще карман, и как будто вовсе забывает о лакее.)

Л а к е й

(безучастно глядя на него)

Теперь покорно жду, сеньор, я приказаний.

Д о н Ц е з а р ь

(оборачиваясь)

Каких?

Л а к е й

Мне сказано, чтобы без опозданий
Исполнил быстро я, и с точностью вполне,
Все, что известно вам и неизвестно мне.
Тут важный интерес.

Д о н Ц е з а р ь

(прерывая его, с понимающим видом)

Общественный и частный.

Лакей

Большой поспешности он требует.

Дон Цезарь

Прекрасно.

Лакей

Что мне приказано — я вам передаю.

Дон Цезарь

(похлопывая его по плечу)

Да, исполнительность я оценил твою.

Лакей

И вам меня прислал сеньор в распоряжение,
Чтоб я вам помогал.

Дон Цезарь

Какое одолжение!

Исполним же все то, чего желает он.

(В сторону)

Чорт! Что же мне сказать?

(Громко)

Приблизься, галион!

(Наполняет второй стакан)

Сначала выпей-ка.

Лакей

Что?

Дон Цезарь

Пей без рассужденья.

Лакей пьет. Дон Цезарь снова наполняет его стакан.

Малага... Не вино, а прямо наслажденье!

Усаживает лакея и заставляет его пить, все время подливая ему. В сторону)

Уже осоловел.

(Разваливается в кресле; громко)

Давай поговорим.

Что значит — человек? Ничтожный черный дым

От пламени страстей; пройдет неуловимо —
И вот уж нет его. Да нет, мы хуже дыма:
По дымовой трубе стремится кверху дым...

(Снова наливает лакею вина.)

Он к небесам летит — мы на землю летим.

(Потирает себе ногу.)

Нет, друг мой; человек не дым — свинец презренный.

(Наполняет оба стакана.)

И песня пьяницы любого, несомненно,
Дороже всех твоих червонцев, милый мой.

(Наклоняется к нему с таинственным видом.)

Благоразумными должны мы быть с тобой:
Чрезмерно нагрузив, легко сломать рессоры,
И стены рушатся, оставшись без опоры. —
Как давит воротник; поправь-ка мне аграф.

Л а к е й

(гордо)

Не камердинер я; прошу прощенья, граф.

(Прежде, чем Цезарь успевает ему помешать, он берет колокольчик, стоящий на столе, и звонит.)

Д о н Ц е з а р ь

(в сторону, испуганный)

Он позвонил! Придут, и я пропал без спора!
Погиб!

Входит негр Дон Цезарь, до крайности встревоженный, отворачивается в сторону, не зная, что делать.

Л а к е й

(негру)

Поправьте-ка застежку у сеньора.

Негр чинно подходит к дон Цезарю, смотрящему на него с изумлением, поправляет застежку на плаще, кланяется и уходит, оставив дон Цезаря ошеломленным

Д о н Ц е з а р ь

(вставая от стола, в сторону)

Я положительно в гостях у сатаны.

(Выходит на авансцену и там прохаживается большими шагами.)

Отлично! Ведь с судьбой мы спорить не вольны.

Что в руки нам плывет, то надо брать. Чудесно!

Но что же с деньгами мне делать, интересно?

(Оборачиваясь к лакею, который, сидя за столом, продолжает пить вино и покачивается на стуле)

Минутку подожди.

(Размышляя, в сторону)

Что, если бросить в пасть
Моим кредиторам — не все, хотя бы часть?
Слегка их покропить для их успокоенья?
Не стану поливать я сорные растения!
Придет же в голову... Я разум потерял!
Ох, это золото! Будь горд, как Ганнибал, —
Оно испортит все губительным соблазном
И место даст в тебе стремленьям буржуазным.
Платить свои долги, хотя бы даже часть, —
Так Цезарь де Басан не может низко пасть!
Платить свои долги... Чистейшее безумье!

Лакей
(осушая стакан)

Так что ж прикажете?

Дон Цезарь

Ты видишь, я в раздумье.

А ты покамест пей.

Лакей снова принимается за вино. Дон Цезарь продолжает размышлять и вдруг ударяет себя по лбу, как бы озаренный мыслью.

Да. Вот прекрасный план!

(Лакею, указывая на золото)

Возьми. Клади в карман! Теперь в другой карман.

Лакей встает, пошатываясь, и наполняет золотом карманы своего камзола. Дон Цезарь помогает ему, продолжая говорить:

Плыви, мой галион, не попадись пиратам!
На улице Козлов, под номером девятым,
Домишко ты найдешь. Узнать немудрено:
Бумагой крайнее заклеено окно.
Будь осторожнее, скажу одно тебе я, —
На лестнице легко сломать в потемках шею.

Лакей

Крутая лестница?

Дон Цезарь

Головоломна, да.

Так вот, на самый верх взберешься ты туда.
Там на чердак ведет малюсенькая дверца,
Входи, и попадешь к моей ты даме сердца.
Будь с ней почтителен. Легко ее узнать:
Дешевенький чепец, наряд ему под стать;
Копна волос — огоны! Люсинда, знай, бывало,
Для папы самого фанданго танцовала.
Глаза как индиго! Дашь сто дукатов ей.
Потом в соседний дом ступай ты поскорей.
Ютится там один великолепный малый:
Над левой бровью шрам, а нос, как роза, алый;
Надвинут старый фетр на самые глаза;
При шпаге, в рубище, всей улицы гроза...
Шесть пьестров от меня отдай ему с приветом.
Там перекресток есть. На перекрестке этом
Подвальчик ты найдешь — так, черная дыра,
Где вечно пение, крик, ссоры и игра.
Да, в этот кабачок знакома мне дорога!
Как постоянный гость, сидит там у порога
Приятель мой — его зовут «Бездонный чан»;
Там пьет и курит он, с утра уж полупьян.
Нежнейшая душа, он мне сердечно дорог.
Ты выдай от меня ему червонцев сорок,
Пусть не благодарит, — я слов ведь не люблю, —
Но сразу все пропьет, а я еще пришлю.
Ты всем, кто в кабачке, дай денег не жалея:
Пусть удивляются и станут веселее.

Лакей

А что прикажете потом?

Дон Цезарь

Вот дуралей!

Все, что останется, немедленно пропей!

Шумы, и бей горшки, и веселись! Короче —
Кути! И возвратись домой лишь завтра к ночи!

Лакей

Я понял вас, мой принц.

(Зигзагами направляется к двери.)

Дон Цезарь

(глядя на его походку, в сторону)

Бывал ли кто пьяней?

(Подзывает его опять.)

Да, вот что: сохраняй престиж в глазах людей;
Вслед за тобой пойдет вся улица, наверно.
Будь благороден ты, води себя примерно,
И ежели дукат уронишь невзначай,
То ты внимания никак не обращай
И не жалея отдать от своего излишка.
Пусть подберет его какой-нибудь воришка,
Или бедняк-писец, или школяр-смутьян,
А если кто-нибудь залезет в твой карман —
Он тоже человек... Мы милосердны будем;
Хоть каплю радости должны давать мы людям.

(Меланхолически)

Их виселица ждет, быть может, впереди, —
Так пожалею их заранее. Иди!

Лакей уходит. Оставшись один, дон Цезарь снова садится за стол, положив на него локти, как будто погруженный в глубокие думы.

Наш христианский долг и разума веленье —
Коль деньги есть у нас, пускать в употребленье
На добрые дела. Что ж лучше может быть?
Неделю целую мне есть на что прожить,
А если что-нибудь останется в кармане —
Отдам на церковь я. Но что мечтать заранее?
Отнимут золото! Исчезнет все, как сон!
Наверно, в имени моем ошибся он.

Дверь в глубине отворяется. Входит старая, седовласая дуэнья в черном шелковом платье и черной мантилье; в руках у нее веер.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Цезарь, дуэнья.

Дуэнья
(с порога)

Дон Цезарь де Басан?

Дон Цезарь, погруженный в раздумье, порывисто поднимает голову.

Дон Цезарь
(в сторону)

А, вот оно! Дуэнья?

Саллюстий иль сам чорт в игре тут, без сомненья.

Пока дуэнья делает низкий реверанс в глубине сцены, дон Цезарь в изумлении выходит на авансцену.

Бьюсь об заклад: кузен появится сейчас.

(Громко)

Дон Цезарь — это я. Что я могу для вас?

(В сторону)

Обычно молодым предшествуют старухи.

Дуэнья
(сделав реверанс и перекрестившись)

Сегодня, в постный день, в святом небесном духе
И в госпoде Христе, привет мой вам, сеньор.

Дон Цезарь

Аминь! Да будет так.

(В сторону)

Ну, постный разговор,
Наверно, кончится развязкою скоромной.

Дуэнья

Пошли вам мир господь!

(Таинственно)

Теперь вопрос нескромный:
Не назначали ль вы кому-нибудь письмом
Свиданья тайного сегодня вечером?

Дон Цезарь

Весьма возможно.

Д у э н ь я

(достает из своего мешочка запечатанное письмо и показывает ему, не позволяя взять в руки)

Вы писали эти строки

Той, чьи мечты о вас и нежны и глубоки?

Она известна вам.

Д о н Ц е з а р ь

Пожалуй, я.

Д у э н ь я

Так, так.

Муж дамы, кажется, немолодой чужак:

Предосторожностей всегда ей слишком мало.

Меня за справками она сюда прислала.

Ее не знаю я, она знакома вам.

Служанка речь вела со мной. Не надо нам
Имен.

Д о н Ц е з а р ь

Мое не в счет.

Д у э н ь я

Понятно, что сеньора

Желает ускользнуть от строгого надзора.

Но подвергается опасности она:

Предосторожность здесь особая нужна,

И потому иметь желает подтверждение

Она из ваших уст, чтоб не было сомненья.

Д о н Ц е з а р ь

Вам сказано, что я писал записку ей!

Что делать дальше мне, хочу я знать скорей!

Д у э н ь я

(кладет на стол письмо, которое дон Цезарь рассматривает с любопытством)

Так напишите вы сейчас одно лишь слово

На обороте: «Жду» — и ничего другого.

Не вашим почерком, чтоб не могли узнать.

Дон Цезарь

Понятно!

(В сторону)

Тайны ей не страшно доверять!

Протягивает руку за письмом, но дуэнья быстро его запечатывает, не позволив дон Цезарю до него дотронуться.

Дуэнья

Не велено, сеньор, нельзя ломать печати!

Ведь вы же свой конверт узнали?

Дон Цезарь

(в сторону)

Вот некстати...

Я так хотел прочесть, что написал я тут!

Но будем роль играть.

(Звонит в колокольчик.)

Появляется негр

Эй, как тебя зовут?

Ты что же, служишь здесь?

Негр утвердительно кивает головой.

Ты грамотный? Ни звука?

Умеешь ты писать?.. Да ты немой! Вот штука!

(В сторону)

Немые тут еще...

(Негру, указывая на письмо, которое дуэнья придерживает рукой)

Пиши вот здесь: «Я жду».

Негр пишет. Дон Цезарь знаком велит дуэнье взять письмо, а негру — уйти. Тот уходит.

(В сторону)

Мне кажется, что я во сне или в бреду.

Дуэнья

(с таинственным видом кладет письмо обратно в свою сумочку и приближается к дон Цезарю)

Так вечером придет к вам та, что вам известна.
А хороша она, скажите?

Дон Цезарь

О, прелестна!

Д у э н ь я

Служанка — даже та, как вешний день, мила.
В монастыре ко мне с запиской подошла;
Лицом — что херувим, а взором — дьяволица,
И видно, что проказ любовных не боится.

Д о н Ц е з а р ь

(в сторону)

Довольно было бы с меня служанки.

Д у э н ь я

Да...

По слугам судим мы о господах всегда:
Лишь красота красу потерпит — значит, ясно,
Что дама хороша.

Д о н Ц е з а р ь

О да, она прекрасна!

Д у э н ь я

(готовясь уйти, делает реверанс)

Целую ручки вам.

Д о н Ц е з а р ь

Чего еще ты ждешь?

(Дает ей горсть золота.)

На, старая карга...

Д у э н ь я

(кладя деньги в карман)

Уж эта молодежь!

Д о н Ц е з а р ь

(торопя ее)

Ступай, ступай!

Д у э н ь я

Сеньор, была бы я счастливой
И дальше вам служить, — меня зовут Оливой.
В соседний монастырь я каждый день хожу,
И на второй скамье от входа я сижу.

(Уходит.)

Затем дверь снова приоткрывается, и из нее высовывается голова дуэньи.

Прошу не позабыть любезного сеньора:
Всегда в монастыре святого Исидора.

Дон Цезарь нетерпеливо оборачивается. Дверь закрывается, затем снова открывается, и опять просовывается голова дуэньи.

Сегодня вечером...

Дон Цезарь
(нетерпеливо)

Ступай же! Добрый путь!

Дуэнья

Прошу меня в своих молитвах помянуть.

(Исчезает.)

Дверь закрывается.

Дон Цезарь
(один)

Я больше ничему решил не удивляться,
И остается мне на волю волн предаться.
Сегодня утолил я славно аппетит,
И сердце утолить мне скоро предстоит.

(Мечтательно)

Живем! Но как бы все беда не увенчала!

Дверь в глубине снова открывается. Появляется дон Гуритан, неся две длинные обнаженные шпаги.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Цезарь, дон Гуритан.

Дон Гуритан
(в глубине сцены)

Дон Цезарь де Басан?

Дон Цезарь
(оборачиваясь и замечая дон Гуритана с двумя шпагами)

Того недоставало!

Все: завтрак, золото, любовь, дуэль... Клянусь,
Что прежним Цезарем опять я становлюсь.

Весело, со множеством поклонов направляется к дон Гуритану, который, сурово на него поглядывая, важно выходит на авансцену.

К услугам вашим я. Прошу вас, потрудитесь
Пожаловать, войти; вот кресло вам, садитесь.

(Подвигает ему кресло.)

Дон Гури тан продолжает стоять.

Я счастлив видеть вас, сеньор; мой дом — ваш дом.
Мы побеседуем по-дружески вдвоем.
Ну, как живет Мадрид? О, лучший город мира!
Что, все еще сердца ворует Линдамира?
И Маталобос всех пугает, смелый вор?
По-моему, она опаснее, сеньор!
Ах, эти женщины, вот дьявольское семя!
Недаром из-за них страдаю я все время.
Но помогите мне опять себя найти:
Я чувствую, что я не человек почти!
Восстал из гроба я, пришел с другой планеты,
Отвыкший от людей, бог знает как одетый.
Я деревенский бык, смешной провинциал;
Домой я только что из дальних стран попал.

Дон Гури тан

Я тоже, мой сеньор.

Дон Цезарь
(восторженно)

Так мы пойдем друг друга!
С каких же берегов?

Дон Гури тан
Я — с севера.

Дон Цезарь
Я — с юга.

Дон Гури тан

Двенадцать сотен лье проделал я пути.

Дон Цезарь

А я, почтеннейший, две тысячи почти.
В каких местах я был! В каких видал притонах

И черных женщин я, и желтых, и зеленых!
Я небом взысканный, прекрасный видел мир —
И радостный Тунис и белый весь Алжир.
В обычаях своих оригинальны турки:
С преступников они живьем сдирают шкурки,
Сажают на кол их, а голову срубя —
У входов вешают.

Дон Гури т а н

Я просто вне себя.

За что же предали меня на посмеянье?
Я в возмущении!

Дон Цезарь

О! Я в негодованье!

Дон Гури т а н

Я прямо разъярен!

Дон Цезарь

Я истинно взбешен!

Дон Гури т а н

Но шпаги налицо.

Дон Цезарь

Да, шпаги из ножен!

Дон Гури т а н

Я изгнан был почти!

Дон Цезарь

Я был почти повешен!

Дон Гури т а н

По делу важному отъезд мой был поспешен, —
И что ж я должен был везти на дне ларца?
Записку: «Этого скучнейшего глупца
Подольше при дворе прошу вас задержать я».

Дон Цезарь
(разражаясь хохотом)

Но кто ж так пошутил? Ха-ха-ха-ха!

Дон Гуритан

Проклятье!

Дон Цезарь де Басан!

Дон Цезарь
(серьезно)
Ах, так?..

Дон Гуритан

Каков нахал!

Он с извиненьями лакея мне прислал!
Я даже на глаза не допустил лакея —
Отправил под арест, а сам ищу злодея,
Его хозяина. Изменник и наглец!
Он шпаги ждет моей! Да где ж он наконец,
Дон Цезарь де Басан? Где он?

Дон Цезарь

Он перед вами.

Дон Гуритан

Вы издеваетесь?

Дон Цезарь

Нет, ясными словами
Я заявляю вам: я — де Басан.

Дон Гуритан

Опять?

Дон Цезарь

Ну, разумеется.

Дон Гуритан

Прошу не продолжать.
Оставьте ~~роль~~ играть! Мне шутки надоели.

Дон Цезарь

А мне так вы смешны. Забавно, в самом деле!
Припадок ревности? О, этот яд жесток.
Всегда нам тяжелей наш собственный порок,
Чем оскорбления, что отвести мы ищем;
И я бы предпочел быть не скупцом, а нищим,
И чем ревнивым быть — скорей носить рога.
Но к вам была судьба особенно строга!
Почтеннейший сеньор, мне жалко вас по чести:
И ревность и рога — досталось вам все вместе.
Да, да! Назначено свиданье в час ночной
Мне нынче вашею прелестною женой.

Дон Гуритан

Моей женой?

Дон Цезарь

Ну да.

Дон Гуритан

Да что ж все это значит?

Я не женат.

Дон Цезарь

Но кто из нас кого дурачит?
В негодовании пятнадцать уж минут,
Как разъяренный тигр, бушуете вы тут.
К чему же быть смешным, когда вы не женаты?

Дон Гуритан

Вы знаете ль, что я требую расплаты?

Дон Цезарь

Ба!

Дон Гуритан

Слишком дерзки вы, сеньор!

Дон Цезарь

Не может быть!

Дон Гуритан

И я заставляю вас за это заплатить!

Дон Цезарь

(рассматривает с нахальным видом башмаки дон Гуритана, которые едва видны из-под пышных бантов, по новейшей моде)

Вот удивительно! Случалось видеть прежде
Мне банты пышные на шляпах, на одежде,
Но никогда еще не видел до сих пор
На сапогах мужских я банты вместо шпор.
Как мило!

Дон Гуритан

На дуэль! Довольно!

Дон Цезарь

(невозмутимо)

Неужели?

Дон Гуритан

Хоть не дон Цезарь вы, но вы мне надоели!
Вторая очередь за ним, — я с вас начну.

Дон Цезарь

Боюсь, чтоб вы на мне не кончили войну.

Дон Гуритан

(протягивая ему одну из шпаг)

Хвастун! Немедленно!

Дон Цезарь

(беря шпагу)

Найти б вы не сумели

Мне развлечение приятнее дуэли.

Дон Гуритан

Где бьемся?

Дон Цезарь

За стеной. Ведь дом стоит в глуши,
И в переулке здесь прохожих — ни души.

Дон Гури тан
(пробуя кончик шпаги о паркет)
Убью сначала вас, а после — де Басана.

Дон Цезарь
Вот как?

Дон Гури тан
Ручаюсь вам.

Дон Цезарь
(тоже сгибая шпагу об пол)
Чтоб не было обмана —
Убьете ль вы меня или я вас убью, —
Но после этого я клятву вам даю,
Что не убьете вы дон Цезаря вторично.

Дон Гури тан
Довольно слов, сеньор, идем!

Дон Цезарь
Идем, отлично!

Они выходят. Слышен звук их удаляющихся шагов. Справа в стене открывается маленькая потайная дверь, и из нее выходит дон Саллюстий.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Саллюстий, один; на нем темнозеленый, почти черный костюм; он кажется озабоченным; осматривается и прислушивается с беспокойством.

Дон Саллюстий
Приготовлений я не вижу никаких.
(Замечает накрытый стол.)

Что значит это все?

Слышен шум в саду.

Какой-то шум?.. Затих.
(В раздумье прохаживается по авансцене.)
Сегодня Гудиэль пажа его заметил
И проследил его. Да, очень кстати встретил:

Паж к Гуритану шел. Но где же Рюи Блаз?
О дьявол! Этот паж... он исполнял приказ
И поручение имел от господина
Предупредить его! Конечно, тут контрмина!
Немых спросить нельзя. Оплошность тут моя.
Но Гуритана ведь не мог предвидеть я!

Входит дон Цезарь. Он держит в руках обнаженную шпагу, которую, войдя, бросает на кресло.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Саллюстий, дон Цезарь.

Дон Цезарь
(с порога)

Ага! Я так и знал: явился старый дьявол!

Дон Саллюстий
(оборачивается, пораженный)

Дон Цезарь!

Дон Цезарь
(скрестив руки на груди, громко хохочет)

Да, я здесь! Довольно я поплавал!
А что-то, милый друг, вы мастерите тут?
Некстати я попал в укромный ваш приют?
Так, сверху бухнулся, как камень, я в трясину!

Дон Саллюстий
(в сторону)

Пропало все!

Дон Цезарь
(смеясь)

Вы здесь плетете паутину —
Я это чувствую; я в доме здесь с утра.
Я вашу сеть порвал — пропала вся игра.
Да, кажется, я вам испортил все. Прелестно!
Тот малый с деньгами «на то, что вам известно»...

Дон Саллюстий
(в сторону)

Проклятье!

Дон Цезарь
(смеясь все громче и громче)
Допьяна его я напоил.
(Смеется.)

Дон Саллюстий

Но что же с деньгами?

Дон Цезарь
(величественно)

Я все их раздарил.
Есть у меня друзья.

Дон Саллюстий

Ты думаешь напрасно,
Что...

Дон Цезарь
(позвякивая золотом в карманах)

Но сперва себе кой-что оставил, ясно.
Пожалуй, поделил по-братски пополам.
(Снова смеется.)

Ну, а красавица, «та, что известна вам»?..

Дон Саллюстий

О!..

Дон Цезарь
(заметив его беспокойство)

От нее была старуха с красным носом
И с славной бородой; пришла она с вопросом:
Должна ль красавица прийти ко мне сюда?

Дон Саллюстий
(в сторону)

Мой бог!

(Громко)

Что ж ты сказал?

Дон Цезарь

Я ей ответил: «да»,
И что я жду ее во что бы то ни стало.

Дон Саллюстий

(в сторону)

Кто знает, может быть, не все еще пропало!

Дон Цезарь

Затем был ваш брестер, ваш храбрый капитан,
Который мне себя назвал — дон Гуритан.

Движение дон Саллюстия.

Пришел и заявил, от ярости краснея,
Что утром моего не принял он лакея,
И в полном бешенстве дуэль мне предложил...

Дон Саллюстий

Но что ж ты сделал с ним?

Дон Цезарь

На месте уложил.

Дон Саллюстий

Убил? Он мертв?

Дон Цезарь

Боюсь, сомнение бесплодно.

Дон Саллюстий

(в сторону)

О милость божия! Могу вздохнуть свободно.
Он мне не помешал — совсем наоборот;
Но может впереди наделать мне хлопот.
Что деньги? Пустяки! Сотрудник нежеланный
Быть должен устранен.

(Громко)

Все это очень странно.
И больше никого ты здесь не видел?

Дон Цезарь

Нет.

Но больше сохранять не стану я секрет:
Хочу, чтоб все меня в Мадриде увидали.
О, позабочусь я о миленьком скандале, —
Вам развлечения немало впереди.

Дон Саллюстий
(в сторону)

Чорт!

(Живо подойдя к дон Цезарю)

Деньги все возьми, но только уходи.

Дон Цезарь

Да, как же! Знаю я, устроите вы слёжку,
И снова попаду на прежнюю дорожку.
Но не желаю я носиться по волнам.
Нет, нет, благодарю!

Дон Саллюстий

Поверь...

Дон Цезарь

Ну, будет вам!

К тому ж, придворные интриги ваши зная,
Я вижу, как всегда: здесь лестница двойная.
Идут по ступеням к верхушке с двух сторон
Безжалостный палач и тот, кто осужден.
О, жертву вижу я: в глазах весь ужас муки,
И на спине крестом завязанные руки.
Палач, конечно, вы!

Дон Саллюстий

О!

Дон Цезарь

Меч у вас в руках.

Но снизу лестницу хватаю я — и... тррах!

Дон Саллюстий

Клянусь...

Дон Цезарь

Я не уйду, нет, — риск в моей натуре.
Участвовать хочу я в вашей аванюре.
О, вы умны, как бес, — поверьте, тут не лесть.
На ниточке у вас паяцев много есть,
И пляшут все они при каждом вашем жесте:
Так я один из них — и остаюсь на месте.

Дон Саллюстий

Послушай, я тебе все объяснить готов...

Дон Цезарь

Нет, нет, риторика! Не тратьте даром слов.
А! В Африку меня пиратам продаете?
А! Цезарей вы здесь фальшивых создаете?
А! Имя честное порочите мое?

Дон Саллюстий

Случайность чистая.

Дон Цезарь

Да, знаю я ее!

Случайность — кушанье; его не без охоты
Готовят жулики, едят же идиоты.
Случайностей тут нет. К чертям ваш план лети!
Несчастных ваших жертв намерен я спасти.
Я всем скажу, кто я, всем воробьям на крыше!

(Вскакивает на стул и смотрит в окно.)

Вот кстати альгвасил. — Эй вы, сюда!

(Просунув руку сквозь решетку окна, машет ею.)

Дон Саллюстий

(на авансцене, испуганно)

Тсс... тише.

(В сторону)

Коль узнан будет он — час гибели пришел.

Входят альгвасилы, предшествоваемые алькадом. Дон Саллюстий в полном замешательстве. Дон Цезарь подходит к алькаду с торжествующим видом.

Те же, алькад, альгвасилы.

Дон Цезарь
(алькаду)

Прошу вас занести немедленно в протокол...

Дон Саллюстий
(указывая алькаду на дон Цезаря)

Что Маталобос здесь известный.

Дон Цезарь
(в изумлении)

Что за шутки!

Дон Саллюстий
(в сторону)

Все будет спасено, коль выиграю сутки.

(Алькаду)

При ярком свете дня врывается он в дом.
Арестовать его! Тут и грабеж и взлом!

Альгвасилы хватают дон Цезаря за шиворот.

Дон Цезарь
(взбешенный, дон Саллюстию)

Покорный ваш слуга, сеньор! Вы лжете славно!

Алькад

Но кто ж позвал нас?

Дон Саллюстий
Я.

Дон Цезарь
Да это презабавно!

Алькад

Он смеет рассуждать?

Дон Цезарь
Я — Цезарь де Басан.

Дон Саллюстий

Он — Цезарь де Басан? Вот дерзостный обман!
Снимите плащ с него: у ворота, пониже,
«Саллюстий» вышито, — вы видите?

Альгвасилы срывают плащ, алькад его рассматривает.

Алькад

Да, вижу.

Дон Саллюстий

Колет же, что на нем...

Дон Цезарь

(в сторону)

Судьба играет мной!

Дон Саллюстий

(продолжая)

...У графа Альбы был украден им весной.

(Указывая на герб, вышитый на отвороте левого рукава)

А вот и герб его.

Дон Цезарь

(в сторону)

Да тут не колдовство ли?

Алькад

(рассматривая герб)

Две башни золотых.

Дон Саллюстий

Да. На лазурном поле.

Дон Цезарь пробует вырваться; при этом у него из кармана падает несколько червонцев. Дон Саллюстий указывает алькаду, как набиты карманы дон Цезаря.

Смотрите, золотом карман его набит.

Кто деньги держит так? Разбойник иль бандит!

Не дорожат казной беспутные бродяги.

Алькад

(качая головой)

Гм, гм...

Дон Цезарь
(в сторону)

Попался я!

Альгвасилы обыскивают его и отбирают деньги.

Альгвасил
А здесь еще бумаги.

Дон Цезарь
(в сторону)

О письма нежные! А я-то их берег!

Алькад рассматривает письма.

Дон Саллюстий
(обращая его внимание на надписи на письмах)
Все к графу Альбе.

Алькад
Да.

Дон Цезарь
Но...

Алькад

Случай нам помог:
Попался в руки к нам разбойник знаменитый.

Альгвасилы
Вот счастье-то!
(Связывают руки дон Цезарю.)

Альгвасил
(входя, алькаду)
Сеньор, в саду лежит убитый!

Алькад
Но кто ж убийца?

Дон Саллюстий
(указывая на дон Цезаря)

Он.

Дон Цезарь
(в сторону)

Ну, мне не повезло...

И надо ж, чтоб дуэль случилась, как на зло!

Дон Саллюстий

Вошел со шпагой он.

(Берет брошенную дон Цезарем раньше шпагу и
показывает ее алькаду.)

Взгляните.

Алькад
(рассматривая шпагу)

Все понятно.

Улики налицо: вот свежей крови пятна.

Свести его в тюрьму!

(Дон Цезарю)

Ступай, не рассуждай.

Дон Саллюстий
(дон Цезарю, которого уводят альгвасилы)
Ну, Маталобос, в путь!

Дон Цезарь
(делая шаг к нему и глядя на него в упор)
Какой вы негодяй!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ТИГР И ЛЕВ

Та же комната Ночь. На столе лампа. При поднятии занавеса Р ю и Б л а з — один. Длинный черный балахон скрывает его одежду.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Р ю и Б л а з

Итак, конец мечтам, исчезло сновиденье!
Я целый день блуждал по улицам в смятенье, —
И вот уж день прошел. В вечерней тишине
Спокойней дышится и думается мне.
Уж скоро ночь на все набросит покрывало.
Мне верить хочется, тревога миновала.
Вот я пришел домой: спокойно все кругом,
Немые наверху заснули крепким сном,
Вся мебель на местах, все заперто, и стены
Не ждут опасности и не таят измены.
Наверно, до нее достигла весть моя:
Мой паж — он предан мне, не сомневаюсь я;
Дон Гуритан вполне доверия достоин,
Коль речь идет о ней. Могу я быть спокоен.
О, дай поверить мне, всеправедный господь,
Что происки врага сумел я побороть,
Что больше не грозит ничто моей святыне,
Что за нее дрожать не должен я отныне
И порвана навек губительная сеть.
Мария спасена — мне можно умереть.

(Вынимает флакон, спрятанный у него на груди, и ставит его на стол.)

Презренный, ты умрешь! Смерть будет искупленье
За совершенное тобою преступленье.
Ждет бездна темная! Настал последний срок!
Умри в чужом углу, поруган, одинок!

(Распахивает черный балахон, под которым видна ливрея, та самая, что была надета на нем в первом действии.)

Пусть будет саваном тебе твоя ливрея!..
А если явится желанье у злодея
На жертву жалкую прийти сюда взглянуть?..
Ему я препражу ужасный этот путь!

(Загораживает потайную дверь креслом, затем возвращается к столу.)

Наверное, мой паж застал дон Гуритана:
Когда он уходил, совсем ведь было рано.
(Устремляет взгляд на флакон.)

Хоть тут распоряжусь я сам своей судьбой
И крышку гроба сам захлопну над собой.
Прибегну смело я к заветному напитку —
Сам выбрал казнь свою и сам назначил пытку.
Я утешать могу себя теперь одним:
Мне помешать нельзя — конец неотвратим.

(Падая в кресло)

О боже, боже мой! Она меня любила!
Что, если б счастье для нас возможно было?
(Закрывает лицо руками и рыдает.)

О боже, помоги, мне нехватает сил!

(Подымает голову и, как безумный, смотрит на флакон.)

Тот, кто мне продал яд, вдруг у меня спросил:
«Какой сегодня день?» А я забыл, не знаю..
Где я и что со мной — я плохо понимаю.
Как голова болит! Сжимает мне виски,
Как будто взяли их в железные тиски.
Людской жестокости нельзя найти предела:
Вы умираете — и никому нет дела..
Мне тяжело. Но меня любила ведь она?
Нельзя нам возвратить исчезнувшего сна,
Нельзя схватить рукой мелькнувшее мгновенье.
Еще я чувствую и уст прикосновенье

К пылающему лбу и взор небесный твой, —
И должен навсегда расстаться я с тобой!
Улыбка милая, руки твоей пожатые,
И легкие шаги, и нежный шелест платья —
Все для меня прошло и скрыто вечной тьмой,
И больше никогда...

(С тоской протягивает руку к флакону.)

В ту минуту, когда Рюи Блаз судорожно сжимает флакон, дверь в глубине открывается. Появляется королева; на ней белое платье и поверх него мантилья темного цвета с капюшоном, который, будучи откинут на плечи, позволяет видеть ее бледное лицо. Она держит в руке потайной фонарь, который ставит на пол, потом быстро направляется к Рюи Блазу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Рюи Блаз, королева.

К о р о л е в а

(входя)

Дон Цезарь!

Р ю и Б л а з

(испуганный, оборачивается, запахивает балахон, скрывающий его ливрею)

Боже мой!

Погибло все! Она во власти адских козней!

К о р о л е в а

Какой испуг!

Р ю и Б л а з

Зачем вы здесь, и в вечер поздний?

К о р о л е в а

Ты звал — и я пришла.

Р ю и Б л а з

Нет, нет, я вас не звал,

Нет!

К о р о л е в а

Но зачем ты мне тогда письмо прислал?

Р ю и Б л а з
(задыхаясь)

Письмо? Я? Вам?

К о р о л е в а
Да, ты — ведь я твой почерк знаю.

Р ю и Б л а з
Письмо? Я ничего уже не понимаю.
Какое-то письмо... Да тут сойдешь с ума!
Я к вам не посылал, я не писал письма!

К о р о л е в а
(вынимает из-за корсажа записку и протягивает ему)
Прочти.

Р ю и Б л а з
(порывисто хватая записку, наклоняется к лампе
и читает)

«Сеньора, я в опасности смертельной.
Вы только милостью своею беспредельной
И властью царственной могли б меня спасти...»

(Пораженный, смотрит на письмо, как бы не
в состоянии будучи читать дальше.)

К о р о л е в а
(продолжая и указывая пальцем в строчку, которую
она читает)

«...решившись вечером в мой скромный дом прийти.
Иначе я погиб».

Р ю и Б л а з
(угасшим голосом)
О, как он предал низко!
Я позабыл совсем. Та самая записка...

К о р о л е в а
(продолжает читать)

А здесь: «Вас будут ждать у двери потайной
И проведут ко мне...»

Р ю и Б л а з
(страшным голосом)

Уйдите!

К о р о л е в а

Боже мой!

Но что я сделала? Вы сердитесь... за что же?

Р ю и Б л а з

Как — что вы сделали? Как — что? Великий боже!
Вы губите себя!

К о р о л е в а

Но чем же?

Р ю и Б л а з

Как помочь?

Мне поздно объяснять! Скорей бегите прочь!

К о р о л е в а

Ведь чтобы не было и повода к сомнению,
Сегодня я с утра послала к вам дуэнью.

Р ю и Б л а з

С минутой каждою — как утекает кровь,
Уходит ваша жизнь! Бегите!

К о р о л е в а

(пораженная внезапной мыслью)

Нет! Любовь,

Такая, как моя, на подвиг вдохновляет.
Я чувствую, что вам опасность угрожает, —
Я с вами остаюсь.

Р ю и Б л а з

Безумье! В этот час,

Наедине со мной...

К о р о л е в а

Но ведь письмо от вас.

Его писали вы. Меня вы звали сами.

Р ю и Б л а з
(в отчаянии поднимая руки к небу)

Мой бог, я вас не звал! Клянусь вам небесами!

К о р о л е в а

И вдруг хотите вы теперь, чтоб я ушла?

Р ю и Б л а з
(беря ее за руки)

Поймите же...

К о р о л е в а

Я все отлично поняла:
Ты написал письмо под первым впечатленьем,
И вот...

Р ю и Б л а з

Я не писал. Поверьте увереньям.
Несчастное дитя, напрасен подвиг твой:
Ты стала жертвою ошибки роковой,
Ад на тебя восстал, и бог тебя покинул.
Я, чтоб тебя спасти, из груди сердце б вынул...
О, я люблю тебя! Беги!

К о р о л е в а

Дон Цезарь!

Р ю и Б л а з

Стой!

Вот мысль ужасная: что, если... боже мой!..
Кто отворил тебе? Как ты сюда попала?

К о р о л е в а

Мне отпер...

Р ю и Б л а з
Кто? Скажи?

К о р о л е в а

Не знаю, не видала.
Он в черной маске был.

Р ю и Б л а з

Ах, в маске! Это был

Высокий человек, скажи?..

Человек в маске, одетый в черное, входит через заднюю дверь.

Человек в маске

Я ей открыл!

(Снимает маску.)

Это дон Саллюстий. Королева и Рюи Блаз с ужасом узнают его.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, дон Саллюстий.

Р ю и Б л а з

О государыня! Спасайтесь!

Д о н С а л л ю с т и й

Нет! Напрасно!

Принцессе Нейбургской остаться не опасно,
А государыни испанской — больше нет.

К о р о л е в а
(в ужасе)

Вы, дон Саллюстий!

Д о н С а л л ю с т и й

Да. Исполнен мой обет.

(Указывая на Рюи Блаза)

Любовника нашли вы в этом человеке,
И неразрывно с ним вы связаны навеки.

К о р о л е в а

Дон Цезарь, боже мой, да это западня!

Р ю и Б л а з
(в отчаянии)

О, что вы сделали!

Д о н С а л л ю с т и й
(медленно подходя к королеве)

Но слушайте меня:
Теперь в моих руках Испаньи королева...

Не бойтесь ничего. Я говорю без гнева.
Здесь в доме, в час ночной, я вас наедине
С дон Цезарем застал. Не возражайте мне.
Довольно этого уж будет несомненно,
Чтоб брак ваш с королем расторгнул Рим

мгновенно.

Его святейшество узнает обо всем
Незамедлительно. Но выход мы найдем,
И все останется строжайше под секретом.
Поставьте подпись вы — здесь, на письме вот этом.

*(Вынимает из кармана пергамент, который разворачивает
и подает королеве.)*

Его мы королю от вас передадим.
А сами в экипаж садитесь вместе с ним.

(Указывает наружу.)

Я приготовил все; вас ждет в саду карета,
В ней с золотом ларец. Послушайтесь совета:
В дорогу лучше вам отправиться сейчас.
Я сделал все, никто не остановит вас,
Вы прямо можете доехать до Толедо
И — в Португалию, а там пропасть без следа.
Закроем мы глаза... Но выбора вам нет.
Пока мне одному известен ваш секрет,
А коль откажетесь, — прошу, без возмущенья! —
Узнает весь Мадрид об этом приключенье.
Вы у меня в руках.

К о р о л е в а

(сраженная, падает в кресло)

Да, я в его руках!

Д о н С а л л ю с т и й

(указывая на стол с письменными принадлежностями)

Извольте, вот перо. Оставьте детский страх.

*(Тихо, Рюи Блазу, который все это время стоит непо-
движно, как бы пораженный громом)*

Не бойся, милый друг. Всегда стою на страже
Я счастья твоего, стараюсь для тебя же.

(Королеве)

Пишите.

Королева
(трепещущая, в сторону)
Как мне быть?

Дон Саллюстий
(склоняясь к ее уху и подавая ей перо)

Ну, что для вас корона,
Раз можно счастье найти в замену трона?
Здесь нету никого. Мы тайну соблюдаем,
И будем это все знать только мы втроем!
(Пытаясь вложить в ее пальцы перо, которое она не
отталкивает и не берет)

Ну что же?

Королева в нерешительности и растерянности смотрит на него
с тоской.

Помните, что вас отказ погубит:
Скандал и монастырь!

Королева
(подавленная)

О боже!

Дон Саллюстий
(указывая на Рюи Блаза)

Он вас любит,
И не унижит вас подобная любовь —
Ведь он достоин вас, в нем царственная кровь.
Он гранд Испании и граф, клянусь вам честью!
Есть замки у него и ленные поместья.
Во всей Испании нет никого знатней.
(Тянет к пергаменту руку королевы, растерянной и
трепещущей. Она уже готова подписать.)

Рюи Блаз
(словно внезапно проснувшись)

Мне имя Рюи Блаз, и я простой лакей.
(Вырывает из рук королевы перо и разрывает пергамент.)
Вы не подпишете! Теперь вздохну я вольно!

К о р о л е в а

Что, что он говорит? Дон Цезарь!..

Р ю и Б л а з

Нет! Довольно!

(Сбрасывает балахон и остается в ливрее, без шпаги.)

Я говорю, что я лакей. Я — Рюи Блаз!

(Оборачиваясь к дон Саллюстию)

Я говорю, сеньор, что наступает час,
Когда я, наконец, как тягостную ношу,
Мое предательство с души усталой сброшу.
Я счастья не хочу. Напрасно, злобный дух,
Вы шепчете о нем — я замыкаю слух.
Все ваши замыслы меня уж не обманут.
Я узел разорву, хоть крепко он затянут.
Довольно я терпел и, к моему стыду,
Шел с вами по пути, — но дальше не пойду.
Мы делим: у меня лакейская ливрея,
У вас же, мой сеньор, у вас — душа лакея!

Д о н С а л л ю с т и й

(королеве, холодно)

Да, он действительно лакей мой Рюи Блаз.

(Рюи Блазу, повелительно)

Ни слова более!

К о р о л е в а

(вскрикнув, наконец, от отчаяния и ломая руки)

И бог меня не спас!

Д о н С а л л ю с т и й

Но... он заговорил немного слишком рано.

Ну что же? Месть моя полна и без обмана!

(Выпрямляется, скрестив руки; громовым голосом)

Ну, что вы скажете о выдумке моей?

Смеяться весь Мадрид заставлю я над ней!

(Королеве)

А! Свергли вы меня? — Я трона вас лишаю!

Меня изгнали вы? — А я вас прогоняю!

Хотели в жены мне служанку дать свою? —
А я в любовники лакея вам даю!

(Со взрывом хохота)

Но можете вы стать его женой, конечно, —
Здоровье короля, увы, недолговечно!
Надеюсь я, что вам придется по душе,
В замену всех дворцов, рай с милым в шалаше.

(Смеется.)

А! Герцогом его вы сделали? Занятно!
Чтоб герцогиней стать самой вам, вероятно?

(Скрежеща зубами)

Вы уничтожили меня, втоптали в грязь,
Безумная! И спать могли вы, не боясь?

Пока дон Саллюстий говорит, Рюи-Блаз идет к задней двери и запирает ее на засов, потом медленными шагами незаметно подходит к нему сзади. При последних словах дон Саллюстия, окидывающего униженную королеву взглядом, полным ненависти и торжества, Рюи-Блаз хватается шпагу маркиза за эфес и быстро извлекает ее из ножен.

Р ю и Б л а з

(с грозным видом, вооруженный шпагой дон Саллюстия)

Монархиню свою вы оскорбить посмели?

Дон Саллюстий бросается к двери; Рюи-Блаз преграждает ему путь.

О нет! Чтоб уползти, вы не найдете щели.
Не пробуйте: засов задвинул я давно.
Маркиз, сам сатана с тобой был заодно.
Но если он теперь спасти тебя желает,
Пускай из рук моих тебя он вырывает!
Должны уничтожать мы ядовитых змей.
Ни слуги, ни сам ад с своею силой всей
На помощь не придут. Надежда бесполезна,
И в страхе корчишься ты под пятой железной!

(Королеве)

Он смел вас оскорбить! О, этот человек!
Чудовище! Вчера он сердце мне рассек!
Меня он унижал, чтоб сделать мне больнее —
Всю душу истерзать насмешкою своею.
Я умолял его... И как он был жесток!

Он с полу приказал поднять его платок!

(Маркизу)

Пытались вы свои обиды перечислить.
Но что бы ни было — как смели вы помыслить
Свою монархиню — при мне — так оскорбить?
А вы еще умны! И вдруг вообразить,
Что беспрепятственно я это вам дозволю!
Нет! Что бы смертному ни выпало на долю,
Будь герцог иль холоп, — когда пред ним злодей,
Преступной хитростью вооружась своей,
Свершает подлые и страшные деянья,
То вправе он тогда в своем негодованье
Плевком ему в лицо швырнуть свой приговор
И в руки шпагу взять, иль нож, или топор
И преступление карать везде и всюду.
Да! Я лакеем был, но палачом я буду!

К о р о л е в а

Не убивайте лишь!

Р ю и Б л а з

Молю меня простить,
Но должен это все я тут же прекратить.
(Толкает дон Саллюстия в соседнюю комнатку.)
Идите же читать предсмертную молитву.

К о р о л е в а

Нет, нет!.. Ты не убьешь!

Д о н С а л л ю с т и й

Я смело шел на битву,
В сражении с врагом мне был неведом страх!
(Безоружный, яростно озираясь по сторонам.)
Но так?.. Здесь даже нет оружия на стенах.

(Рюи Блазу)

Верни хоть шпагу мне!

Р ю и Б л а з

Маркиз! Какие шутки!
Ужель дворянские забыл ты предрассудки?
Дуэль со мною? С кем? Ведь я же твой лакей,

Наемник твой, один из челяди твоей,
Одетый в красную ливрею с галунами...
Какая же дуэль возможна между нами?
Я, жалкий раб, кого ты вправе гнать и бить,
Я право взял себе одно — тебя убить.
И я убью тебя, как вора, негодяя,
Как бешеного пса!

К о р о л е в а

О, сжальтесь, умоляю!

Р ю и Б л а з

(королеве, схватив маркиза)

Нет! Месть! Никто мой меч не сможет отвести,
И ангел демона не в силах уж спасти.

К о р о л е в а

(на коленях)

Пощады я молю!

Д о н С а л л ю с т и й

(кричит)

На помощь! Убивают!

Р ю и Б л а з

(подняв шпагу)

Молчи!

Д о н С а л л ю с т и й

(бросаясь на него, с криком)

Убийство!

Р ю и Б л а з

(толкая его в соседнюю комнатку)

Нет. Возмездье наступает!

Они исчезают в комнатке, дверь которой захлопывается за ними.

К о р о л е в а

(оставшись одна, падает, почти в обмороке, в кресло)

О небо, помоги!

Короткое молчание. Р ю и Б л а з возвращается, бледный, без шпаги.

Королева, Рюи Блаз.

Рюи Блаз, шатаясь, делает несколько шагов к королеве, неподвижной и ледяной, затем падает на колени, не смея поднять на нее глаза.

Рюи Блаз

(проникновенным и тихим голосом)

Я все теперь скажу.

Я не приближусь к вам! Я слов не нахожу...
Мне трудно высказать, чтоб все вам стало ясным.
Мое предательство вам кажется ужасным?
Нет, низких замыслов в душе я не таил:
Но победить любовь мне нехватило сил.
Все в этом! Не ищу, не стою сострадания,
Не пробую себе найти я оправданье, —
Но как я вас любил! Любил, как божество!
Я не приближусь к вам — не бойтесь ничего.
Я все вам расскажу... Весь день я, как безумный,
Блуждал по улицам бесцельно и бездумно;
Мой ум был помрачен, и мысли все мертвы.
К больнице я пришел, что основали вы.
Я на себе ловил испуганные взгляды.
Не помню, как дошел до каменной ограды;
Я сел на ступенях больничного крыльца,
И кто-то подошел, мне вытер пот с лица.
О, сжальтесь надо мной!

Королева

Чего же вы хотите?

Рюи Блаз

(молитвенно складывая руки)

Чтоб вы простили мне.

Королева

Нет. Никогда!

Рюи Блаз

Простите!

Королева

Я не могу простить.

Р ю и Б л а з

Вы не простите?

(Встает и медленно подходит к столу.)

К о р о л е в а

Нет.

Р ю и Б л а з

Ужели?

К о р о л е в а

Никогда.

Р ю и Б л а з

*(берет со стола флакон, подносит его к губам
и выпивает залпом)*

Погасни, жалкий свет!

К о р о л е в а

(вставая и подбегая к нему)

О, что вы сделали?

Р ю и Б л а з

(ставя флакон на стол)

Окончил все мученья.

Вы проклинали меня, мне нет прощенья.

А я!.. С любовью я благословляю вас.

Вот только и всего... Конец... Огонь погас.

К о р о л е в а

(в полной растерянности)

Дон Цезарь, боже мой, что в этой склянке было?

Скажи, о цезарь мой! Я все тебе простила,

И я люблю тебя.

Р ю и Б л а з

Мне имя — Рюи Блаз.

К о р о л е в а

(обнимая его)

Да, Рюи Блаз, да, да... Но заклинаю вас —

Ведь это был не яд, скажите?

Р ю и Б л а з

Яд. Смертельный.

Но в сердце радости я полон беспредельной.

(Держа королеву в объятиях и подняв глаза к небу)

О, допусти, господь, во благодости твоей,

Чтобы монархиню благословил лакей!

(Королеве)

Ты сердцу бедному дарила утolenье:

При жизни — свет любви, в час смерти — сожаленье.

К о р о л е в а

Он отравился! Яд! Ах! Здесь вина моя.

А я люблю его! Когда б простила я?

Р ю и Б л а з

(слабея)

Я б так же поступил.

(Голос его угасает.)

Королева держит его в своих объятиях

Жить было невозможно...

(Указывая ей на дверь)

Все будет тайною: ты выйдешь осторожно.

Прости и помни лишь, что умер я любя...

Прости!

(Падает.)

К о р о л е в а

(бросаясь к нему)

О Рюи Блаз!

Р ю и Б л а з

(перед смертью, когда королева произносит его имя, на мгновение приходит в себя)

Благодарю тебя!

ТОРГВЕМАДА

ОТ МОНАХА К ПАПЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Торквемада.
Дон Санчо де Салинас.
Донья Роза д'Ортез.
Хиль, маркиз де Фуэнтель.
Фердинанд, король
Александр VI, папа
Франциск Паоланский.
Гучо, шут
Настоятель.
Епископ Урхельский.
Монахи, солдаты.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

In pace ¹

Каталония. Пограничные горы. Латерранский монастырь ордена августинцев монашеского устава святого Руфа.

Старинное монастырское кладбище, похожее на запущенный сад. Южный апрель. Кресты и надгробья в траве и под деревьями. Земля покрыта буграми могил. В глубине — монастырская стена, очень высокая, но разваливающаяся. Ее делит надвое большой пролом, через который видно деревню. Под одной частью стены в углу на могиле — железный крест. Другой, очень высокий крест с золоченым мистическим треугольником находится на вершине каменного возвышения, господствующего над всем кладбищем. Впереди, на самой земле, квадратное отверстие, обрамленное плоскими камнями, лежащими на одном уровне с травой. Рядом видна длинная плита, имеющая своим назначением, повидимому, закрыть в случае надобности отверстие. Внутри отверстия можно различить первые ступеньки узкой каменной лестницы, спускающейся в склеп. Это — гробница, с которой снята крышка, и поэтому видна ее внутренняя часть. Плита, лежащая рядом, — крышка гробницы.

При поднятии занавеса на сцене находится настоятель монастыря в одежде августинца. В глубине сцены молча проходит старый монах в одежде доминиканца. Монах движется медленно, кланяется, опускаясь на одно колено перед всеми встречными крестами, затем исчезает. Настоятель остается один.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Настоятель, затем незнакомец.

Настоятель с лысиной, окруженной как бы короною седых волос, белобородый, в одежде из грубой шерсти. Он смотрит на стену и затем задумчиво идет между могил.

Н а с т о я т е л ь

Запущен монастырь... Всё в терниях, в кустах...

Вероотступный век... Развал в святых местах...

(Рассматривает пролом в стене.)

¹ В мире (лат.).

Тут послушник любой свободно проберется!
Устала и стена: ветшает, раздается,
Служить защитой давно уж перестав.
Увы, она ничуть не крепче наших прав:
В них трещины свои, своя их ржа снедает.
Ветвь зелени святой, как видно, увядает,
И папы лениятся, бороться не хотят,
И принцы — черные — летят к нам и летят,
Чтоб трепетали мы под их орлиной тенью.
Порядки, правила, обрядов соблюдение,
Уставы, хартии — все сгнуло... И вот
Всё ниже спину гнем: а вдруг да кто побьет!
Нетрудно утонуть в дворцовых кознях, в сплетнях:
Должны мы нянчить здесь высочеств малолетних —
Мальчишек, девочек, ублюдков может быть...
Но что поделаешь? Не смеем возразить!

(Останавливается перед отверстием склепа.)

А если некий суд вот здесь и совершают,
Так — над одним из нас.

(Вновь начинает рассматривать стену.)

Наш старый дом ветшает,
А вместе с ним и мы! И каплет кровь Христа,
И гуще что ни час позор и темнота.

Через пролом входит человек, закутанный в плащ; шляпа надвинута на глаза. Он останавливается на грудѣ развалин у пролома.
Настоятель замечает вошедшего.

Н а с т о я т е л ь

Ты, человек, уйди!

Ч е л о в е к

Нет!

Н а с т о я т е л ь

Прочь иди, разиня!

Здесь кладбище!

Ч е л о в е к

И что ж?

Н а с т о я т е л ь

Здесь — древняя святыня!

Ч е л о в е к

Ах, вот что!

Н а с т о я т е л ь

Ходят днем здесь только чернецы,
А ночью в саванах блуждают мертвецы.
Тому несдобровать, кто тут дерзнет шататься!
Отсюда лишь на казнь уходят святотатцы:
Для знатного — топор, а мужику — петля!
Прочь!

(Высокомерно смеется.)

Ты ведь не король!

Ч е л о в е к

Король.

Н а с т о я т е л ь

Как, вы?

Ч е л о в е к

Да, я!

Н а с т о я т е л ь

Но кто докажет мне, что ваша речь правдива?

Ч е л о в е к

Сюда!

(Делает знак.)

Вооруженный отряд появляется в проломе, король указывает солдатам на настоятеля.

Вот этого на виселицу, живо!

Солдаты проникают через пролом, окружают настоятеля. С ними входят маркиз де Фуэнтель и Гучо. У маркиза де Фуэнтеля седая борода, одет он в богатое одеяние гроссмейстера ордена Алькантары. Гучо — карлик, одет в черное, на голове шапочка с бубенчиками. В руках Гучо держит две шутовских погремушки, одну — золотую, с головкой мужчины, другую — медную, с головкой женщины.

Настоятель, король, маркиз де Фуэнтель, Гучо,
эскорт короля.

Н а с т о я т е л ь
(*бросаясь на колени*)

Простите, государь!

К о р о л ь

Прощу тебя я. Но
Ты должен выполнить условие одно.
Ты кто?

Н а с т о я т е л ь

Аббат я.

К о р о л ь

Знай: коль будешь непритворно
Правдив во всем — прощу. А за лукавство —
вздерну.

(*Оставляет настоятеля, окруженного солдатами, и подходит к маркизу де Фуэнтелю, стоящему на авансцене.*)

Помолимся, маркиз!

(*Бросает свой плащ слуге, стоящему сзади, и остается в одеянии гроссмейстера ордена Алькантары с большими четками сбоку. Несколько мгновений перебирает четки, затем оборачивается к маркизу.*)

Супруга далеко,
И быть мне одному привольно и легко.
А сделаться вдовцом — еще милей! Шучу я...

Г у ч о

(*он сидит на земле, свернувшись калачиком у самого края могилы, и прижимает погремушки к груди; в сторону*)

Но мир в унынии.

К о р о л ь

Маркиз, я что-то чую.

Я не случайно здесь. Узнаешь ты сейчас,

В чем суть... Идем сюда!

*(Делает ему знак следовать за собой ближе к могиле,
у которой свернулся калачиком Гучо.)*

М а р к и з

Готов я слушать вас!

Г у ч о

(в сторону)

Я ветер слушаю. Поведает мне ветер,
Что вы затеяли.

К о р о л ь

(маркизу)

Секрет! В твоём совете

Нуждаюсь.

Г у ч о

(в сторону)

Ба, пустяк! Ешь, пей и не тужи!

М а р к и з

(королю)

А не прогнать шута?

К о р о л ь

Он не поймет!

(К Гучо)

Лежи!

Г у ч о сжимается в тени сзади короля, стараясь сделаться как можно меньше.

К о р о л ь

(приближаясь к маркизу)

Маркиз! Отчаянно я женщин обожаю!

И мне мила твоя безнравственность... бывая...

Ведь стал и ты ханжой теперь, на склоне дней!
И это хорошо! О вера! Только в ней
Мы очищение от скверны обретаем.

(Крестится.)

М а р к и з

Над той обителью, чей быт мы изучаем,
Два повелителя — Кагор и Гент — царят...

К о р о л ь

Ты волокитой был. Да впрочем, говорят,
Ты и сейчас таков. А в юности когда-то
Красавиц будто бы совсем сводил с ума ты.
Я слышал, старина, ты был прелестный паж!
Не верится теперь. Но утренний пейзаж
Бывает солнечным, а днем приходят тучи.
Бывает! Знаешь ли, рассказывают случай
О маленьком паже — тебе, как я пойму...
Горвоной ты звался?

М а р к и з

Нет! Что вы? Почему?

К о р о л ь

Для неких тайных дел. Ты наглым был повесой,
Интрижку будто бы затеял ты с принцессой!

М а р к и з

Я?

К о р о л ь

Повесть целую рассказывали мне,
Что дурня-короля в какой-то там стране
Ты сыном наградил. Все это вздор, возможно...

М а р к и з

Я в милости у вас. Завистники безбожно
Клевещут на меня.

К о р о л ь

Естественно. Но я
Превыше болтовни. Не слушаю вранья.
Да и до истины мне тоже дела мало.

Король я! Пусть твой род ведет свое начало
Хотя бы от шута, хотя бы от слуги,
Но сделал с ловкостью ты первые шаги!
Твой путь извилист, подл... Но кто ж наверно знает,
Кем был его отец? Меня в тебе прельщает
Уменье, спрятавшись, быть вечно на виду.
Ведь норка ящери в каком-нибудь саду,
Морского ворона гнездо, ракушка слизня
Годились бы вполне для зарожденья жизни
Такой угодливой и скользкой, как твоя.
Тебя вельможею кастильским сделал я;
И граф ты и маркиз по моему велению.
Ты всяких титулов нечистое скопление
Добыл плохим путем, но очень ловко все ж.
Где сила ни к чему, там хитростью берешь.
И не боишься ты духовного синклита:
Коль с ними сцепишься, их карта сразу бита,
Хоть зачастую поп зловреднее, чем чорт!
Тихоня ты на вид, внутри отважно горд,
И, ползать созданный, ты не боишься бури,
И есть отчаянность во всей твоей натуре:
Коль нужно — шпагою ты действуешь, старик.
Толкаешь ты на зло, но сам ты ни на миг
Злодеем не бывал: ты руки умываешь,
И этой чистотой ты, граф, всегда блистаешь.
Ты вором стал из слуг, вельможей из воров.
Способен ты на все — и даже на любовь!
Смешно мне: я люблю следить твои затеи!
Так пресмыкаются какие-нибудь змеи.
Весьма задумчиво ты вьешь за нитью нить,
Чтоб всякие концы во тьме полночной скрыть.
Твое богатство, ум, распутство, вдохновенье —
Все это страшные, зловещие явления.
Доволен я тобой, меня к тебе влечет.

М а р к и з

Король! Гвадалквивир у ваших ног течет,
Неаполь уж давно под знаменем Кастильи.
Французов короля в бою вы победили.
Страшны вы Африке: не раз уж видел мир,
Как ваша тень, король, ложится на Алжир!

Вы в Сосе родились, а он в таком соседстве
С Наваррой, что о ней мечталось вам и в детстве.
Она тянулась к вам. Родятся короли,
Уверен я, не зря вблизи чужой земли.
Вы католический король, но тем не менее
Прижали церковь вы — и кончилось брожение:
Республиканский дух развеялся вконец;
Пред королем дрожит и сам святой отец.
Его колоколов не слышится трезвона,
Коль ваш набат звучит. Кастильские знамена
От Этны вознеслись до Инда берегов,
И, повергая в страх коварнейших врагов,
Победу одержал в Гранаде мавританской
Ваш славный генерал Гонсало Кордуанский.
Конечно, он храбрец, но вы еще смелей.
Вы молоды, но вы — глава всех королей.
И если вы попа пошлете на галеры,
Рим только морщится, не гневаясь без меры.
Кто Торо покори́л? Вы. Впрочем, не найдешь
Слов, чтоб восславить вас. Я предан...

К о р о л ь

Это ложь!

М а р к и з

О! Вы — величие, а я ничтожен.

К о р о л ь

Ладно!

Ты восхваленьями наскучил мне изрядно.
Я знаю, милый мой, — все это болтовня
Я темен для тебя, ты смутен для меня.
Играю в добряка, ты в честного играешь.
На деле мы враги И ты об этом знаешь.
Мне мерзостен лакей Ты враг для короля.
Убил бы ты меня, когда бы мог. А я
В один прекрасный день тебе не дам пощады.
Но нынче мы друзья.

М а р к и з открывает рот, чтобы возразить

Не возражай! Не надо
Потока жалких слов. Итак, советник мой,

Ты в черных помыслах, я также полон тьмой.
Две бездны ярости в обоих нас сокрыты.

Маркиз снова пытается заговорить, но король останавливает его и продолжает:

Я заглянул в тебя. Мне в душу загляни ты.
У каждого из нас есть темное окно —
Зловещие сердца в них видеть нам дано.
О преданность твоя! Любовь! Седой изменник,
Тебе ведь ничего не нужно, кроме денег.
Карману моему ты служишь от души.
И только в этом суть. Довольно, не смей!
Да. Ты мне ко двору. Преступные советы
Ценю. Но маски прочь! Предпочитаю это.
Сказать мне истину? Никто бы так меня
Обидеть не посмел. Но не стесняюсь я
Пооткровенничать со всякими плутами.
Да, глухи к истине правители, но сами
Не прочь ее изречь. Болтун, уразумей,
Что я, король, правдив, а лжив лишь ты — лакей.
Теперь поговорим.

Маркиз

Но...

Король

Каторжные узы —
Вот доля короля! Тяжеле нет обузы.
Быть молодым, живым, любителем затей
И в сердце ощущать круговорот страстей;
Быть пороха, огня и крови смесью темной;
Стремиться все схватить рукою неумейной,
Испробовать на вкус и бросить, изломав;
И жаждать женщины и всяческих забав;
И чутя девственность и, чем она нежнее,
Тем яростней желать скорей покончить с нею;
Мужчиной, плотью быть от головы до пят...
Но длится, что ни ночь, великолепный ад.
Ведь только призрак ты на королевском ложе!
Ты даже не король, ты — королевство! Боже!

Ты — городов и стран какой-то жуткий сплав!
Держава, над тобой победу одержав,
Тебя лишила сил, ты лишь ее подобье.
Ее провинции сплелись в твоей утробе.
На карту поглядев, ты говоришь: «Вот — я!
Вот лоб мой — Алькалá! А пятки у меня —
Херона!» И в больном, слабеющем сознание
Растет империя — одно твоё желанье.
В тебе — потоки рек, морская глубина;
Горько-соленая над ней кипит волна;
А пламень над волной тебя и жжет и душит.
Ты чувствуешь: весь мир сочится через душу...
Жена — чудовище. И я всегда при ней,
Невольник дней ее и каторжник ночей.
Светильник высоко, тьма что ни ночь, то гуще.
Нет нас печальнее, хоть мы и всемогущи.
Мы охлаждаемся, сближаясь. Бог занес
На голый, никому не ведомый утес,
Что над Альгарвией вознесся и Леоном,
Хаэном, Бургосом, Кастильей, Арагоном,
Две эти куколки, две маски, жуткий прах:
Угрозу — короля и королеву — страх!
Да, сладко властвовать — я отрицать не стану;
Но над тиранами ведь тоже есть тираны.
Всегда притворствуй, лги и вдвое промолчи
И вдвое побледней; не плачь, не хохочи!
Уррака в ней живет, во мне воскрес Алонсо:
Мужчина мраморный и женщина из бронзы!
Народы пленные нас обожают, но,
Благословенные, мы прокляты давно,
И в дыме от кадил в одно слились мы тело —
Я, идол Фердинанд, и идол Изабелла.
Два трона-близнеца, блестя, слились в одно,
Друг друга различить не можем мы давно,
А вступим в разговор — могилы щерят зевы,
И не уверен я, жива ли королева.
Она настолько труп, насколько деспот. Я
Заледенил ей кровь, когда рука моя
На скипетре с ее рукой скрестилась. Это
Бог руки мумии связал с рукой скелета.
Но все-таки я жив. Блистательная тень
Не я! О нет, не я! Бывает все же день,

Когда от этого давящего величья
Бегу я, потеряв державное обличье,
И, как на солнцепек пробравшийся дракон,
Блаженству предаюсь, безмерно просветлен.
О счастье! Я уже не черный пленник трона!
Лечу я с быстротой смерча или циклона.
Свободен от ярма, бросаюсь я теперь
К добру и к злу. Рычу, как будто дикий зверь.
Топчу я мантию. А душу я широко
Для оргии раскрыл, для песен, для порока.
Я не король, не раб, не мученик. И вот
Я когти выпустил. И страсть моя растет.
Стыдливость женщины, с распятием епископ —
Все это злит меня. Я весел, дик, неистов.
Осатанелое вскипает естество.
Мстит человек во мне за то, что я его
Пытался превратить в бесплотное виденье.

(Задумчиво)

Назавтра стану вновь я призраком и тенью.

(Маркизу)

Конечно, атомом колосса не проймешь!
И, разумеется, маркиз, ты не поймешь,
Зачем свое нутро я вывернуть бесстыдно
Хочу перед людьми. Но мне-то ясно видно:
Чем омерзительней распущенность моя,
Тем больше ужаса к себе рождаю я;
И чем постыднее творю я безобразья,
Тем больше всех людей я смешиваю с грязью.
Честь, уважение, долг — их всех гоню за дверь.
Я был лишь королем — свободен я теперь!
Не понял ты меня? Испуган? Хорошо же!
Пусть завтра у тебя озноб пойдет по коже —
Так холодно взгляну, когда войдешь ко мне,
Что ты подумаешь: привиделось во сне
Все это пьяное горнило огневое,
Где на твоих глазах горит мое бывшее,
Мой королевский сан, со скипетром моим,
Затем, чтоб из огня я вышел ледяным!

(Снова берет четки.)

Молитву завершим.

Г у ч о
(*глядя на короля снизу, в сторону*)

Молись!

К о р о л ь

Ну, вот теперь я
Монаха расспрошу.

Г у ч о
(*наблюдая за королем, в сторону*)

Какое лицемерье!

Не верит ни во что. Душа его темна.
Но страшным хаосом наполнена она.
Лишь «Отче наш» прочтет — и поглупеет сразу
И папе в тот же миг уступит без отказу.
Священника побьет — и затрепещет сам,
Готов пылинкою упасть к его ногам.

(*Крестится.*)

Таков он, наш король, жестокий, лицемерный,
Развратник и притом католик правоверный.
Ну что ж! Католиком его и прозовут.

К о р о л ь
(*настоятелю*)

Сюда!

Н а с т о я т е л ь , приближается, скрестив руки на груди и опустив
глаза.

Не вздумай лгать.

Н а с т о я т е л ь кланяется Уже несколько минут, как старый
монах в одежде доминиканца появился в глубине сцены. Он идет,
опустив голову, ни на кого не обращая внимания, занятый только
тем, что кланяется крестам на всех могилах, мимо которых проходит.
Видимо, он бормочет молитвы.

Кто это бродит тут?
Что за монах? Угрюм! От вас отличен платьем.
Он кланяется всем кладбищенским распятьям.

Н а с т о я т е л ь

Он не в своем уме.

К о р о л ь
Как бледен!

Н а с т о я т е л ь

Бденье. Пост.

Всю ночь он молится. Он бредит, духом прост.
Под солнцем бродит он с открытой головою.
Явиться к папе в Рим он одержим мечтою
И, на колени пав, сказать ему о том,
В чем долг его. А мы бесед с ним не ведем;
Должны глухими быть ко всем его суждениям.
Он вовсе и не наш. Он здесь под наблюденьем.
Сюда в монастыри и заключают их,
Смутьянов, умников, мечтателей таких,
Что проповедь хотят вести в среде крестьянской
Не так, как велено им церковью испанской.

К о р о л ь

На чем помешан он?

Н а с т о я т е л ь

На аде, сатане.

Геенна чудится.. А в монастырь ко мне
Недавно он попал.

К о р о л ь

Он стар.

Н а с т о я т е л ь

Я полагаю,

Недолго проживет.

М о н а х проходит, не обращая ни на кого внимания, и исчезает.

Г у ч о

(глядя на свои погремушки, в сторону)

Вот — кукла золотая,

Вот — медная! Одна — Добро, другая — Зло.

Я их равно люблю. На ум бы не пришло
Мне что-то предпочесть...

(Осматривает зелень на могилах.)

Цветы... сухие травы...

К о р о л ь

(настоятелю)

В монастырях у вас в большом упадке нравы!

Н а с т о я т е л ь

Ваше величество...

К о р о л ь

Вход женщинам открыт.

Н а с т о я т е л ь

Таков долг пастырей.. Поблизости стоит
Обитель женская, и вот, о них в заботе,
Мы...

К о р о л ь

Знаю! Вы, козлы, овечек стережете!

Н а с т о я т е л ь

(кланяясь)

Король!

Г у ч о

(в сторону)

В монастырях так повелось во всех:
Монашенке монах любой отпустит грех —
Ведь над сердцами власть у них необычайна.
О чудо сладостное! Исповеди тайна!
Вновь станут девственны, коль девства лишены.

Н а с т о я т е л ь

(королю)

Сиона дочери и Левия сыны...

К о р о л ь

Живут в согласии! Ну ладно: я проверю, —
И Рим узнает все.

Н а с т о я т е л ь

(кланяясь)

Король!

Г у ч о

(в сторону)

Коль в эти двери,
В обитель, где, Христос, ты больше не царишь,
Заглянет Купидон, языческий малыш,
То папа Сикст, двух чад приживший от девицы,
На гостя этого не сможет ополчиться.

К о р о л ь
(настоятелю)

Рим покарает вас! Заране решено.

(Пристально глядя на настоятеля)

Епископ здесь уже. Ему разрешено
Со всею полнотою его священной власти
Судить...

Н а с т о я т е л ь
(снова кланяясь)

Да, государь... Но это только в части
Церковных догматов: он должен дать отпор
Безбожной ереси.

М а р к и з
(тихо, королю)
У вас острейший взор!

К о р о л ь
(тихо, маркизу)

Пытлив я!

(Глаза короля останавливаются на подземелье, зияющем
в нескольких шагах от него.)

Это что?

Н а с т о я т е л ь
Открыта здесь гробница.

К о р о л ь
Открыта?

Н а с т о я т е л ь
Да.

К о р о л ь
Кому?

Н а с т о я т е л ь
Кому в нее спуститься
Господь определит.

К о р о л ь
Так кто ж в нее сойдет?
Скажи.

Н а с т о я т е л ь

Не знаю я. Но все ж могила ждет.
Быть может, ждет меня, быть может, вас.

• М а р к и з
(на ухо королю)

Бывает,
Что общий уровень монах перерастает, —
Пусть в рассужденье зла, пусть в сторону добра, —
И орден думает: убрать его пора!

К о р о л ь
(тихо)
Убить?

М а р к и з
Нет. Крови лить не может церковь. Вместо
Того, чтоб убивать...

К о р о л ь
Ну?

М а р к и з
Есть глухое место —
И сколько ни кричи и сколько ни борись,
Никто не выручит.
(Показывает на отверстие, в котором можно различить
лестницу, затем — на плиту, лежащую рядом.)

Столкнут монаха вниз
И замуруют вход, — и ты во тьме навеки,
И ночь беззвездная тебе смежает веки.
Дождь, ветер, шум листвы, шаги над головой —
Всё замирает, всё. И так, еще живой...

К о р о л ь
Ты — мертв.

М а р к и з
Да. Умереть ты можешь, коль желаешь.
Но церковь кровь не льет.

К о р о л ь делает знак одобрения.

Король
(громко, глядя на монастырский сад)

Монах! Ты утверждаешь,
Что женщины сюда...

Настоятель

Не ходят.

Король

(маркизу)

Как он лжет!

Вот женщина.

(Смотрит в глубину сада.)

А с ней и юноша идет —
Безусый, тоненький, с живым и ясным взглядом.

Настоятель

Но это принц!

Король

Он — принц?

Настоятель

Да, принц; с принцессой рядом.

Король

(тихо, маркизу)

Весьма я кстати здесь!

Настоятель

«Magnates»¹ — есть закон...
(Кланяясь королю)

Властитель наш д'Ортез...

Король

А я?

Настоятель

(продолжая)

...позволил он

Лицу высокому войти под кров святыни.

¹ Magnates — властители (лат.).

К о р о л ь

Двум! Самке и самцу, как вижу я.

Н а с т о я т е л ь

(кланяясь в том направлении, куда указывает король)

Графиня!

М а р к и з

(тихо, королю)

Как Франции король, наш кардинал-виконт
Охоч своих рубак выстраивать во фронт.
Глава над церковью и в Даксе и в Кагоре,
Жандармам он кричит с отвагою во взоре:
«В атаку! Марш вперед!» Игуменом он стал
В мужской обители, сей дьякон-кардинал!

К о р о л ь

(смеясь)

Во Франции — с мечом, в Испании он в рясе!

М а р к и з

(указывая на двух человек, которых заметил король)

Коль этой парочке здесь улыбнется счастье,
То их соединит д'Ортез. Но для чего?

К о р о л ь

(серьезно)

Понятно, для чего! Я вижу цель его:
Женитьбой кончится их дружное соседство.

(Настоятелю)

Они в монастыре давно ли?

Н а с т о я т е л ь

С малолетства.

К о р о л ь

(маркизу)

Здесь в кельях выросли!

(Настоятелю)

А как их имена?

Н а с т о я т е л ь

Принц де Салинас он. Дон Санчо.

М а р к и з делает движение.

К о р о л ь

А она?

Н а с т о я т е л ь

Звать Розою д'Ортез.

К о р о л ь

(становясь все серьезнее)

Наследуют по праву

И Бургос и Ортез!

Н а с т о я т е л ь

(кивая головой)

До Тахо их держава!

М а р к и з

(тихо, в сторону)

Принц де Салинас он! Но в случае таком...

К о р о л ь

(настоятелю)

Ну, дальше! Это все подстроено тайком.
Ведь Санчо — мой кузен. Но ветвь считал я эту
Угасшей.

Н а с т о я т е л ь

Принца здесь содержат по секрету,
Свою племянницу виконт здесь воспитал
Одновременно с ним.

М а р к и з

(в сторону)

А я-то их считал

Давно умершими! Какой необычайный,
Нежданный дар судьбы! Ведь узник этот тайный,
Конечно, это он! О, если бы я мог...
Вот новость!

К о р о л ь
(маркизу)

Спрятали в укромный уголок!

Н а с т о я т е л ь

Они поженятся. Уж было обручение.
Инфанта и инфант ведут происхождение
От предка общего. Был это муж святой,
Ему мы молимся. А сын его родной
Гасконский герцог был — звать Луп Сантюль;

а внуком

Король бигорский Люк, а вслед за этим Люком —
Король барезжий Жан...

К о р о л ь

Короче!

Н а с т о я т е л ь

Кардинал

Д'Ортез, владыка наш, держать их приказал
Как можно дольше здесь в уединенье, тайно.

М а р к и з
(в сторону)

О Санчо!

К о р о л ь

*(указывая маркизу на молодого человека, которого
еще не видно зрителям)*

Посмотри! Красив необычайно.

Н а с т о я т е л ь
(глядя туда же)

Он в церкви должен встать с почетом в первый ряд,
Со свитой в пятьдесят гидальго, как аббат.
Пеньясеррада стать должна его столицей.
Но в тайне роковой изволил он родиться:
Не знает, что ему престол принадлежит.
Да и принцессе знать о том не надлежит.
Приказано скрывать, чтоб не могла дознаться,
Кто есть она сама! Кого-то всё ж боятся!

К о р о л ь

Кого ж, как не меня! Совсем не по нутру
Мне видеть, как ведут подобную игру.

(Настоятелю, попрежнему поглядывая в глубину сада)

И что ж, они всегда монахами одеты?

Н а с т о я т е л ь

Обоими даны невинности обеты —
Иначе их нельзя в монастыре держать;
И послушания обет пришлось им дать.

К о р о л ь

Он — чуть ли не монах! Она — почти монашка!

Н а с т о я т е л ь

Как принцам, будет им всегда дана поблажка:
И снимут с них обет и женят.

К о р о л ь

(маркизу)

Нет! Залез

В овчарню я, как волк.

(Задумчиво, в сторону)

Ну, пусть! Виконт д'Ортез,

Уж если, старый чорт, ты ангелов пестуешь,
Мешать не стану! Но меня ты не надуешь.

Вы, дети, можете друг друга обожать.

Мне этот заговор не может угрожать.

Кузену своему отдам я донью Розу,

И тем от Бургоса я отвращу угрозу.

Бороться, кардинал, задумал ты? Начнем!

На равных мы правах; не забывай о том.

И я по жадности гожусь тебе на пару.

Через Ортеза я возьму себе Наварру.

Им я держу тебя. Ты удержишь им меня.

Пусть женятся. Войну начнем с того же дня!

(Глядя за сцену)

Инфанта недурна!

(Задумчиво)

Чтоб счастливо и ловко

Вершить политику, нужна одна сноровка:

Использовать, приняв небрежно-сонный вид,
Весь темный механизм, которым враг грозит.
Сплетение интриг обрушь на интригана!
Тебя убить хотят, а ты совсем неожиданно
Так отрази кинжал, чтоб он кольнул врага, —
И вот убийца стал отныне твой слуга!

(Оглядывается.)

О чем там шепчутся?

(Направляется в глубину сада и исчезает за деревьями.)

Г у ч о

(глядя на удаляющегося короля, в сторону)

Шпион!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, кроме короля. На авансцене маркиз
и настоятель, одни.

М а р к и з

Отец!

Н а с т о я т е л ь

(приближаясь с покорностью)

Смиренно

Внимаю.

(Делает глубокий поклон.)

М а р к и з

С королем не слишком откровенно
Ты побеседовал.

Н а с т о я т е л ь

Господь — судья. К тому ж
Признанья на духу должны хранить мы.

М а р к и з

Чушь!

Вам разъяснение дал об этом папа Павел:

В особых случаях все открывать наставлял.
За умолчание ты будешь отвечать.
Король послушен мне!

Н а с т о я т е л ь

Клянетесь ли молчать?

М а р к и з

Клянусь. И для твоей мадонны я в подарок
Дам золотой венец, что стоит сотню марок,
И шесть паникадил прибавлю заодно.

Н а с т о я т е л ь

Вы все узнаете.

(Понижая голос)

Синьор, давным-давно,
В дни нашей юности, у португальской донны,
За душу чью мы в пост кладем теперь поклоны, —
У ней родился сын. Не Бургосский король,
Не донны Санчи муж отцом был — вот в чем соль!
Отцом был юный паж, Горвоною он звался.
Король не уследил. Ублюдок оказался
Инфантом; выросши, он сам родил дитя;
И умер. И затем, немного дней спустя,
О смерти мальчика явилось извещение.
Но то не смерть была, то было похищение!
Сам кардинал-виконт малютку-короля
Заставил взять и скрыть.

М а р к и з

(в сторону)

Да! Так и думал я.

(Глядя за сцену, в то время как настоятель читает свои молитвы)

Дитя мое! Мой внук! Еще не смею верить,
Но полон радости, которой не измерить.
То, что в себе не знал до нынешнего дня,
Теперь я ощутил: есть сердце у меня.
Благая молния! Волнующая милость!
О, я отцовством пьян! Цель жизни появилась!

Освобождение! И мне пора пришла
Оковы раздробить! Я прежде жил для зла, —
Так пусть моей рукой добро теперь творится.
Ведь совесть черная блуждала, как волчица.
Ведь все я потерял. О небо! Но сейчас
Я все нашел. Я — дед! Не поднимал я глаз,
А нынче можно мне хоть снизу улыбаться
Вершинам блещущим и тайно любоваться
На стебель молодой, который даст цветы,
Возникшие из недр моей нечистоты.
Могу сказать: «Мой сын!» И жить могу с начала.
Попробуем! Дитя, мой мрак ты разогнало
Сиянием своим! Владеешь целиком
Ты, чистый юноша, мной, грязным стариком.
Теперь, от гнусностей меня остерегая,
Во мне невинность есть, советчица благая.
Другой я человек. Люблю и плачу я.
Сгинь, мгла зловещая! Затеплилась заря,
Заря моей души. Мой внук — мне свет небесный!
Ты все же милостив, бог грозный, неизвестный!
Советчик короля, привыкшего топтать
Своих невинных жертв, я сам бродил, как тать,
В ночи премерзостной, лукаво освещая
Злодейства гнусные. А нынче ощущаю, —
Участник темных дел, придворный старый льстец, —
Что нежная рука снимает, наконец,
С меня всю тяжесть зла, хотя оно безмерно.
О, наконец дышу и я — носитель скверны.
И голова, увы, раскаянья полна,
Способна все-таки подняться и она.
И рядом с небом я. Вздохнуть настали сроки.
О, в этом мире мы теперь не одиноки!
Живу я и люблю. К несчастью, лишь один
Я у него и есть. А сколько бездн, пучин
Он встретит на пути! Ловушек сколько всяких!
Но я настороже!

(Задумчиво)

Останусь я во мраке,
А свет — ему. Итак, прикроюсь плащом,
Отцовство затаим, дитя убережем!

(Возвращается к настоящему.)

Н а с т о я т е л ь
(*тихо*)

Вы тайну поклялись хранить!..

М а р к и з

Будь в том уверен!

Как долго юношу ты опекать намерен?

Н а с т о я т е л ь

Тот маленький мертвец, как видите, воскрес
И стал мужчиною. Наверное, д'Ортез
Корону даст ему и в мантию оденет,
Как только на своей племяннице поженит.

(*Бросает взгляд назад.*)

В глубине появляется король.

Король!

М а р к и з

(*в сторону, самому себе*)

От короля ты скрыть, старик, сумей,
Что сердце новое цветет в груди твоей.

Н а с т о я т е л ь
(*тихо*)

Смягчите короля. Замолвите хоть слово.

М а р к и з

(*в сторону*)

Надень, комедиант, свою личину снова;
Она предохранит от горя и обид.
Прими угодливый, подобострастный вид.

Н а с т о я т е л ь

И — тайна, помните!

М а р к и з

(*в сторону*)

Еще бы!

(*Настоятелю*)

Да, конечно.

Не бойся!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, король.

Король
(в сторону)

До чего ж подглядывать потешно,
Как распускаются бутоны юных душ!
(Смотрит в ту сторону, откуда только что пришел.)
Ну, вот они. Идем!

Маркиз
Вы — их король. К чему ж
Пришли вы?
Король

Я пришел к решению поженить их!
Я осчастливлю их.

Маркиз
Глубокий вы политик.
Король

Испания слаба. И брак их не вразрез
С моими планами. Пусть тешится д'Ортез, —
Зато возьму себе и Дакс я и Байонну.

Маркиз
(в сторону)
О сердце мрачное, ликуй! Дорогой к трону
Идет мое дитя!

По знаку короля эскорт и вся свита входят через пролом. Настоятель приближается и кланяется королю, скрестив руки на груди.

Король
(настоятелю)
Я не входил сюда.

Настоятель
(склоняясь)

Король!

Король
И ты меня не видел никогда.

Н а с т о я т е л ь

Смиренный я монах...

К о р о л ь

Беру твою обитель

Под покровительство.

Н а с т о я т е л ь

Мой добрый повелитель...

(В сторону)

Сгинь прочь!

К о р о л ь

Во Франции владыка твой.

Н а с т о я т е л ь

Он там.

К о р о л ь

Зато епископ — здесь.

Н а с т о я т е л ь

Да, прибыл в гости к нам.

Он оказал нам честь...

К о р о л ь

Что приходил к тебе я,

Не должен он узнать.

В глубине сцены появляются дон Санчо и донья Роза. Они еще не видят происходящего. Король указывает на них маркизу и направляется к пролому.

(Маркизу)

Маркиз, идем скорее!

(Настоятелю)

Коль жизнью дорожишь, молчи.

(Маркизу)

Маркиз, идем!

(Выходит.)

Г у ч о следует за королем.

М а р к и з

О нежное дитя!

(Выходит.)

Дон Санчо, донья Роза. Оба в монашеском одеянии — он в белом клобуке, она в белой вуали, — бегают и играют между деревьями. Ей шестнадцать лет, ему — семнадцать. Они догоняют друг друга, убегают, прячутся. Смех и веселье. Роза старается поймать бабочку. Санчо собирает цветы. Он составляет букет и держит его в руках.

Донья Роза

Ты посмотри! Кругом
Так много бабочек!

Дон Санчо

Нет, розы мне милее.

(Срывает цветок шиповника и присоединяет к букету.)

О, сколько красоты! Я от чудес хмелею!

Донья Роза

На кончик тростника садится мотылек!

Дон Санчо

Всё — жизнь! Всё — аромат!

Донья Роза

Поделим так: цветок
Достанется тебе, мне — бабочка.

Дон Санчо

Повсюду

Согласье и любовь; вся жизнь подобна чуду.

(Срывает цветы для букета. Роза бежит за бабочками. Окликает ее.)

О Роза!

Донья Роза

(оборачиваясь и глядя на цветы, которые Санчо держит в руках)

Сударь мой, кому это?

Дон Санчо

Кому?

Извольте угадать.

Д о н ь я Р о з а

Мне!

(Возвращается к бабочкам и пытается схватить их. Они улетают. Она раздосадована.)

Злые! Почему

Вы улетаете? Ведь все вы так прекрасны!

Д о н С а н ч о

Прикосновенья рук для крылышек опасны.

(Мечтательно смотрит на полет бабочек.)

Д о н ь я Р о з а

Но терпят же цветы!

Д о н С а н ч о

Да, о цветок мой, да!

(Обнимает ее, она сопротивляется, он целует ее.)

Д о н ь я Р о з а

Ах, как нехорошо!

Д о н С а н ч о

Но в чем же тут беда?

Ведь мы поженимся.

Д о н ь я Р о з а следит за бабочкой, подстерегая ее. Бабочка опускается на цветок.

Д о н ь я Р о з а

О! На цветок садится.

Поймаем!

(Тихонько приближается. Дону Санчо)

Ну!

Д о н С а н ч о идет следом за ней, очень близко.

Д о н С а н ч о

Постой!

Губы Санчо встречаются с губами Розы. Бабочка улетает.

Д о н ь я Р о з а

Не мог ты изловчиться!

Ах, ты...

Дон Санчо

А поцелуй? Я изловил его.

Донья Роза

(наблюдая, как бабочка возвращается на цветок)

Летят они к стопам владыки своего.

Ах, ветреницы! Вновь куда-то улетели!

(Следит за полетом бабочек.)

Крылатые! Куда стремятся, в самом деле?

Дон Санчо тихо идет следом за ней и целует ее. Она отталкивает его.

До свадьбы поцелуй? Нет, я не потерплю!

Дон Санчо

Верни обратно.

Донья Роза

(улыбаясь)

Нет.

Дон Санчо

Верни.

Донья Роза

Нет... Я люблю.

Целуются. Садятся на могилу. Роза кладет голову на плечо Санчо.

Оба, словно в экстазе, следят за полетом бабочек.

Дон Санчо

О! Есть огромная и нежная природа.

Пойми меня: зимой на землю с небосвода

Лег саван. Но пришла весна сейчас в поля,

И ясным небесам счастливая земля

Снежинки белые обратно возвращает,

И в белых бабочек их небо превращает.

Лазурным стал весь мир, он траур износил,

И радости летят к престолу вышних сил.

Крылатый этот вихрь из тьмы к сиянию мчится.

Сердца бессчетные господь раскрыть стремится,

И ликованием он наполняет их.

И кто ж откажется от радостей таких?
Ведь бог велит любить!

Д о н ь я Р о з а

Да! И тебя люблю я!

Д о н С а н ч о
(страстно)

О Роза!

Заключает ее в объятия. Пролетает бабочка. Р о з а вырывается из объятий Санчо и бежит за бабочкой.

Д о н ь я Р о з а

Торопись! Красивую такую
Поймаем!

Д о н С а н ч о

Сеет бог дары весны для нас.

Бабочка садится на куст.

Д о н ь я Р о з а

(протягивая руку, чтобы схватить бабочку)

О Санчо, не шуми!

Бабочка улетает.

Злодейка! Унеслась!

(Догоняет бабочку. Санчо следует за ней.)

Летит на ломонос.

Бабочка улетает.

На лилию спустилась.

Д о н С а н ч о

Еще в младенчестве душа с душой сроднилась.
Мы вместе выросли. Ты будешь мне женой!

Д о н ь я Р о з а

Умчится?

Бабочка садится на шиповник. Р о з а хочет поймать ее, протягивает руку, затем быстро отдергивает.

Уколол шиповник этот злой!

Дон Санчо

Воистину злодей шиповник окаянный:
Кровь ангела он пьет!

Монах в одежде доминиканца появляется под деревьями между могилами. Он не видит молодых людей. Роза замечает его.

Донья Роза

Ах! Тот отшельник странный...

Боюсь его. Уйдем!

Они скрываются за большими деревьями. Монах медленно приближается, ничего перед собой не видя. День начинает угасать.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Монах
(один)

Вот сторона одна:

Земля полна людей. Грешна она, страшна.
Вот принцы, кровью жертв обагрены их руки...
Святоши мнимые, невежды от науки.
Вот сладострастие, и всяческий разврат,
И дым тщеславия, и богохульства чад,
И вот Сеннахериб, который убивает,
Далила лгущая... И всюду обитают
Еретики, жиды, вальденсы. И куда б
Ни поглядели вы, там — гебр, тут — мосараб!
Сих бледных грешников так много в этом мире,
Пристрастных к алгебре и всяческой цифири!
Большые, малые сквернители креста
Творят во мраке зло, отрекшись от Христа.
Тут папа, тут король, прелат, министр могучий...
С другой же стороны — ад, злой, огромный, жгучий.
Здесь человек живет, зевает, ест и спит,
А там бездонный мрак пылает и кипит. —
Ах, как беспомощно создание земное!
О, дно людской судьбы, дно черное двойное:
Жизнь, смерть! Забавам час, а плачу несть конца.
С подземных гор поток кипящего свинца!
Лес пламенных древес с листвою раскаленной!
Тысячезубый зев! Пасть пропасти бездонной!

И бесконечна казнь, и жертвам счету нет.
Та сторона черна. А где-то — радость, свет!
«Сыночек!» — «Мать моя!» О, вопль в кипенье серы:
«Пощады!» Но надежд рассыпались химеры.
Сонм искаженных лиц и безнадёжных глаз:
Один костер погас, другой готов тотчас.
Свинец расплавленный о череп барабанит.
Трепещут грешники. А кто на небо глянет —
Лишь склепа страшного там виден свод немой,
Весь в точках пламенных, как звезды в час ночной, —
Ужасный потолок, пронизанный гробами,
И льются, словно дождь, оттуда души в пламя.
Ночь, плач... Унылый вихрь сквозь трещины летит,
Все новые огни и вьет он и клубит.
В застенках плещутся разбухшей лавы реки.
Глас неба: «Никогда!» А ад рычит: «Навеки!»
Скверनावцы, лодыри и все, кто мерзко жил
И кто в отчаянье хоть шаг не так ступил,
Кто в заблуждение впадал, кто ошибался
И кто по слабости своей поколебался
Хотя бы не на час — на несколько минут,
Пусть даже и на миг, — все здесь они, все тут!
Да, впрочем, можете вы убедиться сами:
Ведь белиаловский очаг перед глазами!
Сомнений в этом нет! Пред нами зримый ад!
Под небеса плывет заразный этот смрад —
Зловонный красный дым из дьявольского чана
Сквозь жуткую трубу Везувия-вулкана.
А Этна? Стромболи? А Геклы с их огнем?
О чем же размышлять, как только не о нем?
Что за чудовище шевелится под нами
И извергает смрад, и тьму, и смерть, и пламя?
Склонись над кратером — увидишь по ночам,
Как осужденные несутся к палачам.
Вихрь крутит искры душ: огонь спалил им крылья.
Стремятся уползти, но падают в бессилье.
Уйти! Бежать! Э, нет! Пожалуйте назад
В застенки адские, где уголья шипят!
И души вновь текут ручьями огневыми.
Огромный Сатана склоняется над ними
И смотрит, хохоча, как мечутся они —
Огнем обглоданы, живые головни.

Змей пламенный сосет заломленные руки.
В недвижной темноте бескрайной вечной муки,
Пытаемы свинцом, и маслом, и смолой,
Они окружены безмерной слепотой;
И Вечность докатить до их ушей готова
Сквозь грохот яростный лишь два ужасных слова:
«Всегда» и «Никогда». О боже! Боже мой!
Ведь я спасу людей. Прощенный род людской!
И вопиет во мне любви моей громада:
Я бездной жалости заполню бездну ада!
Что начал Доминик, я ныне завершу —
Твердыню дьявола навеки сокрушу.
О Иисус! О Рим! Я задержу паденье
Душ в пропасть адскую! Познал я откровенье!
Не Павел ли святой на путь меня навел!
Так в гордой радости с небес глядит орел
На весь земной простор. Я с помощью господней
Отверзну небеса, покончив с преисподней.
Что надобно? Костер! Зачем? Чтоб выжечь ад!
В сражение с вечностью мгновенья победят.
За острой вспышкой мук — великое прощенье.
Избавит краткий ад от вечного мученья,
И злобу дьяволов земной засыплет прах.
Грехи в лохмотьях тел истлеют на кострах,
Чтоб из огня душа, очистившись, взлетела.
Ведь для души огонь — то, что вода для тела!
Грязь — тело, а душа — неугасимый свет.
Огонь за господом покорно мчится вслед,
Охватывая ось небесной колесницы.
Огонь! Душа с огнем охотно породнится.
Душа важней всего. Ведь ни отец, ни мать
Не поколеблются, не станут выбирать,
Коль их дитя висит меж адскою геенной
И благостным костром, чтоб мог огонь священный
Покончить с демоном и ангела родить.
Какой же выбор тут? О чем тут говорить?
О, в этом именно и кроется значенье
Всеутешающего слова Искупленье!
Гоморра вечная иль навсегда Сион?
Для каждого из нас вопрос о том решен.
Кому же выгодно, чтоб счастья хоть частица
С небес в тартарары могла бы провалиться?

Хоть будущее нам позволил бог спасти!
Не будет проклятых! Нам озарит пути
Божественный огонь. Но торопитесь, братья!
Вы видите Христа вторичное распятие!
Все скверно, гнусно все; в упадке все кругом,
И с каждым днем сильнее на древе роковом
Ветвится грех. Господь нас отводил от древа,
Но все ж к людским устам плоды пригнула Ева!
Нет веры! Чернецы в обетах не тверды;
Монашки с космами; отступники, жида...
Тот вырвет крест, другой глумится над дарами...
Цвет благочестия заглушен сорняками.
Поклоны папа бьет. Пред господом своим?
Нет, перед кесарем! О королевский Рим,
Ты станешь вскорости слугою Ниневии.
Но я-то ведь иду! Скрижали огневые
Несу я, чтоб спасти несчастный род людской.
Задумчив, я иду раздуть костер святой!
Я душу выкуплю ценою брэнной плоти:
Искупите грехи, спасение найдете!
Осанна! Радость всем! Да обратятся в прах
Кремнистые сердца! Вселенная — в кострах!
Из книги Бытия глагол провозглашу я.
Свет! Горн сверкающий! Огонь пойдет, бушуя.
Зажгу я факелы, посею свет во мгле,
И аутодафе повсюду на земле
Заблещет радостно, торжественно и ярко. —
О человечество, люблю тебя я жарко!

Подымает в экстазе глаза к небу, сложив руки, полураскрыв рот. Позади него из кустарника в конце кладбища выходит монах, скрестивший руки на груди, в опущенном капюшоне. Немного подальше выходит другой монах, за ним еще один. Эти монахи в одежде августинцев останавливаются молча на некотором расстоянии от доминиканца, который их не замечает. Появляются другие монахи, также поодиночке, и молча становятся рядом с первым. У всех руки сложены крестом и капюшоны опущены. Лиц не видно. Монахи располагаются полукругом позади доминиканца. Затем они расступаются, и видно, как из-за деревьев появляется епископ между двумя архидиаконами. Епископ одет в мантию, в руке крест, на голове мигра. Это — епископ Урхельский. Он медленно приближается, сопровождаемый настоятелем, у которого, единственного из всех монахов, капюшон поднят. Епископ, не говоря ни слова, становится в центре полукруга, который смыкается за ним. Доминиканец ничего не замечает. Сумерки сгущаются.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Доминиканец, епископ Урхельский, настоятель,
монахи.

Епископ

Должны вы на суде свидетелями быть,
А я, епископ Жан, обязан рассудить,
Прав этот человек иль впал он в заблужденье.
Суд, прежде чем карать, дает предупрежденье.

Монах оборачивается. Он внимательно рассматривает появившихся
перед ним; он не кажется испуганным; смотрит на епископа.

Ты кто?

Монах

Я грешный брат.

Епископ

Звать?

Монах

Торквемада.

Епископ

Слух

Идет, что обуял тебя нечистый дух
И призраки к тебе с того приходят света.
Так?

Монах

Явь передо мной!

Епископ

Ложь!

Монах

Называйте это

Виденьями! Господь мне видится.

*(Устремляет глаза на позолоченный мистический треуголь-
ник, находящийся на вершине большого креста.)*

Но что ж

Своим служителям ты, господи, даешь?

О, только лишь свое извечное сиянье
И грозных, но простых законов начертанье.
Увы! Что я могу?

Епископ

Ты извергал слова
О том, что якобы вся церковь неправа,
Питая ненависть к нечестия пантере.

Монах

Отцы епископы неправы.

Епископ

Червь!

Монах

Я верю,
Что грешников должны спасать мы и любить.

Епископ

Та догма ложная успела погубить
Дидье Ломбардского; теперь тебя смущает.
Мол, ад в огне костров горит и исчезает,
В то время как душа летит на небеса.
Жечь для спасенья душ ты хочешь телеса?

Монах

Да, так.

Епископ

От дьявола все это! Наважденье!
Знай: зло всегда растет от корня заблужденья.

Монах

Плохая спутница для духа наша плоть.
Сжигая, очищать мне повелел господь!

Епископ

Доктрина мерзкая!

Монах

Нет.

Епископ
Лживая.

Монах
Благая.

Епископ
Змея!

Монах
Нет, верю я — добыюсь!

Епископ
Повелеваю
Раскаяться, тотчас все это позабыв.
Иначе — берегись!

Монах
Я кроток, но не лжив.
Я на своем стою.

Епископ
Упорствуешь?

Монах
По праву.
Я опираюсь на соборные уставы:
На Иннокентия могу я указать,
На Латеран...

Епископ
Смирись! Тогда и притязать
На всё ты можешь, брат! А споря и бунтуя,
Не можешь ни на что рассчитывать. Впустую
Мятежничаешь ты. О сын мой, ты сейчас
Своих ошибок тень бросаешь и на нас:
Раскол ты делаешь. Ударь себя в ланиту,
Скажи, что был неправ.

Монах
Нет!

Епископ

Отступись! Пойми ты:
В грехах раскаявшись, великим Бруно стал!

Монах

Великим мне не быть; я был и буду мал!

Епископ

Горд!

Монах

Верю!

Епископ

И пришел к решению ты какому?

Монах

Босой пойду я в Рим, скажу отцу святому...

Епископ

Но он послал меня, чтоб здесь тебя судить,
Пес!

Монах

Лаем я хочу овчарню пробудить.
Час пробуждения для папы неизбежен.

Епископ

(указывая присутствующим на монаха)

Вот злыдены!

Монах

Оттого, что сердцем к людям нежен.
Апостол Павел рек: суровость есть любовь.

Епископ

Не так толкуешь текст! Запутался ты вновь.
Ведь Сикст Четвертый, наш отец высокочтимый,
Сказал, что церковь быть должна многотерпимой.
Он снисходительностью славится святой,
Усилить истину он хочет добротой,
И инквизиция стремится быть добрее,
И папская рука благословит скорее,
Чем покарает. Ведь костры едва горят...

М о н а х

Сия уступчивость ужасна. Дьявол рад!
И тем свирепее геенны пламень жгучий,
Чем менее костров.

Е п и с к о п

Мне жаль души заблудшей!

Что хочешь?

М о н а х

Мир спасти.

Е п и с к о п

Как ты спасешь его?

М о н а х

Огнем.

Е п и с к о п

О, устрашишь лекарства своего!

М о н а х

Врач над лекарствами не властен.

Е п и с к о п

Ну так все же,

На что надеешься?

М о н а х

Победу дай мне, боже!

Е п и с к о п

Посмотрим.

(Указывает монаху на отверстие склепа.)

Ну, входи.

М о н а х

Тут что?

Е п и с к о п

Гробница здесь.

М о н а х

Покорствую.

(Идет к склепу.)

Епископ

Смирись. Еще ведь время есть.

Монах

(подходя к склепу)

Introibo! ¹

Епископ

Стой!

Монах

(обратив глаза к небу)

Господь! В смирении глубоком
Идет на казнь твой раб, который был пророком.
(Останавливается у края склепа.)

Епископ

Ты должен слушаться. Ведь я епископ твой.
Кто вздумал бунтовать в обители святой,
Кто церковь оскорбил — тот должен погрузиться
В тьму вечную.

Монах

(с порога склепа)

Аминь.

Епископ

Ты должен повиниться.

Смирись же.

Монах

Не хочу.

Епископ

Вниз на ступень спустись.

Монах ставит ногу в склеп и делает первый шаг.

Христовым именем прошу я: отрекись!

¹ Я войду *(лат.)*.

М о н а х

Нет.

Е п и с к о п

Вниз иди.

М о н а х спускается на вторую ступень.

Смирись.

М о н а х

Нет.

Е п и с к о п

Вниз!

М о н а х спускается на третью ступень.

Епископ твой я.

Ученье дикое, безбожное и злое
Оставь.

М о н а х

Нет.

Е п и с к о п

Уступи.

М о н а х

Нет.

Е п и с к о п

Вниз.

М о н а х спускается. Его видно только до пояса. Е п и с к о п делает шаг по направлению к нему и приближается к отверстию подземелья.
Указывает внутрь.

Вот хлеб, вода.

Ешь, пей. Задержится отныне навсегда
Завеса плотная между тобой и светом;
Исчезнет небо...

М о н а х

Пусть.

Епископ

Спускайся.

Монах спускается. Видна только голова.

В склепе этом

От жажды умирать! Как факел, угасать
Без воздуха! О скорбы!

Монах

Я буду ликовать.

Епископ

Спускайся.

Монах исчезает в подземелье.

Голос монаха

(из склепа)

Я на дне.

Епископ

Плиту на вход!

Голос монаха

Кладите.

По знаку епископа два монаха кладут плиту на отверстие. Перед тем, как его закрыть совсем, они останавливаются, оставив лишь узкую щель. Епископ склоняется над этой щелью.

Епископ

Господь, апостол Петр, безумца вразумите! —
Тебя поглотит ночь, упрямец. Отрекись.

Голос монаха

Нет.

Епископ

Лишь мгновение осталось. Торопись.
Безумное свое отвергни предприятие.

Голос монаха

Нет.

Епископ

С миром отойди.

Два монаха толкают плиту, и склеп закрывается.

Молитесь богу, братья.

Все складывают руки. Монахи попарно образуют процессию и уходят медленными шагами. Епископ идет последним. Они скрываются за деревьями. Слышно, как поют молитву по усопшим. Голоса затихают.

Затихающие голоса монахов

De profundis ad et clamavi, Domine! ¹

Голос
(из склепа)

Над человечеством, бог, сжался в вышине.

Голоса монахов

Libera nos... ²

Голос
(из склепа)

Господь, спаси меня!

Входят дон Санчо и донья Роза.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Монах в склепе, дон Санчо, донья Роза.

Дон Санчо и донья Роза выходят из-за деревьев; останавливаются; глядят друг на друга. Минута молчания. Почти совсем смерклось.

Дон Санчо

Нас двое.

Мы любим с детских лет, душа слилась с душою.

Я не могу понять, когда с тобой иду,

Ведешь ли ты меня иль я тебя веду.

Над нами тайна. Я нередко размышляю:

Зачем в обители мы выросли? Не знаю.

Кто мы? Ты знаешь? Нет! В плену мы? Все равно,

Поскольку мне любить тебя разрешено.

¹ Из глубины воззвал я к тебе, господи (лат.).

² Избави нас (лат.).

Итак, я кавалер, вы дама! И напрасно
О собственной душе я речь веду. Ведь ясно:
Дыхание твое — моя душа. Она
В прекрасном блеске глаз твоих заключена.
Уйдешь — я без души. Твоя вуаль мешает
Тебя поцеловать.

Д о н ь я Р о з а

Не смей!

(Целует его. Опирается на его руку и показывает на небо.)

Звезда сверкает.

Оба в забвении любятесь ночью.

Г о л о с
(из склепа)

Бог, сжался над землей!

Г о л о с а м о н а х о в

*Ite, рах sepulcris!*¹

Г о л о с
(из склепа)

Спаси их!

Д о н ь я Р о з а

Пеньё?

Д о н С а н ч о

Крик!

Г о л о с а м о н а х о в
(все слабее)

*Opus grave...*²

Д о н ь я Р о з а

Зажглись

На небе сонмы звезд. Летит к ним песнь ночная.
С ней радость к небесам возносится земная.
Все любят на земле. Чу!

¹ Изыдите, мир гробам *(лат.)*.

² Тяжкое бремя *(лат.)*.

Г о л о с а м о н а х о в

Miserere... ¹

Г о л о с
(из-под земли)

Бог,

Спаси их!

Д о н С а н ч о

Это крик. Взметнулся и заглох.
Откуда этот крик несется в самом деле?

Д о н ь я Р о з а

Я думаю: поют вечерний гимн в капелле.

Д о н С а н ч о

Нет!

Д о н ь я Р о з а

Темнота полна звучаний.

Г о л о с
(в склепе) Иисус!

Д о н С а н ч о

Ты слышишь: снова крик.

(Замечая камень, закрывающий склеп)

Отсюда!

Д о н ь я Р о з а

Я боюсь...

Д о н С а н ч о

Там кто-то есть!

Д о н ь я Р о з а

Мертвец заговорил в могиле!

Г о л о с
(из могилы)

О господи!

¹ Умилосердись (лат.).

Дон Санчо
Живым кого-то схоронили!

Донья Роза
Нет, там мертвец иль дух. Скорее прочь беги!
Оставь его, прошу.

Дон Санчо
Да нет же! Помоги.

Он становится на колени и пробует сдвинуть камень Она становится на колени рядом с ним и также старается приподнять камень Он улыбается, обернувшись к ней

Коль он приговорен, пусть жизнь получит снова
Из рук твоих!

(Наклоняется к камню и кричит)

Кто здесь?

Голос
(из склепа)

Здесь погребли живого.
Спасите!

Дон Санчо
Подожди!
Оба делают усилия, чтобы отодвинуть плиту.

Нам не удастся так
Отворотить плиту. Но где же взять рычаг?
(Замечает железный крест на могиле у стены.)
Ах, этот крест!

(Подымается и идет к кресту.)

Донья Роза
(останавливая его)
Оставь!

Дон Санчо
(глядя на склеп)

Бедняк!

Донья Роза

Не делай это!

Боюсь; не тронь креста, священного предмета.

Дон Санчо

Еще священной крест, коль жизнь людскую спас.
Я выверну его; Христос одобрит нас.

Донья Роза

(крестясь перед крестом)

О, сгих ave! ¹

Дон Санчо рассматривает крест, держа его обеими руками.

Дон Санчо

Хорош! Нам в деле он поможет.

(Подкатывает к склепу каменную глыбу и делает из нее подпору для рычага. Подсовывает под плиту нижний конец креста. Оба с усилием упираются о землю.)

Не любит, видно, смерть, когда ее тревожат!
Да, трудно...

Оба прерывают работу, чтоб передохнуть.

Странен все ж наш монастырь святой!
Здесь темные дела творятся.

Донья Роза

Боже мой!

Дрожу я.

Дон Санчо

Тяжела плита.

Донья Роза

Но поддается.

Плита начинает сдвигаться.

Дон Санчо

Еще усилие употребить придется.

Роза напирает на рычаг, Санчо толкает камень, склеп приоткрывается.

¹ Поклоняюсь тебе, крест *(лат.)*.

Д о н ь я Р о з а
(ударяет в ладони)

Прекрасно!

Д о н С а н ч о
(глядя в черную дыру)

Жуткий склеп! Туман во всех углах!

Из отверстия медленно выходит монах. Он останавливает взгляд сначала на Санчо, затем на Розе.

Д о н ь я Р о з а

Живой! Ведь это он — тот старец, тот монах!
Ах, счастье, что гулять пришли в края мы эти!

М о н а х

Спасен! И я клянусь вознаградить вас, дети.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ТРИ СВЯЩЕННИКА

Италия. Бершина горы. Пещера отшельника. В глубине вход, уводящий в пространство. На земле — соломенная подстилка. В противоположном углу небольшой алтарь, на котором лежит череп. В нише кувшин с водой, черный хлеб, деревянное блюдо с яблоками и каштанами. Камни вместо сидений; самый большой камень заменяет стол. За пещерою видны леса, оголенные крутые откосы, изрытые ручьями, пропасти. Вдали — поток. Сквозь дымку тумана проступают очертания монастырской колокольни.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Франциск Паоланский

(один, молится, стоя на коленях; прерывает молитву и встает; прислушивается; слышны звуки труб и рогов, смешанные с лаем собак)

Что слышу? Благовест ко мне сюда донесся?
Нет! Это звук рогов домчался до утеса.
Порой и гром звучит подобьем голосов,
Звонящих на ветру среди листвы лесов.
(Прислушивается.)

Охота!

(Выглядывает наружу.)

Там, внизу, фанфары загремели.
Для зверя человек как демон, в самом деле!
Забава гнусная! Подумать: со времен,
Как Доротея здесь скрывалась и Симон,
Тут не тревожили друг друга твари божьи,
И с волком в логове делил отшельник ложе!

Под братскою листвою уже не первый век
Живет в согласии с природой человек.
Пустыней благостной наследственно владеет
Тиара папская, поэтому не смеют
Ни герцог, ни король трубить здесь в турий рог
И с гончими скакать.

Лай собак становится глуше. Шум охоты то удаляется, то прибли-
жается, то замирает, то возникает снова.

Один бы папа мог,
Но лишь за душами охотиться он можег.
Пичужек да зверьков никто здесь не тревожит,
И мирно господу хвалу они поют, —
Ему принадлежат. И кровь не льется тут.
Кто позабыть дерзнул, что место это свято?

У входа в пещеру появляется старый монах с палкой в руке;
ноги его покрыты пылью. Поверх одеяния доминиканца на нем накин-
нут стихарь паломника. Это Торквемада. Он останавливается
у порога. Борода у Торквемады с проседью, у Франциска Паолан-
ского — совсем белая.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Франциск Паоланский, Торквемада.

Торквемада

Привет, святой отец!

Франциск Паоланский

Приветствую я брата.

Торквемада

Немного отдохнуть ты разрешишь мне здесь?

Франциск Паоланский

Входите, брат.

Торквемада

Знобит! Окоченел я весь!

От лихорадки слаб, дрожу я в полдень знойный...

О патриарх святой, я путник недостойный...
Lamma sabacthani! ¹ Прошел я трудный путь.
Мир вам!

Франциск Паоланский

И ты, мой брат, благословенным будь.

Торквемада

Я пастырь, как и вы!

Франциск Паоланский

Пусть вам господь поможет.

Но вам и говорить не хочется, быть может,
Куда идете вы? Ну что же! День за днем
От утренней зари к кончине мы идем.
В один и тот же путь идем мы неизменно:
Ступни у нас в гробу, пред алтарем колена.
Да, неизвестный брат, един весь род людской,
И в бесконечности исчезнем мы одной.

Торквемада

Из Мира в Рим иду.

Франциск Паоланский

В Рим?

Торквемада

В Город из Вселенной

Иду я, пилигрим ничтожный и презренный.
Хочу кой-что свершить. Настал, как вижу, срок.
Иду я наугад, бреду я одинок.
По снегу, по пескам пустился я в скитанья.
Свое прошение я в Рим послал заране,
И Александр Шестой уж знает про меня.

Франциск Паоланский

Как? Папа новый?

Торквемада

Он испанец, как и я.

Еще в Валенсии мы некогда встречались.

¹ Почто ты меня оставил, отче! (древнеевр.).

Он родом Борджа. Ну, а ты, почтенный старец
В пещере каменной, скажи, кто ты такой?

Франциск Паоланский

Меня зовут Франциск.

Торквемада

(с почтением отодвигается от отшельника)

Из Паолы? Святой?

Франциск Паоланский

Нет.

Торквемада

Но ведь ты, Франциск, как говорят, пророчишь?

Франциск Паоланский

Нет.

Торквемада

Чудеса творишь!

Франциск Паоланский

О нет! Но, если хочешь,

Я вижу чудеса, когда заря встает,
И серебрит она потоки горных вод,
И солнце маленьких пичужек пробуждает,
И жизнь вселенский стол так щедро накрывает.
Тьма — прочь! Цветок цветет, сияют небеса;
Но это не мои, а божьи чудеса.

Торквемада

Отец! Лицом к лицу поставил нас создатель!
Апостол ты. А я — видений созерцатель.
Ты папу не видал? Не видел ли, верней,
Сей гроб повапленный, прибежище червей?
И не предвидел ли, что пастырь неизвестный
Появится во дни лжесвятости бесчестной,
Но будет он склонён по долгу своему
Перед викарием надменнейшим, кому
Тиара папская ошибочно досталась,
А церкви вся душа — представь себе! — осталась
В груди задумчивого странника! Отец!
Ведь на викарии лишь суетный венец!

Ах, что бы ты сказал, коль под твоею крышей
Явился новый вождь, вероучитель высший,
И это был бы я? Ты как бы поступил?

Франциск Паоланский

Но папа есть слуга господень: бог вручил
Ему земную власть. Двух Римов быть не может!

Торквемада

Не служит богу тот, кто людям не поможет.
А я хочу помочь. Не то — крошечный ад
Поглотит всё и вся. Лечу я бедных чад
Кровавою рукой. Спасая, я пытаю,
И жалость страшную к спасенным я питаю.
Великая любовь грозна, верна, тверда.

Франциск Паоланский

Не понимаю вас... Помолимся!

Торквемада

Когда

Я послушником был, — однажды в Сеговии
На сфере глобуса увидел я впервые
Всю землю, целый мир, — все реки, океан,
И множество границ, и городов, и стран,
И вечные снега, и острова морские,
И эти пропасти шумящие мирские,
Где человечество томится, копошась.
Ты знаешь ли, отец, что каждый принц и князь, —
Будь он христианин или язычник даже, —
Имеет глобус. Да! И я себе тогда же
Сказал: «Европа здесь! Здесь — Африка! Смотри!
Вот это — Индия в сиянии зари!»
И я сказал себе: «Не кто-нибудь, а я ведь, —
Так я сказал себе, — всем этим буду править
Во имя нашего спасителя Христа».
Ведь к уху моему он приближал уста
И в сновидениях беседовал со мною.
Отец мой, небесам отдам я все земное,
Весь этот шар земной с войной, с рыданьем, с тьмой.
Пойми: вот глобус мой.

Франциск Паоланский
(поднимаясь и кладя палец на череп)

А вот где глобус мой, —
Остаток бытия, след кораблекрушенья,
Печальное ничто, загадка без решенья,
В тумане вечности, задумчив, молчалив,
Над морем жизненным сей череп — словно риф!
Он улыбается, как дети на рассвете,
А где его глаза? Потухли взоры эти.
О маска, скрытая под мыслящим челом!
Кость, знающая то, не знаем мы о чем!
Тлен, о загадочном конце осведомленный,
Любуется твоей душою обнаженной!
Да! Размышлять, стареть, затем оставить мир,
Под взглядом пристальным вот этих черных дыр
Молиться, чувствуя, что прах тебе внимает, —
Вот чем владею я Мне этого хватает.

Торквемада
(в сторону)

Он озарил меня! О, до чего ж он прав!
Так древле Константин, от бога власть приняв,
Лабарум в небесах увидел!

(Указывая на череп)

Не отрину
Я знака этого! Подобно Константину,
Победу одержу! Отшельник, муж святой,
Все христианство мне со стороны другой
Сумел ты показать! Вот истинная вера!
Возьму я глобус твой! Нужна мне эта сфера!
Пусть этот мрачный риф укажет в гавань путь.
На знамени живых ты символ смерти будь!

(Франциску Паоланскому)

Огонь прекрасен, коль его не осквернили,
Но был и Доминик понять огня не в силе:
Хотел казнить огнем! А в этом разве суть?
Я для спасенья душ хочу костры раздуть.
Понятно?

Франциск Паоланский
Да.

Торквемада

Хочу разжечь такое пламя,
Чтоб исцелительными мощными кострами
Весь мир был озарен. Во тьме ночи моей
Мне говорит Христос: «Иди! Иди смелей!
Цель оправдывает все, коль ты достигнешь цели!»

Франциск Паоланский

*(ставит на большой камень хлеб, каштаны и кувшин
с водой)*

Каштаны, хлеб с водой... Попили бы, поели!
А что касается до замыслов таких,
То я заранее конец предвижу их.
И буду я Христу-спасителю молиться,
Чтоб, прежде чем костер ваш первый загорится,
Вас разразил бы гром, — да, сын мой, — в тот же час.
Для человечества так лучше и для вас!

Торквемада

(в сторону)

Не понял муж святой! И, по ответу судя,
Он в одиночестве ума лишился.

Франциск Паоланский

Люди

Родятся для любви. Мы братья, мы друзья.
Бесцельно убивать нельзя и муравья.
Господь над всем живым сознание людское,
Как крылья, распростер — над травами, листвою,
Над кручей горною, над пеною волны.
И смертью никого карать мы не должны.
Народу — вольный труд, а птице — зелень веток,
И всем на свете — мир. И — ни цепей, ни клеток!
Коль человек — палач, так кто ж господь? Тиран?
Крест — вот евангелие! Мечом грозит коран!
Так пусть же на земле, где столько мглы клубится,
В благословение вся злоба превратится
Суд часто и неправ. Довольно кар! Встает,
Как вызов небесам, ужасный эшафот.
Пусть сам господь казнит! И дерзки мысли эти —
Гроб в услуженье братья! Цветы, плоды и дети,

Голубки, женщины — священные все они.
Благословенно все, на что ты ни взгляни.
И бесконечный мир в себе я ощущаю,
Мольбу великую с гор в пропасть изливаю.
А папа? Я скажу, что надо чтить его,
Всегда надейся, всех прощай — и никого,
О сын мой, не карай! Преступнику — пощада.
Заставь покаяться, уж если это надо.
Молиться, и любить, и верить — вот закон.
Кто выполнит его — спасен.

Торквемада

Да! Ты — спасен!

А прочие, старик? Ах, вечное паденье
Душ человеческих! Ведь каждое мгновенье
В ад души сыплется, в колодец роковой,
В мрак чернопламенный! Спасаясь, святой?
А люди, братья как? Спокойно, без помехи
Спасаясь ты здесь, ешь яблоки, орехи,
Как древле в Ливии Ансельм или Пахом,
И — удовлетворен! Прекрасно все кругом!
Ни вопль погибших душ, ни адские мученья
Не могут оторвать тебя от размышленья.
Ты любишь свой покой, тюфяк, кувшин с водой.
Как видно, ты — дитя, а не старик седой!
Как видно, умерло в тебе внушенье бога —
Отцовство грозное, священная тревога.
Пусть гибнет род людской! Тебе ль до пустяков?
Но лечат и собак! Но холят и быков!
Есть сердце у тебя? Иль ты под небесами
Живешь как будто бы за четырьмя стенами?
Но тысячей узлов он связан и с тобой —
Сей смрадный человек, кошунственный и злой,
Влачащий за собой при взлете и паденьи
Несчастье, что всегда рождает преступленья!
Бесстрастно ты на все зриаешь с высоты.
Проходят смертные, но чувствуешь ли ты,
Что с каждым призраком ты связан неразрывно?
Ах, руки ты скрестил! Псалмы поешь наивно!
От алтаря к кресту шагаешь ты, святой, —
От этой вот доски бредешь до глыбы той!
Да! Спасся! Но дрожит и гибнет все на свете.

Нет, старец! Быть с толпой — вот долг твой

в годы эти!

Суровый, тяжкий долг! Сомнения твои
Спать не дают тебе, кишат как муравьи.
Зовет тебя твой долг. Подумай о народе!
Он гибнет! Помоги! Спасаться на свободе
Сегодня некогда! Брось монастырь! Иди,
Погибель жен, мужей, детей предупреди,
Дай помощь простакам и умникам ученым,
В пылающий Содом свалиться обреченным!
Беги! Немедленно их, проклятых, спасай!
Заставь их силою войти в господень рай.
Да! Вот какое нам дано предназначенье.
Старик, закон твой прост; сложнее мое ученье.
Надежда только ты, спасенье ж — это я!
Я — помощь господу.

Уже несколько мгновений, как у входа в пещеру появился неизвестный человек. Это тоже старик, с седоватой бородой. В руке он держит рогатину, на шее у него шестиконечный крест. Он одет в охотничий костюм из золотой парчи; на голове — высокая позолоченная шапка, расшитая тремя рядами жемчуга. У пояса — охотничий рог. Незнакомец слышал последние слова Франциска Паоланского и речь к нему Торквемады. Он хохочет. Франциск Паоланский и Торквемада оборачиваются.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, охотник.

Охотник

Ну, право же, друзья,
Все лютники мои ни разу не сумели
Так рассмешить меня! Огромное веселье
Доставили вы мне! Два идиота вы!
Охочусь я внизу, нейдет из головы:
Как жив-здоров старик? Я и взошел на гору.
Ах, распотешили меня вы! Но без спору:
Была бы жизнь скучна, такой имея вид,
Как говорите вы.

(Приближается, скрестив руки на груди и глядя на обоих монахов.)

Бог — коль он есть — молчит.
Нет слов, он счел людей за образец творенья.

Но и червя в змею прекрасно превращенье,
Змеи — в дракона, и дракона — в Сатану.

(Делает шаг к Торквемаде.)

Ну, Торквемада, что ж... Вернись в свою страну!
Прощение твое прочел я. Вот идея!
Я хохотал над ней. Иди домой скорее!
О, знаю я тебя! Иди и можешь там
Творить, что вздумаешь. Охотно я отдам
Моим племянникам жидовские богатства.
Сыны мои, вы здесь хотели столкнуться
О смысле жизни? Я хочу вам разъяснить
Все это в двух словах. Ведь истину таить
Не следует... Друзья, мой кругозор не шире
Земного бытия, а вижу в этом мире
Я только лишь себя и говорю, что весь
Смысл жизни — в радостях. Но каждый видит здесь
Свое.

(Франциску Паоланскому)

Моления сквозь все ты видишь призмы,
Я — наслаждение!

Т о р к в е м а д а

(глядя поочередно на того и другого)

Два вида эгоизма!

О х о т н и к

Случайность сплавила мгновение и прах;
Сплав этот — человек. Мы на одних правах:
Вы, так же как и я, — материя простая.
Когда бы, радостей за горло не хватая,
Зевал я по ночам, был тяжек на подъем, —
Поверьте мне, друзья, я был бы простаком.
Счастливец надо быть. Беру я в услуженье
Так называемый порок, и преступленья,
И предрассудки все, и подлость всех мастей.
Я строгость нравов чту, но не подвластен ей.
Кровосмешение? Могу любить я страстно
И собственную дочь, когда она прекрасна.
Ведь я же не глупец! Мне хочется любить!
Попробуйте орла иль кречета спросить,
Разрешено ль ему вот это мясо птичье,

Известно ли гнездо, откуда взял добычу?
Ты рясу черную иль белую надел —
Так, значит, должен ты быть робок, неумел?
Вы прячете глаза, отвергнув дар великий —
То счастье, что сулит вам мир прекрасно-дикий!
Возьмемся же за ум! Что можно получить
За гробом? Ничего. Итак, давайте жить!
Зал бальный рушится, и кладбище готово.
Приплясывая, в гроб идет душа святого.
Пир приготовьте мне! Пусть ближние вкусят
На этом празднике хотя б смертельный яд!
Пусть гибнут! Я живу! К другим я беспощаден.
Я голод! Я велик! Я ненасытно жаден!
Мир для меня — лишь плод, который можно жрать.
Господь, я о тебе хочу не размышлять!
О том, что смертен я, хочу забыть я тоже.
Земные радости — вот что всего дороже,
Их взять я тороплюсь здесь, на земле живя,
А после смерти я совсем уже не я —
Меня уж больше нет, коль с этого я света
Исчез.

Франциск Паоланский
Кто сей бандит?

Торквемада

Отец мой, папа эс!

ТОРКВЕМАДА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Торквемада.

Дон Санчо.

Донья Роза.

Маркиз де Фуэнтель.

Король Фердинанд.

Королева Изабелла.

Гучо.

Епископ Урхельский.

Капеллан короля.

Моисей бен-Хабиб, вели-
кий раввин.

Герцог де Алава.

Привратник.

Солдаты, пажи, монахи, евреи, члены братства
кающихся — белые и черные.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Королевский внутренний двор, называемый «Графы-короли», во дворце-монастыре Ла-Льяна в Бургосе. Этот квадратный двор окружен галлереей из тройных аркад. В передней части сцены находится одна из сторон этой галлерей. Двор имеет два широких выхода, расположенных один против другого. Они ведут в город. Галлерей, находящаяся на переднем плане, заканчивается слева запертой двухстворчатой дверью, к которой ведут три ступеньки. Справа к галлерее примыкает крытая пристройка, являющаяся как бы преддверием к ней. Около этой пристройки на помосте стоит высокий железный стул, украшенный гербами, со спинкою, заостренная верхушка которой заканчивается шпагой острием кверху.

В крытой пристройке находятся двое неподвижных священников, которые, видимо, приставлены охранять сундук, стоящий на земле.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Санчо, маркиз де Фуэнтель, затем Гучо. Дон Санчо в одежде из золотой парчи, при шпаге.

Дон Санчо

Но это сон!

Маркиз

Нет, явь!

Дон Санчо

Я принц!

Маркиз

Принц, граф, правитель

Над Бургосом!

Дон Санчо

Я!

М а р к и з

Да! Над вами повелитель —
Лишь Фердинанд.

(Целует руку дона Санчо.)

Вы всё сумели приобрести —
И власть и счастье!

Д о н С а н ч о

Да! Это так и есть!
На донье Розе я могу теперь жениться!

М а р к и з

И часу не пройдет, как это совершится.
Готовят ей венец, храм озарен огнем,
И наш епископ сам вас обвенчает в нем.
Мне приказал король, чтоб всё без промедлений
Свершилось в сей же час.

Д о н С а н ч о

О, вы наш добрый гений!

М а р к и з

Невеста здесь уже и ждет вас. А теперь
Я, Хиль де Фуэнтель, открою эту дверь
И дам дорогу вам. Пойдете вы к невесте
И, по обычаю, вернетесь с нею вместе,
Чтоб почести воздать и поблагодарить
Его величество. Король поговорить
Перед венчанием о чем-то хочет с вами.
Он будет ждать вас здесь.

Д о н С а н ч о

Не лучше ль прямо в храме
Беседу с ним иметь?

М а р к и з

Нет. Воле короля
Вы повинуйтесь, принц. Слова: «Согласен я» —
Произнесет король. К тому же, по закону,
Вассальную вы все ж имеете корону.

Дон Санчо

Пусть будет так...

Маркиз

Должны мы свято чтить закон.

Дон Санчо

Но мой отец...

Маркиз

Инфант.

Дон Санчо

А дед мой — значит, сн...

Маркиз

(в сторону)

Дед — я!

Дон Санчо

...он был король!

Маркиз

Да, принц. Под вашей

властью

Держава расцветет, и будет мир и счастье,
Лишь верьте мне во всем!

Дон Санчо

Не знаю почему,

Вам доверяю, как себе я самому.

Вы любите меня! Нежданный избавитель,

В один прекрасный день явились вы в обитель

С распоряжением — о, как боялся я! —

Доставить ко двору и Розу и меня.

Какой-то западни страшились мы ужасно,

Но вот венчают нас! О, это так прекрасно!

И сердце я теперь вполне вверяю вам!

Маркиз

Располагайте мной! Вверяю небесам

Я вашу голову. Она благословенна.

Спасая вашу жизнь, себе я вскрыл бы вену,

Чтоб, словно Жан де Ретц, могли вы кровь испить,

А я бы в этот час, ликуя, мог следить,

Как кровь моя течет, от смерти вас спасая,
Как возвращается, пока я угасаю,
Жизнь к вам, о мой король, мой принц...

(в сторону)

мое дитя!

Входит Гучо, он слышит последние слова маркиза.

Гучо

(глядя на маркиза, в сторону)

Как добродетелен! Как радостен! Но я
И знать бы не хотел ни о каком секрете!
И я бы мог добро творить на белом свете
И всяческое зло сшибать одним щелчком...
Но бесполезен я, стелюсь, ползу ползком,
Я разве что тайком подслушивать умею.
Что ж; должность такова!

Входит отряд солдат из африканской гвардии кастильского короля;
во главе их герцог де Алава.

Маркиз

(дону Санчо)

У этой галлерей

Вас будет ждать король.

(Подымается по ступенькам крыльца и открывает обе половинки двери, которая ведет внутрь дворца-монастыря. Делает дону Санчо знак следовать за ним.)

Войдите, принц.

(Замечает солдат и указывает на них дону Санчо.)

Вас ждут

Гвардейцы короля, чтоб вам отдать салют.

(Продолжает говорить с доном Санчо, в то время как тот поднимается по ступеням.)

Как затрубят в рожки, сейчас же вы войдете,
К его величеству графиню подведете
И, на колени встав, поклонитесь ему.

(Бросает взгляд на галлерею.)

Король!

Дон Санчо входит в дверь, за ним — маркиз де Фуэнтель.
Дверь закрывается за ними. Входит король, сопровождаемый капелланом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Король, Гучо, герцог де Алава, капеллан.

Король
(герцогу де Алава)

Иди сюда!

Герцог приближается
Когда я цепь сниму
И принцу протяну...

Герцог
Да.

Король
(глядя на гвардейцев)

Стража здесь. Прекрасно.
(Герцогу)

Так вот, когда скажу ему я громогласно:
«Отныне рыцарь ты! Правь! Бог тебя хранит!» —
Пусть тут же караул оружие обнажит,
И принца этого вы в спину поразите.

Герцог
Король, все ясно мне!

Гучо
(прижимая к сердцу свои погремушки, в сторону)

Вот, куколки, смотрите,
Что значит быть людьми!

Капеллан наклоняется к уху короля и указывает пальцем на сундук, который охраняют два священника.

Капеллан
(тихо, королю)

Исполнен ваш приказ
О доставлении двух грубошерстных ряс.

К о р о л ь

Возможно, что они уже не пригодятся.

Ну, все равно...

(Указывая капеллану на пристройку)

Вон там должны вы дожидаться.

Капеллан присоединяется к двум священникам. Король поворачивается к начальнику своей гвардии.

Останься, герцог, здесь.

(В сторону)

Два способа — такой

Иль несколько иной — пусть будут под рукой!

Дверь раскрывается перед маркизом де Фуэнтелем, затем снова за ним закрывается. Маркиз медленно спускается по ступеням. Король заметил железный стул и смотрит на него.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

М а р к и з

(в сторону)

Итак, он принц и граф! Венчанья час подходит.

И каждый миг — ступень, по коей принц восходит

К сиянию из тьмы. Еще один лишь миг,

И станет юноша могуч, счастлив, велик!

Невинное дитя, ты льешь свое сиянье

На деда гнусного! Какое ликованье

В душе у старика! О милосердный бог,

Ты мне, презренному, увидеть свет помог!

(Утирает слезы.)

К о р о л ь

(обернувшись)

А! Вот и ты, маркиз!

М а р к и з

(низко кланяясь)

Король мой!

К о р о л ь

Мне приятно

Поговорить с тобой!

(Указывает на железный стул.)

Мне не совсем понятно,
Что значит этот стул со шпагою на нем?

М а р к и з

Баш предок Гарсия сидел на троне том,
А древний сей клинок над спинкою сиденья —
Эмблема власти.

К о р о л ь

Да, ведь здесь мои владенья.
Зависят жизнь и смерть от моего суда.

Г у ч о

(*королю*)

Вас двое.

Уже несколько мгновений, как из правой двери квадратного двора тянется шествие, направляющееся к левой двери. Это две шеренги кающихся: одна черная, другая белая. Они движутся параллельно, медленными шагами; капюшоны опущены. У белых капюшоны черные, у черных — белые. В капюшонах — прорезы для глаз. Возглавляющий обе шеренги кающихся монах — в черном и с черным капюшоном — несет высокую черную хоругвь, на которой изображен череп с двумя скрещенными костями. Шествие медленно и молчаливо проходит в глубине сцены. Г у ч о указывает королю на хоругвь.

К о р о л ь

(*Гучо*)

Да, ты прав! Монах презренный...

Г у ч о

Да!

Он мерзок, но велик. Покорны Торквемаде
Все. Даже вы, король.

М а р к и з

И чудится при взгляде
На черную хоругвь, что это — черный дым
Костра, где жгут людей.

К о р о л ь

(*указывая на кающихся*)

Маркиз, что надо им?

Добычи. Скажем так: почтенным гражданином
 Себе вы кажетесь, но вас сочтут повинным
 В печальной ереси, пусть даже вы о ней
 И знать не знаете! В кругу семьи своей
 Вы глупость брякнете, отнюдь не придавая
 Значения тому; но глупость роковая
 До инквизиции сама дошла тайком.
 О! Ухо черное в ночи стоит торчком!
 Из врат монастыря, с печальными псалмами,
 Вот эти призраки идут двумя рядами,
 И между них плывет хоругвь, черным-черна,
 И медленно в толпу врезается она
 И движется вперед, препятствий не встречая:
 Все разбегаются, монахов замечая.
 Вот инквизиция! Народ повержен ниц.
 Все знают: вот рука, чьей власти нет границ.
 И через город наш угрюмое виденье
 Вот так и тянется,

(показывая на хоругвь и на две шеренги людей в капюшонах, которые проходят в глубине)

как в данное мгновенье,
 Без слов, без пения, и ночью так и днем,
 Безмолвно-грозные идут своим путем.
 Сидите дома вы, спокойно отдыхая,
 Болтая и смеясь, в саду цветы срывая;
 Ласкаете детей, и этот череп вдруг
 К вам в дверь врывается! О, сколько
 жертв вокруг!
 Людей без счета жгут. Никто им не мешает.

Процессия и хоругвь исчезают в больших воротах, противоположных
 тем, из которых появились.

М а р к и з
(тихо, королю)

Король церковников без меры возвышает!
 Кто Торквемада? Чьи присвоил он права?
 Ведь незаконного собора он глава!
 Он с папой говорил и с буллой возвратился;
 Ну, и достаточно — лик короля затмился,
 Погас и почернел, а узурпатор-поп

В наикратчайший срок вознес ничтожный лоб
До уровня голов, увенчанных короной.

Король, думая о другом, видимо не обращает внимания на слова маркиза.

(тихо, Гучо)

Король не слушает.

Гучо

(тихо, маркизу)

Молчит он, отвлеченный

Другими мыслями.

Король поднимает голову, окидывает взглядом всех, кто находится в глубине галереи, и делает знак маркизу, чтобы тот подошел к нему. Он выводит его на авансцену, так, чтобы никто не мог услышать, что они говорят. Гучо наблюдает за ними.

Король

(маркизу)

Я, к счастью своему,

Всегда твоим речам внимал. И потому

Хочу с тобою вновь сомнением поделиться:

Событие важное должно сейчас свершиться...

Тем лучше, чем скорей оно произойдет!

Король замечает Гучо, который скрывался за железным стулом, и жестом прогоняет его. Гучо удаляется.

Гучо

(глядя на короля и маркиза, в сторону)

Что будет? Юный тигр и престарелый кот!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Король, маркиз одни на авансцене. Остальные в глубине, куда не доходят голоса говорящих.

Король

Скажи, как поступить. Ведь я в тебе уверен!

Маркиз

(в сторону)

А я уверен в том, что выполнить намерен

Он все внушения мои наоборот!

К о р о л ь

Благополучно ли политика идет?
Что наиболее устойчивое ныне
В Европе видишь ты?

М а р к и з

О, лишь одной плотине
И выстоять! Король, плотина эта — вы.
Ведь только вы один не гнете головы
Пред мощью Франции. Но все же для удара
Есть уязвимый пункт, а именно — Наварра.
Но примечательно, что, видя зорче нас,
Со старым корольком, с д'Ортезом, вы тотчас
Управились, отняв инфанта молодого, —
И равновесие восстановилось снова.
В вас — сила, право — в нем! Могучий вы колосс,
Опоры точка — он! И разрешен вопрос!
Инфант у вас в когтях, как у орла орленок.
Он лишь и нужен вам! Расчет ваш очень тонок:
Он жив — и Франция молчит, ущемлена!

К о р о л ь

Как? Нужен только он?

М а р к и з

Конечно, и она,
Инфанта юная.

К о р о л ь

Я мысль твою проверю...
Инфант необходим?

М а р к и з

Конечно!

К о р о л ь

Ну, так двери
Сейчас раскроются, чтоб Санчо мертвым пал.

М а р к и з стоит, окаменев от ужаса.

Мне Роза нравится. Никто не сочетал
Столь гордого чела со скромными устами
И с нежностью речей — очей такое пламя.

Чарует этот взор, как будто неземной.
А ножки! Умещу я их в руке одной.
А если задрожит, еще прекрасней станет...
Да что там говорить? Меня инфанта мани,
И Санчо — лишний.

М а р к и з

Да.

К о р о л ь

Но должен я, король,
Отдать политике решающую роль.
Итак, к какому же прийти мне заключенью?
Не мимолетное ли это увлечение?
Покуда рос огонь, я долго размышлял,
И вот, борясь с собой, я так себе сказал:
Чорт! Хороша она, но пусть их брак свершится!
Наварра мне нужна! Без этого границы
Не будет у меня. Смирись, моя любовь!
Но что за грация! Взор чудных глаз каков!
А кожа какова! Но хватит этих бредней!
Король, неужто плод борьбы десятилетней
За юбочку отдать ты хочешь в миг один?
На север посмотри: французский властелин
Смеется над тобой. Нет! Женим их, бог с ними!
Дюранса и Адур окажутся моими!
Пусть люди про меня повсюду говорят,
Что я воистину великий дипломат!
Пускай! Но нет, но нет! В объятия другого
Она должна попасть! Я обезумел снова.
Долой соперника! Беру ее! Моя!
Иль скипетр — мой тиран, и лишь невольник я,
И сердце растерзать я должен в исступленье?
А где-нибудь вдали, на Рейне, Тибре, Сене,
Шпионы-короли лишь этого и ждут:
Мол, честолубием объемся все ж я тут!
Дам сердцу я реванш! О, быть владыкой тяжко!
Мне дона Санчо жаль, но он умрет, бедняжка,
Вот здесь, у очага родного своего.
Страдать я не хочу. Мне жизнь не для того
Дана. Моя ль вина, что девушка сумела
Меня очаровать?

М а р к и з

Нет!

К о р о л ь

Что мне Изабелла?

Хочу другой жены. А эта мне претит!

Ведь вправе я любить!

М а р к и з

(в сторону)

О, львиный аппетит!

К о р о л ь

Послушай! Я люблю и, значит, ненавижу!
Все вижу... монастырь, лужайку эту вижу...
Их детство... беготню, игру среди кустов...
О, как ревную я! Убить его готов!
И сердце яростью нарочно опьяняю,
И с ликованием в груди я ощущаю
Удары темные! Хочу, чтоб довелось
От гнева задрожать мне до корней волос.
Как это хорошо — расправиться с врагами,
Стереть их в порошок и растоптать ногами!
Я — бездна! Пусть же в ней потонет алькион!
Я поглощу его! Я зол! Я возбужден.
Безумец — кто со мной осмелится бороться!
Прочь! Санчо умереть за это и придется!
За что я мщу ему? За то, что он любим!
За то, что он красив! Я темен, нелюдим,
Противодействовать люблю и бушевать я,
Убийцы мне друзья, и Каины мне братья.
Да! Принимаю я холодный, сонный вид,
Но воля страшная внутри меня кипит,
Как будто бы вулкан, сокрытый под снегами.
Всегда внутри себя я ощущаю пламя.
Рычу, когда меня стараются смягчить.
Я бога сокрушу! Но как же с принцем быть?
Два только способа и есть для устранения...

М а р к и з

(в сторону)

Два?

К о р о л ь

Да! Один из них — тягучий: заточенье;
Другой — стремительный и точный: умертвить.
Ведь все ж монастыря с могилой не сравнить.
Он глух, не больше, а она — глухонемая!
Захлопнется она, сознание отнимая.
Тем хороша она, что в ней забвенье мук.
А что монашество? Ужасный этот круг
Буссолью мерзостной указан. В самом деле,
Раб черных папертей, состарится он в келье,
И изморщятся прекрасные черты...
Гораздо лучше смерть. Как полагаешь ты?

М а р к и з

Да.

К о р о л ь

Что я слышу?

М а р к и з

Смерть. Вы правильно сказали.
Уж лучше умертвить.

К о р о л ь
(в сторону)

Так что ж мне нашептали,
Что принц его дитя? Неверно это!

М а р к и з

Сам

Я мыслю точно так!

К о р о л ь
(в сторону)

Лгут много королям!

М а р к и з

Я одобряю вас.

К о р о л ь

Так пусть умрет дон Санчо?

М а р к и з

Да.

К о р о л ь
(в сторону)

Что-то тут не так! Ведь он минутой раньше
Упорно толковал, что принц необходим
И если он живет, то я непобедим;
А вместе с ним умрет и на Наварру право!
С одной тут стороны французская держава,
С другой — империя! Нет, в этом что-то есть!

(Недоверчиво поглядывая на маркиза)

Предатель!

(Громко)

Целиком приятно Санчо съесть.
Но если тихо грызть? В моей он будет пасти
И там, в монастыре! Есть в этом сладострастье —
Смотреть, как тает он и гаснет с каждым днем,
Агонизирует... О мщении таком
Что думаешь?

М а р к и з

Зачем итти путем окольным?
Уж лучше по прямой. Убить и быть довольным.

К о р о л ь
(в сторону)

Хитрец! Ты до сих пор за дона Санчо был.
Ты это позабыл, а я не позабыл.

(Вглядываясь в маркиза, который в свою очередь вглядывается в короля.)

Двуличный! Озарен каким-то тайным светом!
Сговорчив неспроста. Таится что-то в этом.
Гнев хочешь распалить? Попробуй, распали.

(Громко, маркизу)

Кровь...

М а р к и з

Чем кровавее бывают короли,
Тем лучше служат им! Убить!

К о р о л ь
(в сторону)

Успел предаться

Он Франции!

(Громко)

Но ты на принца опираться
Мне посоветовал. Опора он моя!
Залог могущества!

М а р к и з

Нет, ошибался я.

Столь всемогущи вы, что вам ничья подмога
Не обязательна. И даже — помощь бога.
Убить!

К о р о л ь

Ты предан мне. Но слушай: ведь толпа
Не разбирается в политике, — тупа.
Легко разжалобить ее. Ударом шпаги
Принц поражен — и все сочувствуют бедняге,
Тем более что он — красавец. В смертный час
Оплакивают нас, а вот в темнице нас
Забудут навсегда. Мой милый, гнев нас губит!
Принц молод, а народ трагичных сцен не любит.
А вот в монастыре врага замуровать —
Совсем другой эффект. Прекрасно! Тишь да гладь!
Оттуда не сбежишь.

М а р к и з

Нет! Служит без измены

Лишь гроб.

К о р о л ь

Убить...

М а р к и з

(указывая на дворец)

К тому привыкли эти стены.

К о р о л ь

(в сторону)

Предатель!

(Громко)

Ну, маркиз, с решением не тяни!

М а р к и з

Убейте!

Звук труб.

Трубачи! А вот идут они!

Дверь открывается на обе половины. На крыльце появляются дон Санчо и донья Роза, держась за руки. Роза в платье из серебряных кружев, с жемчужным венцом на голове. Дон Санчо в графской шляпе, увенчанной султаном, называемым «молния» — перья, усыпанные драгоценными камнями. С правой стороны идет епископ Урхельский с митрой на голове; за ним дамы, вельможи, священники в пышных ризах.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, дон Санчо, донья Роза, епископ Урхельский.

Е п и с к о п

Король дон Фердинанд Кастильский! Пожениться
Хотят сей человек, дон Санчо, и девица,
С ним находящаяся; Роза имя ей.
Они ведут свой род от готских королей.
Она д'Ортез, а он граф Бургосский. И коли
Не будет этот брак противен вашей воле,
Я обвенчаю их. И, к вашим пав ногам,
Граф новобрачную и счастье вверит вам,
Поскольку вы — король, он — граф.

Дон Санчо и донья Роза спускаются со ступенек и преклоняют колени перед королем. Герцог де Алава делает шаг вперед. Маркиз де Фуэнтель смотрит, тяжело дыша.

Д о н С а н ч о

Свои права я
К ногам властителя смиренно повергаю.

К о р о л ь

(пристально глядя на епископа)

Что за безумие, епископ! Под венцом
Увидеть ты хотел монашку с чернецом!

Е п и с к о п

О повелитель мой!

К о р о л ь

Невинности обеты

Даны обоими. Тебе известно это?

И ты без ужаса кошунственный такой

Поступок совершить хотел своей рукой,

В творимой подлости не усомнясь нимало?

Е п и с к о п

Но...

К о р о л ь

(указывая на Санчо)

Рясу на него!

(Указывая на Розу)

Подать ей покрывало!

Капеллан и два священника выходят из крытой пристройки. Один из священников держит черную вуаль, другой — одежду из грубой шерсти. Лицо дона Санчо исчезает под капюшоном, лицо Розы — под покрывалом. Солдаты окружают их. У дона Санчо отнимают шпагу. Король делает гневное движение.

Свезти в монастыри. Не вместе! Разлучив!

Д о н С а н ч о

(отбиваясь под капюшоном)

Король!

К о р о л ь

(священникам)

Под ваш надзор!

М а р к и з

(облегченно вздыхая)

О! Все-таки он жив!

Священники и солдаты разводят дона Санчо и донью Розу в разные стороны.

К о р о л ь

(тихо, маркизу)

Ее я вызволю. Из-под церковной стражи
Монашенки бегут.

М а р к и з

(в сторону)

Порой — монахи даже!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Зала в старинном мавританском дворце Севильи. Дворец выходит окнами на Табладу, где находился Кемадеро. Это зала Совета, а в глубине ее, на одном уровне с полом, тянется галлерей с маленькими колоннами в мавританском стиле; галлерей эта, уходящая за сцену, заканчивается огромным занавесом. Слева, на противоположных концах длинного стола, стоят два одинаковых кресла с королевскими коронами. С той же стороны в обивке стены скрыта дверь, низенькая и узкая, ведущая на потайную лестницу. Справа, на усеченном углу стены, дальше пересекающейся с галлереей, большая двухстворчатая дверь, к которой ведут три ступени.

Стол покрыт ковровой скатертью с вышитыми на ней гербами Арагона и Кастилии. Посреди стола, на большом серебряном подносе, лежат золотые монеты, сложенные в тридцать высоких и широких груд. Они образуют в центре подноса массивную золотую глыбу. Неподалеку от подноса — письменный прибор из позолоченного серебра, грамоты, листы пергамента, воск, печати. В чернильницы воткнуты золоченые или раскрашенные перья. Около стола — железный шкафчик с выдвижными ящиками для хранения денег.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Маркиз де Фуэнтель, Моисей бен-Хабиб, великий раввин. Оба входят через потайную дверь.

Маркиз

Побольше золота!

Моисей бен-Хабиб указывает ему на поднос, где лежат золотые монеты. Маркиз смотрит на кучки золота.

Изрядно.

Моисей бен-Хабиб

Тридцать куч

По тысяче монет.

М а р к и з

Да, довод сей могуч.

М о и с е й б е н - Х а б и б

Монархиня скупа.

М а р к и з

Зато монарх мотает.

На копиях золотых интрига обитает,
А правда — в недрах шахт. На жизнь добиться прав
Мы можем у владык, им взятку только дав.
Да, бедный человек обязан быть богатым,
Чтоб избежать судьбы и в мире жить с прелатом.
На подаяние для нищих королей
Не надо быть скупым. — Жид, уходи скорей!
Да через черный ход! Король ведь глаз не сводит
С меня.

М о и с е й б е н - Х а б и б

Сеньор маркиз, ужасный час подходит.
Спасите наш народ.

М а р к и з

Беда близка. Иди.

(Выпроваживает раввина.)

М о и с е й б е н - Х а б и б

Жду помощи от вас!

М а р к и з

Ее от денег жди!

М о и с е й б е н - Х а б и б

Так мы, несчастные, получим дозволение
Явиться во дворец, чтоб преклонить колени
Пред царственной четой?

М а р к и з

Поздней, как я сказал.

Теперь — проваливай.

Моисей бен - Хабиб

День ужаса настал!
Поможет ли король? Уже приговорили
Сто наших стариков к сожжению здесь,
А остальной народ изгонят из страны,
в Севилье,

Маркиз
(задумчиво)

Да, для аутодафе костры возведены.

Моисей бен - Хабиб

Король из города под вечер удалится?

Маркиз

Да. На день. В монастырь поедет он молиться.
Закон Тульгаса есть, старейший наш закон,
Что их величества, коль подданный казнен,
В прискорбный этот день, всему мирскому чужды,
В Триане молятся.

Моисей бен - Хабиб

И не было бы нужды
Молиться, коль никто тут не был бы казнен!
Спасите нас, маркиз.

Маркиз

Ну, тише! Выйди вон!

Моисей бен - Хабиб кланяется до земли и выходит через
маленькую дверь, которая закрывается за ним.

(Глядя ему вслед)

Совсем не о твоей, не о жидовской шкуре
Сейчас я хлопочу. Иных волнений буря
Во мне свирепствует. Дон Санчо заточен!
Я слышу гул костра и погребальный звон,
И в содрогание меня приводит это.
Инфант противится, не признает обета,

И на костер его готовы возвести
Монахи злобные. Хочу его спасти!
Но как?

Открывается большая дверь. Входит король, за ним Гучо. Обе половинки двери захлопываются, как только король вошел. Король в торжественном одеянии великого магистра ордена Алькантары. На его мантии изумрудами вышит зеленый крест; на голове шляпа из зеленого бархата, без пера, окаймленная королевской короной. Гучо сразу же залезает под одно из кресел.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Маркиз, король, Гучо.

Король словно ничего не замечает вокруг себя, погруженный в глубокие размышления.

К о р о л ь
(в сторону)

Без резких мер...

М а р к и з
(кланяясь, королю)

Итак, мы — перед крахом!
Но крах предотвратить руки единым взмахом'
Король бы мог.

Король подымает голову. Маркиз указывает рукой куда-то за большой занавес, отграничивающий галлерею в глубине сцены.

Костры! Людей там жгут живьем.
И об изгнании указ мы издаем.
Монах крадет народ у короля Кастильи.

К о р о л ь
Ну, выгнали орду; костер мы запалили —
Ты в этом видишь крах?
(Замечает на столе поднос с золотом.)

А, деньги!
(Маркизу)

От кого?

М а р к и з

Евреи принесли.

К о р о л ь

А сколько тут всего?

М а р к и з

На триста тысяч здесь! Все это преподносят
Вам тридцать городов.

К о р о л ь

Ах, так? О чем же просят?

М а р к и з

Чтоб дали им покой.

К о р о л ь

Их просьба велика!

Покая им не дам до той поры, пока
Жидовствуют они.

М а р к и з

Примите это злато

И смилуйтесь. Народ покорный и богатый
Приносит этот дар! Ведь об одном лишь речь —
Чтоб сотню стариков от казни уберечь!

К о р о л ь

Как много!

М а р к и з

Сто?

К о р о л ь

Да нет, совсем не в этом дело.

Как много просьб! А что мне скажет Изабелла?
А папа? Оба здесь! Та — зла, другой суров.
И требуют они костров, костров, костров!
Ну, кой-кого пожгут, — и ладно, на здоровье!
Что слышно?

М а р к и з

Ничего. В Туделе жгут, в Кордове
И в Сарагоссе...

К о р о л ь

Ну?

М а р к и з

Граф Рекезенс сожжен:

Святыми поклялся, — нетрезв в тот день был он! —
И инквизиция взяла его в Хероне
Без снисхождения к заслугам и короне.
И, так как не хотел отречься от него
Никто из близких, — всех сожгли до одного!
И заодно сожгли владенья святотатца,
И даже графский шут не мог в живых остаться.

Г у ч о вскакивает, словно внезапно разбуженный.

Г у ч о

(в сторону)

Стать инквизиции доверенным лицом —
Вот что мне надобно! О молния и гром!
Начнем! Изжариться нет у меня желанья!

К о р о л ь

(глядя на золото)

Вот кровь жидов, верней — продукт кровопусканья.
Золотоносный люд!

Г у ч о

(в сторону)

Избегну я костра!

М а р к и з

(королю)

Евреи же...

К о р о л ь

Жи́ды!

М а р к и з

Жи́ды. Всё мастера,
В ремеслах знатоки... И эти люди молят
Сменить на милость гнев! Пусть им король позволит
Припасть к его ногам.

К о р о л ь

Чего они хотят?

М а р к и з

Быть погребенными, где их отцы лежат, —
В отчизне, государь! Возьмите же без гнева
Их выкуп!

К о р о л ь

Если даст согласие королева,
То соглашусь и я. Позвать ее тотчас!

По знаку короля Гучо идет к двери, находящейся в глубине, и открывает ее. Из-за двери появляется дворцовый слуга, и Гучо что-то говорит ему тихо. Слуга склоняет голову и выходит. Дверь снова закрывается. Гучо возвращается и присаживается на корточки около кресла.

М а р к и з

(королю)

Они благословлять отныне будут вас.

К о р о л ь

Мне надо золота, а их молитв не надо.
Гнушаюсь!

М а р к и з

Ваш отец и дед ваш были рады
Иметь их в подданстве. Ведь целый же народ
Невыгодно изгнать!

К о р о л ь

(властно)

Довольно! Речь пойдет
Сейчас не про народ, а про девчонку эту.
Я заточил ее, но мне покоя нету!
Я брежу Розою, я позабыл про сон.
Нет, никогда еще я не был столь влюблен.
К чертям политику! Я целиком склонился
На сторону любви. Дон Санчо покорился?
Пострижен?

М а р к и з

Нет.

К о р о л ь

Умрет! Ведь запер их не зря
Я в два соседние с дворцом монастыря,

Чтоб под рукой иметь. Я заточил красотку
В обитель Асунсьон, а принца — за решетку,
Сюда, к Антонию. Сам Хайме Рыжий тут
Сынка мятежного держал. Как постригут
Инфанта юного — возьму я донью Розу.

М а р к и з

Но выпущен эдикт. Содержит он угрозу.

К о р о л ь

Какую?

М а р к и з

Если кто — пусть даже вы — войдет
Насильно в монастырь и если посягнет
Там на кого-нибудь, то будет он объявлен
Богоотступником, и будет он поставлен
С убийцей наряду, и проклят...

К о р о л ь

Как!

(Пристально глядя на маркиза)

Мне вход

Открыт всегда, везде. Король я. Час придет —
И Розу я возьму! Расчетливо, умело
Свой замысел вершу.

М а р к и з

Иметь придется дело...

К о р о л ь

С кем?

М а р к и з

С Торквемадою.

К о р о л ь

Но я король!

М а р к и з

О да.

Но инквизитор он. Великий!

К о р о л ь

Не беда!

М а р к и з

Он гневен.

К о р о л ь

Ну и что ж?

М а р к и з

Он церковь воплощает.

Она легко берет, но туго возвращает.

Навел он строгости во всех монастырях.

Черница каждая, как и любой монах,

Под властью у него, и из-под этой власти

Не вырвать их силком. С ощеренною пастью

Вокруг монастырей он рыщет тут и там,

И паства вся его доверена волкам.

Король отнюдь не враг отцам благочестивым,

Но этот злой монах стал поперек пути вам —

Корону вашу он стремится ущемить!

К о р о л ь

Могу купить его.

М а р к и з

Его не соблазнить!

К о р о л ь

Я укрошу его.

М а р к и з

Попробуйте.

К о р о л ь

Я в силе

Дать людям все, о чем они бы ни просили!

Любые гордецы склонялись предо мной!

Чтоб справиться с попом, достаточно одной

Прелестницы...

М а р к и з

Он стар.

К о р о л ь

Другой подход удастся:

Порфира, митра, сан...

М а р к и з

Монашескую рясу

Предпочитает он.

К о р о л ь

Ну, золото тогда.

М а р к и з

Остаться бедняком он хочет навсегда.

К о р о л ь

(задумчиво)

Да! Стар он, нищ... Могуч!

(После раздумья, скрестив руки)

Соседствовать с огромной

Всесильной нищетой, смиренной и темной

И омрачающей мой королевский трон...

Вот спутник короля. Видать, мне равен он!

М а р к и з

Нет, он сильнее.

К о р о л ь

Нет!

М а р к и з

Ничем не откупиться:

Красотки, почести — все это не годится.

К о р о л ь

Но средство все-таки имеется одно.

Ты понял?

М а р к и з

Не вполне.

К о р о л ь

А всех верней оно.

Теперь ты понял?

М а р к и з

Нет.

К о р о л ь

Кинжал. Ведь эта сила
Арбуэса старика у алтаря сразила.

М а р к и з

Каков же результат? Обратный он, увы!
Святым ведь стал Арбуэс! Хоть раздаете вы
Удары топора, чины, именья, злато,
Но церковь — жжет она кулак, в котором сжата,
И от гонения лишь крепнет. Поп убит —
И он бессмертным стал. Попов не истребит
Ничто. Из мертвецов в церковном облачении
И зарождается вот это привиденье —
Поп! Кровь попов вечна и плодоносна кость.
На пастырях живых свою сорвем мы злость,
А мертвым — молимся. Подите истребите
Всех изуверов злых, а после устремите
Взор к небу чистому: увидите, что там
Полным-полно святых, каких угодно вам.
Знай только кланяйся да падай на колени.
Нет, государь мой, я от церкви в восхищеньи!
И, будет ли она царицей иль рабой, —
Последние слова оставит за собой.
Она — везде. Червя вы давите, а змеи
Ползут.

К о р о л ь

(видимо удрученный)

Она — болезнь, и я охвачен ею.
Ты прав! Идя на Рим, кто не был побежден?
Смириться надо мне.

М а р к и з

(в сторону)

Как! Согласился он?

Обычно он идет наперекор советам,
Противоборствует; и надобно при этом,
Чтоб он на север шел, толкать его на юг.
Увы, на этот раз он мне поверил вдруг.
Напрасно я хитрил! То было заблуждением!
Тут надо напрямик! Ну, ладно: стиль изменим.

(Громко)

Вы дали вырасти священнику тому,
И так разросся он, что равных нет ему.

К о р о л ь
(задумчиво)

Да, Торквемада...

М а р к и з

Всей Испанией владеет!

Он здешним папой стал. И в когти он умеет
Забрать мгновенно все, чего хотели вы
Коснуться ноготком. Те дни прошли, увы,
Когда в монастыри входить вам удавалось
И церковь цепкая с добычей расставалась.
Мятежного попа повесить вы могли,
А нынче этот поп сильней, чем короли.
Что ваши палачи? Ничто. Ведь, если надо,
Всех судей короля осудит Торквемада.
Он ухмыляется! Сожжет его костер
Все ваши виселицы! Это, мой сеньор,
Неравная дуэль. Ему, а не другому
Принадлежит весь мир. Как жжет огонь солому,
Он может точно так испепелять людей.
Во всех дворцах введен устав монастырей,
Монашество у нас все глушит, как терновник.
Угрюмый изувер — он этому виновник.
Спасайтесь кто куда! Берет и смелых страх.
Смирились гордецы. И вот во всех концах,
Везде, от Кадикса вплоть до самой Тортосы,
Чем люди заняты? Они строчат доносы.
Маркиз Альфонс в тюрьме, и принц Вианский там,
И оба ведь они, король, кузены вам.
Инфант Тудельский взят. Повсюду скорбь и горе.
При дон Рамиро иль при донье Леоноре
Прекрасно жил народ, плясать и петь был рад.
Умолк невинный смех. Сегодня все молчат.
Нет роскоши. Пирь внушают подозренье.
Испания сейчас под трауром, в смятенье:
Был праздник — и угас. Король, ваш лес уйдет
На то, чтоб рос и рос смолистый эшафот.
И нехватает дров! А преступлений мнимых
Уже не отличить от подлинно творимых.

Теперь казнят за все. Свидетелей найдут!
Отцы своих сынов сегодня предают,
А сыновья — отцов! Коль ты случайно даже
Уронишь наземь крест, тебя сожгут сейчас же.
В любом движении, в любых твоих словах
Увидят смертный грех. Ужасный тот монах
В жестокость лютую сегодня превращает
Завет спасителя. За ересь почитает
В своем безумии любую мелочь он.
И будешь заживо ты на костре сожжен,
Коль вздумал размышлять, коль Соломоном клялся;
И если донесут, что с бесом ты шептался,
И если в постный день посмел ходить ты бос,
Иль знаки странные на ногти ты нанес,
На слишком пожилой ты женщине женился
Иль на молоденькой, иль в бегство не пустился
От подпоясанных ремennem кушаком,
Иль мертвеца к стене ты повернул лицом,
Иль скатертью свой стол в субботу накрываешь,
На рождество осла из стойла прогоняешь,
Иль чаще, чем Христу, молиться вздумал, плут,
Отцу небесному, — за все тебя сожгут!
Произносить стихи, идя за гробом друга;
За дверью в темноте рыдать; иль без испуга
Бродить по пустырям и в тишине молчать;
Иль с утренней звездой рассветный час встречать, —
Все — преступление! Увы! Костры пылают,
Заря багровая все небо застилает.
Не кровь ли подданных по небу растеклась?
Так отберут, король, всю армию у вас,
И будет некого вам на врага обрушить!
Да что там говорить! Король не хочет слушать.
А слово бы сказал — и кончено! Но нет!
Испания в тюрьме! И в довершение бед
Народ не знает вас, от короля далек он.
И вот сегодня здесь, сеньор, у ваших окон...

*(Указывает на галерею в глубине сцены и на занавес,
который ее закрывает.)*

Гучо внимательно слушает.

...Костер они зажгут, огромный костер —
И устремит монах свой похотливый взор

На корчи женщины, огнем костра объятой.
На четырех углах четверка черных статуй,
Пророки черные, — четыре их числом, —
Всем четырем ветрам поведают — о чем?
О чем заголосят четыре глотки сразу?
О! Человечиной набьют их до отказа!
В утробах каменных огня раздастся рев,
И будет дым валить из исполинских ртов.
Народы в ужасе, в тоске, в остолбененье:
Испания, и вы, и ваши все владенья
Растаяли в дыму, в зловещем треске дров
Меж этих призраков, меж статуй, меж костров!
Такому зрелищу в анналах нет примера.
Весь этот блеск рожден ужасным жемадеро.
Под тенью палача король, увы, исчез.

Король, подавленный, садится на складной стул.

К о р о л ь

Но церковь норовит извлечь свой интерес
Из этого.

М а р к и з

А трон вам потерять не жалко?
Ведь вся Кастилия сегодня точно свалка
Для черепов людских! Ведь вопль по всей стране!

(Приближается к королю.)

Вы тщетно боретесь. Вы нынче в западне.
Над всей Испанией висят паучьи сети.
Господь — звезда во мгле — через тенета эти
Чуть виден. Сатана ту сеть, где бьетесь вы,
За нитью нить тянул из чрева Еговы.
Ничтожный ум людской попал в тенета, бьется
В том уголке лепном, что церковью зовется.
Там в царские врата струится адский свет,
Чтоб содрогались в них ночь, страх, смертельный
бред.

И человечество печальными очами
Глядит на сумерки. И мы не знаем сами:
Не этот ли Ваал и встарь душил людей?
Расти нельзя — грешно! Кто мыслит, тот злодей!
О гибель бытия! А людям жить охота!

Паук-священник сплел ужасные тенета,
И муху-короля опутать он сумел.

Король опускает голову. Маркиз, внимательно глядя на него, продолжает:

И все мы в ужасе! Кто думать бы посмел,
Что догм и ханжества гнуснейшее сплетенье
Опасно для орла? Но, всем на изумленье,
Попался и орел. Запутали орла,
И в пакостных силках трепещут два крыла.
Вот требник, библия, евангелье пред вами,
И вот погашено желаний ваших пламя, —
Любить и властвовать нет смелости у вас.
Имели гордый нрав — когда-то, не сейчас —
Владыки тверже гор и, как леса, косматы,
Но прахом все пошло. А было ведь когда-то!
Король взять женщину решил. Но, усмирен,
Он пресмыкается, рычать не в силах он.
Всесилен лишь монах, он правит всем на свете.
«Как смеют, — он шипит, — на свет рождаться дети?»
Всех взял он под башмак. Он до того могуч,
Что наши души сгреб и запер их на ключ.
Трепещут перед ним монашки и монахи,
И гнет он скипетры и шпаги держит в страхе.
Смерть источает он из-под нависших век.
Власть — вот вам цель его, а жертва — человек!
И целый мир покрыт его мертвящей тенью.
Он всю вселенную берет под наблюденье —
Ужаснейший шпион, приставленный творцом!

(Глядя прямо в лицо королю)

История еще поведаст о том,
Что было веком тьмы вот это время злое.
Век рабства и огня! Чем он богат? Золою!
Когда наследницей Пелайева меча
Явилась кочерга в руках у палача,
Как звали короля? Он Торквемадой звался!

К о р о л ь

(вставая)

Ты нагло лжешь, маркиз! Владыкой здесь остался
Я, Фердинанд! Монах и папа — ни при чем.

Я тигр и лев! Я был и буду королем!
Чтоб это доказать, голов щадить не стану.
Иди и приведи надежную охрану.
В обитель Асунсьон отправиться изволь
И Розу вызволи! Будь смел, как сам король!
Приказ я напишу.

(Подходит к столу, берет перо, лист пергамента и быстро пишет.)

Вот! «Именем закона
Маркизу уступать во всем и неуклонно.
Что делает маркиз, то — воля короля».
(Подписывает и передает пергамент маркизу.)
Иди и выполняй. Повелеваю я!
О, радость мне доставь! Сумей туда ворваться.
Хоть растопчи их всех — заставь повиноваться;
А нет — дави, и жги, и обрати в пустырь
Проклятые места, где был тот монастырь!

М а р к и з

А вдруг какой монах...

К о р о л ь
Убить!

М а р к и з

Солдат...

К о р о л ь

В железы!

Возьми сто человек. Ведь есть головорезы:
Есть африканский полк. Крамолы выбей дух
Ты из обители.

М а р к и з
(в сторону)

Не из одной — из двух!
(Громко)

Хотя и ваш приказ... Но все ж есть риск...

К о р о л ь

Сейчас же

Иди!

М а р к и з

Инфанту скрыть?

К о р о л ь

Конечно.

М а р к и з

Но куда же?

К о р о л ь

В мой тайный сад. Вернусь я завтра и найду.

М а р к и з

Ее — в саду?

К о р о л ь

О да. Хозяин я в саду!

М а р к и з

А ключ?

К о р о л ь

(подходит к шкафчику и выдвигает ящик)

Вот ключ. Их два. Я строго воспрещаю
Входить в мой тайный сад.

(Вынимает ключи и один из них дает маркизу.)

Один тебе вручаю.

(Кладет другой ключ обратно в ящик и задвигает его.)

Гучо за спиной отвернувшегося короля ползком пробирается к шкафчику; снова открывает ящик и берет ключ, только что положенный туда королем.

Г у ч о

(в сторону)

А я тем временем беру себе другой.

(Снова задвигает ящик и засовывает ключ в карман.)

К о р о л ь

Всесилен ты, монах! Я под твоей пятой!

Посмотрим — кто кого! И убедитесь все вы...

Г о л о с п р и в р а т н и к а
(*доносится снаружи, возвещаая*)

Ее величество Кастильи королева.

Входит королева в одеянии, сплошь расшитом черным стеклян-
русом, с королевской тиарой на голове. Она низко приседает перед
королем, который низко ей кланяется, не снимая шляпы. Затем кор о
лева направляется к креслу, стоящему у конца стола, садится и
остаётся неподвижной, как бы ничего не видя и не слыша. У короля
и королевы привешены к поясу четки.

К о р о л ь
(*тихо, маркизу*)

Все дело в быстроте. О прочем думай сам.
Иди и выполняй.

Входит герцог де Алава. Он направляется к королю.

Ну, что угодно вам?

Г е р ц о г д е А л а в а
(*кланяясь королю и королеве*)

Посланцы от жидов, гонимых из Кастильи,
Покорно просят вас, чтоб вы их допустили
Пасть ниц пред вашими величествами.

К о р о л ь

Что ж,

Пускай войдут.

Герцог выходит.

(*Тихо, маркизу*)

А ты немедленно пойдешь
В обитель Асунсьон.

М а р к и з
(*в сторону*)

Мне и в другую надо!

К о р о л ь

Иди!

М а р к и з

Но...

К о р о л ь

Что?

М а р к и з

А вдруг узнает Торквемада?

К о р о л ь

Монах? Но я — дракон, а он — червь земляной.

(Властно вскидывает голову.)

М а р к и з кланяется и выходит в потайную дверь. К о р о л ь садится в пустое кресло напротив королевы. Входят евреи.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К о р о л ь, к о р о л е в а, евреи.

Из двери, находящейся в глубине, появляется испуганная оборванная толпа между двумя рядами пик и алебард. Это — посланцы евреев: мужчины, женщины, дети, у всех головы посыпаны пеплом, они в лохмотьях, босые, с веревками на шеях; некоторые, изуродованные пытками, ковыляют на костылях или ползут на культиках; других, у которых выколоты глаза, ведут дети. Во главе процессии — великий раввин М о и с е й б е н - Х а б и б. У всех желтые повязки на изодранных одеждах. На некотором расстоянии от стола раввин останавливается и опускается на колени. Все остальные падают ниц. Старики бьются лбами об пол. Ни к о р о л ь, ни к о р о л е в а не смотрят на вошедших; их туманный и сосредоточенный взгляд скользит поверх голов евреев.

М о и с е й б е н - Х а б и б

(на коленях)

Владыка, правящий испанскою страной,
И вы, владычица, о королева наша,
Мы, вам покорные, мы, подданные ваши,
Босые, с вервием на шее и дрожа,
Вас просим, господин, и вас, о госпожа!
Над нами смертный мрак! Сожгут сегодня многих.
Изгонят жен, детей и стариков убогих.
Господь всевидящий — свидетель; мы пришли,
И наши стоны к вам возносим, короли!
Декреты против нас вы нынче возгласили.
Мы плачем. Прах отцов затрепетал в могиле.
Задумчивость гробниц ваш приговор потряс.
Сердечно преданы, мы почитаем вас.
Мы в тесноте живем, мы замкнуты, послушны,
Законы наши так просты и прямы, душно,

Что и ребенок их запишет без труда.
А веселиться мы не смеем никогда,
И облагают нас какой угодно данью.
Нас топчат походя. Мы точно одеянье
С убитого врага. И все ж хвалу поем!
Но неужели есть необходимость в том,
Чтоб, на руках неся дитя свое грудное,
Быков, собак и коз гоня перед собою,
Во все концы земли Израиль убегал,
Народом кончил быть и лишь скитальцем стал?
Не прикажите гнать нас копьями, мечами,
И да отверзнет бог широко перед вами
Врата прекрасные. Избавьте от беды!
Теряем мы свои посевы и сады,
Исчезло молоко у женщины кормящей...
Ведь с самками живут и звери в дикой чаще,
И птицы счастливы в гнезде среди ветвей,
Имеет право лань кормить своих детей,
Позвольте же и нам остаться в наших нищих,
Почти невольничьих, ветшающих жилищах,
Но близ родных могил, здесь, под стопой у вас,
Слезами нашими покрытою сейчас.
О скорбь! Отвержение! Скитанья и лишения!
Есть хлеб и воду пить нам дайте разрешение —
И процветания добьетесь для себя.
О наши короли! Вас молим мы, скорбя, —
К нам милость проявить и не карать нас вечным
Злым одиночеством, блужданьем бесконечным.
Оставьте небо нам, оставьте кров родной,
Хоть горек, словно яд, хлеб, смоченный слезой;
И если пепел мы, так ветром вы не будьте.

(Указывая на золото)

Вот наша дань! Увы! На том не обессудьте!
Спасите, короли! Вас умоляем мы!
О. будьте же для нас не ангелами тьмы,
Но станьте ангелами белыми, благими.
Спасите! Праотцами вашими святыми,
Великодушными и храбрыми, как лев,
И усыпальницами светлых королев
Мы заклинаем вас! Инфанте мы Хуане,

Румяной яголке, прелестному созданию,
Вручим свои сердца, печали и мольбы.
Монарх! Монархиня! Вершители судьбы!
Спасите!

Минута молчания. Фердинанд и Изабелла совершенно неподвижны. Ни король, ни королева попрежнему не смотрят на евреев. Герцог де Алава, который стоит возле стола, обнажив шпагу, касается ею плащмя плеча великого раввина. Великий раввин подымается; он и все евреи выходят с опущенными головами, пятась. Стража образует заслон и вытесняет их за сцену. Дверь остается открытой. Евреи вышли. Король делает знак герцогу де Алава. Тот подходит.

К о р о л ь
(герцогу)

Говорить здесь будем по секрету
Мы с королевою. Иди! И дверь вог эту
Снаружи охраняй. Тот, кто войдет сюда,
На плаху попадет.

Герцог опускает шпагу, кланяется, снова поднимает шпагу и выходит. Дверь закрывается. Король и королева остаются одни. Тем временем Гучо незаметно залез под стол и теперь сидит там, скрытый свисающей ковровой скатертью.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Король, королева, Гучо под столом.

Король и королева молча и пристально глядят друг на друга. Неподвижность и тишина. Наконец королева переводит взгляд на золото.

К о р о л е в а
Здесь тридцать тысяч.

К о р о л ь

Да.

Здесь чистым золотом все тридцать тысяч марок.

К о р о л е в а

Но ведь проклятые, принесшие подарок,
Познали тайну звезд...

К о р о л ь

Здесь тысяч на шестьсот
Пиастрами. А коль вести в цехинах счет,
Мильонов двадцать здесь.

К о р о л е в а

В цехинах?

К о р о л ь

Без сомненья...

Галера не вместит все это при обмене
На африканские безаны.

К о р о л е в а

Да. Но жид

Весь озаряется, блестит, глаза слепит
И невидимкою становится, сжигая
Мизинчик мертвого младенчика...

К о р о л ь

Я знаю.

К о р о л е в а

Галера целая?

К о р о л ь

Уверен я вполне.

К о р о л е в а

И чистым золотом?

К о р о л ь

А серебром — вдвойне.

Коль в дуру счет вести, так два нагрузим судна.

К о р о л е в а

Мугится в голове. Представить даже трудно!
Сеньор, помолимся.

(Берет четки.)

Минута молчания. К о р о л ь перебирает руками золото.

К о р о л ь
(вполголоса)

Теперь пора в поход,
На Боабдила в бой. Война — большой расход!

К о р о л е в а
(перебирая четки)

Коль первой умереть мне, государь, случится,
Вы поклянетесь ли вторично не жениться?

К о р о л ь
(вполголоса)

Я с этим золотом...

К о р о л е в а
Клянетесь?

К о р о л ь
В чем? Ну да...

(Задумчиво)

Победу одержу, и станет навсегда
Жемчужиной моей надменная Гранада!

К о р о л е в а
(кончив перебирать четки и кладя их на стол)
А все-таки жидов мне в подданство не надо.

К о р о л ь подымает голову.
(Продолжает настойчиво)

Взяв это золото, мы все-таки потом
Их выгоним.

К о р о л ь
И я подумывал о том.
Но как же в будущем? Обман — себе дороже.

К о р о л е в а
(глядя на золото)
Да, тридцать тысяч здесь. Все — вам!

К о р о л ь
И вам ведь тоже.

К о р о л е в а

А больше взять?

К о р о л ь

Поздней!

(Перебирает золото.)

Гранад у отберу.

Ублюдка подлого с лица земли сотру!

Жидов помилуем. Но мавров очень скоро

Изгоним.

К о р о л е в а

(неуверенно)

Вот как...

К о р о л ь

Да!

К о р о л е в а

На выбор — две Гоморры!

К о р о л ь

Берем ли деньги?

К о р о л е в а

Да.

К о р о л ь

Итак, сведем на нет

Всех этих нехристей пугающий декрет:

Их от испанцев мы отнюдь не отделяем,

Костры запаливать отныне запрещаем,

Освобождаем всех...

(Подписывает, подвигает пергамент к королеве и подает ей перо.)

К о р о л е в а

(беря в руки перо)

Итак, решен вопрос.

В тот момент, когда королева хочет поставить свою подпись, обе половинки большой двери с шумом распахиваются. Король и королева, пораженные, оборачиваются. Гучо высовывает из-под стола голову. На верхней ступеньке появляется Торквемада в рясе доминиканца, с железным распятием в руках.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Король, королева, Торквемада.

Торквемада не смотрит ни на короля, ни на королеву, его взгляд устремлен на распятие.

Торквемада

За тридцать лишь монет был предан ты, Христос,
Но тридцать тысяч вновь за это получили
Иуды новые, правители Кастильи.

Королева

О небеса!

Торквемада

(опуская распятие на золото)

Жиды, придите взять Христа!

Королева

Отец!

Торквемада

Вещалось так! Вот королева та
И вот он, тот король, — христопродавцы!

Королева

Боже!

Торквемада

(глядя им обоим в лицо)

Будь проклят ты, король! Ты, королева, тоже!

Королева

Отец, простите!

Торквемада

(простирая над ними руку)

На колени!

Королева падает на колени. Король колеблется, дрожа.

Оба!

Король падает на колени. Торквемада указывает на короля.

Вот

Здесь ты!

(Указывая на королеву)

А здесь она! А между вас встает
Горою золото. Вот он, доход бесчестный!
Земные вы цари.

(Снова хватает распятие и подымает его над головою.)

А вот он — царь небесный!
Целуйте землю. Вас обоих, наконец,
С поличным я поймал.

К о р о л е в а
(падая ниц)

Простите нас, отец!

Т о р к в е м а д а

Мразь!

К о р о л е в а

О святой отец, грехи простите наши!

Т о р к в е м а д а

Нет! Переполнилась долготерпенья чаша!
Антихрист! Ты пришел! Жиды возвращены,
И вот аутодафе в стране запрещены
По воле королей! И скипетр сей ничтожный
Затеял спор с крестом! И этот принц безбожный
К велениям Христа глухим изволит быть.
Властители! Хочу я вас предупредить,
Что только пап судить мы не имеем права,
А вы — лишь короли, и вам грозит расправа.
Пируете ли вы иль спите сладким сном,
Но строгую печаль и в королевский дом
Хоругвь священная внесет, когда захочет!
О! громом в небесах и ложный бог грохочет,
Но ненависть к нему питает вышний бог.
Прав только наш закон, а ваш закон убог.
Пшеница — мы; а вы лишь плевели, не боле.
Великой жатвы дня еще дождется поле.
Еще мы терпим вас, но отреклись от вас,
И ваши имена бросаем что ни час
Мы прямо вниз, туда, в таинственные бездны,
Где вас мученья ждут, тоска и мрак беззвездный!

Чем вымощен тот путь, та черная тропа?
Умерших королей лежат там черепа.
Хоть сильными себя считаете вы сами,
Поскольку океан усеян парусами
И каждый лагерь ваш солдатами набит,
Но ясно видит бог, — он пристально глядит
Сквозь небо звездное на ход земных событий!
Так трепещите же!

К о р о л е в а

Отец наш, пощадите!

К о р о л ь
(вставая)

Мы с королевою, отец, огорчены!
Содеянное зло исправить мы должны:
Прочь из Кастилии жидов мы изгоняем,
Монашество, и клир, и веру охраняем,
И разрешаем вам хотя бы в сей же час
Начать аутодафе.

Т о р к в е м а д а

Что? Стал бы ждать я вас?

(Спускается на три ступени и, войдя в галлерею, резко отдергивает занавес.)

Смотрите!

Начинает смеркаться. Через широко раскрывшуюся галлерею видна в сумерках площадь Таблада, заполненная толпою. В центре ее — кемадеро, огромное сооружение, все в языках пламени; видно множество костров, столбов и людей, приговоренных к сожжению, одетых в особого рода балахоны и едва различимых сквозь дым. Бочки с горящей смолою и нефтью, подвешенные на столбах, изливают на головы осужденных свое пылающее содержимое. Женщины, которых пламя обнажило, пылают, привязанные к железным кольям. Слышатся крики. На четырех углах кемадеро — четыре гигантские статуи, изображающие четырех евангелистов; эти статуи красны от пылающих углей. В статуях проделаны дыры и щели, через которые видны головы воюющих людей и их движущиеся руки, похожие на горящие головни. Чудовищная картина человеческих мук и великого пожара. Король и королева смотрят в ужасе. Гучо под столом вытягивает шею и тоже пытается рассмотреть все это. Торквемада в экстазе не в силах оторвать свой взор от кемадеро.

Торквемада

О восторг, о торжество, о слава!

Вот милосердие — ужасно, величаво!

Прощенье проклятым! Ведь сей костер земной

Там, под землей, в аду погасит вечный зной.

Путем сияющим ты души поднимаешь,

Род человеческий ты к раю приближаешь,

О, слава пламени и дьявола позор,

Благословенный и спасительный костер!

Вот — милосердие! О, как ласкает пламя!

Свободны стали все, кто были тьмы рабами.

Прощенье! Благодность! Сиянье без конца!

Жизнь! Созерцание господнего лица!

Отбытье славное! Смерть лучшая на свете!

Жида, еретики! Вы все мне точно дети, —

Я выпестовал вас. Ценой ничтожных бед

Блаженство куплено. Изгоев больше нет,

Нет больше проклятых. Для всех благословенье

Открылось в небесах. Какое пробужденье!

Вот торжество любви! Вот чудеса ее!

И можно позабыть страдание свое!

Крики из костра.

А, воеет Сатана! Теряет подопечных!

Вой, вечный каторжник, в своих застенках вечных!

О, как он заскрипел зубами у ворот,

Когда я накрепко захлопнул адский вход!

За темной он стеной теперь один рыдает.

«Всегда» и «Никогда» — над ним слова пылают.

(Смотрит на небо.)

О, рану страшную я вылечить взялся.

Господень рай страдал; имели небеса

В утробе у себя болячку, ад горящий.

К той язве применил я свой огонь целящий.

В лазурных небесах остался лишь рубец;

На теле у Христа нет раны наконец.

Осанна! Сгинул ад. Все кончено. Страданья

Прекращены.

(Смотрит на кемадеро.)

Огня державное пыланье!

О, угли, головни, сухих поленьев треск!
В горниле огненном рубинов алый блеск!
Сияй, пылай, костер! Пусть в звезды превратятся
Все искры, что в дыму пожарища клубятся.
Вне тел, как вне одежд, взлетают души ввысь
Из сей купели мук! Все рады! Все спаслись!
Эй, враг мой Сатана! Что скажешь?

(В экстазе)

Очищенье
Свирепым пламенем! Акт веры! Свет спасенья!
Под взглядом господа он, Сатана, и я —
Две двери разные, два мастера огня:
Он губит смертных, я их награждаю раем.
Мы оба палачи, но, муча, созидаем
Он — зло, а я — добро; я — небеса, он — ад.
Я воздвигаю храм, а он разводит смрад.
И тьма дрожащая с нас не спускает взгляда.

(Оборачивается к казнимым.)

Ах, я спасаю вас, возлюбленные чада!
В купели огненной плывет страданья крик,
Но только на один переходящий миг.
Хулите вы меня? Вы скажете спасибо,
Когда увидите, чего избегли, ибо
Я с вами точно так сурово поступил,
Как мог бы поступить архангел Михаил.
Вы белых ангелов увидите сегодня.
Там, над чудовищною этой преисподней,
Склонились ангелы и тешатся, глядят
В колодцы серные, в опустошенный ад.
И ненависти вопль едва успеет взвиться, —
Как захлебнется он, в песнь счастья превратится.
Ведь сам я мучился при виде ваших мук,
Щипцов, тисков, клещей и вывернутых рук.
И вот все кончено. Спасайтесь! Мчитесь вольно
В рай!

(Наклоняется, как бы глядя под землю.)

Гибни, Сатана! Потешился! Довольно!

(Выпрямляется.)

Молили бога мы, и поддержал он нас.
Вне бездны человек. Через огонь сейчас,

Через крылатый дым вы радостно идете.
Бессмертный разум ваш спасен от бр~~е~~нной плоти!
От смертного греха освобождаю всех.
У всех есть свой порок, ошибки или грех;
Чудовище свое в любой натуре жило,
И крылья грызло ей, и свет ее гасило.
И ангел погибал. И дьявол им владел.
Теперь сияет все. И царственный раздел
Там, в ясности могил, перед Христом творится.
Дракон испепелен. Лети, душа, как птица!
Вы, ада пленники, из тьмы стремитесь ввысь!
Свобода вам дана! О вечность, изменись!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Ночь. Терраса тайного королевского сада в Севилье. Терраса очень широка. Справа и слева к ней ведут обсаженные деревьями аллеи. В глубине терраса переходит в лестницу, ступеней которой не видно. Эта лестница, соединяющая террасу с самой отдаленной частью сада, тянется во всю длину террасы. Те, кто поднимается по этой лестнице, видны сначала до пояса, затем фигуры их все более вырастают, пока, наконец, они не оказываются на одном уровне с полом террасы. На террасе — мраморная скамья. Нижняя часть сада теряется в темноте. На заднем плане — горы. Тишина. Уединение. Выходит луна.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Торквемада, Гучо.

Они выходят из правой аллеи. Гучо ведет Торквемаду, прижимая одной рукой к груди свои погремушки, а другой протягивая Торквемаде ключ.

Гучо

Учтите, мой отец: не кто-нибудь, а я
Вручил вам этот ключ от сада короля,
Я, Гучо, — короля, что выше упомянут,
Шут. Вот кто я таков! А что здесь делать станут,
Какой преступный акт здесь должен быть свершен,
Я не могу сказать: я не осведомлен.
Надеюсь я, что тут останетесь вы сами
И собственными всё увидите глазами.
Права церковные решил король поправить
И девушку одну у жениха отнять.
Вот все, что знаю я. Шутом служу, буффоном.
Смешу!..

Торквемада берет ключ у Гучо.

(В сторону)

Доносы — зло. Но хуже быть сожженным.

Прощайте! Выбрал я! Нет, мне не по нутру
В часы аутодафе блеск придавать костру.
Сверкая разумом, быть свечкой не намерен.
И вот ведь в чем вопрос: кому сейчас я верен?
Себе! И этого достаточно вполне.
И надо быть глупцом, чтоб разглядеть во мне
Аскета, мученика, хилого героя.
Нет, смерти я боюсь. И руки я умою.
К тому же холоден останется король,
Коль буду я гореть. Король могуч не столь,
Как этот старичок. Старик лишь пальцем двинет —
И на землю его величество низринет!
Нет! Шкура, чорт возьми, мне дорога своя!
Я предал. Уцелел. И удаляюсь я.

Т о р к в е м а д а
(разглядывая ключ, в сторону)

Король! Ему грехи я отпустил — и что же?
О мерзопакость!

Г у ч о
(удаляется в глубь террасы, бросает взгляд в чащу сада,
в сторону)

Кто там в саду? Похоже,
Что к нам они идут. Насколько я пойму,
Их трое. Почему? Оставим «почему»...
Пусть все гибнет здесь, все рушится, но я-то
Спасусь!

Т о р к в е м а д а
(разглядывая сад, в сторону)
Вот тайный сад! Убежище разврата!

Г у ч о
(в сторону)
Идут. Я скроюсь.
(Уходит в ту сторону, откуда появился.)

Видно, как по лестнице поднимаются и входят сначала маркиз де Фуэнтель, затем дон Санчо и донья Роза в монашеской одежде, как в первом действии. Маркиз ведет их, приложив палец к губам, осторожно оглядываясь по сторонам.

Маркиз де Фуэнтель, дон Санчо, донья Роза.

Маркиз

Ваш монашеский наряд

Днем был бы гибелен; но этот тайный сад
Безлюден, ночь темна. Свободны вы. О боже!
Не встречены никем, вы в сад вошли, я тоже.
Я шел другим путем. Я отослал людей,
Чтоб выдать вас не мог какой-нибудь злодей,
Но все ж я трепещу. Нам надо торопиться —
Одежду раздобыть, взять лошадей и скрыться.
Бежать вам следует, пока не встал рассвет.

(Глядя на пустынные аллеи сада)

Я крепко запер вход. Пока угрозы нет:
Король не явится — в отъезде он.

(К Санчо)

Всецело

Доверьтесь мне, о принц и вы, сеньора! Дело
Я сделал трудное, и все же спас я вас.
Для вас я шел на риск. И в жилы мне влилась
Отчаянная мощь. С монастырем проститься —
То был ваш первый шаг. Но скрыться за границу —
Пусть будет шаг второй. Не легок он, увы!
Но меры я приму — и все ж спасетесь вы.
Да, вся Испания в руках у Торквемады.
Он правит королем! Я, руша две преграды,
Взял два монастыря, и инквизитор мне,
Конечно, не простит. Здесь, ночью, при луне,
Мы в безопасности, на время же дневное
Нам следует искать убежище иное.
Сюда придет король. Мне следует найти
Кого-нибудь, кто вас укрыть бы мог, спасти.
Монах какой-нибудь тут был бы очень кстати —
Они, всесильные, теперь знатнее знати!
Но продают попы и тех, кто их купил.
Предатели они. О, как бы рад я был
Как можно поскорей к французам вас отправить!
Ведь я не смею вас в неведение оставить,
Что инквизиция имеет замок свой
Отсюда в двух шагах. С церковною тюрьмой

Соприкасаются, к несчастью, стены сада.
Опасность велика. Вам где-то скрыться надо.
Иду на поиски. Господь, благослови!

Д о н С а н ч о

Как вас благодарить?

М а р к и з

О бедные мои!

Изгнанники мои! Придумаю я хитрость.
Иду. Вы ждите здесь.

Д о н С а н ч о

О, как благодарить вас?

М а р к и з

Как? Будьте счастливы — вот все, что я хочу.
(Уходит в ту сторону, куда ушел Гучо.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Д о н С а н ч о, д о н њ я Р о з а.

Д о н С а н ч о

Ах, от великого я счастья трепещу!
Живой, здоровою тебя увидеть снова —
Вот небеса! Но нет страданья боле злого,
Чем за тебя дрожать.

Д о н њ я Р о з а

Не верю, чтоб не спас
Нас милосердный бог. Ведь он и сблизил нас.
(Смотрит на него в опьянении.)

Люблю!

Они бросаются друг другу в объятия.

Д о н С а н ч о

(глядя на ночное небо и обнимая Розу)

О небеса! Ужель не будет чуда,
И ангела господь не ниспошлет оттуда,

Который бы тебя в тени своей укрыл?
Ужель нет ангелов, ужель у них нет крыл?

Д о н ь я Р о з а
Нам предан верный друг. Вот в этом-то и чудо!

Д о н С а н ч о
Увы, он сам дрожит. Опасности повсюду.

Появляется Торквемада. Он в тени деревьев; он слышит последние слова Санчо; прислушиваясь, смотрит. Различает впотьмах Санчо и Розу; его удивление возрастает. Ни Санчо, ни Роза не видят его. Санчо берет Розу за руку и подымает глаза к небу.

Кто ж все-таки придет, чтоб защитить тебя?

Т о р к в е м а д а
Я.

Санчо и Роза, пораженные, оборачиваются.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Д о н С а н ч о, д о н ь я Р о з а, Т о р к в е м а д а.

Т о р к в е м а д а
Я вас узнаю!

Д о н ь я Р о з а
Старик!

Т о р к в е м а д а

Да, это я, —

Тот самый человек, приговорен который
Содомом к смерти был и был казнен Гоморрой.
Два неизвестные ребенка помогли
Из гроба выйти мне. Я гибнул. Вы пришли
И помогли тому, кто был уже в могиле.
Голубка и орел, вы свет мне возвратили.
Ах, вы меня спасли; теперь черед за мной!

Д о н ь я Р о з а
Тот старец!..

Торквемада

Говорит мне ваших риз покрой,
Что оба связаны невинности обетом.
Вас видел и тогда я в одеянье этом.
Тогда я не был мертв, но жив был не вполне.
Как будто ангелы, вы снизошли ко мне,
И вы меня спасли. Тогда! А вот сегодня
Меня приводит к вам могущество господне.
На помощь звали вы, — я слышал этот крик.
Так богом послан был к дон Педро Доминик,
А к Фердинанду — я. Я шел, услышал вас я
Как видно, вы в беде. Какое-то несчастье?
Конечно, неспроста привел меня творец
В сей подозрительный, погрязший в зле дворец.
И ваши бедствия меня не удивили.
Господень промысел ведет нас всех. В могиле
Лежал я — вы пришли. Но вот и я пришел
И в темном логове вас, пленников, нашел.
Пропал бы я без вас, вы — без меня б пропали.
Я не предвидел вас, а вы меня не ждали.
И почему я здесь? И вы тут для чего?
Вы чудо! Диво я. А бог — творец всего.

Дон Санчо
(донье Розе)

Да, это тот старик!

Торквемада

Я здесь. Вы успокойтесь.
Я вижу западню. Но вы ее не бойтесь.
Я изучил людей — на то отшельник я.
Я вас люблю. Спасу я вас от короля.

Дон Санчо

Вы близки к королю?

Торквемада

Я — выше. Но над ним я
Не властен. Властен — бог!

Дон Санчо

Скажите ваше имя.

Торквемада

Я — Избавление. Я тот, кто увидал
Меж адом и землей зияющий провал.
Преследуют мои настойчивые взгляды
Угрюмых демонов. Я вижу бездну ада,
И урну я держу. Холодный пепел в ней,
Но гибелью грозит для адских он огней.
А кто такие вы?

Дон Санчо

В несчастье вы нашли нас...
Инфант я бургосский. Я Санчо де Салинас.

Донья Роза

Инфанта я д'Ортез. Звать Розою меня.

Дон Санчо

Жених с невестой мы.

Торквемада

Насколько понял я,
Обет лишь только дан, и можно от обета
Освободиться вам... А как случилось это?

Дон Санчо

Заставил нас король. Нам удалось бежать.

Торквемада

Да, покаяния и вам не избежать;
Но все-таки король поплатится дороже.
О, этот Фердинанд! Как смел обитель божью
Он в королевскую преобразить тюрьму!
Ведь этого совсем не нужно никому —
Насильно постригать! Нет, дети, не грустите —
Свободны будете! Чего еще хотите?

Дон Санчо

Жениться!

Торквемада

Хорошо! Венчать я буду сам.

Донья Роза

(хочет броситься к его ногам, Торквемада удерживает ее.)

Отец мой!

Торквемада

Мертвым — рай, живым я счастье дам.
Вот так и я иду, смиренный и печальный, —
В одной руке несу я факел погребальный,
Но пальмы ветвь в другой. Я счастье вам дарю.

Дон Санчо

О, как я радуюсь, что с вами говорю!
Не знаю почему, но если здесь вы, рядом,
Не страшен мне король! И лишь под вашим
взглядом
Я мог бы трепетать, коль трепетать бы мог
Хоть перед кем-нибудь. Быть может, вы — пророк?
В вас нечто высшее и некая угроза!..

Торквемада

Вы обвенчиваетесь с инфантом, донья Роза,
Как некогда Рахиль с Иаковом. И я
Вам говорю, что все интриги короля
С господней помощью расстроятся. И верьте:
Спасу я вас, как вы спасли меня от смерти.

Донья Роза

О, кто б вы ни были — епископ иль прелат, —
Спасибо вам, отец! Пусть вас благословят
За это небеса! О старец справедливый,
Я помню этот день, когда из-под земли вы
Нам голос подали. Я помню этот час...

Дон Санчо

Да, был чудесный день. Я помню как сейчас.
Была весна. Апрель. Мы шли, цветы срывая,
Ловили мотыльков. И помню все слова я,
Что говорили мы друг другу средь цветов...
И вечер наступил... И вдруг я слышу зов...
Зов умирающего где-то под плитою...

Д о н ь я Р о з а

И ты сказал: «Зовет там кто-то под землею.
Спасем его!» Увы, не поддалась плита!

Д о н С а н ч о

Когда бы не было железного креста...

Д о н ь я Р о з а

Ты вырвал этот крест!

Торквемада в ужасе вздрагивает.

Д о н С а н ч о

Вот именно! И стал он
Отличным рычагом. С усилием немалым
Я вырвал этот крест. Мы сдвинули плиту
И выручили вас благодаря кресту.

Т о р к в е м а д а

(в сторону)

О! Прокляты они!

Д о н С а н ч о

Обеими руками

Старался я поднять могильный тяжкий камень,
А Роза налегла на крест. И вышли вы
Из заточения!

Т о р к в е м а д а

(в сторону)

Поруган крест! Увы!

Что святотатцев ждет? Бессрочный пламень! Боже!
Ведь и Голгофы тень на них упасть не сможет...
Придется им иметь дела не с королем,
А с вседержителем!

(Дону Санчо и донье Розе)

Уверены вы в том,

Что был крестом рычаг?

Д о н С а н ч о

Уверен! Из могилы

В бурьяне он торчал. Я дернул что есть силы...

Торквемада
(в сторону)

Поруган крест святой! Но все ж спасу я вас!
(Делает прощальный жест рукой.)
Мы скоро встретимся.

Дон Санчо

В печальный этот час
Мы без друзей, сеньор, без крова мы. Спасенья
От вас мы только ждем.

Торквемада

Да, в этом нет сомненья —
Спасу!
(Направляется в глубину сада; видно, как он медленно
исчезает, спускаясь по лестнице.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Санчо, донья Роза.

Донья Роза

Помолимся! Нам милость шлет с небес
Господь. О, сколько он всегда творит чудес!
Как неожиданно надежд возникновение!
Ведь правда, Санчо? Да? Чудесна ветвь спасенья.
Спасли мы старика, а он пришел сюда
И здесь спасает нас. Надейся! Верь всегда —
И не погибнешь ты. Ведь так?

Дон Санчо

Само собою!
Ему мы дали жизнь, он долг отдаст с лихвою.
Надейся, ангел мой. Ах, до чего я рад!

(Привлекает ее к себе.)

Иди сюда, иди! Мы вместе! Нет преград!
Вздыхнем же наконец! Тень крыльев серафима
Усталого чела коснулась еле зримо,

И между звездами и нами чья-то длань
Простерлась.

Д о н ь я Р о з а

Божья власть, хранить нас не устань!

Д о н С а н ч о

А песню райскую ты слышишь?

(Указывает на сад и на кupy деревьев)

Словно лира,

Звучит из темноты сегодня голос мира.

Д о н ь я Р о з а

Ах, если встретить вновь друг друга довелось,
Все хочется сказать, о чем молчать пришлось!
Невысказанных слов бывает много-много:
О ярости людей, о милосердьe бога,
О чем скорбела ты, о чем рыдала ты,
Какие хоронить пришлось тебе мечты.
О, разве выразишь все это, разве свяжешь?
Но вымолвишь: «Люблю!» — и все ты этим скажешь.
Мой друг! Когда меня запрятали туда,
В обитель темную, — казалось, навсегда
Надежда прочь ушла, и нити судеб рвутся,
Сердца расколоты, дороги не сойдутся.
Интрига короля мне сделалась ясна...
И что же? Стала я сильна, горда, нежна.
Пусть смерть, о, лучше смерть, чем гнить
в монастыре том.

Слабый свет луны появляется на темном горизонте.

Д о н С а н ч о

А я!.. Но все прошло. Пора забыть об этом.
Тверда одна любовь, и ей неведом страх.
Лишь сердцу жить дано. Все остальное — прах.
И мы поженимся! Зарю спасенья вижу!
Я верю в этого священника. Пойми же:
Он старый наш должник. Гляди — луна встает,
Темнеют кручи гор, сияют струи вод,
Огромнейших лесов я душу постигаю...

Все это — красота, великая, благая!
Блаженство и любовь, наполнив целый свет,
Приказывают: «Верь!» Вот господа ответ.
Душа невинная! Чего тебе страшиться?
Страданье — лилия. Лишь стоит ей открыться,
Как умиленный бог дарит ее слезой,
И падает слеза на лилию росой,
И ту росиночку надеждой называют.
Так наши жалобы до бога долетают
И трогают его. И посылает он
Незримых стражей нам. Я ими окружен,
И служат нам они. И что скажу еще я?
Любовь у нас в сердцах и небо голубое.
Надейся!

Д о н ь я Р о з а

Кто-то нас идет освободить.
Ах, вера жизнь родит!

Д о н С а н ч о

Жить — значит: полюбить!

Д о н ь я Р о з а

Что я сказать хочу?.. Люблю!

Д о н С а н ч о

Любимая, ко мне!

Так подойди же,

Она приближается к нему.

Еще, еще поближе!

Она приближается. Оба опускаются на скамью; дон Санчо за-
ключает донью Розу в объятия.

Д о н ь я Р о з а

(любуясь им)

Дон Санчо, мой король! Вы знаете, у вас
Великолепный лоб!

Д о н С а н ч о

О Роза! Близок час —
И перед алтарем стоять мы будем снова.
Женитьба! Чудное, божественное слово!

Ведь правда — снизошел к людским

мольбам господь.

Священна красота! Благословенна плоть!

О монастырский бред! Ночей бессонных пламя...

И — мужем сделаться! И этими руками

Тебя, о ангел мой, в объятия ловить,

И с поцелуями твои признанья пить,

И рай земной иметь взамен забот и долга.

И, — Роза, не красней, — но ждать уже недолго,

Когда появится и третий кто-нибудь

И нежным пальчиком вот эту тронет грудь...

Да! Мы — любовники, он — господин над нами!

И залепечет он медовыми устами:

«О мама!» — скажет он...

Д о н ь я Р о з а

(с обожанием)

«Любимый мой отец!» —

Так пролепечет он, обняв тебя...

Оба в экстазе. В это время в глубине за лестницей появляется верхушка черного знамени. Она медленно поднимается, наконец становится видна целиком. Посредине знамени в центре череп со скрещенными костями, белый на черном фоне. Знамя все растет и приближается. Дон Санчо и донья Роза в ужасе оборачиваются. Знамя продолжает подыматься. Появляется знаменосец и позади него, по обеим его сторонам, два ряда монахов, один в черных, другой в белых одеяниях.

Д о н С а н ч о

Творец!

КОММЕНТАРИИ

«Мария Тюдор» была написана 12 августа — 1 сентября 1833 г., поставлена 6 ноября в театре Порт-Сен-Мартен и издана в том же 1833 г.

Таким образом, драма появилась в обстановке общественного подъема между двумя народными восстаниями во Франции — 1832 и 1834 гг. Это отразилось во всей концепции драмы. Бросается в глаза откровенная социальная проблематика «Марии Тюдор», своеобразно сочетающаяся с романтической образностью.

Впервые Гюго изображает в качестве носителя нравственного идеала рабочего, блузника, собрата тех, кто выступил в его время под черным знаменем лионских ткачей с лозунгом «Работа или смерть!» В «Марии Тюдор», как это обычно бывает у Гюго, противопоставлены два враждебных мира: угнетатели и угнетенные; с одной стороны — кровожадная королева и ненавистный временщик, с другой — трудящийся народ. При этом представитель народа Гильберт показан не только как жертва, но и как выразитель активного протеста против социальной несправедливости.

Не случайно судьбу тирана в драме решает народное восстание. «Счастливый» конец «Марии Тюдор» (не встречающийся больше ни в одной из драм Гюго) также не случаен. В первом варианте драма кончалась гибелью Гильберта. Но в процессе дальнейшей работы, заостряя идейную сторону произведения, Гюго заново написал первый акт и изменил конец драмы. Честный труженик Гильберт, далекий от порочного придворного мира, — первый герой Гюго, не несущий никакой нравственной вины, ему нечего «искупать» (как Марьон Делорм или Эрнани), его несчастья имеют чисто социальное происхождение. Это открывает возможность благополучной развязки «Марии Тюдор», принципиально отличной от «счастливого конца» буржуазной мелодрамы, так как в пьесе Гюго выражено не примирение с обществом, а вера автора в будущее народа.

Действие драмы происходит в Англии XVI в., при королях династии Тюдоров, в период расцвета абсолютизма.

Страна находилась в то время в стадии первоначального капиталистического накопления, происходившего на основе обезземеливания английского крестьянства (так называемые «огораживания») и грабежа колоний. Феодалная знать Англии была к этому времени частью истреблена во время междоусобиц XV в. (Война Алой и Белой розы), частью уничтожена королями; английский абсолютизм опирался на новое дворянство, втянутое в капиталистические отношения, и на буржуазию, которая сливалась с дворянством, скупая вместе с землями феодалов и их титулы. Именно эти классы представляли в парламенте, являвшемся в XVI в. послушным орудием королевской власти.

В 1535 г. король Генрих VIII порвал с католическим Римом и ввел в Англии религиозную реформацию. Главная причина этого акта состояла в стремлении господствующих классов захватить церковное имущество и монастырские земли; начался грабеж церковных богатств именем парламента и короля. Внешним поводом для реформации послужил отказ папы дать развод Генриху VIII с его первой женой, Екатериной Арагонской. После развода король объявил дочь свою от этого брака, Марию, «незаконнорожденной» и лишил ее права на престолонаследие. Мария Тюдор вступила на престол только после краткого царствования младшего брата ее, Эдуарда VI. Недолгие годы ее правления (1553—1558) были отмечены жесточайшей феодально-католической реакцией. Мария стремилась искоренить в Англии реформацию, официально восстановила в Англии католицизм и вернула к власти ранее отстраненных католических сановников. Беспощадными преследованиями протестантов королева снижала себе прозвище Марии Кровавой.

В драме Гюго «Мария Тюдор» история, как обычно, имеет подчиненное значение. Но сам автор весьма серьезно относился к исторической стороне пьесы; в предисловии к третьему изданию ее (1837) он высказал пожелание, чтобы читатели «могли раз навсегда составить себе суждение о степени исторической достоверности произведений автора и о количестве и качестве исторических исследований, произведенных им для каждой драмы». С этой целью он привел список исторических источников, использованных при работе его над «Марией Тюдор» (34 названия на латинском, французском, испанском и английском языках). Однако это не исключает того, что в «Марии Тюдор», как и в прочих драмах Гюго, соблюдается лишь внешнее историческое правдоподобие.

Стр. 11 *Действующие лица*. — Многие персонажи пьесы являются историческими лицами. *Симон Ренар* (ум. в 1575 г.) —

испанский дипломат, посланник императора Карла V при дворе Марии Тюдор. *Лорд Клинтон* — английский адмирал, приближенный Марии Тюдор; в 1554 г. участвовал в подавлении восстания Уайета (см. ниже, примечание к стр. 54). *Лорд Монтегью* — придворный Марии Тюдор, вел по ее поручению переговоры с папой о восстановлении в Англии католицизма. *Лорд Гардинер*, епископ Винчестерский — активный деятель католической церкви. При Эдуарде VI подвергся тюремному заключению, при Марии Тюдор приобрел большой политический вес и стал лорд-канцлером Англии.

Стр. 12. *Вестминстер* — в XVI в. город и аббатство близ Лондона, ныне — аристократический квартал Лондона, где находятся здания парламента и королевский дворец.

— ...когда она любила кардинала Пола... — *Кардинал Пол* — видный деятель католической партии; при Генрихе VIII покинул Англию, при Марии Тюдор стал главою королевского совета и епископом кентерберийским; был папским легатом при восстановлении в Англии католицизма; одно время имел намерение, сложив с себя духовный сан, обвенчаться с Марией Тюдор.

Стр. 13 ...помесья лорда Толбота... — В исторических источниках упоминается лорд Толбот, участник Столетней войны (XV в.). Очевидно, Гюго использовал это имя для вымышленного эпизода своей драмы.

— *Норфольк* — ближайший советник Марии Тюдор; оказывал королеве поддержку против другой претендентки на английский престол, Джен Грей; вместе с Клинтоном участвовал в подавлении восстания Уайета.

— *Орден Подвязки* — был учрежден английским королем Эдуардом III в 1350 г. В него входили только двадцать пять кавалеров из числа высшей английской знати, принцы крови и иностранные государи. Главой ордена считался английский король.

— *Томас Перси, граф Нортемберлендский* — видный сановник времен Марии Тюдор; при ее преемнице, Елизавете, был казнен за участие в католическом заговоре в пользу Марии Стюарт.

— *В Тайберне воздвигнуто семьдесят новых виселиц!* — *Тайберн* — деревушка близ Лондона, где происходили казни.

— *Костры пылают непрестанно...* — В третьем издании драмы в авторском примечании к этому месту Гюго опубликовал список казненных за короткое царствование Марии Тюдор. «Отсюда это прозвище, почти грандиозное по силе заключенного в нем ужаса, — *Мария Кровавая*», — пишет автор.

Стр. 14. ...певчих из Авиньонской капеллы... — В XVI в. папская резиденция была временно перенесена из Рима в город Авиньон на

юге Франции, где папы находились под контролем французского короля.

— *...что ни день — спектакли, представления, концерты.* — В начале своего царствования Мария Тюдор, подчеркивая свой разрыв с пуританским аскетизмом английской реформации, окружила себя роскошью и поощряла пышные празднества.

— *Вы амонтский балли во Франш-Конте, подданный императора...* — *Балли* — представитель королевской власти в провинции; объединял судебную и военную власть; *Франш-Конте* — старинное владение бургундских герцогов, попавшее в конце XV в. в руки австрийского эрцгерцога Максимилиана (будущего германского императора) после его брака с Марией Бургундской, дочерью и наследницей герцога Карла Смелого. Позже, при внуке Максимилиана, императоре Карле V, который был также испанским королем, Франш-Конте входил в состав Испании.

— *...испанского принца, будущего супруга королевы.* — Мария Тюдор вступила в 1554 г. в брак с сыном императора Карла V, будущим испанским королем Филиппом II. Этот брак, означавший сближение с оплотом католицизма Испанией, послужил причиной обострения борьбы Марии Тюдор с английскими протестантами.

Стр. 16. *...менял жен, как женщины меняют платья.* — Английский король Генрих VIII (годы правления 1509—1547), отец Марии Тюдор, действительно был женат шесть раз, причем с некоторыми из своих жен он развелся, а других казнил по обвинению в супружеской измене.

Стр. 17. *...вешали тех, кто был за папу, и сжигали тех, кто был против.* — В ходе реформации Генрих VIII вел борьбу с крупными духовными и светскими феодалами, прикрывавшими знаменем католицизма нежелание подчиниться королевской власти. Но, с другой стороны, он стремился создать лишь новую форму дворянского господства и энергично боролся прогив буржуазной реформации, покушавшейся на незыблемость абсолютизма. Поэтому после разрыва с Римом и конфискации монастырских земель в Англии были сохранены внешние черты католического церковного устройства и обрядности, продолжалось преследование протестантов и особенно борьба с ересями, в которых находило выражение недовольство народных масс.

Стр. 19. *Лорд Педжет* — будучи недворянского происхождения, выдвинулся при короле Генрихе VIII и стал государственным секретарем и хранителем королевской печати. При Марии Тюдор, по протекции Гардинера, получил титул лорда и орден Подвязки.

— *Малый совет* — ближайшие советники короля.

Стр. 41. *...предали суду Трогмортон...* — В одном из исторических источников, использованных Гюго, упоминается некий Трогмортон, отданный в 1555 г. под суд, но отказавшийся сознаться в своем преступлении под пыткой, а потому оправданный судьями, «за что на них впоследствии были наложены тяжкие кары».

Стр. 49—50. *...какой достойный отпор вы дали Жану де Монморанси и графу Тулузскому, когда я вела переговоры с императором, моим дядей.* — Мария Тюдор приходилась родственницей императору Карлу V через мать свою, Екатерину Арагонскую. Брак Марии Тюдор с Филиппом II, способствовавший сближению Англии и Испании, был нежелателен французскому правительству, и потому Монморанси, руководитель внешней политики Франции при Генрихе II, всячески ему препятствовал.

Стр. 53. *Итальянец — значит, мошенник! Неаполитанец — значит, трус!* — В примечании Гюго к третьему изданию «Марии Тюдор» читаем: «Если бы эти слова не оскорбляли достойных уважения национальных чувств, автор счел бы излишним указывать на то, что произносит их не он, а королева. Это — брань оскорбленной женщины, а не мнение писателя; автор не из тех, кто предает анафеме целые нации. К тому же симпатии его как поэта, философа и историка всегда были на стороне Италии, страны столь блистательной и столь несчастной. Автор предугадывает великое будущее этого благородного народа, у которого было такое великое прошлое. Будем надеяться, что недолго ждать того дня, когда Италия засияет снова».

Стр. 54. *Ты взойдешь на эшафот, как Суффольк и Нортемберленд.* — Герцог Нортемберленд перед смертью Эдуарда VI пытался отстранить от престола Марию Тюдор и поддерживал ее соперницу и родственницу по отцу Джен Грей. Однако последняя была арестована Марией, и все ее сторонники, в том числе Нортемберленд, были казнены. Суффольк — муж Джен Грей. Воспользовавшись недовольством, которое вызвал в Англии брак Марии Тюдор с Филиппом II, воспринятый как принесение страны в жертву иноземным интересам, Суффольк задумал свергнуть королеву и восстановить на престоле свою жену. Для этого он вступил в союз с Томасом Уайетом (см. в тексте пьесы, стр. 50), поднявшим в начале 1554 г. восстание в графстве Кент и двинувшим на Лондон четырехтысячное войско. Близ самого Лондона Суффольк предательски бежал от своих войск; плохо организованные силы Уайета также начали распадаться. 8 февраля 1554 г. Уайет был разбит лордом Клинтоном, взят в плен и казнен одновременно с Суффольком. Упоминание этих событий в пьесе — анахронизм, поскольку действие происходит до брака Марии.

Стр. 54. ...*вы констебль Тоуэра*... — Лорд-констебль в средние века — член королевского совета, обладавший большой военной и судебной властью. С XVI в. констебль — придворная должность без строго ограниченных функций.

Стр. 55. *Звездная палата* — верховный суд, решавший в особом порядке спешные политические дела. Основан при Генрихе VII специально для борьбы королевской власти с крупными феодалами.

— *Заговор Пьетро Каро*. — *Пьетро Каро* — италянизированное имя Питера Керью, поднявшего одновременно с Уайетом восстание против Марии Тюдор в Корнуэльсе, но затем покинутого своими приверженцами и бежавшего во Францию.

Стр. 58. ...*в Виндзор, где мы будем проводить пасху*. — *Виндзор*, древний замок неподалеку от Лондона, был летней резиденцией английских королей.

Стр. 61. *Франциск Первый* — см. комментарии к драме «Король забавляется» (т. III, стр. 542—543).

Стр. 64. *Принц Пьемонтский*. — Очевидно, имеется в виду савойский князь (Пьемонт входил тогда в состав Савойи) Эмануил-Филиберт, который был главнокомандующим войсками императора Карла V и играл видную роль в европейской политике. *Инфант португальский* — Жуан, правил в 1521—1557 гг.; инфантами назывались в Испании и Португалии младшие дети короля, то есть не прямые наследники престола. *Датский король* — Христиан III (1534—1559). *Лорд Кортней* — представитель старинного французского аристократического рода Куртене (по-английски произносится «Кортней»), одна ветвь которого укрепилась в Англии в XI в., после завоевания ее норманнами. Фамилия эта состояла в родстве с французской королевской династией и играла видную роль в крестовых походах (трое из ее членов были императорами Константинополя). В начале царствования Марии Тюдор Гардинер настаивал на ее браке с Кортнеем.

Стр. 72. *Герольд Англии*. — С XIV в. герольд — почетное звание, в которое возводил король, обычно после рыцарского турнира. В обязанности герольда входило присутствие на всех торжественных церемониях, объявление войны и заключение мира, а также составление гербов и родословных крупных феодалов.

Стр. 76. *Да хранит бог древнюю хартию Англии!* — Имеется в виду так называемая Великая хартия вольностей (1215), которая, не посягая на политическое единство страны, имела целью оградить крупных феодалов от покушений на их права со стороны усиливавшейся королевской власти. На основе этой хартии позднее стал собираться английский парламент.

Италия XVI в., избранная Гюго в качестве места действия «Лукреции Борджа», вновь привлекает его внимание в «Анджело»; действие этой драмы разворачивается в Падуе в 1549 г. В этот период Падуя не была самостоятельным государством и входила в состав Венецианской республики, присоединившей ее к себе в 1406 г.

Купеческая республика Венеция — крупный посреднический центр в торговле между Западной Европой и Востоком — возвысилась к концу X в.: сильный флот обеспечивал ей господство на Адриатическом море и политическую независимость, крестовые походы способствовали ее обогащению и распространению ее торговых связей. В течение XIII—XIV вв. Венеция подчинила себе многие соседние города-коммуны, захватила их земли и превратилась в одно из могущественных итальянских государств.

Первые удары процветанию Венеции были нанесены во второй половине XV в., когда захват турками Константинополя, а затем открытие Америки и морского пути в Индию повлекли за собой перенесение центра мировой торговли из бассейна Средиземного моря в Атлантический океан. Перестав быть мировой торговой державой, Венеция с XVI в. вступила в полосу упадка. В 1797 г. она была занята французскими войсками и по Кампоформийскому миру лишилась независимости.

Ожесточенная классовая борьба внутри Венеции имела результатом падение демократического строя и установление уже в XII в. олигархического правления богатейших купеческих фамилий. С конца XIII в. в главный законодательный орган республики — Большой совет — избирались только «нобили» (то есть «благородные»), из числа записанных в «Золотую книгу», причем, строго оберегая свое господство, венецианская олигархия за четыреста лет допустила в ней лишь несколько новых записей.

Нобили диктовали политику дожу, выборному пожизненному правителю Венеции, и его шести советникам (*Синьории*). Важнейшим политическим органом Венецианской республики стал *Совет Десяти* (основан в 1310 г.), охранявший незыблемость олигархического строя посредством системы всеохватывающего шпионажа и тайных убийств. Образ Венеции, как символ расчетливой и безжалостной тирании, встает за вымышленным сюжетом драмы Гюго и является фоном для действия.

Драма «Анджело, тиран Падуанский» была написана в феврале 1835 г., поставлена в мае в театре Французской Комедии и издана в том же году. В обстановке начавшегося спада революционно-демо-

кратической волны после разгрома восстания 1834 г. Гюго выступает со страстным протестом против кровавой тирании и прославляет героическое самопожертвование женщины из народа.

В пьесе использованы внешние атрибуты мелодрамы: шпаги и яд, потайные двери, плаха за пологом алькова, роковое письмо, неожиданное узнавание, совпадения и т. д. Но мелодраматическая оболочка, по словам самого автора, таит в себе, «подобно тому, как мясной покров скрывает кость, — мысль, полезную для общества, полезную для человечества» (предисловие к первому изданию).

Роль мелодраматических злодеев отведена в «Анджело» представителям власти — Анджело и Омодеи. Дама высшего общества Катарина показана как беспомощная жертва общественного устройства, тогда как безродная комедиантка Тизбе отважно вступает в борьбу с обществом и направляет события по своей воле.

Настаивая на том, что в драме заключена жизненная правда, Гюго решительно возражал против обвинений в неправдоподобии и искусственности ее сюжета. В ответ на нападки критики поэт опубликовал большое авторское примечание к третьему изданию «Анджело» (1837), в котором он ссылается на исторические источники и приводит десять параграфов из «Устава государственной инквизиции», принятого в Венеции 16 июня 1454 г. и ставшего известным в конце XVIII в., «когда от одного прикосновения французской республики распалась республика венецианская, когда от дуновения на пыльные архивы Совета Десяти разлетелись среди бела дня тысячи листов. Так умер при свете солнца чудовищный кодекс, в течение трехсот пятидесяти лет пресмыкавшийся во мраке. Рожденный под роковой сенью дожа Фоскари в 1454 году, он испустил последнее дыхание под улюлюканье наших солдат 1797 года... В этом зловещем «Уставе» автор почерпнул сюжет своей драмы. Венеция черпала в нем свое могущество — *Dominationis arcana* («тайны могущества»).

В процессе работы над драмой Гюго сократил ее с пяти до четырех актов, уничтожив сцену смерти Омодеи в воровском притоне, ненужную для развития действия, и сосредоточил все внимание на «народном» образе Тизбе.

Стр. 95. *Подеста* — в средние века управитель в итальянских городах-коммунах, избиравшийся из числа иногородних граждан. То же звание носили наместники, которых Венеция и Генуя посылали в подвластные им города.

Стр. 98. *Сбир* — полицейский стражник.

Стр. 98. ...у подножия статуи Гаттамелаты. — Конная статуя кондотьера Гаттамелаты работы Донателло была установлена в Падуе в 1453 г. Гюго произвольно помещает ее в Брешье.

Стр. 99. *Барджел* — начальник сборов.

Стр. 101. ...под дверными сводами Святого Марка... — Св. Марк считался покровителем Венецианской республики. Собор св. Марка в Венеции — один из замечательных памятников средневековья.

Стр. 110. ...это чеканил Бенвенуто. — Бенвенуто Челлини (1500—1571) — выдающийся итальянский скульптор и золотых дел мастер эпохи Возрождения.

Стр. 111. ...с гугенотами он не очень нежничал, этот мсье де Монлюк. — Блез де Монлюк — французский военачальник XVI в., известный своей жестокой расправой с гугенотами во время гражданских войн.

Стр. 142. ...когда лев Святого Марка взлетит со своего столпа... — Изображение крылатого льва (герб Венецианской республики) установлено на вершине колонны св. Марка, возвышающейся на площади перед дворцом дожей. Приведенная фраза означает: когда случится невозможное.

Стр. 149. *Проведитор* — должностное лицо в Венецианской республике.

РЮИ БЛАЗ

Драма «Рюи Блаз» была написана 8 июля — 11 августа 1838 г. для созданного по инициативе Гюго нового театра «Ренессанс», специально рассчитанного на постановку романтической драматургии.

Вновь после «Эрнани» обращается здесь Гюго к старой Испании, но на этот раз уже не периода становления абсолютизма, а времен его глубочайшего упадка. Действие драмы происходит около 1699 г., при последнем короле династии Габсбургов, Карле II, царствование которого явилось периодом полного истощения сил некогда могущественной державы. Испанский народ задыхался под гнетом феодально-католической реакции. Непомерно разросшийся бюрократический аппарат, паразитическое дворянство, толпы монахов и священников кормились за его счет. Страна стала достоянием королевских фаворитов, оспаривавших друг у друга власть и доходы.

Обнищавшая и обескровленная Испания уже не в состоянии была выдерживать конкуренцию более передовых стран и теряла одно за другим свои колониальные и зарубежные европейские владения.

Выбор этой эпохи предоставлял Гюго широкие возможности для политического и социального обличения. Однако история понимается

им здесь весьма упрощенно и сводится к ряду конфликтов между отдельными личностями. Кроме того, верно воспроизводя многие основные черты эпохи, Гюго довольно свободно обращается с историческими фактами ради свободы чисто поэтического вымысла (см. ниже, примечание к списку действующих лиц).

Завершая цикл романтических драм Гюго 30-х годов, «Рюи Блаз» развивает и заостряет их главные черты. С необычайным блеском воспроизводит эта драма мрачную и лихорадочную атмосферу Испании XVII в., с большой силой клеймит она алчную свору правителей, расхищающих национальное добро и обрекающих народ на нищету; наконец, с огромной силой здесь утверждается гуманистическое понимание любви, которая для Гюго всегда — символ истинной человечности.

Социальная антитеза, присутствующая в той или иной форме во всех драмах Гюго, доведена в «Рюи Блазе» до крайности и находит выражение в необычайной ситуации: лакей, влюбленный в королеву. Изобразив в предыдущих драмах идеального романтического героя в облике разбойника или скромного ремесленника, Гюго в «Рюи Блазе» осмелился надеть на него лакейскую ливрею. Это было предельным нарушением канонов сословной драматургии классицизма, отчасти возродившейся в то время во Франции. Если предшествующие герои Гюго проявляли высокое достоинство в личных отношениях, то в «Рюи Блазе» автор идет дальше: впервые он приобщает демократического героя к общественной деятельности, наделяет плебей талантом правителя и горячим патриотизмом, которые проявляются в краткий период его фантастического возвышения.

Не от корыстных вельмож, не от ничтожного короля должно прийти спасение для гибнущего испанского государства, а от народа, в котором автор драмы чувствует свежие творческие силы. Этим определяется особое значение образа Рюи Блаза.

Не случайно Гюго назвал пьесу его именем, отказавшись от ранее намеченных названий: «Королева скучает» и «Месть дон Саллюстия». Рюи Блаз — не просто социально униженный человек, каких Гюго изображал и до этого, а прежде всего — символ народа, символ трагического несоответствия между духовными возможностями угнетенных масс и их истинным положением в классовом обществе. Но эта проблема ставится в условной романтической форме, на материале искусственного сюжета; как и в других драмах Гюго, здесь нет непосредственного изображения народной жизни; программный герой Рюи Блаз даже не соприкасается с народом и является до-

вольно отвлеченным образом в драматургии Гюго. Если отрицательные персонажи драмы изображены более реалистично, так же как колоритная фигура дон Цезаря де Басана, несомненно несущая в себе черты эпохи, то Рюи Блаз остается рупором авторских идей.

Вполне понятно, что реакционная критика обрушилась на пьесу, объявив ее «вызовом здравому смыслу» и симптомом «заката романтизма». Но демократический зритель как в момент первого появления пьесы, так и впоследствии высоко оценил «Рюи Блаза», как «самую сценическую, самую человеческую, самую живую из всех драм Гюго» (отзыв Эмиля Золя).

Сила общественного воздействия драматургии Гюго подтверждается ее цензурными мытарствами, которые не ограничились пределами Франции. Директор парижского театра Порт-Сен-Мартен, совершившего в 1841 г. гастрольную поездку по Европе, Гарель писал Гюго: «Ни в России, ни в Польше, ни в одной части Германии я не смог добиться разрешения на постановку хотя бы одного из ваших произведений. Ваше имя — под запретом».

Стр. 170. ...*Карл II Испанский — не личность, а тень. — Карл II* (годы правления 1665—1700) — один из самых бездарных испанских королей. Вступив на престол семилетним ребенком, он и по достижении совершеннолетия оставался послушным орудием в руках своей матери Анны Австрийской, духовников и министров. Слабый и болезненный король занятиям государственными делами предпочитал игру в бирюльки, в обществе придворных шутов и карликов, и охоту, иногда даже инсценировавшуюся в дворцовых залах. Карл был женат дважды: на Марии-Луизе Орлеанской, а после ее смерти — на Марии-Анне Нейбургской (изображенной в пьесе Гюго). Оба брака были бездетны, и со смертью короля династия Габсбургов угасла в Испании.

Стр. 172. ...*Людovic XIV наследовал Карлу V...* — Карл V упоминается здесь как олицетворение былого могущества Испании. После смерти бездетного Карла II на испанский престол был возведен Филипп Анжуйский, внук французского короля *Людovика XIV*.

Стр. 174. *Действующие лица.* — Большая часть имен почерпнута Гюго из исторических источников, главным образом из многотомного труда французского историка второй половины XVII в. Жана де Вейрака «Нынешнее положение Испании» (изд. в 1718 г.). Таковы имена: *дон Саллюстий де Басан, дон Цезарь де Басан, дон Гуритан, граф де Кампореаль, маркиз де Санта-Крус, граф Альба*. Однако характеры лиц, фигурирующих под этими именами в драме, являются плодом творческого вымысла Гюго. *Мария Нейбургская,*

королева Испании, дочь курфюрста баварского Вильгельма-Филиппа, вступила в брак с Карлом II в 1690 г., меньше чем через год после смерти его первой жены, французской принцессы Луизы Орлеанской. В противоположность Луизе она была крайне непопулярна в Испании и, хотя постоянно занималась политическими интригами, не пользовалась никаким влиянием. *Герцогиня Альбукеркская* — придворная дама не Марии Нейбургской, а Луизы Орлеанской. Гюго придал ей характер типичной испанской обер-фрейлины.

Стр. 178. *Альгвасил* — судебный пристав.

Стр. 179. *...не тронут был, как друг, святой Иаков!* — Сант-Яго — испанская форма имени святого Иакова.

Стр. 180. *Монс* — старинный торговый город во Фландрии, захваченный в 1691 г. Людовиком XIV.

Стр. 181. *Как Иов, нищ, а горд, как герцог де Браганца!* — Иов в библейской легенде — бедняк, безропотно переносивший все посланные ему богом лишения. *Браганца* — герцогский, а затем (после 1640 г., когда Португалия отделилась от Испании) — королевский дом в Португалии.

Стр. 183. *Нунций* — папский посол.

Стр. 200. *...лакеем взят к маркизу Финлас в дом...* — *Маркиз де Финлас* — один из титулов дона Саллюстия.

Стр. 207. *Санта Мария Эсклава* — святая Мария Невольница.

Стр. 238. *В Эскуриале дни проводит у гробницы.* — *Эскуриал* — дворец в окрестностях Мадрида, построенный Филиппом II, одновременно резиденция и усыпальница испанских королей.

Стр. 239. *...мог бы поглотить он все богатства Перу.* — *Перу* в XVII в. была главной и наиболее богатой ценными металлами колонией Испании в Южной Америке

Стр. 240. *...пост алькада.* — *Алькад* — государственный чиновник в испанских провинциях, соединявший административные, судебные и полицейские функции.

Стр. 241—242. *...правою рукой Майорку ухватив, рукою левою он держит Тенериф.* — *Майорка* — самый большой из Балеарских островов; *Тенериф* — самый крупный и богатый из Канарских островов.

Стр. 242. *Отдайте мне мышьяк — я негров вам отдам.* — Так как поработанные испанскими колонизаторами туземцы Америки не выдерживали поистине каторжной работы в устроенных завоевателями рудниках, у испанцев рано явилась мысль использовать для такой работы привезенных из Африки чернокожих рабов. Но привилегия на торговлю неграми, чрезвычайно выгодная, давалась лишь определенным лицам.

Стр. 243. ...отдал без войны... в Эльзасе все свои испанские владения, Конте и Русильон. — Эльзасские города, графство Франш-Конте и южнофранцузская провинция Русильон были отняты у Испании во второй половине XVII в. Людовиком XIV.

— *Край Синих гор, Гоа, Ормуз и Фернамбук.* — Синие горы — горная цепь на Ямайке. Гоа — город и порт в Индии. Ормуз — остров в Индийском океане. Фернамбук — город и порт в Бразилии.

— ...инфант баварский умирает: трон остается пуст. — Сын курфюрста баварского Иосиф-Фердинанд, сделавшийся после брака Карла II с Марией Нейбургской близким его свойственником и возможным наследником испанского престола, внезапно умер в начале 1699 г.

Стр. 245. Которую затмит заря страны иной. — Имеется в виду Англия, которая, быстро развиваясь после буржуазной революции 1649 г., в то время заняла первое место в Западной Европе как могущественная морская держава, оттеснив Испанию на задний план.

Стр. 256. Эрцгерцог выступит — и нам грозит война. — Германский император Леопольд выдвигал как кандидата на испанский престол своего сына эрцгерцога Карла. Ему в этом противодействовал Людовик XIV, стремившийся сделать испанским королем своего внука. Последовавшая за смертью Карла II «война за испанское наследство» (1701—1713) закончилась возведением на престол французского принца.

ТОРКВЕМАДА

Драма «Торквемада» является как бы итогом многолетней борьбы Гюго против католической церкви. Мысль об этом произведении зародилась у поэта в изгнании, в конце 50-х годов, когда в ряде его стихотворений и поэм начинает мелькать имя инквизитора Торквемады. В 1859 г., при публикации первого тома «Легенды веков», Гюго распорядился объявить о предстоящем выходе в свет новой драмы «Торквемада», которую одно время он собирался включить в сборник небольших драматических произведений, изданных впоследствии под названием «Театр на свободе». Однако напряженная творческая деятельность тех лет (работа над большими романами, поэмами, стихотворениями, публицистикой) отвлекла внимание Гюго от этого замысла и задержала окончание драмы на целое десятилетие.

К написанию «Торквемады» Гюго приступил только 1 мая 1869 г. и закончил работу 21 июня того же года. В октябре поэт начал пере-

писку с парижскими друзьями относительно постановки драмы, которую он в виде протеста хотел приурочить к предстоявшему открытию вселенского церковного собора в Риме. Но в тревожной политической обстановке кануна франко-прусской войны нечего было и думать о получении цензурного разрешения. «Чтобы играть пьесу, написанную мною, нынче зимой, — пишет Гюго директору театра Порт-Сен-Мартен Фурнье, — нужны условия свободы, а в ней отказано во Франции всем, и мне больше, чем кому бы то ни было. Драма писалась для представления на сцене и вполне приспособлена для сценического воплощения. Но, пригодная для игры с точки зрения искусства, она гораздо менее пригодна с точки зрения цензуры. Я подожду, и моя драма появится в тот день, когда вернется свобода».

Бурные политические события следующих лет — война, крах Второй империи, Парижская коммуна — вновь отвлекли поэта от «Торквемады». К завершающей работе над пьесой он вернулся только в 1881 г. Драма была опубликована 3 июня 1882 г., и Гюго уже оставил мысль о ее постановке.

Появление драмы вызвало необычайное волнение в клерикально-монархических кругах. Реакционная газета «Юнивер», отметив, что со времени своего изгнания Гюго «не написал ни в прозе, ни в стихах ни одной страницы, которая не была бы направлена против церкви», оценивала «Торквемаду» как «грубую клевету на папство и королевскую власть» и утверждала, что «дрянная драма господина Гюго является безусловно одним из самых низких поступков в его плодovitой карьере вероотступника». Таким образом, пламенное слово престарелого поэта до конца оставалось могучим оружием в борьбе против реакции.

Действие драмы отнесено к 80-м годам XV в., к периоду становления испанского абсолютизма. К этому времени была уже почти закончена реконкиста, то есть обратное завоевание земель у мавров, в руках которых оставалось на крайнем юге Испании только маленькое королевство Гранада.

В 1479 г. два крупнейших королевства Испании, Кастилия и Арагон, в результате состоявшегося перед этим брака между наследным принцем арагонским Фердинандом и наследницей кастильского престола Изабеллой, объединились под властью этой четы, прозванной «католическими королями». Фердинанд и Изабелла проводили твердую политику создания дворянской монархии, опираясь на католическую церковь (отсюда их прозвание), которая в политической жизни Испании того времени играла первенствующую роль.

Испанскому абсолютизму удалось сперва при помощи городов сломить феодальную знать и компромиссным решением крестьянского вопроса предотвратить развитие крестьянской революции, а затем ослабить города. В результате этого королевская власть в Испании приобрела чрезвычайно независимый и подлинно деспотический характер. Верным слугою ее явилась католическая церковь, стремившаяся привить как верхушке общества, так и широким слоям населения религиозный фанатизм.

С согласия «католических королей» в 1480 г. в Испании была введена инквизиция — духовное судилище по делам веры, независимое от светской власти и осуществлявшее жестокий террор против всякого рода «еретиков» и «неверных», то есть главным образом против сохранившихся кое-где в Испании мавров, или «морисков», и евреев. Хотя у инквизиции и возникали иногда конфликты со светской властью, объективно она была прочной опорой абсолютизма, ибо под флагом охраны «чистоты веры» инквизиция вела беспощадную борьбу со всякими проявлениями свободомыслия, политического и социального протеста. Усердие ее при этом подогревалось тем, что в ее пользу шла треть имущества осужденных; остальное получал король.

Во главе инквизиции был в 1483 г. поставлен духовник королевы Изабеллы, доминиканский монах Фома (Томас) Торквемада (1420—1498), безжалостный и иступленный фанатик, который за годы своего пребывания на посту великого инквизитора сжег на кострах до восьми тысяч человек.

Личность Торквемады была в глазах Гюго воплощением реакционного католицизма. Все зрелое творчество Гюго пронизано антиклерикальной тенденцией. Начав зловещим образом архидьякона Клода Фролло («Собор Парижской богородицы»), Гюго завершает эту линию образом инквизитора Торквемады — грандиозным обобщением антинародности церкви, ее враждебности принципам разума и человечности. Поэт показывает, как религиозный фанатизм уродует характер Торквемады и искажает естественные человеческие чувства, в результате чего дикий изувер Торквемада из чувства «благодарности» к людям, спасшим ему жизнь, стремясь «спасти их души», отправляет своих благодетелей на костер. Наконец Гюго убедительно показывает, что католическая церковь является опорой политической реакции: изуверская деятельность Торквемады в его драме служит алчности и честолюбию короля Фердинанда.

«Торквемада» меньше, чем какая-либо другая пьеса Гюго, может рассматриваться как историческая драма; это — драматический памфлет против церкви и монархии. Гюго отказался здесь от пыл-

кого романтического героя прежних лет, от стремительного развития действия и внешней живописности. Любовная интрига отодвинута на задний план, пьеса скудна внешними событиями, все ее элементы подчинены задаче обличения, все сосредоточено на показе жадности королевской четы, изуверства церкви и трагических последствий этого для народа.

Существенное значение имеет второй акт драмы, «Три священника», в котором как бы подводится философский итог долголетним размышлениям Гюго на религиозные темы. Поэт не только выносит здесь беспощадный приговор аморальному и преступному папству (Александр Борджа) и слепому религиозному фанатизму (Торквемада), но осуждает также и бесплодную, отрешенную от действительной жизни «гуманность» (Франциск Паоланский), то есть высказывает разочарование в той всепримиряющей «религии сердца», которая привлекала его в течение многих лет. Теперь для Гюго ясна необходимость активной борьбы против общественного зла.

Стр. 119. *Действующие лица.* — Фердинанд — король Арагона и Кастилии Фердинанд Католик (1452—1516). В полном согласии с историей Гюго рисует его человеком безнравственным и циничным, осторожным политиком и ловким дипломатом. Столь же правдиво обрисована Гюго и королева Изабелла, властолюбивая, алчная и фанатически религиозная.

Стр. 326. *Неаполь уж давно под знаменем Кастильи.* — Королевство Неаполитанское было присоединено к испанским владениям в середине XV в.

— *Французов короля в бою вы победили.* — Фердинанд воевал с французскими королями, с которыми его интересы сталкивались в Пиренеях (Русильон) и в Италии (Неаполь, на который притязала также Франция).

— *...ваша тень, король, ложится на Алжир!* — Завоевание северных областей Африки Фердинанд и Изабелла считали одной из важнейших своих политических задач. К концу XV в. им удалось приобрести там некоторые владения. Около 1510 г. мавританские властители Алжира, Туниса и т. д. стали платить дань Испании.

Стр. 327. *...в таком соседстве с Наваррой, что о ней мечталось вам и в детстве.* — Королевство Наварра, расположенное по обе стороны Пиренеев и населенное в значительной мере басками, было предметом постоянных раздоров между Францией и Испанией. В 1512 г. Фердинанд присоединил к Испании всю Верхнюю (то есть горную) Наварру; Нижняя Наварра отошла в конце XVI в. к Франции.

Стр. 327. *Кто Торо покорил?* — Кастильский город Торо, около границы с Португалией, принадлежал к числу городов средневекового типа, упорно державшихся за свои вольности, и не раз был местом политических смут.

Стр. 329. *Уррака в ней живет, во мне воскрес Алонсо...* — Имеется в виду дочь и наследница короля Кастилии Альфонса VI Уррака (годы правления 1109—1126), вышедшая вторым браком за своего двоюродного брата Альфонса (или Алонсо) I, короля арагонского. Однако этот брак не привел к политическому объединению Кастилии и Арагона. Между супругами вскоре начались нелады, а попытки Альфонса подчинить Кастилию своей власти натолкнулись на вооруженное сопротивление кастильского дворянства.

Стр. 336. *Властитель наш д'Ортез...* — Виконты д'Ортез действительно были в течение долгого времени правителями Беарна; но вмешательство их в испанские дела и построенный на этом сюжет драмы вымышлены Гюго.

Стр. 345. *Зато возьму себе и Дакс я и Байонну.* — Байонна — город и крепость в Нижних Пиренеях, Дакс — старинный гасконский город; они оспаривались Фердинандом у Франции в числе других пограничных земель.

Стр. 351. *Вальденсы*, или «лионские бедняки» — приверженцы ереси, распространившейся в XII в. в северной Италии и на юге Франции. Вальденсы проповедовали отказ от собственности, бедность и покаяние, выражая протест угнетенных масс, главным образом патриархального крестьянства, против феодального строя. Они жестоко преследовались католической церковью.

— *Мосараб.* — Мосарабами называлось испанское население в завоеванных маврами областях, принявшее арабские законы и цивилизацию, но сохранившее родной язык, обычаи и в большинстве случаев религию.

Стр. 352. *Белиаловский очаг* — адское пекло; Белиал — имя одного из дьяволов.

Стр. 353. *Что начал Доминик, я ныне завершу...* — Доминик (Доминго де Гусман) — кастильский монах, организатор названного по его имени монашеского ордена доминиканцев (1215), основатель инквизиции. Был одним из вдохновителей зверской расправы с еретиками Прованса (так называемого крестового похода против альбигойцев в 1208 г.). Католическая церковь объявила его святым.

Стр. 356. *...догма ложная успела погубить Дидье Ломбардского...* — Дезидерий (французская форма — Дидье) Ломбардский — король лонгобардов (VIII в.), владевший северной Италией; был

арианином, то есть принадлежал к секте, подчеркивавшей человеческое начало в Иисусе Христе; за это будто бы бог его покарал, допустив завоевание его царства франкским королем Карлом Великим.

Стр. 358. *Апостол Павел рек: суровость есть любовь.* — В подготовительных набросках к драме Гюго так описывает знак доминиканского ордена, к которому принадлежал Торквемада: «Руки, соединенные для молитвы, с вырывающимся из них пламенем, и изречение апостола Павла: «Вера сжигает ради милосердия». Конечно, слово «сжигает» имело в соответствующем «послании» Павла переносный смысл.

Стр. 369. *Франциск Паоланский (1416—1507)* — калабрийский монах, основатель нищенствующего ордена «братьев-минимов» (1436), примыкавшего к францисканскому ордену. Согласно преданию, жил в пещере в пустынных местах, отрицал богатство, книжную ученость и в том числе школьное богословие; считался чудотворцем.

Стр. 371. *Как? Папа новый? — Он испанец, как и я.* — Папа Александр VI Борджа был родом испанец. Действие драмы Гюго происходит в 80-х годах XV в., а папа Александр VI вступил на престол только в 1492 г., но Гюго сознательно допустил этот анахронизм, как видно из следующей его заметки: «Существует некое сродство между Борджа и Торквемадой. Отсюда анахронизм в этой драме... В искусстве философия истории важнее, чем история. Факты служат идее. Этим подчинением реального идеальному, составляющим цель искусства, и достигается высшая правда».

Стр. 372. *Гроб повапленный* — то есть выкрашенный. Выражение это на языке проповедников означает: гниль, красиво убранная, приукрашенный снаружи порок.

Стр. 374. *Так древле Константин... лабарум в небесах увидел!* — *Лабарум* (латинское слово) — воинское знамя с изображением креста; согласно церковной легенде, было введено восточноримским императором Константином (273—337), впервые объявившим христианство государственной религией, в память победы над его соперником Максенцием, так как накануне сражения Константин якобы увидел в небе огненный крест, предвещавший ему победу.

Стр. 377. *...высокая позолоченная шапка, расшитая тремя рядами жемчуга.* — Имеется в виду папская тиара — высокий головной убор, окруженный тремя коронами, символизирующими церковную, государственную и судебную власть папы.

Стр. 391. *Дюранса и Адур...* — реки в Южной Франции.

Стр. 392. *Я — бездна! Пусть же в ней потонет алькион!* — *Алькион*, по древнегреческим сказаниям, — птица, выющая гнездо прямо на морских волнах.

Стр. 408. *...Арбуэса старика у алтаря сразила.* — В 1486 г. верховный инквизитор Арагона Арбуэс был убит в Сарагосе, в здании собора, группой заговорщиков, мстивших ему за преследование маранов (евреев, обращенных в христианство, но втайне продолжавших исповедовать иудейскую религию). Инквизиционное следствие по этому делу послужило сигналом к ожесточенным религиозным гонениям во всем королевстве.

Стр. 410. *...Коль Соломоном клялся... Иль знаки странные на ноги ты нанес... Иль мертвеца к стене ты повернул лицом...* — Виновные в подобных поступках действительно подлежали суду инквизиции. В «Критической истории инквизиции в Испании» (изданной на французском языке в 1817—1818 гг.) бежавшего во Францию бывшего секретаря испанской инквизиции Хуана-Антонио Льоренте, служившей Гюго одним из источников при работе над этой драмой, приводится приказ инквизиции, обязывающий всех «добрых христиан» доносить о каждом, «кто, перед тем как зарезать животное, которым он хочет питаться, смотрит, нет ли на лезвии ножа .. зазубрины, проводя им по ногтю пальца» (§ 6); или еще: «Если в смертный час он поворачивает лицо к стене или если его кто-нибудь другой кладет в такое положение раньше, чем он испустит дух» (§ 31) и т. д. Чтобы отправить человека на костер как колдуна, достаточно было словесного обвинения его двумя лицами в одном из подобных поступков.

Стр. 411. *Кемадеро*, дословно «место для сжигания» — площадь, специально оборудованная испанской инквизицией, с кострами и другими орудиями казней и пыток.

Стр. 412. *...наследницей Пелайева меча...* — *Пелайо* — испанский король VIII в., одержавший первую значительную победу над маврами (при Ковадонге) и этим положивший начало Реконкисте.

Стр. 417. *Инфанта Хуана* — дочь Фердинанда и Изабеллы, Хуана Безумная; после смерти матери была объявлена королевой Кастилии, фактически, однако, по причине душевного расстройства, была устранена от правления, которое осталось в руках ее отца Фердинанда.

Стр. 420. *На Боабдила в бой.* — *Боабдиль* (Абу Абдаллах) — эмир Гранады, последнего оплота мавров в Испании, которая после долгой борьбы была завоевана Фердинандом и Изабеллой в 1492 г.

Стр 421 *...мавров очень скоро изгоним* — При капитуляции Гранады в 1492 г. маврам, населявшим эту область, была обещана свобода вероисповедания, однако вскоре это обещание было нарушено, начались преследования мавров инквизицией, а затем они были изгнаны из Испании (1502)

Стр. 422 *Иуды новые, правители Кастильи.* — Вся эта сцена и содержание речи Торквемады к королям воспроизводят соответствующее место из «Критической истории инквизиции в Испании» Льюренте.

СОДЕРЖАНИЕ

Мария Тюдор. <i>Перевод М. Замаховской</i>	5
Анджело, тиран Падуанский. <i>Перевод М. Лозин-</i> <i>ского</i>	89
Рюи Блаз. <i>Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник</i> . . .	163
Торквемада. <i>Перевод Леонида Мартынова</i>	317
Комментарии <i>С. Брахман</i>	441

Оформление художника
С. Пожарского

Редакторы

А. А. Смирнов и М. С. Трескунов

Художественный редактор А. Ермаков

Технич. редактор Г. Каунина

Корректоры:

О. Семенова-Тян-Шанская и Э. Урицкая

*

Сдано в набор 18/IX 1953 г. Подписано
к печати 31/XII 1953 г. А-07263. Бумага
82×103¹/₃₂=29 печ. л.=23,62 усл. печ. л.
уч.-изд. Л-20,27. Тираж 150 000 экз.
Заказ № 872. Цена 12 руб.

*

2-я типография „Печатный Двор“ имени
А. М. Горького Союзполиграфпрома
Главиздата Министерства культуры
СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.